

Графоман № 2(10)-2012

Литературный альманах

Учредители: Челябинский областной центр народного творчества
Челябинское региональное отделение общественной организации
«Российский творческий Союз работников культуры»

Редактор-составитель — Николай Година

СТИХИ

Анатолий Кухтурский — Русалочка.....	5
Александр Поповский — Работа и ещё раз работа	15
Ирина Аникина — Искренность — привилегия счастливых.....	16
Вячеслав Тюнькин — Новые стихи	24
Галина Федорова-Косарева — Простого бабьего счастья ищи	36
Александр Кульпин — Душа бездомная болит	39
Галина Черепанова — Здесь вольница жизни для всех.....	58
Владимир Волков — Новые стихи	60
Любовь Дубкова — Когда не спится, я пишу стихи	64
Вячеслав Саломатин — И летят мои мысли с приветом.....	72
Юрий Александров — Нам снятся травы и дожди	99
Наталья Дерксен — Руками не удержишь время.....	100
Тамара Кадникова — Из ранних тетрадей.....	111
Тамара Симовских — Всё куда-то кануло в России.....	114
Ахмет Нуретдинов — Мир, полный страсти и азарта.....	122
Борис Сазонов — Чувство надежды и светлый покой!.....	127
Вера Белая — Только ты о любви ничего не сказал	134
Татьяна Никитина — В душе так много силы и огня	136
Людмила Чиркова — Четверостишия	139
Надежда Старостина — В некротких размышлениях	140
Татьяна Аверкина — Песнь сложить неизбежную	141

ДРАМАТУРГИЯ. ПРОЗА. ПУБЛИЦИСТИКА.

КУЛЬТУРА

Виктор Ружин	Любить, так без оглядки	7
Галина Лазарева	Правда Ружина.....	14
Виктор Родин	Синие люди.....	19
Валерий Мякушко	Чижик-пыжик и другие истории.....	28
Алла Федосеенкова	Планета невидимок.....	39
Марина Лукашенко	Ботаничка.....	51
Николай Григорьев	Запчасти.....	61
Михаил Рудковский	Немцы.....	62
Инна Александрова	Васькина погода	67
Олег Ник Павлов	Крапивный Семка	73
Виктор Фатеев	Нить бытия или Вокруг себя любимого	80
Нелли Кизилова	Отзыв о повести В. Д. Фатеева «Нить бытия»	84
Михаил Фонов	Любовь к топониму.....	101
Андрей Смолюк	Лестница или сотовый телефон.....	105
Владимир Дырин	«Стихи писать ... больно».....	107
Владимир Седов	О рыбалке в раннем возрасте.....	109
Ким Макаров	Предчувствие	113
Алексей Мешин	Мы пахали	117
Илья Весенин	Прихватка	125
Владимир Иванов	Членистоногое животное.....	131

Дарья Гладковская	Дневник горянки, найденный в одной из пещер Урала экспедицией в 2011 году.....	132
Зухра Абдуллина	От чего меня Бог уберёт	137
Валентина Харько	Родники счастья (из книги)	142
Петр Овинов	Любовь Сергеевна, Жена. Её родословная	143
Павел Хрипко	От Увельки до Сунжи. Казачьи песни в «горячей» точке	152
Александр Сухин	Высший интеллект образованного общества — прорыв в XXI век	170
Владимир Черноземцев и иже с ним	Корабли вышли из берегов, или извлечения из архивов идейного отца репунсизма и его сподвижников (фрагмент).....	175
Новые книги		178

Мы из Трёхгорного

Лев Никола́й — Я слился с природой.....	85
Светлана Богомоллова — От грешных мыслей оттолкнусь.....	86
Евгений Кривонос — Пусть каждый живет как может	88
Юрий Смоленцев — Я бы в свет этот канул	88
Елена Черданцева — Два стихотворения	89
Лидия Маркова — Я вышла подышать на улицу	89
Валентина Китаева — И будет день — угаснет ночь	91
Николай Котлов — И послушаю голос кукушки	93
Галина Енюшкина — Дарите женщинам цветы.....	93
Галина Коханая — Душа в волненьи пребывала.....	95
Светлана Калашникова — Радикальное решение	97

Гостевая

Аркадий Кутилов — Цену вы не знаете герою 130

Опыты

Кристина Анишкевич — Смущенные стоят деревья..... 166

Наташа Андреева — Знакомые места 166

Ираида Затеева — Небо..... 166

Виктория Кошкина — Миф о том, как образовались Каргалы 167

Мария Ларина — Два стихотворения 167

Олег Полянин — И как народ уральский..... 167

Елизавета Попович — Весна пришла 168

Таня Симонова — Весна 168

Елизавета Товтина — Неплюевская весна 168

Кристина Уржумцева — А ещё любовью к людям 169

Анастасия Янгельская — «Люблю тебя, мой край родной...»..... 169

Русалочка

легенда

Живет предание в народе,
Где быль и небыль старины,
Как стебли хмеля в огороде,
Неразделимо сплетены.

* * *

В одном селении богатом
Безродный парень молодой
Служил в работниках когда-то,
Как говорят, за хлеб с водой.

За полдень как-то после зноя
Хозяин кличет батрака:
— Погонишь лошадей в ночное,
Смотри, опали как бока.

Который день жара, как в бане,
К тому ж лютуют овода.
К лесному озеру пристанешь,
Там корм хороший и вода.

— Исполню, — вымолвил парнишка,
Он был на озере не раз,
Где тесно в заводях кубышкой
И звездам ярким в поздний час.

Едва багровый край заката
За дальней рощицей потух,
А уж на берег кочковатый
Притнал табун лихой пастух.

Разжег костер под старой ивой
И, прислонясь спиной к стволу,
Стал наблюдать, как торопливо
Огонь кромсал ночную мглу.

Как ветерок полоску дыма
Над кромкой леса изогнул.
Помалу сон неотвратимо
Его объял, и он уснул.

Когда ж проснулся, первым делом
Пошел взглянуть на лошадей.
Луна над озером висела,
Другая — плавала в воде.

В ней, словно в лодке, восседая,
По водной глади среди цветов
Русалка, дева молодая,
Плыла без весел и шестов.

Кубышки желтые собирая,
Смеялась звонко в тишине.

Глаза парнишка протирает:
— Неужто это не во сне?

Какая милая девчонка,
С ней подружиться бы ему.
Смеется весело и звонко,
Живет здесь, судя по всему.

Вдруг ветер, гладь собрав в гармошку,
Луну в осколки превратил
И через озеро дорожку
По водной ряби запустил.

Русалка взвизгнула счастливо
И бегать по дорожке той
Пустилась тут же шаловливо,
Вздымая дождик золотой.

Но лишь зарница заалела
В холодной утренней тиши,
Русалка сразу присмирела
И удалилась в камыши.

Весь день пастух о юной деве
Вздыхал, разлукою томим.
Куда б ни шел и что ни делал,
Она была незримо с ним.

Дождавшись вечера, в ночное
Табун хозяйский во весь дух
Погнал на озеро лесное
Истосковавшийся пастух.

Он вновь развел огонь поспешно,
Но не остался у костра,
А к тростникам пошел прибрежным,
Где видел девушку вчера.

Но берег был и пуст, и мрачен,
А гладь озерная чиста.
Ушла русалка, не иначе,
В другие тихие места.

Луна тем временем сторожо
За лесом куполом всплыла.
И золотистая дорожка
По водной глади пролегла.

И тут же радостный и звонкий
В вечерней чуткой тишине,
Как колокольчик, смех девчонки
По всей округе зазвенел.

По золотой дорожке зыбкой
Скользила, словно на коньках,
Она, русалочка, с улыбкой,
С цветами желтыми в руках.

Как рыба, пойманная в сети,
Забилось сердце паренька.
Прекрасней девушки на свете
Он не встречал еще пока.

Меж тем русалочка проворно
Ступила радостно на луг.
И то ли впрямь, а то ль притворно
Кубышки выронила вдруг.

Как огоньки вокруг девицы
Они рассыпались в траве.
Глядит на парня баловница,
Глаза смеются в озорстве.

Взирали долго сосны-струны
И звезды в черной пустоте,
Как пастушок с русалкой юной
Кубышки собирали те.

С тех пор, едва прохладный вечер
Погрузит землю в полумрак,
К лесному озеру на встречу
Спешил к русалочке батрак.

Под сенью ивы серебристой
Она ждала его тайком,
Надев из раковин мониста,
Украшив голову венком.

И пусть бытует слух: не может
Любить русалка. В ней, мол, кровь
Всегда холодная. И все же
Пришла к русалочке любовь.

Она и пела, и плясала
На берегу пред пастушком.
А, подустав, перебирала
Густые кудри гребешком.

А он с красавицы счастливой
Не отводил влюбленных глаз.
До зорьки слышались под ивой
И смех, и пение, и пляс.

А между тем минуло лето.
Неслышно осень подошла.

И по округе ярким цветом
Леса с полянами зажгла.

С печальным криком стали птицы
Сбиваться в стайки над водой.
Горели холодно зарницы,
И наползал туман седой.

И вот однажды в час урочный
Не вышел к иве милый друг.
Напрасно девушка в полночной
Тиши ловила каждый звук.

И на второй день, и на третий
Он не пришел на встречу с ней.
— Знать, милый мой другую встретил
В своем кругу среди людей.

Зачем русалка полюбила?
Любить русалке не дано.
И все же было счастье, было.
Не долго длилось лишь оно.

Летело время. Сиротливо
Обняв сырой шершавый ствол,
Стояла девушка под ивой,
А друг желанный все не шел.

Не знало юное созданье,
Что никогда уж не придет
Ее любимый на свиданье:
Ни через день, ни через год.

Горька несчастного судьбина —
Общины сельской приговор,
Безродный круглый сиротина
Зачислен в рекрутский набор.

Как все у парня обернется?
Куда забросит жизнь его?
Едва ли он назад вернется,
А и вернется, что с того.

Шуршал холодный дождь тоскливо,
Кружил прощальный лист с берез,
На берегу под старой ивой
Русалка плакала без слез.

— Приди, — шептали губы тщетно,
Застыл устало в даях взор.
Не потому ли Безответным
Прозвали озеро с тех пор?

Любить, так без оглядки

рассказы

Водокачница

В окружении домов посёлка наперекор солнцу и луне упрямится деревянная водокачка. От воды она почти не просыхает, как не просыхает и от сплетен. Знаменита водокачка тем, что живёт в ней Васильевна. Всё богатство её — это три дочери. У неё во всём была неудержимая сила, если любить, так без оглядки, а если ненавидеть, так наотмашь. И с лёгкого слова Васильевна была прозвана водокачницей. Люди делали важный вид перед ней, чтобы подавить её своим превосходством. А Васильевна, чтобы защитит себя, что она не водокачница, а такая же, как и все, старалась отстоять себя большой любовью. Что она умеет любить лучше их и что её любят тоже.

Во время нашествия людей с коромыслами у водокачки гремят не только вёдра, но и обиды: «К начальникам-то сама бегаёт вода. А нам за ней ноги надрывать приходится». Шумят бабы, завидуя и Васильевне: «Она-то без коромысла свой быт тащит». А водокачка только фыркает и из чрева своего выделяет дар слезы земной.

Обитатели водокачки: хозяйка Васильевна и её дочери — утро встречают хмуро. Их будит лязг рукоятки крана, которую они зовут ширялкой.

— Ну, загремела ширялка, — ворчат они спросонок.

Эта ширялка рано их тревожит, не даёт поспать. Как только она задёргается, так с улицы мат сыплется. Значит, опять заело ширялку.

Дочери спят на полу. Мать спит на кровати властительницей высоты и судеб дочерей и водокачки. В комнатёнку вместились только одна кровать.

Все три дочери Васильевны от разных мужей и всех она любила, но любила невиданной и неслыханной любовью. Такая непонятная влюблённость мужей корёжила и морозом по шкуре проходила. Они, фронтовики, германца в баранку скрутили, а тут какая-то водяная владычица, баба, целовальной муштрой их берёт. Да и чтобы ходили с ней под ручку по посёлку, не спеша, с гордо поднятой головой, и чтобы ещё не по одному разу, и бабам завистливым нос утереть. На работу пошёл — целуй её. С работы пришёл — опять целуй. И чтобы цветочками баловали и поздравляли по всем праздникам. Бабы недолюбливали Васильевну: «Мужики-фронтовики нарасхват, а этой аж три досталось». Мужья её тоже недовольством урчали: «Цветочки! Где всего этого набраться-то? Нет, девка, в твоём строю мы не ходоки. Пиши вольную, терпенье наше напрочь вышибло». И убегали, как из плена вырывались. «Ты посмотри, врагу хребёт перешибли, а эту бабу не перешибить, стоит насмерть своей любовной яростью. Торопится отлюбить за всю войну, да ещё и напоказ их выставляет. Позорит перед всем народом». А Васильевна из кожи лезла, чтобы вояк образовать любовь. Уж больно загубели они, мозолями обросли. И чтобы через любовные манеры свинец из сердца их вынуть. Но обернулась вся её любовная воспитательная затея медвежьей неблагодарностью.

Оставшись одна, с дочерьми, Васильевна, наскучавшись по любви через мучительные долгие испытания, всё-таки завладела молодым любовником Володечкой. Он в два раза моложе Васильевны, но крутого нрава, и за этот нрав его прозвали Воличем. В основном Волич приходил к Васильевне переспать. Днём он на работе, а вечером то с друзьями пирует, то на танцах на девок глаза пялит. Общаться с девчатами у Волича ничего не выходит, так как разговор он ведёт только на матерщине. И уходят от него девчата, уж больно скучно им с ним. А по-другому он не умеет. Вот и сидит на танцплощадке один молча. Насмотрится на девчонок и уходит ночевать к Васильевне на водокачку, глушить в себе боль — тоску по хорошенькой девчонке — в постельном удовольствии с Васильевной.

Дочери Васильевны были в задаче. Все вокруг называют дружка их матери Воличем, а мать его завёт только Володечка. Как же им его звать? Если — папа, то он по возрасту от них не далеко ушёл и будет смешно. Если — Володя, то перешагнут грань дозволенного. И гнев матери на себя накличат, ревности не оберёшься: «А-а-а-а, пашни заводите с ним». Если — дядя Володя, то он может, оскорбившись, и по шее съездить в запальчивости. И решили никак его не называть. А Волич замешательства дочерей даже и не понял, они для него вообще и не существуют. И ведёт он ночь с Васильевной в комнате дикарём на пу-

стынном острове. Девчонки от этой дикости на полу замирают, лежат, не шелохнувшись, затаив дыхание. Слышат стоны матери, стоны, возбуждающие в них тайну другой жизни. Жизни, которую им не терпится разгадать. И эта дикая оргия всё чаще стала заканчиваться между Васильевной и Воличем руганью.

— Подстилка ты такая!

— Ты из меня подстилку не делай, юнец скороспелый. Вымахал-то ты, вымахал, но головкой ты ещё воробушек, и не знаешь, что такое подстилка. Если у меня судьба злая, так это ещё не значит, что я падшая. Нет, не так всё это. Ты из-за моей судьбы меня не видишь. И не увидать, наверное, тебе меня. Да и если бы я сама себя могла увидеть. Слепы мы оба, слепы.

После ругани Волич несколько дней не показывался на водокачке. Оскорбился, что ему утёрли нос и всерьёз не берут. Вечера коротает на танцплощадке.

Девчата посмеиваются над ним: «Бросил водокачку, вышел воздухом подышать, на людей посмотреть». Но Васильевна была вблизи танцплощадки и тайно следила за Воличем. Но Воличу пацанва нашептывает, что Васильевна-то за ним шпионит.

Танцплощадку Волич тогда бросает, уходит в подполье и пьёт с друзьями, чтобы временем Васильевну попытать. А Васильевна всё равно весь посёлок охаживает, ищет Волича, чтобы на него посмотреть. И находит его.

Рассерженный Волич, подпивши, придя на водокачку, бьёт Васильевну.

— Это тебе за то, чтобы не подсматривала за мной. Да удавись ты лучше в своей водокачке.

И хлопнув дверью, опять уходит надолго, не показывая носа. Он считал виновницей Васильевну, что от него девчонки отворачиваются. Но Васильевна опять ищет его по посёлку.

Народ смеётся над Васильевной: «Мужики перед ней по струнке ходили, а этот хахаль, пацан, верх над ней держит».

Дивились люди: «Чем он её взял? Чем, чем, молодостью. Юнец-то слаще. Вояки-то свой порох мужской на войне пожгли, а этот-то свежатенький».

Через какое то время отдохнувший Волич вновь появляется у Васильевны. Молча всю ночь проводит с ней в постели. А Васильевна его ласкает, целует, волосы его перебирает и плачет.

— Кто мне тебя подкинул? Зачем я так маюсь? Сил у меня уж никаких нету.

И вновь Волич стал задыхаться в объятиях Васильевны. И как-то в плохом, очень плохом настроении он сильно побил её. Побил и ушёл навсегда. Стал пить, да опять на танцы ходить и на девчонок смотреть.

Васильевна свою злость на дочерях вымещает. Ругает и укоряет их за свою поломанную жизнь.

— Из-за вас у меня судьба такая. И вас это же ждёт.

Дочерям ругань матери наскучила, им всё очертенело, надоели картошка и каши, и они настроились в бега.

— Легче тюрьму перенести, чем водокачку! — шептались они.

И совсем оставили мать. Убегали, по очереди, по мере взросления, чтобы взять у жизни своего Володечку.

Володечка не выходил из головы Васильевны. Она стала ходить в магазины, чтобы вытеснить память о нём очередями и забыть. Но очереди ещё острее возбуждают память, режут её презренными взглядами. И Васильевна возвращалась в пустую, лютую тишиной водокачку, замыкая свою жизнь одиночеством. Высокая, стройная, с чёрными вьющимися волосами, она с годами устала отдаваться слепой любви и, утомившись, в покое находит утешение: «Что вечной любви не бывает, она лишь медленно сходит в привычку. А остаётся только вечный страх быть без любви».

У Волича не было родителей. Мать ему была сестра, а отцом улица. Дитя воли, он рос необузданным неслухом, он никому не верил, никому не подчинялся, только слушал свои чувства.

Сидит Волич дома скуку горемычной разбавляет, зубами скрипит: «Васильевна его за воробушка держит».

Под вечер вьюга разгулялась. Завыла, засвистела и что-то Воличу нашептала. Выпил он для храбрости, надел новый костюм, новые туфли и отправился к Васильевне.

Шёл Волич и сам с собой разговаривал, присел, чтобы мысли с душой сроднить. Что-то важное ему надо сказать. Что-то он понял, и надо обязательно высказать. От этого чувства

ему стало очень легко, он увидел яркий радостный свет. Этот свет зовёт его в другой мир, где воздушные радужные своды ведут его туда, где всё ясно и понятно, где нет земли, а только парение в невесомой и бескрайней любви.

Утром на следующий день обнаружили сидящего возле водокачки занесённого снегом замёрзшего человека. Это был Волич. Что заставило его пойти к Васильевне? Эту тайну он забрал с собой.

Выпавшие пёрышки

На остановке в автобус бородатый бомж затащил на руках молодую симпатичную безногую женщину-бомжиху и плюхнул её на затоптанный пол. После чего втянул тележку и уселся на неё рядом с инвалидкой. Торчащие культяпки ног женщины режут сердце, вселяя боль и сострадание за выпавшую жизнь. Бомжиха, не обращая ни на кого внимания, быстрыми небольшими ручками ловко поправила свои чёрные кудряшки. Потом, осмотревшись, она (как курочка чистит пёрышки) стала старательно удалять с себя соринки и пыль. Прихорошившись, она кокетливо осмотрела пассажиров, лукаво улыбаясь, озорно крутила головкой. И не смущаясь своих раскинутых культяпок, игриво строила глазки мужчинам.

У неё уже потерянное время, её птица счастья сложила крылышки, но маленькими ручками она хватается за жизнь. Обнажённые культяпки — единственные кормилицы.

Заметив её кокетство, бомж стал ревниво, угрожающе, громко бубнить, не скрывая недовольство. Инвалидка-бомжиха решила спасти положение. Она громко объявила пассажирам.

— Муж это мой! Да, да, муж мой.

Бомж успокоился. Высокий, статный он кормится возле неё. Он в два раза старше своей жены. Держится уверенно, хозяином положения, горделиво и независимо. Бомж не видит в глазах своей жены измученную весёлость, которой она бьёт и бьёт, стараясь забить трагедию. Он только видит в улыбающихся глазах для себя угрозу, потерять её, потерять единственную для себя женщину. А для бомжихи рядом сидящий муж, к голым ступням которого привязаны верёвками развалившиеся туфли, есть последняя надежда в защите, с ним она может улыбаться этому миру.

Подошла к бомжам кондуктор.

— Оплачивайте за проезд, — обратилась она к ним.

Бомж встал, нехотя полез в карман. Роясь в нём, он наконец извлёк горсть монет. Не спеша, отсчитав только на один билет, протянул руку кондуктору. Вручив билет бомжу, кондуктор строго спросила:

— А кто будет платить за женщину?

— Пускай сама платит, раз улыбается.

Кондуктор повернулась к бомжихе. Та, отвернувшись, молчала.

— Женщина, оплачивайте.

В ответ молчание. Кондуктор разразилась:

— Кончайте здесь концерт разыгрывать. Ох, как вы, бомжи, мне надоели, ездите взад-вперёд, а кто за вас платить будет.

Бомжиха тряхнула головой и обратилась к пассажирам.

— Женщины, помогите. Скиньтесь на десять рублей кондуктору за меня. Прошу вас женщины, будьте добры, а.

— Бьёт на жалость, а ведь пенсию за инвалидность получает, — прокричала кондуктор.

Пассажиры отвернули от бомжей взгляды. Кондуктор вновь вцепилась.

— Давай, ты плати за жену, а то сейчас остановлю автобус и высажу вас к чёрту.

Бомж полез в другой карман. Долго там рылся, пытая кондуктора на крепость. В автобусе установилась насторожённая тишина. Стоявшие друг против друга бомж и кондуктор вели поединок, испытывая друг у друга терпение, смотря напряжённо в глаза. Наконец бомж сдался. Вытащил из кармана руку и высыпал горсть монет кондуктору. Та стала считать.

— Не хватает десять копеек, — заявила она. — Давай ещё. Я за тебя платить не собираюсь. Вас здесь много ездит таких. За всех платить — зарплаты не хватит.

Бомж вновь принялся рыться по карманам, и, наконец, извлёк пятьдесят копеек. Сунул кондуктору и пробурчал.

— Сдачи не надо.

И, сев на тележку, приказал жене.

— Давай.

Та стала шарить под курткой на груди и, достав флакон, не стесняясь, отпила свою долю. Остатки протянула мужу. Тот допил, а пустой флакон сунул в карман.

— Ну, вот мы и приехали, — встал он и стал готовиться к выходу.

— Кондуктор, — обратилась бомжиха. — Вы автобус попридержите пока мы вылазим, а то мой муж нервный.

— Бомжи проклятые, — проворчала кондуктор.

Автобус остановился. Бомж взял жену на руки и вынес, посадив на землю. Вернувшись за тележкой в автобус, он крикнул:

— Все бомжи на этой земле, все! — И он с достоинством вышел.

А бомжам не столько дорога жизнь, сколько мгновение, в котором они живут. Это мгновение удерживает их смотреть на людей, смотреть на жизнь. Эта та единственная возможность осталась у них, которая теплит их в этом суровом мире.

Горькая

День получки — день в лихорадке. Мужики горячие, полученные деньги в кармане сердце тревожат. И сговариваются они в группки, чтобы тревогу-стерву осадить да душу взметнуть, чтобы лёгким облаком парила и парила. Но жёны-волчицы, без крыльев, рыщут мужей, дабы успеть вывернуть карманы, да вырвать остатки измятых. А день в разгаре, в нём царит зелёный змий. Завмаги не моргают, знают, когда выпускать джина. Набили на этом руку и кошельки.

На задах посёлка, в зарослях огородов приубожилась компания, и свет исчез, солнцем стала она — сорокаградусная.

— Ну, ладно, поехали.

Грянули стаканы, и все взялось пламенем страстей.

— Ух черт, как её татары пьют? — прокашлялся один из мужиков.

— А вот вотыдак вот и пьем, мучимся да пьем, — протер кулаком губы мордастый Муллаяров, — водка жрать, земля валяться.

— А-а-а, хорошо пошла, светлая, — погладил по животу Рассолов.

Водка развязала языки, и раскрепощенные мужики стали не только вливать, но и выливать из себя навязавшуюся жизнь.

Дожевав закуску, Рассолов пустился в разговорную разминку.

— Моя баба до получки — ластится: «Гудит гудочек, вставай милочек». После получки: «Гудит гудила, вставай мудила». И вот иду я таким разбуженным и с пустым карманом, — продолжал Рассолов. — Смотрю, на шоссе машина с водкой перевернута. Водки море, пей — не хочу. Ну, я, конечно, прилег тут же к луже и стал ее хлебать, как конь. А потом гляжу: — мать твою! — Мужиков налетело, как мух на мёд. Учужали. Мужик завсегда нос по ветру держит. Ну и кто лакает, кто кружкой черпает, кто ладошками. Слышу, кто-то уже песняка затянул, а кто спать направился, не отходя, а кто уже и храпом зашёлся. Чую меня кто-то в бок тычет, смотрю, а это сосед, лежит и ведет со мной разговор. Разговорились мы с ним, а про што, не знаю. Он говорит, а я ему поддакиваю. Общим потрепались. А подняться оба никак не можем. Тут бах мене по башке. Аха! Понял. Значит, семья пришла. Закатили меня на тележку и привезли домой. На другой день просыпаюсь. Башка трещит, спасу нет. Думаю, да чёрт с ней, башкой-то, вот где бы еще найти машину с водкой перевернуту, да душу погреть.

Муллаяров, показывая на кружку пальцем, спрашивает у Клыкова:

— В кружка есть воды?

— Не воды, а вода, — поправил Клыков.

— Ну, дай тогда вода. Вода захотелась после этой пьянка.

— Ну, ё-пэ-рэ-сэ-тэ. Вот татары, всю жизнь живут с русскими, и по-русски говорить не научились.

— А, ты зачем по-нашему не говоришь, а? Я такой татарин, как ты хохол. Башкыр я.

— Ну ладно вам, — вмешался Гуськов, — а то раздеретесь.

— У тебя сын-то где, чё-то не видно?

— На турма сидит.

— Крышу кроет, что ли?

— Зачем крыша, внутри, внутри сидит.

— А-а-а, упрятали, значит, — уточнил Гуськов.

— Да, да, — замотал головой Муллаяров, — Тольку не спрашивай, за што, не скажу, я и сам толкум не знаю. Говорят, ково-то своровал.

— Во сынки пошли! Мой дома ничего делать не хочет, ничего не помагат. Всю получку просадил, пропилил дотла. «Ты чё, — говорю, — делаеш-то». «А чё, — говорит, — нельзя, вам можно, а мне нельзя?» Знал бы, так еще в утробе задавил бы его.

Пропустили очередную порцию взбодрительной. Аппетитно закусили.

— Я не люблю баб с дырявыми чулками, — вступил Дрягин. Я люблю, чтоб женщина была, как цветочек. Как поцеловал, так с ума сошёл, — и он смачно, размашисто поцеловал свои пальцы.

— Ишь, чего захотел, — усмехнулся Дроздов. — Цветочек, ему подавай, а потом и яголки захош. Цветочек тому, кто старше в дому, а ты и полынькой обомнёшься. Будешь тонким и звонким, позвенишь мослами и счастливый станешь.

Разговор разошёлся по группкам.

— Ты зачем на свете живёшь? — ударил вопросом не в бровь, а в глаз обиженный Дрягин, чтоб сразить Дроздова.

— А хрен его знает, вылупился, не спрося родителя, да и тебя тоже. Это у тебя, вся твоя жизнь на тебе, всё на морде написано, — отбил Дроздов.

Клыкков изливал своё горе Муллаярову.

— Вот, ё-пэ-рэ-сэ-тэ. Ох, и баба у меня — кобра. Как пронюхает, что деньги дают, и все — пропал я, за глотку хватает, не даёт покваситься. Но я пил и пить буду!

А тут и впрямь его супруга словно выросла из грядки.

— Ну, ну, всё рассказал, пентюх гороховый.

Она разлила остатки водки по стаканам и, размахнувшись пустой бутылкой, жажнула. Но Клыкков от удара увернулся, и удар пришёлся по широкой физиономии Муллаярова. Тот только успел издать: «кертык», как замертво ткнулся в траву. Ксению от страха ноги понесли, не разбирая дороги. Оказавшись в лесу, она от случившегося потеряла себя.

В голове стучало: «Всё, всё, убила человека». Она подошла к березе, сняла с себя шёлковый платок, скрутила, чтобы на нем повеситься. Но что-то зашуршало. Увидев мышь, Ксения, взвизгнув, пустилась прочь. Опомнилась, когда выскочила на проселочную дорогу. Отдышавшись, она решила идти к родителям в соседнюю деревню. Посмотреть на них в последний раз, проститься, а потом можно и покинуть этот мир.

Мать руками всплеснула, увидев дочь.

— Что случилось? На тебе лица нет!

Ксения не стала посвящать родителей в свое преступление, зачем ещё их убивать.

— Что, опять поссорились? — допытывалась мать. Не ответив, обессиленная Ксения свалилась на кровать. Всю ночь она не сомкнула глаз. Пережила всю свою жизнь заново, все передумала. «Ну что же это за жизнь такая? За что же это нас так пучит? Хмельной грибок власть берёт. Ох, перевёлся рассудительный мужик, скоморошный пошёл».

Утром она решила: «Зачем ещё брать грех на душу, хватит одного, лучше идти домой да обдумать, как быть дальше».

Придя, домой, Ксения мужа не застала. Выйдя на улицу, она увидела соседку, жену убитого. Венера развешивала бельё. Горечью жгло внутри у Ксении: «Еще мужика не схоронила, а уж бельё стирает». Не чувствуя себя, Ксения подошла к ней.

— Ты, Венера, прости меня, я не хотела этого, все получилось случайно.

— А что случилось?

— Ну, что я твоего прибила.

— Так и поделом ему, больше надо было, забулдыге проклятому, ох как надоело мне всё это. Вчера вечером пришёл с синей мордой плачет, «уху-ху, шайтан, шайтан, зачем моя голова ломал». Да штоб он ему совсем сломал. Лежит вон дрыхнет. А я к ногам его цепь привязала и к койке на замок пристегнула.

Ксения, как стояла, так и села.

— Что с тобой? — подошла к ней Венера.

— Да, ничего, Венера, пристала я, — Ксения чуть не задохнулась от радости, ей захотелось кричать: «Ой, какое счастье, как жизнь хороша!» Тяжесть с Ксении слетела, стало легко.

Этот день стал для неё зарубкой, словно ясный лучик прорезал ей взгляд: «Что плохо смотришь, плохо и живёшь».

На второй день произошла передислокация. Мужики расположились на стадионе.

— Что-то нет Муллаяра?

— Видать спужался, что кердык опять будет. Ё-пэ-рэ-сэ-тэ, — заметил Клыкков.

Взбодрившись сорокаградусной, хрумкая огурцами, мужики ударились в лирику.

— На работе как-то гульнули мы с братвой, — пошёл в откровение Шапкин.

— Ну, в общем гужанули крепко. Натрепались, набили на языки мозоли и стали расходиться. Я стал переодеваться, а трусы-то забыл надеть, надел сразу штаны. Прихожу домой, жена вяжет и телевизор смотрит. Ну, я как обычно раздеваюсь это, и тоже сажусь смотреть телевизор. Жена телевизор смотрит, смотрит, а потом как глянула на меня и заорала: «Ты чё, кобель бессовестный, шары залил, и думаешь, что тебе всё можно, обалдел совсем, морда бесстыжая! Где трусы-то оставил? Не подходи сегодня ко мне. На пушечный выстрел не допущу». Я глянул, ёшки-матрёшки и впрямь сию таким аполлоном и без фигового листочка. Э, хэ-хэ, хоть запасные трусы с собой носи. Ну да.

— То-то смотрю, в магазине трусы исчезли, не ты, видать, такой один. Кинулись все, кто тугой на память и разобрали трусы впрок, — заметил кто-то из мужиков.

Крякнули после ещё пропущенной и слово взял Дроздов.

— Это чё, я вот как-то иду мимо гаражей, смотрю, знакомый показался.

О, здорово! Здорово. Выпить хошь? Ну а кто не хочет, говорю. Ну, тогда пошли, говорю, ко мне в гараж. У меня там бочонок самодельного вина дожидается. Ну, пошли, дак пошли. Идём, он мне и говорит: «Только предупреждаю сразу, вино такое, что голова не пьяная, а ноги не идут». Да ну, ерунда, у меня пойдут, говорю. А сам мозгой-то кручу, что за вино такое, не пил я сроду такого, надо бы попробовать. Общим, расселись мы князьями на пиру. Пьём. И правда, голова, как арбуз стала, звенит, всё соображает. Думаю, надо ноги попробовать. Поднимаю свои копыта — поднимаются, о, значит, пить ещё можно. Пьём дальше. Напились, общим, как клопы, стали красные. Переговорили всё, всё перемололи. Ну чё? Кумекаю: домой топать надо. Встал я, делаю шаг, смотрю, идут. Ну, значит, докандыбаю. Ладно, говорю, пошёл я. Дошёл до дому, а надо пулять на третий этаж. Стал взбираться — не могу, ноги как ватные, не слушаются. Вот тут я и вспомнил его, правду говорил мужик. Оробел я, а вдруг совсем без копыт останусь. Сел на лестницу, горюю, ну думаю, конь отскакался. Тоска взяла, жалко ноги, а чё совсем отвяжутся, хана мне тогда, что буду делать? Давай руками помогать, за перила цепляюсь и ползу. Едва доцарапался до своих дверей, стучу. Жена открывает: «О, опять нажрался». Да не пьяный я, говорю. Она смотрит и правда. «А чё ползком-то, ходить разучился что ли?» Разучишься, говорю, что-то в ноги ударило. Жена давай меня затаскивать, заохала, бегаёт по комнате, переполохалась, давай скорую быстрее вызывать. Не гоношись, говорю, отлежусь и пройдёт. Лежу я, а сон-то не вяжется. А чё и впрямь без ног останусь. Жалко ноги, запасных-то нету. Да баба, подливает, говорит, «так тебе, забудьге, и надо, не будешь шляться, где не попадя». Утром встал, и давай быстренько физзарядку излаживать, ноги спасти, чтобы протезами скрипеть не пришлось. Как наш дорогой Леонид Ильич шамкает. Зацеловал и испортил макияж страны, не туда она зачёсываться стала. У него кукушка сдвинулась, прокуковал «экономика должна быть экономной», как махнул волшебной палочкой. И вот она скатерть-самобранка. Только вот маленькая горихвостка надрывается, с ума сходит, кормя больше себя прожорливого кукушонка.

— Да, он баловень судьбы, — поддержал Дрягин. — У него во рту мухи свадьбу играют. Слова жуёт, и ничего не поймёшь. Для него народ, что гармошка Ваньке ухарю, поиграл и бросил. Работаем, работаем, а в стране пусто. Вот и поём подмосковные вечера, утра то нет у нас. Да, покочевряжились баловники над Россией.

— Мы вот час сидим здесь, басни травим, а кобра твоя придёт, башки нам поразбивает, — обратился Гуськов к Клыккову.

— Не бойся, не придёт, ей вчера по макушку хватило. Ну да, ё-пэ-рэ-сэ-тэ.

— Да как сказать, бабы — народ непредвиденной. Чем ей лучше делаешь, тем она хуже становится. Вот как-то, собрались мы погулять бригадой, — начал Гуськов, — и решили махнуть не куда-нибудь, а в оперный, в город, как белые люди. Увез нас туда шахтовый автобус. Ну, общим, смотрим мы лебедей, как мужик девку подкидывает. Вот бы его в шахту уголёк кидать, а то зря сила пропадает. Общим, глаза на танцы-мансы пляю, а у самого душа, как рыба, рот раскрывает, выпить хочет. В перерыве бежим в буфет. Мужики пьют соки, а я — гулять, дак гулять, водочку пью. Общим, нахряпался и вырубился напрочь. Слышу, кто-то меня будит. Очнулся я на лавке, сел, чулунком своим ворочу, смотрю — театр-то пустой,

только какая-то краля передо мной маячит. Соображаю, что делать. Автобус уже ушёл, как до дому добраться — ума не приложу. Краля меня и спрашивает: «А где живёшь-то?» «У чёрта на куличках, — говорю — и ускакать не на чём». Дамочка с сочувствием попалась, и говорит мне: «Ну, ладно, пошли ко мне, что-нибудь придумаем». Пришли мы к ней, попили чайку, честь по чести, потолковали это так, и у меня душа петухом-то и запела. Вот это да, подфартило мне, так подфартило. Эх, думаю, артисточка, шпас мы с тобой взбрызнем страстями, что сам создатель с толку спибиётся. А смотрю, она мне постель то, на полу стелет, а сама, ложится на кровать. Нет, думаю, краля, так дело не пойдёт. И заскакиваю я к ней на кровать. А она как вскочит: «Не трогай меня». И с кровати долой. Я крутанулся и к себе на пол. Лежу, думаю, может она себе цену набивает. Они, артисты, шалавы те ещё, знаю я их. Делаю попытку ещё раз. Она опять спрыгнула с кровати, подбежала к окну, открыла его и кричит: «Если ты ко мне шпас подойдёшь, я выброшусь из окна». А этаж-то пятый. Общим, трухнул я, лёг обратно. Пролежал всю ночь с открытыми шарами. Какой тут сон. Врагу своему такого не пожелаю. А утром я её спрашиваю: «Ты кем в театре то работаешь?» «Уборщицей», — говорит. Ах, ты, кукла! А чё артистку из себя корчишь. Ничё, ты мне кордаболет устроила. Знал бы так лучше бы, на лавке провалялся. А она мне: «А ты, — говорит, — тоже не ангелочек, и не царевич с тридевятого царства. Ты, — говорит, — вот что. Переспал? Переспал! И давай дуй к своему дому». Какой, говорю, переспал, да у меня от натуги чуть зенки не повызлезли! Всю ночь томился, что огурец в рассоле! А она мне — и за это скажи спасибо. Спасибо, говорю, за твой уют, за твою горячую ласку. Обласкала ты меня, до гроба не забуду.

Но да, общим, делать нечего, пришлось рулить к родимому гнезду. Вышел я это, из подъезда, обернулся на дом поглядеть, вижу она мне из окна кепку мою бросает. Поймал я, а в ней записка воткнута. Читаю: «Ты не огурчик, вообще-то, ты нахал пересолённый». Общим, сквознячком прошелестел я по городскому ландшафту. Вот такая инфузория прокрутилась.

— Да, ё-пэ-рэ-сэ-тэ, — вздохнул Клыков и вспомнил свою историю.

— А мы как-то сидим с дружкой, выпиваем, подсаживается к нам это, такой деловой. «Давайте, — говорит, — допивайте и мне не забудьте, плесните, да я вас шчас резать буду». И вытаскивает нож. Ты чё, сбрендил? Мы чё тебе плохого сделали? «А не чё. Вы, — говорит, — шчас мне для дела сгодитесь. Я вас шчас порешу, и меня, смотришь, определяют к месту в зоне. А то я тут замаялся без места на воле. В зоне то я хоть жить буду. Крыша над головой будет, кровать своя, во время уложат, во время поднимут, накормят. Да ещё там меня охранять будут от этой вашей паскудной жизни. В вашей то жизни я ломом к стене пришитый, что пришипленная бабочка. Да и всё равно, нет у моей скрипки струн. Так, что, ребяташки, будьте добры, приготовится, моя дорожка прямая в зону, и вы мне милые поможете». Мы ему толкуем. За нас тебе мало дадут. Мы ничё не стоим. Ты иди, убей депутата или банкира, вот там у тебя будет жирный улов, и получишь ты за них койку уверенную и надолго.

Смотрим, мужик не уговаривается, серьёзно нацелился на нас, хоть ты лопни. Мы тогда, ноги в руки, и хода от него. Эхоно, «друг» выискался, втемяшил себе койку добыть. Ну, добывай. А мы-то тут при чём?

— Здорова, братцы! Пыль земная. Пылите? — явился тут Минька Блинов.

— Здорово, коль не врешь. Пылим, пылим, садись и ты с нами, запылишь под облака!

— А че, и сяду, пылить, так пылить. Ну, только вы не думайте, что у меня денег нету.

Е-есть у меня деньги.

Присел Минька, распечатал свою бутылку, и полилась горькая, оживляя посиделки.

— Как жизнь-то? — спросил его кто-то.

— Как живу!? Да как графин, и каждый норовит ухватить, да всё за горло, за горло.

— Эх, косим, косим, литовки бросим.

Коньки оденем и забубеним. — сделал разминку Минька.

— А, пропадать, дак пропадать! С песнями! Поехали! — И он опрокинул стакан.

Дослушал Минька очередную байку и сорвался оглушить публику своей незаживающей раной. Кровью и потом дался ему этот багаж сволочи-жизни.

— Бабу ласкай, а глаз с неё не спускай. Однажды, я как будто на работу пошел, а сам по магазинам стал шастать. А потом залетаю, это, домой и сразу в кладовку — нету, под кровать заглянул — нету, в шифоньере изрыл — нету. Ну, скользкий гад, как сквозь землю провалился. А она лахудра, села, это, и за мной смотрит, а потом так это меня и умыла: «Ты

еще в унитазах поройся, может, там спрятался». Вот лярва! А я ей с плеча рубанул, застукаю, вас обоих убью.

Выбил Миньку из равновесия сосед-ловелас. Извёлся он в ревности, хоть под конвой жену бери.

Осушив стаканы, братва перебросилась ядреными анекдотами, и Минька засобирались.

— Ну, ладно, пошёл я, а то тут с вами пупок развяжется.

— Давай, давай, прощевай, да держи хвост пистолетом! Глаз наостри. Не проморгай соседа. Паси его! Ё-пэ-рэ-сэ-тэ! — посоветовал Клыкков.

Опрокинув очередную, мужики расчувствовались.

— Эх, живёшь — колотишься!

В любви — торопишься!

Ешь — давишься!

Ну, разве здесь поправишься!

— Обижаюсь я на свою бабу, не ревнует она меня, — выложил стишок и откровение Рассолов.

Дрягин ушёл в свои мысли. «Как поймать жисть — жар-птицу? Только ухватишь её вроде за хвост, держишь, держишь, а как кукарекнешь, то в руках-то одни только перья. Эх, жисть-жистянка, водкой — лечимся, водкой и калечимся».

— Ну ладно, братва, хватит, пора по своим норам. — пробурчал кто-то.

Не заметили мужики, как упала ночь. Расползлась прохладой, залезла за шиворот и побежала по жилкам, опуская мужицкие пудовые веки. Ночь сковала темнотой пространство, и братва на ощупь побрела по домам, молча, опираясь на своё чутьё. И каждый шёл господином своей души. Князем своей жизни. И слугой своих неумных желаний.

г. Копейск

Галина Газарева

Правда Ружина

Книга Виктора Марковича Ружина небольшая, в ней нет даже ста страниц, но по тяжести мысли она перевесит иной многотомник. Непостижимая штука — человеческая мысль. Кого-то возносит под купол мироздания, кого-то опускает в бездну. Мысль может подарить человеку рай (Они летели душами, чтобы в празднике этом вновь родиться. Лица их горели жаждой нового. Рассказ «Женихи») и низвергнуть в ад (езде одни мифы и притворство... Наплодили пожирателя и сожрет он Россию... Рассказ «Последняя воля»). Кажется, что может быть ужаснее?

Безмыслие страшнее ада. А точнее: пустота безмыслия, что превращает людей в живых мертвецов. (Вот мы с тобой, Петька, вроде как торчим на земле, и вроде как нас нету... Внатугу для природы наше содержание...) Рассказ «Женихи») От пустоты донимает тоска. Тоску можно излечить любовью и работой.

Ни с чем возвращаются незадачливые женихи, чье скромное желание было притутиться хоть к каким-нибудь бабенкам. (Друг на друга не смотрели. «Старый ханыга, сманил меня, ни за что ни про что морду набили», — корил деда Петька. «Зачем я его потащил? Пуцдай бы дома сидел да мух бил», — ворчал Акунькин). Вот такая любовь.

Что касается работы, последняя перепись гласит: в России 6,3 млн мужчин не работают. А если к ним еще присовокупить тех, для кого работа осознанная необходимость? Какой же сумрак в душах наших соотечественников. И это мастерски-правдиво показано писателем.

Даже его юмор не уводит от темы.

В его рассказе «Гусь» из трех мальчишек, нанявшихся за харчи поработать в колхозе, добросовестно отработывает свою кашу только один Степка. Двое других предпочитают лежать на травке и любоваться облаками. И как в награду за честность к Степке приходит озарение, понимание «вымученной радости взрослой жизни».

Не такое ли вымученное благополучие пассажиров автобуса уловил бомж из рассказа «Выпавшие перышки», крикнув им, уходя: «Все бомжи на этой земле». Что он имел в виду?

Неприкаянность? Незащищенность? Уверенность, что любой может оказаться на его месте?

А может, он увидел муку на их жестких лицах, старавшихся сделать вид, что не замечают неприглядную пару? Счастливые люди не боятся быть добрыми. Или такие понятия, как чуткость, честь, останутся только в старинных словарях. Или даже больше, честность станет наказуема, как в рассказе «Козел отпущения». «Стоеросовая ты башка... разве можно быть таким? Ты же и будешь виноват, балда. Ха-ха...».

Я бы рекомендовала эту книгу для прочтения всем высокопоставленным чиновникам, Чтобы помнили: бесчестие начинается с Вас, господа! Комфортно быть чистым и правильным, когда окружение такое же. Много ли найдется героев и праведников, способных противостоять грязи, ниспадающей сверху, и когда перед глазами маячит обратный пример.

«Да сыну Хренова Глебушке никак не удавалось глаза прорезать. А вот когда хорошо потрясло, муть-то с глаз упала, тут-то он и увидел: забавляют народ дурманом пьяным да опиумом лжи глаза застилают. Наверху хороводят, шкодничают, народ щекочут... Что народу остается делать?» Рассказ «Тропа в никуда».

Кто-то гибнет, как Михеич из рассказа «Последняя воля», размышляя перед казнью: «Не жалко мне этот мир. В нем нет силы изумления, нет силы любви. Я убил не людей, а существ».

И нет для убийцы с чистой детской душой другого Бога, кроме его собственного Бога справедливости.

Иные приспособляются, как бухгалтерша Бардакова из рассказа «Свет в серебряной ложке». И, как показывает жизнь и видно из рассказа, это далеко не лучшие представители людского сообщества. «Она не то что с коварными намерениями, а просто мягко стелет, но жестко хватает. Знает где слезу пустить, где зубами цокнуть».

Есть еще выход — спастись...

«...Зачем кровь студить да сердце зlobить? ...Спастись надо... Спасть семью и душу...

Сметливый мужик Ефим знал, что спастись надо не только глубиной норы, но и ширию земли... Такая правда — хребет России».

Велика сила народной мудрости. И певец низов, пронизательный прозаик Виктор Ружин как мне показалось, на последней странице, поет гимн ей, мудрости народной, если бы не заключительные строки.

«Чтобы не быть насмерть защекоченным, народ обороняется громким хохотом... В хороводе народ перед выбором. И выбрал он: лучше смех сквозь слезы, чем смешная смерть».

И в этой пляске бесовской проходили все дороги, осталась только шутовская тропа в никуда». Именно так называется книга без сомнения талантливого писателя Виктора Ружина «Тропа в никуда», обзор которой я представила вниманию читателей.

г. Челябинск

Александр Поповский Работа и ещё раз работа

***

От пункта «Б» дошли до крайней точки,
Где изменить маршрут уже нельзя.
Выказываем радость по цепочке,
Что нам досталась общая стезя.

Пытались то и дело огоршить
Проблемами. И лиц меняя вид,
Краснели щеки от тяжёлой ноши,
Нас погружая в коллективный стыд.

Боготворим одни и те же стены.
Подумать только — двадцать первый год
Мы учимся с успехом переменным
Вдвоём предохраняться от невзгод.

***

Пишу и надеюсь, что кто-то
Случайно возьмёт и прочтёт.
Работа, ещё раз работа,
А всё остальное — не в счёт.

Строчим наполеоновские планы
На день, на два, на три. Из добрых чувств
Никто не предлагал небесной манны
Хотя бы раз попробовать на вкус.

Мне что понедельник, что вторник —
Не чувствую разницы. Я
По собственной воле затворник —
Худрук своего бытия.

Чуть-чуть — и ослепну в каморке,
Немного — и сдвину с ума.
Читаю от корки до корки
Своих сочинений тома.

Напуганный жизнью редактор
Стихи удалит, будто спам.
Опять человеческий фактор
Ударит меня по рукам.

* * *

У стола от конфет и печенья —
Перегруз. Благо, есть подоконник.
Скрип дверей, будто вздох облегченья —
Слышу, значит ещё не покойник.

Хорохорюсь, что, в общем, недурно.
По чуть-чуть возвращаются силы.

И родные при выходе урнам
Шлют поклоны, снимая бахилы.
* * *

Я — гений! Конечно, я гений! —
Питают меня сплошь надежды.
Пугаюсь своих откровений,
Как кошек облезлых в подьезде.

О, господи, если услышат
Мои рассужденья коллеги?
Решат, что свалился с телеги
И тихо поехала крыша.

Вослед будут дружно хихикать,
С сарказмом нести ахинею.
И музы от нервного тика
Меня защитить не сумеют.

п. Первомайский

Ирина Анкина

Искренность — привилегия счастливых

*

Осень.
Кажется, все замерло
В бесконечной тишине
И покое.
Только падающий
Желтый лист
Утверждает
Обратное.

*

Закончилось лето.
Расстояния размотали
Свой клубок.
Наши сердца,
Как осенние листья,
Покоряют пространство
Любовью.

*

Тишину
Оставили следы
Твоих ног,
Ушедших от порога,
Намотав в клубок свои мечты.
Комом в горло — расстояния и тревога.

*

За окном холодно.
В квартире холодно.
Осень.
Аромат растекается по всему телу
...кофе с коньяком.

*

Вчера.
Еще вчера поцелуй был
Долог, радостен и сладок.
Сегодня
Холодная постель.
Завтра
Лучше, чем вчера...

*

Крыши домов
Напоминают
Водопады.
Небо исхудилось.
Только лужи красовались
Яркостью красок
Осенних листьев.
Сентябрь.

*

Между нами
Километры,
Стены
И даже осень.
Холодно.
Только два любящих сердца
Всегда вместе.

*

Тиканье часов
Разрывает тишину,
Оглушая своим надменным звуком.

С тобой
Я слышу
Только стук
Наших сердец.

*

Ты — это ты,
Я — это я.
Как хорошо
Ощущать тепло твоих рук
И любовь твоих глаз.

Открытые ладони
Наших душ
Соединились.

*

Дорога свободна
К моему сердцу.
Врата открыли свой засов.
Ты идешь на ощупь
При лунном свете,
Наступая на мою
Душу.

*

Уже месяц льет дождь.
Плачет небо.
Захлебывается земля.
Разноцветные зонты
Ликут.

*

Чистое постельное белье
Ласкает тело.
Запах тебя
Храню в сердце.

*

Единственный мужчина —
Это тот, кому
Открыта дверь в
Твое сердце, или
Тот, у кого есть
Ключи от него.

*

Сегодня не сказал...
А завтра может быть
Говорить уже будет
Некому.
Жаль, что вчера
Не сказал...

*

Когда стучишься в дверь,
А тебе не открывают...

Возможно — это чужая дверь.
Когда стучишься в дверь
И тебя не пускают —
Возможно — это чужая дверь...
Оглянись.
Возможно, есть открытая дверь —
Где тебя давно уже
Ждут.
Но если твоя душа
Стучится в ту же дверь несмотря ни на что...
Оглянись...
Возможно,
Она открывается в другую сторону...
И кто-то ее уже давно пытается открыть...

*

Человек стремится
Завоевать весь мир.
Человек стремится
Иметь все деньги.
Человек стремится
Обладать всеми богатствами...
И лишь обретя все это,
Он ощутит пустоту
В сердце.

*

Искренность — привилегия
Счастливых.
Сегодня мы
Счастливы.

*

Нищему помочь невозможно...
Он как сосуд
Без дна.

*

Дорога к себе
Проста.
Нужно только
Идти
По своей
Дороге.

*

Как отличить
Свою дорогу от чужой...
...Своя ноша не тянет.

*

Душа
Вместе с небом
Плачет.
«Нам»
Одиноко
Без тебя.

*

Когда не хватает слов —
 Катятся слезы.
 Когда не хватает слез —
 Вырывается последний выдох.
 Когда последний выдох бессилен,
 Ты в той точке,
 Что все начинается с нуля.

*

Тепло твоих ладоней
 На моих волосах,
 Ароматный поцелуй
 Мягких губ,
 Нежность объятий,
 Любящий взгляд,
 Открытое сердце...
 ...Женское счастье.

*

На пороге
 ... отпускаю с открытым сердцем.
 ...оставляю с открытым сердцем.
 Две слезы сожми в ладони.
 Люблю.
 ...Передай привет
 Нашим дельфинам.

*

Осень.
 Листья красиво умирают.
 Сколько отпущено нам?
 Счастлива каждому мигу с тобой.

*

Мои губы пахли виноградным вином...
 ...каждый глоток — встреча —
 Поцелуй.

*

Ты ушел в осеннюю изморозь.
 Я дорогу выстелила любовью.
 Открытые сердца
 Безграничны.

*

Дом —
 Это я вместе с тобой.
 Дом —
 Это ты вместе со мной.
 Дом —
 Это мы.
 ...А стены, диваны,
 Обои —
 Это только дополнение.

*

Бывает...
 Построил дом,
 А жить некому...
 Мы — отсутствует.
 ...Есть каждый по отдельности.

*

Единственный...
 Чаша полна
 Твоей любовью.
 Зачем мне
 Любовь других?
 Добавлю каплю
 Других,
 Потеряю всю чашу
 Тебя.
 Зачем мне
 Любовь других?
 Твоей любви
 Много НЕ бывает.

*

Каждый ребенок
 Является заложником
 Судьбы родителей.
 Но эту судьбу
 Он выбирает сам.

*

Голос из трубки телефона
 На мгновение соединяет
 В одной точке
 Расстояния в сотни
 Километров и
 Границы двух
 Государств.
 ...Вместе с гудком
 На обоих
 Обрушивается
 Тоска...

*

Сердце болит
 В прямом и переносном смысле...
 Слезы залили подушку
 И сердце...
 Жду тебя.

*

Любовь...
 Любовь, как одеяло...
 Его размера достаточно, чтобы
 Поместить под своим покровом двоих,
 Где им тепло, комфортно и уютно.
 На троих оно не делится...
 Кто-то остается обделенным.

Без тебя

На улице дождь, холод и слякоть... Все еще лето... но вся природа подстать тебе — мучающейся в своих слезах, истериках и мурашках...

Телефон молчит удушающей тишиной.

Осколки разорванного сердца затерялись в пространстве...

Новый день... день работы, забот и каждодневных дел... Дел, которых не видишь, не замечаешь, которые просто идут... Куда и зачем, ты не можешь даже ответить... но куда-то же они должны идти... потому что ты так делала миллионы дней до... и сегодня...

Ты просыпаешься, просто потому что это нужно сделать...

Ты ешь, потому что все едят...

Ты идешь, потому что нужно куда-то идти...

Ты придумываешь себе дела, что бы заполнить себя чем-то...

Телефон молчит удушающей тишиной... но даже если бы он зазвенел, высвечивая твоё имя... зазвенел... он не смог бы собрать осколки твоего разорванного сердца... которое так безнадежно затерялось в пространстве...

Ты далеко... настолько далеко, что никакие уговоры, аутотренинги, алкоголь, изнуряющая работа не могут справиться с силой твоего отсутствия... Вырвана часть души, часть тела, часть... родная часть... без которой ты, кажется и живешь, но тебя нет... есть только то пространство, соединяющее тебя еще существующую с тем оставшимся фантомом...

Тело бьется дрожью... слезы не поддаются уговорам и текут нескончаемым потоком... Боль... Сердечная боль... которого уже нет... есть только пустое окровавленное пространство...

г. Белорецк

Виктор Родн

Синие люди

Фантасмагория

На свете есть множество людей, которые не могут спать на новом месте. Николай С., рабочий метизного завода, один из них. Саду уже скоро год, а он так и не научился засыпать в нем. И в эту ночь Николай тоже долго не мог уснуть. Вставал, курил, пил воду, сидел у окна. Когда, наконец, сон сжалился над ним, и Николай задремал, его начали донимать видения. Да такие, что Глафира Д. жена его, то и дело просыпалась от вскриков. Уже на рассвете Николаю приснилось, что его в голову укусила ядовитая змея. Боль была настолько сильна, что Николай забился и, отплевываясь от брезгливости, проснулся. Баюкая колотившееся сердце, он чертыхнулся, потер укушенное место и неласково поглядел на исходящую храпом жену. Пожарница! Его тут жизни чуть не лишили, а она дрыхнет, как ни не в чем не бывало. Ох уж эти женщины! О себе только думают.

Николай весьма ощутимо ткнул ее в мягкий бок, но даже после этой экзекуции Глафира Д. продолжала спать. Тогда он спустил ноги на половик, чтобы выйти из железнодорожного вагончика, который служил им загородной дачей: хотелось по маленькому. Не найдя тапочек, Николай С. матюкнулся и заспешил к выходу босиком. Он прошел окно, в котором через щель неплотно задернутых занавесок виднелся кусок неба, неубранный стол с остатками трапезы и пластиковой бутылкой из-под пива, и открыл засов. На просторе Николай С. зевнул и огляделся. Утро вступало в свои права. День обещал быть снова прохладным. Только что прошел дождь, и все вокруг было мокрым. Дорожки, крыши соседних коттеджей, кусты смородины и малины...

Николай С. проделал привычную процедуру, вернулся в теплую комнату, и пристроился было на прежнее место, когда понял, что спать ему больше не хочется. «Ай-ай-ай, подумал он. Напахался вчера до чертиков, а гляди ты... Сна ни в одном глазу. Видать выпался за жизнь. Интересно, который теперь час?» Он привстал на локте и вгляделся на деловито, тикающий на столе будильник. Рановато, но пора вставать: дел за гланды. А Глафира пусть поспит еще: вчера на горло жаловалась, не дай бог заболит...

Стоило Николаю С. освободить место, как Глафира Д. пробормотала что-то и развалилась одна на кровати. Осторожно пробираясь по скрипучим половицам, как сапер по мин-

ному полю, Николай С. пересек маленький коридорчик и стал открывать дверь в соседнюю комнату. Хотелось разобраться с насосом, почему он отказался работать вчера.

Его желанию не суждено было сбыться. Едва Николай приоткрыл дверь, как он забыл про насос и застыл на пороге, как вкопанный. Увиденное было отвратным. Комната освещена неестественным кладбищенским светом, и в ней плавали синие люди. Голые, с закрытыми глазами и вытянутыми вперед руками. Было их человек десять, как успел разглядеть Николай С. Существа были преимущественно мужского пола. Но мелькали и женского. Хотя глаза у них не видели, было ясно, что они каким-то образом чувствуют присутствие постороннего, потому что ближайшая из существ — чистая ведьма с распущенными волосами — сделала жест, который можно было расценить, как попытку схватить Николая за горло. Но ударилась о что-то невидимое, твердое и отказался от своего намерения. Николая выдуло обратно в спальню, где он, словно раб, упрощающий о чем-то свою госпожу, пал рядом с кроватью. Жена, непомерной полноты женщина с провисшей шеей и могучими руками, заворочалась на своем ложе.

— Ты чего? — сонно осведомилась она. — Соскочил не свет, ни заря... Дай усталой женщине отдых. Ну чего ты?

— Мать! — лихорадочно теребил тестообразное плечо своей верной подруги жизни мокрый как мышь Николай С. — Там это... бесы... В соседней комнате. Настоящие. Страшные-престрашные. Встань, полюбуйся. Что делать будем?

— Какие бесы? — раскрыла наконец глаза жена. — Галюки, что ль, кажутся? Коньяка, небось, с утра уже вонзил? Я тебе, если бутылка пуста, знаешь, что сделаю...

— Нужен мне твой коньяк! Ты лучше синюшных иди, глянть.

Лишь убедившись, что бутылка как стояла в буфете, так и стоит, Глафира Д. задумалась над словами мужа. Николай отличался необузданной фантазией и верил во всякую чепуху. Во всемирное правительство, в космических захватчиков, во всевозможные заговоры, в бесов, в чертей. Глафиру не раз собиралась сводить его к психиатру, однако Николай упорно сопротивлялся. И вот сейчас снова бесы. Он ведь пьянчужка. Вчера после работы надулся, как клоп, пенного напитка вот и чудится всякая бяка. Но делать было нечего. Он не отвяжется пока не помотришь. Глафира Д. как была в сорочке, простоволосая и нечесаная, отправилась смотреть. Она не была отчаянно смелой. Скорее трусоватой, как все женщины. Просто она знала, что бесов не существует. Повторяя: «Я тебе, если соврал...», Глафира толкнула дверь. Даже для проснувшегося Николая. увиденное было диким, а для ее, сонной, и подавно. Издав такой вопль, что стекла задребезжали, а Николай оглох, Глафира с треском захлопнула дверь.

Неизвестно каким образом супруги вновь оказались в спальне.

— Мамочка родная, кто это, что это? — как автомат, повторяла Глафира Д. При ретираде она сбила мужа с ног. — Неужто на самом деле бесы? Но их не существует! Оказались они у нас как?

Насмерть перепутанная она путала слова в предложении.

— А я почему знаю! — плаксиво отвечал Николай, потирая бок. — Ну и корма у тебя, солнышко... Говорил тебе, чтоб не покупала этот сад, так нет! Разве ты слушаешь... Никогда не лежала к нему душа.

Хотя Глафира и была раздавлена увиденным, но она умела трезво мыслить и потому жаждала с кем-нибудь поделиться увиденным. С правлением сада, стукнула ей в голову. Пусть разбираются. Особо не блещущий умом Николай С. согласился с ней и они, быстро набросив на себя первое попавшееся, брызнули на улицу.

За калиткой ограды они грянули было в разных направлениях, но спохватились и дальше уже бежали согласовано. В пылу случившегося чета не подумала, что бежать никуда не надо. Проще было набрать номер сотового и проблема была бы решена. Ну не догадались они, не вспомнили. С кем не бывает? Да и рано еще было. Правление с десяти начинало работать.

Они пробежали уже метров тридцать — сад был такой большой, что поражал воображение — когда позади послышалось бибиканье. Там следовал закрытый военный джип. Уступили супруги ему дорогу. Обогнал их ГАЗик и тут голова на заднем сидении, тоже военная, высовывается в окошко:

— Значит, «чтобы тело и душа были молоды, были молоды?». — добродушно глядя на задыхающихся Николая и Глашу, пропела голова. — Физкультпривет, пенсионеры! Что-то для ранней пробежки вы неподходяще экипированы... Или ничего?

— Тебе, сынок... хорошо подсмеиваться... Взял бы да подвез... — в три приема выдохнула Глафира.

— А я о чем? — вскричала голова. — Такие нагрузки! Довольно пятки бить, садитесь, давайте. Домчим куда надо. Кстати, не случилось у вас чего-нибудь этакое? Чертовщины какой-нибудь? Видок у вас подходящий для этого...

И дверцу на ходу раскрывает, технику безопасности игнорирует. Возрадовались супруги: что не говори, а есть все-таки на свете добрые люди! С удовольствием переместились на кожаные сидения, когда джип остановился и, отдуваясь, произнесли куда им требуется.

— В правлении, так в правление, — не стала спорить военная голова, а вернее, старший лейтенант. — Правда, сержант? (это он водителю, мальчишке лет восемнадцати) Только, что вы забыли с утра в этом учреждении? Тайна, да?

Нервно икая — как на грех привязалось — Николай поведал про синих людей. Думал, кто, как не военные придут им на помощь. Они плоть от плоти же народной, эти военно-обязанные. Знал бы, что выйдет из его доверчивости. При первых словах о синеньких, ст. лейтенант издал странный звук, похожий на тот, что издают в Средней Азии погонщики ослов, и выдернул из-под сидения «уоки-токи». Видя такое дело, мальчишка с силой нажал на тормоза.

— Си-иненькие, говорите? — прошепелявил военный. Он ударился носом о сидящую впереди Глафиру и теперь массировал его. — Где? Какой ваш дом?»

Николай С. в ужасе показал. Автомобиль развернулся и нацелился обратно. Машина уже стояла возле домика супругов, когда воин принялся шептать в переговорное устройство, что он...

— ...вышел в цвет. Как и предполагалось, прорыв в секторе Эф. Что? Сами соблаговолите, товарищ полковник? Будем только рады.

Засим старший лейтенант поработал переключателем и приказал невидимому Дим-Димычу, послать людей в названный квадрат:

— Эксцессы возможны, дружище. Так что, будь ласков. САМ уже направляется к нам, представляешь? Интересно ему... И ты тоже приезжай, посмотришь. Как? Давай-давай, я приказываю. Все.

Едва он успел выключить аппарат, как тот запищал снова. Военный привычно поднес его к уху.

— Старший лейтенант Агеев слушает. Специалиста по паранормальным явлениям? Антонина Арсентьевна еще в пути, товарищ полковник.

— Извиняюсь, можно спросить? Мы долго еще стоять будем? — льстиво обратился к нему Николай. — Поедемте, а?

Голова у него шла кругом, он ничего не понимал. Зато крепла уверенность, что они напрасно поддались на уговоры нежданного-негаданного добряка. Похоже, они угодили в какую-то нехорошую историю, связанную с «синенькими». И ругал свой язык болтливый. Загремяшь еще под фанфары, страшился Николай С., как говаривал герой давнего фильма.

Агеев как-то нехорошо улыбнулся и произнес, прикрывая микрофон устройства, что он никуда не поедет. Нашел, что искал.

Занятно, но Николай С. ожидал именно этих слов.

— Да? Тогда спасибо за помощь. Дальше мы уж сами... по холодку, — Николай С. стал выбрался наружу. — Ехали, мы ехали... Выходи, любимая.

— Сидеть! — грубо приказал ему офицер. — Я тебе! Это не вам, — поспешно ухнул он в трубку. — Как она явится, непременно оповещу вас. Даже связь выключать не буду.

Угроза наказания возымела действие. Глафира Д. как сидела, так и осталась сидеть, что касается Николаю С. ему тоже ничего не оставалось, как подчиниться и снова откинуться на кожаные подушки. Он исходил негодованием. Тоже мне защитнички, кипел он, что за времена настали... Я тебя как примерный налогоплательщик кормлю, пою, а ты меня пугаешь? Эх ты, фашист!

Пяти минут не прошло, как из-за зелени коттеджей вынырнул и замер подле них таковой же механический агрегат. Из него выбрался, какой-то штатский в шляпе. Что это настоящий штатский, было за версту видно. Военного в гражданском костюме отличишь сразу. Штатский, толстощекий, со сросшимися густыми бровями, перекинувшись несколькими словами со старшим лейтенантом, попросил Николая и Глафиру повторить рассказ как можно подробнее, чему и как они были свидетелями.

— Понятно, — протянул он и, адресуясь к старшему лейтенанту, стоило супругам замолчать: — Все понятно. Судя по всему, в нашей ситуации спецсредств не понадобится. Антонина Арсентьевна сама справится. Ни такие орешки разгрызала. Сержант, передай в штаб, что я начинаю действовать.

И, обернувшись к машине, громко позвал:

— Господин специалист по паранормальным явлениям, хорош спать, выходите!

— Да-да, — подхватил его собеседник. — Варфоломей Петрович в вас потребность имеет.

Дверь автомобиля, как пасть фантастического животного, распахнулась и из нее высунулась черная нога. Нащупав на земле опору, нога выудила изнутри очень высокую старуху в толстых зимних чулках и в своеобразном одеянии, кое не носят уже лет сто. Старухе было примерно столько же. У нее был крючковатый нос, тонкие губы и выступающий подбородок. Она напоминала Вольтера работы Гудона. Водители обеих машин тотчас заплясали вокруг нее, отряхивая плюшевый жакет и одергивая юбку.

— Благодарю, — басом ответствовала каланча, немного смущенно. — Я, правда, немного соснула... Но все слышала, — предупредила она, видя что Агеев открывает рот, чтобы поставить ее в известность о том, что тут происходит. — Уж что-то, а слух у меня еще дай бог каждому.

— Я не о том, — сказал тот. — с вами товарищ полковник побеседовать хочет...

— А, давай, давай.

Антонина Арсентьевна выслушала переговорное устройство, прожужжала: «Ладно, ладно, не впервой замужем» и отдала его водителю.

Наступал ответственный момент, как понимал Николай. Перекрестившись, старуха приняла из рук штатского стакан кусочек обыкновенного мела, окинула притихшую чету внимательным взором, чему-то усмехнулась и неспеша подалась к открытой настежь калитке. У Николая С. и Глафиры Д. перехватило дыхание.

Старуха дошла до участка, проникла в него, миновала пышные заросли цветов, бочки с водой, сарай, и взобралась по ступенькам крылечка. Дальнейшие ее действия были связаны с рисованием на двери домика круга, в который она вписала пентаграмму. Рисовала она по-детски, неуверенно. Сначала из верхней точки провела разбегающиеся друг от друга линии, затем изобразила горизонталь, и соединила ее концы крест-накрест с нижними точками. Получилась звезда. Стоило ей это проделать, как внутри вагончика поднялся леденящий душу вой и хохот, а сам он затрясся, как дерево под ветром. Но бабка даже глазом не моргнула. Похоже, подобные явления были ей не в диковинку. Потом, полюбовавшись на свою работу, она извлекла из одного из бесчисленных карманов юбки тряпичный мешочек, внезапно жутко побледнела и исторгла из себя горестный стон.

— А воду-то... воду... оставили! И свечу! Господи! Что сейчас будет! Что будет! — кричала она.

Николай и Глафира перепугались. Какая вода? Какая свеча? Такое же чувство овладело и штатским. На высоте был один старший лейтенант. Как же, защитник родины. Ему сам бог велел. Пока все переминались с ноги на ногу, телились, он в одно мгновение ока выхватил из машины штатского фляжку с водой, церковную свечечку и, сокрушив ветхий дачный заборчик, напрямки свистанул к несчастной старушке, которая продолжала голосить на всю округу. Вихрем взлетев на крыльцо, старший лейтенант сунул ей фляжку, сам же трясущими руками поджег свечечку и поставил ее на перила. А старуха тем временем брызгала уже на обретшую страшный красный цвет пентаграмму. Та, по-кошачьи шипя, меняла цвет на более благопристойный.

Стон и вибрация в вагончике стихли. Закусив губу от волнения, Антонина Арсентьевна смачно поцеловала Агеева в лоб, опять осенила себя животворящим крестом и осторожно вошла в помещение. Комната прогрохотала и поглотила ее. Старший лейтенант вытер лоб и, на растопыренных ногах, подался в обратный путь.

Старуха отсутствовала не более минут десять. За это время никто не проронил ни слова. Взоры всех были прикованы к вагончику. Все это время из него доносился глухой равномерный стук, будто там кого-то били головой о стену. От ударов дом заметно подрагивал. А военной техники между тем, все пребывало возле машин. Вот прогрохотали и замерли рядом два приплюснутых танка, похожие на жаб своим песочным цветом, как из-под земли выросли звероподобные грузовые «Уралы» с солдатами. Небо усеяли барражирующие «вертушки». Над ними едва слышно проходили изделия КБ Сухого. Когда старуха наконец вышла

из домика, собравшиеся проснулись и что есть силы ударили в ладоши. Слава богу, жива! Антонина Арсентьевна сияла. Два передних зуба победно светились под лучами робкого еще солнца. В одной руке она держала завязанный мешочек с чем-то слабо шевелящимся, другую вздымала вверх, как римский триумфатор, демонстрируя латинскую букву V.

— Принимайте работу, хозяева! — возвестила она еще издали, потряхивая мешочком. — Отныне ваше убежище чисто, как слеза. Заходите смело.

— Ни за какие коврижки... — заворочал головой по-медвежьи Николай. — Не заставите...

— И я, — разверзла уста Глафира — Ни за что. А что это было, можете сказать?

Ответить старуха не успела. Небо над головами затрепало. Подул ветер. Все сощурились и подняли головы. Там, тяжело, как перекормленный шмель, на землю опускался транспортный вертолет, весь в разводах камуфляжа. Лопасты винтов еще вращались, когда по трапу стала спускаться небольшая, похожая на мальчика-подростка, фигура в камуфляже тоже. Штатский выступил вперед.

— Товарищ полковник, — звонко отрапортовал он. — Ваше приказание выполнено! Опытные экземпляры хомо новус нейтрализованы и в данный момент находятся у специалиста по паранормальным явлениям. Антонина Арсентьевна, продемонстрируйте!

Полковник достигал высокой Антонине Арсентьевне по пояс. Недостаток роста искупался чрезвычайной шириной плеч. Борцовское туловище сидело на кривых ногах кавалериста. Крохотное личико имело синеватый оттенок из-за тщательно выбритых щек. Маленькие, как рисовые зернышки, глазки прятались внутри глазных впадин и глядели на мир изумленно.

Старуха предъявила ему свои трофеи.

— Если бы ни помощь старшего лейтенанта, затея могла пойти прахом, — тоненько пропищала она. — Воду со свечой забыла.

— Акустическими заклинаниями пользовались? — вполголоса спросил полковник, глядя на нее снизу верх не беря, однако, мешочка в руки. В голосе у него сквозило уважение.

— Обошлась, — блеснула глазами специалист по паранормальным явлениям. — Электробичем стегала. Вот они и бросились ко мне, аки библейские свиньи в реку. Вода вкупе со свечой, как известно, чудеса творят с ними.

— Да, я знаю. Однако вы смелая женщина. А скажите... Загорание во сколько раз было проведено? Судя по объему ловушки, раз в двадцать пять?

— Берите выше. В сорок.

— Вот как? Здоровье у вас, вижу, по-прежнему железное. Я что хочу сказать, — затопил товарищ полковник. Казалось, что он испытывал перед Антониной Арсентьевной благоговейный страх. — Отрадно, что их силовой экран сдержал, не дал разлететься по свету... Вот скандал был бы! Как в «Затерянном мире» Конан-Дойля. Помните сцену, когда птеродактиль улетает из зала, где проходило заседание по его демонстрации? Впрочем, чего это я... Да, задала нам проблему опытная станция, сиречь российское «Аненербе»... Но все хорошо, что хорошо кончается, не правда ли, уважаемая Антонина Арсентьевна?

— Кто спорит.

— Вот и ладушки. Так, старший лейтенант Агеев, где, а ты? А, вот... Забирай своих подопечных, сотрудников и — на хозяйство. А с этими, — толстый, как охотничья колбаска, палец товарища полковника указал в сторону оцепеневших от событий и передраг парочку, — что делать, ума не приложу. Растрезвонят еще, пойдут слухи по городам и весям, до Москвы доберутся. И тогда мне каюк. ...Ах, как нехорошо!

— Это вряд ли, — сказал штатский. — Понедельник, народу раз, два и обчелся. Да и не поверят им, случись что. Мыслимо — синие люди!

— Так-то оно, так. И все же, — решительно заговорил Варфоломей Петрович, — свидетели мне ни к чему. Сечешь, старлей Агеев? Действуй согласно обстановке. Представь, что ты задержал шпионов на биостанции.

Ст. лейтенант сделался белым, как альбатрос.

— Да я никогда... Никого...

— Пехота! И я никогда, никого. Выпол-нить!

Он повернулся и, аккуратно поддерживая специалиста по паранормальным явлениям под локоток, повел ее к «вертушке». За ними двинулся и штатский. Водители обеих машин завели двигатели, а старший лейтенант, тоскливо поглядев в серое небо, пробормотал что-то, похожее на ругательство в адрес какого Дим-Димыча, за то, что тот не приехал, и

рванул кобуру армейского АПСа. Минут двадцать спустя у вагончика не было ни танков, ни «Уралов», ни вертолета. Лишь вдалеке маячила поникшая фигура с пистолетом в руке. День продолжался, наливались соком ягоды, груши, яблоки, а на так и непросохшей траве лежали, широко разбросав руки, Николай С. и Глафира. Д. Головы у них отсутствовали — месиво из костей и мозгов. Ветерок трудолюбиво разносил в стороны горьковатый запах сторевшего пороха...

г. Челябинск.

Вячеслав Тюнькин

Новые стихи

***

Шуры-муры
От Амура
Любят бабы
И зверьё:
Необузданность природы,
Страсти полное
Житьё...
А траве милей
Водица —
Хоть росинку поутру:
Лишь бы только бы
Напиться
И качаться на ветру.
А не хляби ли в ненастье
Гнут деревья и былё?
Вам, позвольте, мало
Страсти?
В общем,
Каждому своё.

***

Боюсь проснуться
Мёртвым —
Смотреть
Со стороны
Над телом распростёртым
Страдание жены,
Сложив покойно руки
Без дела среди дня,
И правнуков
И внуков
Оставить
Без меня,
Ни строчки не испортить,
Не дописать главу...

Боюсь
Проснуться мёртвым.
Поэтому —
Живу.

Портрет

Проплешиной отсвечивает темя...
Размеренным движением руки
Свои неумолимые мазки
На холст лица накладывает
Время.
Такая вот у времени работа...
О, не спеши, художник!
Не спеши
Покуда состояние души
Заоблачного требует полёта.

***

Куда уж там
Зурабу Церетели!
Предтеча получил ангажемент:
Поставить на Неве,
Минуя мели,
У Зимнего
Плавучий монумент.

Поставить на века! —
А вы как думали?
Не выдержал державный монолит,
Но символ
Всероссийского безумия
По-прежнему
На якоре стоит.

***

Я готов пострадать
За Вселенную!
Если случится
Армагеддон,
Окунусь я
В пучину генную —
Прямо в пекло,
На самый поддон.
Вот, ей-Богу,
Осилью и выстою
(Отступлюсь — головы не видать):
«Тайдом» вымою
Силу Нечистую —
Воцарится окрест
Благодать.

Яква

На грядке лежала
Огромная
Тыква.
Лежала,
Поскольку стоять
Не привыкла.
У тыквы
Спросил муравей-забияка:
— Ответь, лежебока,
А где твоя го
Яква?
Задумалась
Тыква,
Скажите на милость,
Ответила:
— **Яква...**
Ещё не родилась.

Слово

Молчанье — золото?
А слово — серебро? —
Претензия на Истину убогая!
До нас с тобой
Написано.
Пером:
До Сотворенья
Слово было
Богом*.

Крамола

Из Чаши Грааля
Твоей груди
Испить мечтал я
Святой
Воды.

Из Чаши Грааля...
Но чья вина,
Что не знавал я
Хмельней
Вина?

Из Чаши Грааля
Без меры пью —
Не утоляю
Жажду свою.

Из Чаши Грааля —
Едва дыша!
И...

Погибает
Моя душа.
О,
Чаша Грааля...

P. S. Бог — свидетель: и в мыслях не было прини-
зить Святой Грааль до уровня плоти; напротив:
стремлюсь возвысить до божественного уровня
бренную плоть.

Ночная гостья

Покорённые
Вершины
Современного мужчину —
Хоть во льдах,
Хоть в неглиже —
Глаз не радуют уже.
И спешат они —
Мужчины —
В суетливые долины:
В келью тесную свою —
На работу
Да в семью.

А вот нашего героя
Не манило к домострою —
Просто был поныне он
Только в горы и влюблён.
Отдохнув чуток с устатку,
Но воздвиг себе
Палатку —
Благо, не мешал никто —
На возвышенном плато.
Принял водки двести грамм
С горной колбой пополам
И, затеплив камелёк,
Отдыхать себе прилёг.
А под боком —
Тишина,
Словно верная жена...
Никаких гостей не ждётся...
Сам — не зван — явился
Дождь.
Следом объявилось
Диво:
И стройна-то,
И красива,
И до кончиков волос
Вся промокшая насквозь.
— Не прогоните меня?
Обогреться б у огня...
Заплутала я маленько,
Вымокла к исходу дня...
— Боже!
Что за разговор?
Следуя закону гор,
Дать приют за честь считаю —

* См. Ев. от Иоанна, гл. 1, стих 1.

Будь ты ангел или вор.
 Не за ради куражу,
 «Будь, как дома» — я скажу.
 Ты развешивай одежку
 Над огнём. Я не гляжу.

Вечер.
 Ветер.
 Нудный дождь...
 Девку схватывает дрожь.
 Зуб на зуб не попадает,
 Не уймётся, хошь — не хошь.
 — Слушай,
 Тут такое дело, —
 Гостя молвила несмело, —
 Есть на Севере обычай:
 Согревать озябших телом...
 — В чём же дело?
 Спальник мой
 Верблюжачий шерстяной.
 Забирайся,
 Не смущайся —
 Повернусь к тебе спиной.

И девчонка, между делом,
 Подоткнула тело к телу
 И руками —
 Два крыла! —
 Нежно этак обняла.
 А за тонкою стеною
 Дождик хлещет,
 Ветер воет...
 Громыкнуло два разá —
 Надвигается гроза.

— На Востоке, говорят,
 Гости
 Сказками дарят.
 Интересно,
 Вправду это?
 Или — так — болтают зря?
 — Знаю,
 Есть такой обычай...
 Нам, конечно, непривычен —
 Для другого типажу.
 Ладно, слушай,
 Расскажу.

Сказка

Жил да был Абд эль Рахим.
 Шах — как шах,
 Оазис с ним.
 Да имел Рахим
 Жену —
 Луноликую Зурну.
 Косы, бровь —
 Чернее ночи,
 Ярче звёзд осенних очи,

Перси — персиков нежней,
 Ножки...
 Ручки... —
 Всё при ней.
 Весь объезди Туркестан —
 Не найдёшь изящней стан,
 Не сыскать в подлунном мире
 Бёдер
 Бархатней и шире.
 И любил Рахим одну
 Несравненную Зурну.

Верой-правдою служил
 При Дворе визирь Хаджил:
 По заветам Магомета
 Мыслил, действовал и жил.
 На границах —
 Тишина,
 Переполнена казна,
 Люди сыты и обуты —
 Шах доволен был сполна.

Время шло.
 Однажды шах
 В этой роскоши зачах
 И собрался на охоту
 На конях да ишаках.
 — Уезжаю на три дня.
 Править будешь
 Без меня:
 Хорошо —
 Воздам сторицей,
 Нет —
 Отведешь огня.
 Всё усердие вложи.
 Награжу —
 Чтоб я так жил!
 Я ль тебе не доверяю,
 Верный мой визирь Хаджил?

Первый день.
 В шатре визирь,
 Просидев кошму до дыр,
 Кредит с дебетом верстаёт,
 Пьёт кумыс,
 Вкушает сыр...
 Появляется Зурна:
 Грудь — как есть — обнажена.
 Соблазнительно танцует
 Танец сиськами она.
 Вот бесстыжая коза!
 Долу опустил глаза,
 «Шьёт» визирь свои указы,
 Не взглянувши ни раза.

День второй.
 В шатре визирь,

Просидев кошму до дыр,
Кредит с дебетом верстаёт,
Пьёт вино (?!),
Вкушает сыр.
Появляется Зурна:
До «низзя!» обнажена.
Соблазнительно танцует
Танец живота она.
Впрямь, бесстыжая коза...
Долу опустив глаза,
«Шьёт» визирь свои указы,
Не взглянув ни разу.

Третий день.
В шатре визирь,
Просидев кошму до дыр,
Кредит с дебитом верстаёт,
Водку пьёт,
Вкушает сыр.
Появляется Зурна:
Вся — как есть — обнажена!
Соблазнительно танцует
Танец гурии она.
Вот такая вот коза.
Долу опустив глаза,
«Шьёт» визирь свои указы,
Не взглянув ни разу...

День четвёртый.
Аль Рахим —
На коне, и свита с ним —
Возвращается с охоты,
Провидением храним.
— Ну, Хаджил,
Я жду отчёт:
В чём начёт и недочёт?
Все ли сыты и обуты?
Жизнь, как надобно ль, течёт?
— Пощади, Светлейший шах!
Не пропало ни гроша,
Люди сыты и обуты,
Да в смятении душа:
Всякий день твоя жена —
Несравненная Зурна —
Танцем плоти искушала.
Да не справилась она:
Для меня мой шах — один
Благодетель,
Господин.

Я соблазну не поддаюсь,
Хоть не дожидаясь седины.
— Верю.
Верю, мой визирь —
Всю кошму протёр до дыр...
Заслужил себе награду,
Потому как не транжир.
Отплачу за всё — про всё:
Ты сегодня —
Новосёл!
Я шатёр тебе дарю.
...Да, однако, ты — осёл...

Сказка кончилась ужо...
Двое рядом...
Нагишом...
Нежный храп из-за спины:
Гостя спит
И смотрит сны...
За полночи, час второй...
Ветер скрылся за горой...
В царство сонное Морфея
Погрузился наш герой...

Утро.
Солнечное утро
После дождичка в четверг
Ослепительно и мудро
Всех зовёт:
— Свистать на верх!
Гостя поздняя одета,
Благодарна за приют:
— Я вот слышала,
Что где-то
Чаевые подают?
— Что вы!
Полноте!
Замнёмте.
Я ведь это...
От души! —
Без корысти и намёков,
По-людски.
А Вы —
Шиши...
Как товарищу товарищ...
...прямо я не знаю сам...
— С гор сойдёшь и на базаре
Купишь толику овса.

г. Коркино

Валерий Мякушко**Чижик-пыжик и другие истории****Моя крепость**

Это что же такое стало кругом твориться? Выйти на улицу нельзя — на бандитов нарвёшься. И дома сидеть небезопасно — того и гляди грабители двери выламывать станут!

— Куда только правительство и президент смотрят! — подала голос жена.

— «Куда-куда»... — передразнил я её. — Раскудаhtалась! Газеты читай — оружие для самозащиты скоро разрешат каждому иметь. Закон такой готовят. Так что готовь деньги.

Закон застрял где-то на обсуждениях, но нам жить надо, защищаться как-то, пока он свет увидит. Поэтому купил я жене браунинг, небольшой такой, блестящий — дамский. А себе «ТТ» приобрёл. Тяжеловат и великоват, но большую убойную силу имеет, за что до сих пор ценится. И ещё пару гранат на всякий случай на том же областном базаре по дешевке купил. Пригодятся! Мой дом — моя крепость.

— Давай-ка, жена, отметим это дело, — выставил вечером я две бутылки водки на стол в кухне. — Где твой ужин? Готов?

— Не много ли? — обеспокоенно взглянула жена на бутылки.

— Такое событие! Наш дом — наша крепость. Только ты пока никому ни слова! Закон ещё не вышел, но вот-вот, говорят, будет. Скоро там у тебя?

— Сейчас!

Я раскупорил бутылку, налил себе и жене.

— Экий нетерпеливый! Первую я выпил сам.

— Подождать не можешь?

— Сколько же можно ждать! Муж с работы пришел, а дома...

— Я тоже с работы!

Начинается! Я выпил вторую. Думаю — увидит, что без закуски пью, быстрее стол накроет. А она вместо этого шипеть на меня начала.

— Молчи, дура! — говорю на то ей.

— Сам дурак!

Что за женщины ныне пошли! Ты ей слово, жене моей, она тебе десять в ответ. Никакого уважения к главе семьи!

— Заткнись, сука! — и выпиваю третью, опять без закуски.

— Сам пёс!

— Что-о?! — хряснул я кулаком по столу. — Да я...

И что я тут вижу? Жена выдвигает ящик стола и вытаскивает оттуда браунинг, на меня направляет. Вид у неё какой-то сумасшедший, как в прошлый раз, когда мы очень поругались и я даже ей слегка врезал.

— Пошёл вон отсюда, пока не позову!

Ах, вот оно как обернулось! Ну, погоди ж ты у меня! Я встал, и вот так, под дулом револьвера, спокойно налил себе ещё стакан водки, неторопливо выпил и, не оглядываясь, пошёл из кухни. Пройдя дверь, с силой захлопнул её за собой и бросился в комнату, где у меня в мебельной стенке «ТТ» спрятан. Выхватил его из-под тряпок, и вовремя, потому что в дверном проеме силуэт жены показался. Меня преследовала, значит, стерва!

Я выстрелил. Жена завопила и бросилась в сторону спальни комнаты. Промахнулся, выходит, спяна. Я — за ней. Чтоб самому на пулю не нарваться, руку в коридор высунул и вдоль стены выстрелил для верности два раза. А жена уже из спальни в окно вопит:

— Люди! Помогите! Убивают!..

Я дергаю ручку двери — закрыто. Стреляю в замок.

— Милиция! Караул!..

Пока я вход в спальную пробивал, звонок во входной двери раздается, а потом и стук.

— Открывайте! Милиция!

Окружают, значит. Где мои гранаты? «Врагу не сдаётся... Пощады никто не желает...» Я достал из-за шкафа гранату, выдернул чеку. Дверь уже сотрясалась под напором снаружи.

— Откройте, говорят!

Когда дверь отошла от косяка, я бросил гранату в образовавшуюся щель.

— Вот вам!

Придя в себя, я не сразу понял, где нахожусь. Просторное и почти пустое помещение. И я весь перебинтованный. Пошевелился, и тело пронзила острая боль, отчего я застонал.

— Больно? — услышал откуда-то сбоку.

Я с трудом повернул голову и обнаружил на соседней койке тоже всего забинтованного человека, с любопытством взирающего на меня.

— Ты откуда? — спросил человек. — Из Чечни?

— Ага! — соврал я, вспомнив, наконец, вчерашний день. — А ты откуда?

— Из дому! — не очень охотно ответил тот, отворачиваясь к стене. — Поссорились мы! Хуже, чем в Чечне было. — И через некоторое время добавил, тяжело вздохнув: — Тёщу я всё же ухлопал, а вот тесть, старый вояка, чёрт, переиграл меня. Хотя у меня автомат «калашник» был, а у него всего лишь старая берданка какая-то.

ЧИЖИК-ПЫЖИК

Рейс автобуса был ранним. Паков не выспался, но не унывал — за два часа пути можно отоспаться. И место соседнее оказалось незанятым, так что, как только поехали, он вытянулся наискосок, надвинул на глаза кепку. Какое блаженство!

Но тут сзади, как раз возле его правого уха, пискнул мобильник и сидевшая там тщедушная девица таким же писклявым голосом ответила:

— Петя, мы уже поехали. Да, выезжаем с автостанции. Вот уже по улице Медведева едем.

Так как разговор этим сообщением не закончился, Паков зевнул, сдвинул кепку со лба на правое ухо, чтоб приглушить разговор. Но тут мощно и требовательно задребезжал мобильник в кармане сидевшего в соседнем ряду, слева, мужика в мятой шляпе, со сложенным спиннингом между колен и рюкзаком под ногами:

— Да, это я! Уже подъезжаем к озеру.

«К какому это озеру? — подумал Паков. — Вроде бы по пути никаких озёр нет и быть не должно. Неужели не туда сел?»

Но тут мужик внёс ясность — он набрал номер:

— Пупсик? Это я! Уже еду. Как вырвался? Сказал, что на рыбалку.

Паков сменил позу и надвинул кепку на левое ухо. Но тут как будто все остальные вспомнили, что у них есть тоже мобильные телефоны. Здоровяк спереди, со складками на шее, обе щеки которого просматривались даже сзади, заговорил басом:

— Так сколько всё же возьмёте за одну фуру? А за две?..

— Газ отключил? А воду? — допытывалась какая-то тётка.

— Рабочие все вышли на стройку? Трезвые?..

Даже водитель, удерживая руль одной рукой, другой прижал телефон к уху и что-то говорил, глядя на воображаемого собеседника куда-то в небеса, а не на дорогу. Паков закрыл ладонями уши. Тишина! Открыл.

— Мы уже проехали заправку, что у моста, — с неким Петечкой отсчитывала сзади каждый километр, столб и поворот писклявая девица.

— Не звони больше, рыбу распугаешь, — уговаривал свою беспокойную дражайшую мужик слева, и тут же переключался на другой номер: — Пупсик, скоро буду!

— А стущёнка почём? Фурами если брать...

— А утюг не забыл?..

— Не работают, а опохмеляются? Всех уволю!..

Сзади и спереди, справа и слева пиццало, пиликало, трезвонило. Затренькало, забренькало вокруг. Марши, сонеты, романсы на одной-двух нотах, у кого-то даже прозвучало что-то похожее на «Чижик-пыжик». Вскоре Паков знал, кто и куда едет, кого будут встречать, а кого нет, где и сколько стоит не только тушёнка, стущёнка оптом и в розницу, но и сахар, масло и мыло. Узнал и многое другое, даже, извините, у кого из едущих дам начались месячные, а у кого случилась задержка. Мог бы узнать ещё больше, но не выдержал.

— Да заткнитесь все вы со своим мылом, Петечкой и Пупсиком! Да, да, и вы тоже! И вы!..

Он уже не помнил в точности, как его вытолкали из автобуса. Или он сначала выхватил у толстяка, что впереди сидел, мобильник и выкинул его в форточку, ещё и ударил его, когда тот стал сопротивляться, или наоборот, тот его. Схватил в горячке и сломал спиннинг,

кому-то на голову посадил рюкзак... Кто бы мог подумать, что так хорошо начинавшийся день превратится в какое-то безобразие!

Голая пустынная дорога среди леса, тишина. Уже взошло солнце, и лучи его наполнили голубым светом всё небо. Лёгкий ветерок, прохладный и влажный, освежал лицо. Вдруг в кустах свистнула синичка, и Пухов вздрогнул — ему показалось, что и там сидит кто-то с мобильником. Тут он как будто что-то вспомнил и полез в задний карман. Вытащил свой мобильник и набрал номер.

Военная тайна

После отбоя, как только улеглись и наступила тишина, прапорщик Хрущ покинул казарму. И тут началось — все вдруг зашевелились и полезли доставать свои мобильники. Понятно, что пользоваться ими можно только в отведённое время, но так хочется поделиться впечатлениями от прошедшего дня! И, чтоб скрытность соблюсти и не мешать друг другу, полезли под одеяла, хотя жара неимоверная. Слышно только, как пищит и подсвечивается — летят туда-сюда эсэмэски. Одно под одеялом плохо — не заметишь, как прапор вдруг зайдёт.

Так и произошло — вот Паршин уж очень увлёкся, и застучал его за этим занятием прапор. Не спит, рыщет.

— Гони тысячу, иначе сейчас сломаю! — взялся он своими граблями за хрупкий корпус мобильника.

— Нет у меня тысячи! — слабо сопротивлялся Паршин. — Пятьсот только наберётся...

— Давай пятьсот!

На том и порешили. А на днях построил всех командир.

— Мобильники на стол! — грозно скомандовал он.

Помялись.

— Я что сказал, мать вашу... Слева направо шагом арш!

Стали поочерёдно подходить к столу и выкладывать на него мобильники.

— Так, что мы имеем? — когда выложили все, взял он крайний мобильник. — Рядовой Петров некой своей знакомой Люське, кроме того, что он её «сексуально любит», сообщает также, что у нас на ходу только один танк. Смотрим, что у рядового Иванова, — взял он другой мобильник. — Со своей подругой, кстати, тоже Люськой, помимо всякой интимной всячины, он поделился тем, что с других танков кто-то спёр прицелы. А у Сычёва все танки сфотографированы, даже самолёты с соседнего аэродрома. Сидоров, — продолжил он, — пи шет, что постовые обычно спят или играют в карты... Это что получается? Вот в этих всех мобильниках, вместе взятых, которые передо мной на столе, выложена вся военная тайна? А оператор у всех один! И Люська, может быть, на всех одна! Как голые мы, оказывается, стоим перед потенциальным противником! Вся информация о нас у него!

Строй молчал и не шевелился. Думали — что же будет делать с их мобильниками расшвирипевший командир? Неужели уничтожит, как грозит? И в самом деле — смахнул их со стола, словно мусор, в мешок. И лишь когда передал тот мешок прапорщику, все облегчённо вздохнули.

Пришлось, правда, раскошелиться! И после отбоя, как только улеглись и наступила тишина, и прапорщик Хрущ покинул казарму, началось...

Облом

Мало ли, кто блудит, на то и свет разделён пополам, и безо всего этого была бы скучища, хоть подохни.

А. Толстой

Трудно объяснить, как это Толяну удалось пройти в женское общежитие в нетрезвом виде. Он помнил, что вместе со своей подругой, с которой только познакомился, долго, ссылаясь то ли на свой, то ли на её день рождения, уговаривали строгую и несговорчивую, как евнух в гареме, дежурную. А вот как оказался за дверью комнаты, в которую они пришли и сидели за столом, выпивая, пока он не отключился, почему стоял в длинном коридоре, да ещё совершенно голым, не мог понять даже и позднее, когда вспоминал этот свой

злополучный визит в женскую общагу. Сказал или сделал что-то нехорошее, раз они так с ним поступили?

Осознав свое неловкое положение, он попытался было сунуться обратно, но дверь оказалась заперта и никто не реагировал на его лёгкий стук. Стучать сильнее нельзя было никак — народ в общежитии ещё не спал, из некоторых комнат раздавались голоса; могли выйти на шум и застать его в таком виде. Милицию позовут, на работу «телегу» напишут...

Но что-то всё же надо было предпринимать. Толян двинулся по коридору, размышляя, что же делать дальше? Вернуться и, высадив дверь, забрать свою одежду? Так ведь он уже точно не смог бы определить ту, из которой вот так позорно его выставили. Ошибёшься — не оберёшься скандала! Но что же, в конце концов, ему оставалось делать? Ждать, когда народ в городе окончательно уляжется, вылезть где-нибудь в окно и двинуться домой? Но как он будет выглядеть со стороны в голом виде? А вдруг кого встретит?.. Такая возможность не исключалась. В любое время кто-то болтался на улицах.

В конце коридора приоткрылась дверь, осветив противоположную стенку, и, договаривая последние слова своим собеседницам, какая-то девушка намеревалась выйти из комнаты. Он инстинктивно подался в противоположную сторону, и, пройдя вдоль стенки некоторое расстояние, оказался в туалете. Холодный цементный пол ещё более отрезвил его. Он приблизился к окну, приоткрыл его. Третий этаж! Внизу асфальт, прыгать опасно. Похорошат с позором! Он осторожно выглянул: угол дома рядом, должна быть там и водосточная труба. Точно, труба проходила рядом. Не совсем, конечно, но, стоя на карнизе, можно было до неё дотянуться...

В коридоре раздались приближавшиеся быстрые шаги, и ему пришлось зайти в одну из кабин, и стать на унитаз, холодный и скользкий, чтоб со стороны не были видны волосатые босые ноги, и пригнуться. Вошедшая девушка дёрнула за ручку дверь занятой им кабины, хмыкнула, удивившись, должно быть, тому, что та заперта, и зашла в соседнюю. Где шумно сделала свои дела и, неожиданно засмеявшись и заставив его вздрогнуть, сказала, обращаясь сама к себе:

— Ну и дура же эта Ленка!

«Это же подруга Ленки, — промелькнула спасительная мысль у Толяна. — Её же можно попросить вынести его одежду!». Он выпрямился и перегнулся через перегородку:

— Извините! Э...

— А-а-а! — закричала девушка и выскочила из кабины, поправляя одежду на ходу. — А-а-а! — понеслась она по коридору.

Теперь уже медлить было нельзя. Толян соскочил с унитаза и тут обратил внимание на лежавшую в углу половую тряпку — мокрую рваную мешковину, оставленную уборщицами. Он брезгливо приподнял её одной рукой и осмотрел. Размер был достаточно большим, чтоб обмотать вокруг бедер, скрыв самое стыдливое место. Он растянул тряпку и прикоснулся ею к телу, которое прошибла дрожь, отчего окончательно отрезвел. Решительно преодолев сопротивление протестующего организма, он повязал её вокруг талии и двинулся к окну.

Возможно, в ту ночь кто-то и видел какого-то полубоженного и босого, несмотря на прохладную осеннюю погоду, чудака, совершавшего то ли позднюю вечернюю, то ли раннюю утреннюю пробежку. Но вряд ли кого то могло удивить — каких только людей со странностями в нашем небольшом городе не встретишь!

Гаражная история

Женщины слишком не доверяют мужчинам вообще...

Г. Флобер

Несмотря на ранний час и выходной день, Кротов нехотя поднялся и стал одеваться.

— Ты куда? — проснулась жена.

— Как куда? — недовольно, даже зло отреагировал тот. — В гараж, разумеется!

— И когда же ты эту машину сделаешь! — вздохнула жена, отворачиваясь к стенке; диван под ней заскрипел всеми углами.

— Когда, когда!.. — ворчал недовольно Кротов, продолжая одеваться. — Когда-нибудь. Основания для недовольства у него были, и немало: то нет нужных запчастей, то они не взаимозаменяемы, то не доберешься до нужного места без специальных хитрых приспособле-

ний... Какой дурак только проектировал и делал машины, совершенно непригодные для делавшего всё своими руками отечественного автолюбителя? Да, наступил самый неприятный период для автолюбителя — техосмотр.

Вот в таком тягостном настроении и недовольстве жизнью Кротов прибыл в гараж, где переделал в стылую и влажную от общей погодной сырости рабочую одежду и полез в смотровую яму.

Гаражный городок постепенно оживал и мимо проходили знакомые. Некоторые из них здоровались и проходили дальше, в спешке по своим делам, другие останавливались, заглядывали под машину, интересовались — что у него там такое, рассказывали о своих проблемах подобного рода, и иногда настолько обстоятельно, что Кротов не знал, как от них отделаться, чтоб продолжить и побыстрее закончить свою осточертевшую работу. Вот таким же образом к его гаражу черти притащили ещё одного человека, в лицо которого Кротов знал, но имени не помнил. Кажется, Павел. Или Пётр. И появился он не один — из ямы были видны худые ноги стоявшей рядом с ним женщины.

— Здорово, Сергей! — живо, даже излишне для степени их знакомства, поздоровался тот, наклонившись и заглядывая под машину. — Что делаешь там?

— Да вот, вожусь! — сдержанно ответил Кротов и поправил гостя. — Только не Сергей я, а Леонид.

— Да? Извини! — сказал этот человек, имени которого Кротов никак не мог вспомнить. Уж не Никандр ли?

— Сцепление, значит, барахлит? — оценил ситуацию с машиной гость. — Да, повозиться придётся! Сам знаю, недавно ремонтировал. А у меня кардан барахлит, ездить невозможно совсем.

Кротов к этому времени устал и решил, раз уж его прервали, вылезть из ямы и передохнуть; всё равно этот трескучий мужик работать не даст. Знал бы, сидел, конечно, под машиной, но получилось, что вылез во внутреннюю сторону гаража, куда за ним последовал, оставив женщину одну, словоохотливый гость, продолжавший рассказывать совершенно неинтересные истории про свой автомобиль, после чего вдруг предложил:

— Слушай, Леня, давай выпьем! У меня тут кое-что имеется. Он вытащил бутылку красного вина и спросил:

— Стаканы у тебя есть?

— Есть, конечно! Сколько? — спросил Кротов, взглянув на хрупкую невзрачную женщину, все ещё стоявшую у входа. — Три?

— Да она не пьёт! — Мужик этот, кажется Семен, обратился к ней: — Иди сюда! Мы тут маленько... И пойдём!

Кротов предложил гостям сесть за небольшой столик, и, раз они угощали вином, то, со своей стороны, слезил в погреб и достал банку огурцов.

Жена Кротова была обеспокоена долгим отсутствием мужа. Приближалось обеденное время, а тот, как видно по времени, и не собирался приходить, хотя и не завтракал вовсе. «Может быть, в другом месте ест? — вдруг с ужасом подумала она, но потом успокоилась, решив, что это невозможно — одет он был для гаража, а не для свиданий. — Хотя, вполне возможно, что такой вид всего лишь для маскировки! — вновь ужаснулась она. — Сколько времени ходит в гараж, а машину до сих пор не сделал!»

Догадки и подозрения нагромождались одно на другое, и через некоторое время ей стало ясно, что делать дома она уже ничего не сможет — всё стало, что называется, валиться из рук. «Машина — это только для маскировки!» — решила она окончательно и стала одеваться, чтоб пойти в гараж.

Вдвоём Кротов и гость, которого, кажется, звали то ли Николаем, то ли Никитой, быстро распили вино. Кротов думал, что женщина, обращаясь к тому, назовет, наконец, его настоящее имя, но она молчала, не проронив ни слова за всё время с момента появления здесь.

— Давай-ка я сбегаю ещё за одной! — вдруг предложил этот Николай, или Никита, и, отметая всякие возражения, поднялся. — Рядом ведь! Одна остановка. Так что я сейчас, мигом!

И он ушёл, оставив женщину, с которой даже не познакомил, в гараже.

— Погода ужасная! — попытался было заговорить с женщиной Кротов, на что та лишь молча кивнула. — И не предвидится даже улучшения! — продолжал Кротов, чтоб только не молчать. — Потому что, судя по передачам метеосводок, кругом плохая...

Как раз в это время к гаражам приближалась раздосадованная жена Кротова. Только что какой-то тип, не уступив ей дорогу, не дав даже сойти с автобуса, влез в него, обдав её в упор мерзким винным запахом и наступив на ногу. «Вот они, мужики, чем здесь, в гаражах занимаются! — кипела она. — Пьянствуют!»

Вид открытого гаража мужа вызвал у неё некоторое облегчение — значит, здесь, работает. А она такое подумала про него! Подойдя поближе ко входной двери, она, однако, с ужасом увидела, что тот вовсе и не с машиной возится, а сидит за столом с какой-то женщиной! За раскрытой пустой бутылкой вина!

— Так вот чем вы здесь занимаетесь! — грозно рявкнула она, внезапно представ в дверном проеме.

— Вот... гости... зашли... — пролепетал побледневший Кротов, вставая со стула. — Никита... Николай...

— Молчи, проходимец! — прямо-таки заверещала жена и бросилась к госте. — Ах ты, мерзавка! Чужих мужей сманиваешь?

И, крупная и разъяренная, кинулась на неё. Но не тут-то было, маленькая худенькая женщина оказалась довольно проворной и заскочила за машину. Жена — за ней. Кротов стал было на пути супруги, но отлетел в сторону, оступился и упал в оказавшийся под ногами ящик; сверху на него свалилась картонная коробка, из которой на голову посыпались старые журналы.

— Проститутка! — вопила жена, гоняясь за гостьей вокруг машины. — Негодяй! — отталкивала она встававшего на ее пути мужа, и он снова валился в тот чёртов ящик.

К тому времени к гаражу подходил, удачно подъехав обратно на попутной, тот самый мужик, имя которого Кротов так никогда и не вспомнил, с вином; чтоб не бегать больше в магазин, он взял сразу две бутылки. И тут он увидел, что в гараже происходит что-то неладное. Он приостановился и, шагнув нерешительно ещё немного вперед, увидел, что с шумом и руганью за его подругой гоняется другая женщина, разъяренная и крикливая, с чем-то тяжёлым в руках. Он остановился вовсе. А потом повернулся и, ускоряя шаг, пошёл прочь.

Урок французского

*То ли дело Париж: ...della tempesta.
Ах, Париж! Париж!!*

В. А. Соллогуб

*... Поахают об городе Париже
да побранят свой уезд.*

М. Вовчок

На проходящую в Париже международную конференцию по проблемам переработки бамбука и достижениям в этой области в африканском государстве Мамбуту выехали трое — Петрухин, Сидоркин и Иванкин. С жёнами. И понять их всех и их жён очень даже можно — так хочется всем побывать в цивилизованной стране. Подальше от постоянных выборов, политической трескотни и борьбы за власть, от грязи на улицах и дворах, от повседневных проблем, от осточертевших соседей и товарищей... Особенно хочется, если платит за поездку государство. В цивилизацию, близость которой чувствовалась уже в самолёте.

Стройные и приятные во всех отношениях, сверху донизу, улыбчивые стюардессы ходили непрерывно и что-то предлагали и подсовывали, так что и отказаться невозможно. Какие-то журналы на непонятном языке, но с прекрасными цветными размашистыми иллюстрациями старинных чистеньких городов, райских мест на морском побережье и островах, которые можно смотреть и смотреть, не отрываясь. И слева, за супругами Петрухиными, и справа, за четой Сидоркиных, и спереди, за Иванкиными, и сзади сидят приятные модно одетые люди. Цивилизация!

Париж! Как будто сразу окунулись в сказку — изысканная классическая архитектура и потрясающий модерн, набережная святого Людовика на Сене, Собор Парижской Богоматери напротив, Люксембургский сад, длинная улица Буфера, улица Гранд де Пари, улица Наполеона...

— Ах! — воскликнула жена Петрухина.

— Ох! — поддержала её супруга Сидоркина.

— Эх! — вздохнула Иванкина, вспомнив, по-видимому, что придётся когда-то всё же возвращаться домой.

Париж! Какие названия улиц и дворцов, какие исторические имена! Сорбонна, Пантеон, Монмартр... Уйма магазинов, бесконечный поток радующих глаз красивых машин — и сплошь все иномарки...

Вот она какая — Цивилизация!

— Чистота и порядок!

И кругом все — господа! ... Королевская часовня, Стеклопанель мира, а вот и знаменитая Эйфелева башня.

— Notre Dame de Paris!..

Оказывается, здесь тоже бывают очереди. Но совсем другое дело — стоять три часа в очереди в Париже у подножия грандиозной башни, ожидая подъёма на лифте, чем где-то в грязном и вонючем нашем магазине и выяснять с каждым вновь пришедшим кто крайний. Только и слышишь кругом: «Merci!», «Pardon!», «Thank you!», «Excuse me!»... Сплошные джентльмены, мсье, синьоры, приятные во всех отношениях господа, одним словом, Цивилизация!

Огромное количество впечатлений! А ведь ещё музеи, смотровые залы Лувра... Стоя в очереди у входа, от нечего делать прочитали и с помощью справочника перевели предупредительную надпись: «Prudemmen... pickpocket...»

— «Осторожно... Карманные воры!» — попробовал перевести и удивился Петрухин. — Так, что ли?

— Должно быть так: «Внимание!» — посмотрел в свой разговорник Сидоркин. Нет, «остерегайтесь карманщиков», — заглянул и в свой словарь Иванкин.

— Опасайтесь? — оглянулись на стоявших кругом очень цивилизованных людей их жёны — достопочтенные господа все кругом. — Qui pro quo!

— Что-что? — не понял Сидоркин.

— Недоразумение, путаница, — перевёл Петрухин. Вот шутники! А вечером все они побывали в театре. Ничего, правда, не поняли, так как забыли как-то, что пьеса будет идти на французском. Тяжело, конечно, просидеть с умным видом и несколько минут, если ничего не понимаешь, да ещё после таких утомительных прогулок и множества впечатлений, а тут целых три часа высидеть пришлось. Но выдержали и, с облегчением поаплодировав вместе со всеми в конце спектакля, вышли на оживлённые, освещённые разноцветной рекламой парижские улицы. Поехали на метро! Но в метро уже побывали днём — увы! — с московским, киевским, ташкентским ему не сравниться.

— Пойдём пешком! Конечно, пешком! Как не пройтись по вечерним улицам Парижа!

В оказавшемся пустынным подземном переходе, по которому они проходили под улицей, неожиданно из-за колонны вышел и направился к ним подозрительного вида рослый негр. Вытащил из куртки нож — кинжал самый настоящий! — и выразительным жестом потребовал выложить деньги:

— Мани-мани!

— Ы-ы-ы... Комрад!.. — забормотал перепуганный Петрухин. — Товарищ!..

— Мы... советикус... — захмыкал Сидоркин. — Парижская Коммуна...

— Дружба... Россия — Франция... — с дрожью в голосе поддержал их Иванкин.

— Мани! — грозно взмахнул ножом перед носом его супруги негр, присматриваясь к её золотым колье и серьгам.

Так в тот вечер участники намеченной на завтра конференции и сопровождающие их лица остались без единого франка в кармане, да ещё и без колец и украшений. В молчании и пешком добрались они в гостиницу, откуда позвонили в посольство:

— Ограбили... Нет денег даже на обратный проезд.

— Сейчас, минутку, — тяжело вздохнул тот, кто взял трубку, передавая её кому-то; слышался его голос: «Ещё одни лохи! Уши развесили...»

В самолёте они все сидели, не глядя друг на друга и на окружающих, отворачиваясь от настойчиво предлагавших всякую всячину приятных стюардесс. И сосредоточенно думали о том, как будут добираться из аэропорта в город — посольство в кредит оплатило только авиарейс.

ОТВЕТНЫЙ ВИЗИТ

Поляки, должен вам сказать... народец мелочный, пакостливый и бессовестный. То есть взять — всегда с превеликим удовольствием, а вот отдать — не хочется никогда.

Ю. Максимов

Супруги, пан Войцех, круглолицый, гладко причёсанный и с провисшими усами — настоящий шляхтич! — и пани Зося, высокая и стройная блондинка, в гостях вели себя раскованно и просто. Пили только трое — они и Анатолий; хозяйка же дома Люда уже после первого тоста за знакомство выпала из соревнования и вообще переместилась на кухню, поскольку пришлось накрывать стол второй раз — салаты из свежих помидоров и огурцов, и из капусты, котлеты с картошкой и фаршированный перец были съедены почти мгновенно. Ещё бы! Две бутылки водки как будто испарились, хорошо, что в записке у мужа имелась третья. Но пришлось ему всё же бежать и за четвёртой. Это когда Люда готовилась накрывать стол в третий раз, поджаривая куриные окорочка и с ужасом наблюдая, как опустошается холодильник — под угрозой уничтожения оказывался завтрак. Пили гости по полной рюмке, и ели без стеснения всё что предложат, и очаровательная пани Зося нисколько не отставала от мужа, хотя отличалась от него комплекцией. Даже курила столько же, сколько и мужчины.

Говорили о жизни у них, в обновлённой Польше, и в нашей с трудом обновляемой Украине, о своих детях. Когда пани Зося вышла с сигаретой на балкон одна — курила она чаще и больше мужчин, — а Люда находилась в кухне, пан Войцех наклонился к Анатолию и, слегка понизив голос и многозначительно подмигнув, поведал, что теперь у них, в Польше, и с девочками нет никаких проблем, были бы деньги.

Вечером гости долго плескались в ванной, но хозяева уже не слышали этого — слегка перебранный хозяин давно отключился, и уставшая вконец хозяйка вслед за ним.

Завтрак был тоже очень плотным — водочка на опохмелку и потом на пососшок, яичница с салом, голубцы и блинчики с творогом к кофе, который наливали в чашки из стоящего на столе большого кофейника.

— Будем рады видеть пана Анатолия и паню Люду у нас в гостях! — приятно улыбались гости, покидая гостеприимный дом.

— Спасибо! Непременно! — в один голос благодарили за приглашение тронутые хозяева.

И с тех пор с нетерпением ждали — когда же удастся поехать с ответным визитом в Польшу.

— Поедем в январе, — предложила мужу Люда. — Зачем откладывать надолго?

— Рано! — не согласился тот, хотя ему тоже очень хотелось быстрее отправиться в зарубежную поездку. — Гости только за дверь, а мы следом? Давай в марте.

Наступил долгожданный март, и теперь гостей принимали пан Войцех и пани Зося. Те сидели, поджав ноги и оглядываясь, на низкой тахте в прокуренной гостиной — сидевшая в кресле пани Зося курила почти непрерывно и, как это, по-видимому, было у них принято, прямо за столом. Точнее, маленьким журнальным столиком, на котором стояла ажурная пепельница. Говорили о жизни у них, в обновлённой Польше, и в обновляемой Украине, о своих взрослеющих детях. После десятой сигареты Анатолий почувствовал, что в пустом его желудке неприятно сосёт — уже несколько часов, как они ничего не ели, и заёрзал. Он взглянул на жену, которая, похоже, тоже чувствовала некоторый дискомфорт, хотя была чуть поплотнее его и должна иметь больший запас прочности. А они всё ещё говорили и говорили о жизни у них в Польше и на Украине, о своих детях здесь и там.

— Что, чайку, может быть? — наконец как будто поняла состояние гостей пани Зося.

— Конечно! — чуть не всплеснули руками те, и Анатолий собрался было даже встать, чтоб идти на кухню.

— Сейчас я принесу! — улыбнулась очаровательная пани Зося, взяла маленький поднос и удалилась; через некоторое время она принесла на нём четыре маленьких чашечки чая с прозрачными ломтиками лимона.

— Может, выпьем? — спросил улыбаясь пан Войцех, потянувшись к бару.

— Конечно! — чуть не вскинул вверх в восторге от предложения Анатолий, полагая, что тут уж без хорошей закуски никак не обойтись.

Пан Войцех достал маленькие рюмочки и уже початую и наполовину порожнюю бутылку виски, пани Зося приготовила и принесла четыре малюсеньких слегка смазанных маслом бутерброда.

— За здоровье гостей!

И они продолжили разговор о жизни в Польше, на Украине, о трудностях жизни там и тут, о своих непослушных детях, с которыми немало проблем в современной в корне обновляемой жизни.

— Не хотите ли принять ванну? — спросила гостей пани Зося, когда уже стемнело и те едва сидели на твёрдой тахте; поняв, что так и не удастся поесть как следует, они уже клевали носами и рады были хотя бы быстрее отправиться спать.

— Да, конечно! С удовольствием.

— Войцех, сначала сходи помойся ты — там наш Юзик оставил воду после себя, — распорядилась пани Зося. — Потом предоставим ванную гостям.

«Хорошо, что нам не предложили ту же воду!» — подумал с раздражением Анатолий, у которого сейчас было одно единственное желание — выбраться отсюда как можно быстрее и никогда больше не видеть ни пана Войцеха, ни его фотомодель. Ни здесь, ни у себя дома.

г. Снежинск

Галина Федорова-Косарева Простого бабьего счастья ищи

* * *

Не лебедь черный, и не лебедь белый,
и не павлин нарядный —
всего журавль болотный,
скромныя длинноногий, гроза лягушек.
Журавль — он стерхом на Югре зовется.

Но как за сердце крик его хватает,
когда по осени клин журавлиный
плывет по небу и, прощаясь, плачет!

И душу от земли, от озера и пашни,
от леса и овина, огорода, поля
отрывает. И нас зовет в воздушные просторы.

И музыки оранжевые звуки
крылами журавлей
шумят над нами.

Плоть — от духа.

Мышцы рвут
Слезы исполина в круге.
Как он мал —

земной наш круг!
И в Нью-Йорке небо низко,
Хоть проколото насквозь.
Эрнст, кентавра тень уж близко.
А с Уралом сердце врозь!
Врозь тоскует!

Вместе плачет!
Два лица, и мысль, и значит.
Горло вот,

чтобы кричать.
Руки — камню голос дать!

Город, горы, поворот.
Слава — у чужих ворот.
Древо жизни — шаг вперед.
Солнце и небесный свод!

Эрнсту Неизвестному — в Нью-Йорк

*В Челябинске была проведена выставка
работ Эрнста Неизвестного*

Голод, горе, огород.
Горы, град и горький плод,
Горло, мелкий черный черт,
И черта — бесповорот —
но... Отделили твердь
от неба,

Вечернее

Комната моего одиночества —
я, радио и блокнот.
Стайка машин на улице —
носами в мое окно.

Яви и Нави граница
с востока на запад легла.
Днем свет отраженного солнца.
Ночью фонарь — городская луна.

Улица Пограничная,
Круглосуточный магазин.
«Белое и красное» вместе
для похорон и крестин.

«Рюмочной» притяжение —
русский рок старика и юнца.
Бредет по улице медленно
любитель пивка и винца.

Жизнь гаснет в расцвете самом,
тлеет, брызжет слюной.
Вороны кричат истошно.
И Смерть стоит за спиной.

Коммуналка

Кухня рождает клубы
запаха табака.
Крики соседей грубы —
мат-перемат. И пока
дети режут за стенкой —
стучит молоток у виска.
Сдуй осторожно пенку.
Останется пыль и тоска.

Ночное

За горизонт уходят закатные огни.
На блюдечках — творожное печенье.
Зачем печалиться, когда мечта манит,
И свечи волшебством раскрасили творенье
Божие. Уж светел стал восток.
Ты улыбнулась. Песня в форточку влетела.
Вибрация смычка, как воздуха глоток.
Все краски ожили, и Основная зазвучала
Тема.

Ветер с востока

***

Шорох камыша.
Проснулся утренний свет.
Ввысь взмыли утки.

***

В весенней ночи
Нежно поет соловей.
Зовет подругу.

***

По звонкому льду
Шагаем осторожно.
Рассвет обманчив.

Красками манит небо.
Гляди, сломаешь ногу.

***

Снег черный тает.
Ручьи уносят зиму.
Мечты уплыли.
Грезы смывает дождем.
Но почки вербы дышат...

***

Вечер струится.
Розовым светит закат.
Дарит прохладу.
Вода смиренно тиха.
Сумерки. Ветер уснул.

***

Весной грязь кругом.
Мы топаем по лужам.
Грустят сосульки.
Недолго им осталось
Играть, звенеть и плакать...

Из Гёте

Тихо моря гладь застыла.
Спит спокойно бездна вод.
Озабоченно-печален
Юнги взгляд на ост и норд.

Ниоткуда дуновенья.
Смертью дышит тишина.
За далеким горизонтом
Затаилась волна.

Двойные звезды

Закон всемирного тяготенья:
Ты и я, я и ты, мы!
Двойные звезды, компаса стрелка —
И это все — о любви?

Молчанье печали прощальных объятий
Меня до сих пор жжет.
Твой запах я слышу, хотя ты далеко.
Я пью этот горький мед.

Тысячи лет все поют о любви:
Рисуют, рифмуют, кричат.
Тайна влеченья, ласки творенья —
химия, просто химия, брат!

Грудь чутко дышит. С надеждою ветер
Ноздри ловят. Морская даль
Мне напомнит то утро. Твое пробужденье.
Твой запах. Север. Февраль.

Тебе...

На ложе лежа,
хлебала бы ложкой
простого бабьего счастья щи.

Но где ж дорожка
до той сторожки,
где карусельные сверкали дни!?

Там солнце вечно,
цветы беспечны.
Там вальс танцуем с тобою мы.

И где б ты ни был,
наш дом — быль-небыль —
Хлебаем супчик и пьем чай.

Не я, не я — Я

Я — лунная дорожка на воде.
Я — солнца свет, струящийся в окошко.
И речка — я, журчащая в фате.
И я — хрустальный башмачок на ножке.

Я — травка, и лягушка в травке — тоже я,
И золото в речном песочке — я, конечно.
Я — тихий разговор вечернего костра.
Я — рюмка с квасом, и печенье —
крекер «Нежный».

Я — это я, и пусть смеется тот,
Кто лишь с рубашкою себя отождествляет.
Какой же кока-колой он впотьмах
Нектар дыханья жизни запивает?!

Но тут должна заметить я, друзья,
Что этот дурень с кока-колой — тоже я!

Шерше ля фам

Кубики, кресла,
квартет, кабинет,
Карлик, купанье,
портрет и кадет...
Дамы смеются,
девчонки поют.
Мужчины гарцуют,
привет и салют!

Но время летит,
как рассвета игра,
И молодость лихо
катит со двора.
Согнувшись,
красавица тихо бредет,
И слышит вполуха,
и внучку зовет...

*

Увы, восторгов больше нет,
и загрузили наши дамы.
И пьют коктейли
в чуткой тишине.
Но кто ж теперь вам скажет,
боже правый,
Шерше ля фам,
и вновь и вновь шерше...

И все-таки весна бессмертна,
и бессмертна память.
Итак, шерше ля фам, месье,
и вновь, и вновь шерше...

г. Челябинск

ПОЗДРАВЛЯЕМ

Наших авторов — лауреатов и дипломантов
Южно-Уральской литературной премии 2011 года:

Олега ПАВЛОВА,
Сергея БОРИСОВА,
Павла ХРИПКО,
Анатолия КУХТУРСКОГО,
Юрия ТОСКАЛЁВА,
Маргариту ЕРЁМЕНКО.

Желаем дальнейших творческих успехов!

Душа бездомная болит**Просто живу**

Всяк волен выбирать одну дорогу.
Но нам не изменить судьбы сюжет.
У каждого хребта свои отроги.
Расчитан век на сто ближайших лет.

Остановить движение вселенной,
Разбег галактик и рождение звезд
Не сможет даже самый мудрый гений,
Задумав перестроить все всерьез.

Но кто знаком с пространством вариантов,
Отыщет в нем единственный свой путь.
И среди сотен тысяч фолиантов
Откроет тот, где высший смысл и суть.

Мы едем и едем в Абхазию

Мы едем и едем в Абхазию,
В страну первозданной души,
Но медленно до безобразия
Ползем вдоль Российской глуши.

Сомлев от жары, черепашится
Наш потный гремящий состав,
И тащится, тащится, тащится,
От мук изнуренья устав.

Сидим, словно пряники, липкие,
До моря рукою подать,
Мыслишки рождаются хлипкие:
— Умел бы наш поезд летать...
Чтоб гордо, как «ИЛ-восемнадцать»
Крылами пронзив высоту
Часов эдак, скажем, на двадцать
О море приблизил мечту.

У моря

Сижу, насупившись угрюмо,
В страницах ветер шелестит,
Терзают тягостные думы,
Душа бездомная болит.

Невольно сетую на море,
Клянущу судьбу и все подряд.
Все виноваты в нашей score
И, даже этот райский сад.

Аллеи стынут в старом парке,
Бегут по лужам пузыри.
Как на блинах плохой кухарки
Заместо дырок волдыри.

И вдруг из под куста внезапно,
Как тень, возник безногий пес,
Дрожа всем телом, в мокрых пятнах
Он хлеб в зубах куда-то нес.

Застыв при виде человека,
Пугливо выронил сухарь.
Сорока, прыгая по веткам,
Смекнула быстро — божья тварь.

Щенок растерянно и робко
Смотрел с надеждой птице вслед,
Затем глухой поросшей тропкой,
Заковылял, как старый дед.

И с этой горестной походкой,
В печалью залитых глазах,
Ушли беспомощно и кротко
Мои смятенья, боль и страх.

В густом тумане стыло море,
Шептало: «Нужно дальше жить!»
Ведь человеческие ссоры
С собачьим горем не сравнить.

г. Верхнеуральск

Алла Федосеев娜**Планета невидимок**

рассказы

Бомбила — философ

Да... Крутишь вот так баранку тридцать лет с хвостом. Я за это время сколько людей повидал, наслушался всякого. Хоть садись и романы, как Лев Толстой, пиши. Только, говорят, сейчас за это дело денег не платят, не разбогатеешь. Да и зарплата у меня приличная. Если, конечно, ласточка моя не заартачится, фыркать не начнет. Тогда, прощай калым! Сколько под ней пролежишь, не известно. Ладно, если собственных мозгов хватит разобраться. А если нет? Тогда гони её, родимую, в СТО. А там, если знакомства не завёл... Всё — пиши завещание! Пососут из тебя кровушки и денег. Потянут времечко. А время-то по нынешним временам — деньги! В самом прямом смысле. Крутишь баранку, наматываешь дороги на колёса, — значит, живёшь. А без денег — какая жизнь? Пенсии только на курево и таблетки хватает. А так, чтобы душу гармошкой развернуть... В общем, крути и крути, пока ещё медкомиссия поверх очков смотрит на твои хвори. Вот и кручу. И жизнь-то почти вся уже на спидометре. Едешь, глядишь через стекло на улицу и думаешь: вот куда этот старикан тащится? Спина коромыслом, руки работёнка тяжёлая вытянула... Ниже колен висят. Глаза уж не видят ничего. Шаркает тапками по асфальту, шуруется... И главное, — улыбается. А чего улыбается? С чего ему улыбаться, если жизнь с ним, как с черепахой, обошлась — вывернула, вытряхнула и смотрит: чего бы ещё такое с тобой, жизнелюбец, сделать, чтобы ты улыбку-то свою за пазуху засунул, не раздражал прохожих? Им-то, прохожим, некогда друг дружке в лицо глянуть, улыбнуться, головой хоть кивнуть. Они ещё в силе, им ещё до старости топать и топать. Они все при деле, торопятся. Их время на вес золота! Вот и отворачиваются от стариков, чтоб не видеть, не думать, что и они когда-нибудь такими же будут — жалкими, слабыми, хворыми. Мешаться будут на тротуарах и в автобусах, раздражать нафталинным запахом и помятым, залежалым видом своей старой, недоношенной одежонки. Будут злить тёток в очереди, медленно пересчитывая мелочь в заскорузлой с негнушимися пальцами ладошке. Доводить до белого каления своей детской доверчиво-беззубой улыбкой в ответ на грубость и хамство. И, веришь, страшно мне становится. Со всем уж скоро переведутся, уйдут эти старики, вымрут, как динозавры. А кто останется? Динозавры и останутся! — Хищные, безжалостные, зубастые. Это что же тогда получается? — Эволюция вспять пошла? А если ещё принять во внимание, что Дарвин-то слукавил, похоже, пристегнув человечество к обезьяньей родословной? Что-то не слыхивал я, чтоб из какой-нибудь знакомой обезьяны человек вылупился. Ну, какой из обезьяны человек? Обезьяна, она и в человеке — обезьяна!

Вот говорят, — простота хуже воровства! А почему хуже? Простота, как я понимаю, это открытость, неумение лукавить, обманывать. Ну не научен человек другого обижать, больно делать, по головам шагать... И что? Кому от этого плохо? Ему только и плохо. А остальным — выгода одна! Простота — то не обманет, не подставит ножку, не предаст.

Я вот считаю, что слабые и беззащитные как раз и нужны человечеству. На их фоне легче выглядеть умным, оборотливым, деловым. И силу свою показать. Слабый сдачи не даст. Другую щёку подставит. А сильный ударит. Обязательно ударит! — За то, что внутри него самого что-то там ещё человеческое шевелится, колет чего-то, а то вдруг и заноеет, заболит... А зачем ему это надо в двадцать первом веке? — Рудимент какой-то...

Вот было же совсем недавно слово такое — совесть. Не пустым звуком было, а качеством, частью души, приметой человека. И краснеть люди умели. Вот, поди ж ты — и компьютеры эти ещё в глаза не видывали, и про «ай-фоны» и «ай-пады» ничего не слыхали, и секса, как оказалось теперь, у нас не было... А любить, жалеть, стыдиться и краснеть умели.

Как жизнь-то упростили нынешнюю! — Пошли, займёмся любовью! — А что? Пошли! Трах-бах... Ну, может, ещё один трах. — Делов-то! И думать не надо, отчего это у тебя голова кругом и мир колесом, когда ты эту девчонку видишь. Даже не видишь, а только услышал, почувствовал её присутствие где-то на другой стороне улицы... И всё! — Пропал! Летаешь без крыльев, безмозглым становишься с мозгами, слепым с глазами... На любой подвиг готов — хоть в омут с головой, хоть рыбкой с крыши. Она только бровью соболиной поведет, а ты глотку любому готов порвать, если не так он взглянул на неё, не то слово сказал

при ней. Сколько ночей надо не спать, чтоб только услышать её дыхание на своём плече, ладошку её в своей дрожащей подержать... Мечтать о ней, как о самой великой награде. Видеть в ней единственную, одну на всю жизнь. Жену в ней видеть, мать своих детей. А не «тёлку», с которой в кабак можно смотаться, «перепихнуться по скорой», а утром, даже имени не спросив, разбежаться в разные стороны, без вины и благодарности, без всяких обязательств и претензий. Проще даже, чем у обезьян.

Слышал я недавно по телику, что учёные такую штуку открыли... Вот, если девушка, например, до свадьбы «в свободном плавании» по жизни ходила, из рук в руки, а потом замуж выскочит, да ещё ребёнка решит родить... Тут такая закавыка, киндер-сюрприз может выскочить. И ещё неизвестно, чем оно обернётся, замужество это. Ребёнок-то, оказывается, запросто может уродиться в того мужика, который первым был. Там у неё как в сейфе хранятся его гены, до поры до времени. А потом, как выстрелит эта заначка! Представляешь, если мужик-то этот первый африканцем или ещё каким разноцветным был? Их ведь теперь по всей России видимо — не видимо. А девки без разбору, без оглядки — Люблю! Вот она я, вся твоя! Бери — не хоч! — Вот и берут все, кому не лень. Их в борделях по всему миру знаешь сколько? Самые красивые, породистые — генофонд, можно сказать, российский по миру раскидали. А что себе оставили? Половина родить не может. Искусственное оплодотворение придумали. Ну с колбами там, с пробирками... Тут можно понять. А как тебе суррогатное материнство? Суррогатное... Слово-то какое противное. Да меня не от слова тошнит, от того, что женщина дар свой, природой даденный для сохранения рода человеческого, в товар превратила. Себя, тело своё в чужие руки отдала. — Нате, делайте, что хотите! — Дитя под сердцем девять месяцев носит, соками своими, кровью своей питает, силы расходует, здоровье. А как родит, тут и оказывается, что он и не твой вовсе — чужой он. А на чужой каравай, известно, рот не разевай! И забудь, что носила его в себе. Так и не каждая на такое способна. Инстинкт-то материнский куда денешь? Вот и воют потом под чужими окнами, по судам таскаются, адвокатов нанимают... А закон-то не для неё, дуры несчастной, написан. Он для тех, кто свои проблемы привык деньжищами решать. Их время пришло, значит, и правда на их стороне. Так получается?

Я вот про инстинкт ещё хотел сказать. Тоже ученые говорят: отмирает он у нынешних баб, как хвост у обезьяны, которая потом человеком, якобы, стала... Ну, про тех, которые карьеру делают, бабки большие заколачивают, всё понятно: им ни дети, ни мужья не нужны. Дети для бизнеса и вольготной жизни — морока одна. Такая себе для сохранения здоровья любого мужика найдет, только пальцем щёлкнет. И штаны-рубашки стирать не надо. А постоянный-то с ней жить вряд ли будет. Если у неё бизнес и деньги, значит она главная. А какой настоящий мужик такое стерпит? Вот и вертятся у неё под рукой альфонсы молодые. Они деньги, шмотки, тачки и жизнь сладкую любят. И работа не пыльная — быть постельной принадлежностью при богатенькой тётке.

Тут тоже всё понятно. Я про других, которые пьют наравне с мужиками и детей своих голодом морят, убивают, собственными руками душат, с балконов бросают, зимой в мусорных баках умирать оставляют... Вот, что это? Как это? Это ж... Даже волчица такое не сделает. Она зверь, а к логову пока живая не подпустит. И обезьяны детеныша своего ли, чужого — всем табором нянькают. А люди? Получается, хуже зверей? Бабки наши в войну, в голодуху последнее отдавали, сами пухли, на смерть шли, а детей спасали. Понимали, что роду человеческому продолжаться надо. Иначе вымрет страна, затопчут её чужаки, разорят, сотрут с лица земли. Не для этого же предки за неё воевали, чтоб мы, потомки, вот так запросто от лени своей, от бездумности всё разрушили, растрясли по свету память свою и обычаи. Песни свои забыли. Язык родной исковеркали.

У меня племянница в Америке живёт. Уехала ещё в начале девяностых. Иностранной она как свои пять пальцев знает. С измалства в школу английскую ходила. Тогда, как перестройку эту верхи наши затеяли, многие границу рванули, к хорошей жизни. Вот и она, Ирка, тоже замуж за иностранца выскочила и улетела. Там через какое-то время разошлась. Ему, оказывается, служанка нужна была за престарелой матерью ухаживать и квартиру обихаживать. Он Ирке-то изменять начал со второго дня, как прилетели. Ну, вытерпела Ирка, сколько надо, вид на жительство получила и помахала ручкой своему американцу. Ещё и деньжат с него высудила за рукоприкладство. На эти денежки дело своё открыла — бизнес. Нашла такую же одинокую залётную птаху с Украины, сложились и стали бизнесвуменшами. Контору свою открыли, чин-чинарём. И назвали, если на русский перевести, «Чистюля». В общем, как она рассказывала, американки эти домашними делами ой как не

любят заниматься, даже обедают в ресторанах. А ресторанами у них всякие забегаловки называются. Даже самые замухрастенькие, а туда же — ресторан! В общем, звонит такая распустёха в Иркину контору, заказ делает, дату назначает. Сама в это время из дому отбывает в какое-нибудь приятное заведение. А Ирка подкатывает на машине своей со всеми причиндалами, моет, трёт, пылесосит. Потом сдаёт работу и считает денежки. Налоги платит. Всё как положено. У них с этим делом строго. Так опять же налоги-то человеческие, последнюю шкуру не дерут, подходят индивидуально, всякие там льготы предусмотрены, послабления. Жить можно. Это тогда она уехала с ридикюлем, в одних трусёшках, — гольтьба уральская. А сейчас у неё дом свой, две машины, пять собак, помощница по хозяйству и дочка. Родила — не говорит от кого. Анька — девчонка смуглая, кучерявая, черноглазая. Шпарит на трёх языках: на своём родном американском, на французском и на нашем — русском. Ирка молодец! Правильно рассуждает: «Раз корни русские, значит, язык своих предков знать должна!» Пушкина мне Анята читала. Всего «Онегина» знает. Без акцента говорит, как мы с тобой. Заслушаешься... Ну так вот, к чему это я? А, да... — вот к чему! — Они там, за границей, в чужом миру родной язык берегут, хранят, помнят, детям своим передают. А мы здесь, что делаем с ним, родным нашим? Вот, когда с людьми в возрасте ещё разговариваешь, всё понятно. Они словечко к словечку подбирают, чтобы смысл не поменять, не ввести собеседника в заблуждение. А порой, наоборот, так ввернут, заслушаешься, залюбуешься. В каждом слове столько смыслов и оттенков. Только русский и поймет, что ты сказал, что хотел сказать и на что намёк был. А вот когда молодежь рот разинет... Бывает, слушаю, слушаю... Вроде по-русски говорят, а понять, ничего не поймёшь. Четыре буквы только и употребляют — «Б», «Х», «Е» да «Ё». Мне одна учительница говорила, что молодые книжек-то совсем не читают. А ещё один умник закон вывел: «Те, которые читают, всегда будут править теми, кто в телевизор пялится!» Вот тебе и формула. Ну, про мат я вообще помолчу. Умный, он его бережно тратит, так словеса стелет, что заслушаешься. Опять же, смотря в какой компании. Тут головой думать надо, если она, конечно, есть. Не при дамах и не при детях. Мат наш российский — это ж особая культура. Тут свои мастера есть. Мат — он и оружие. Так хлестанет, убить наповал можно, умеючи. А эти, молодые... Усы уже пробиваются, а изъяснятся не умеют. Умный человек мат для связки слов применяет, а этим и связывать нечего. Запрети им матерные слова использовать, они и замычат. Других-то не знают. Не научили мамка с папкой родному языку, тому, на котором деды и прадеды говорили, в любви друг другу объяснялись, песни колыбельные над люлькой пели, в последний путь — дорогу провожали... Вот они где, обезьяны-то, из нас теперь лезут.

Э-эх! Ёлки зеленые, да шишки ядрёные! Едешь, едешь с таким молчуном, как ты... Извини, не знаю, как звать — величать. И сам с собой говоришь всю дорогу. Редко кто поддержит. А которые так ещё и обижаются! Типа, чего разошёлся, умнее других хочешь казаться? Да ничего я не хочу! Просто надо кому-то душу излить, вот и изливаю сам себе. Из одного стакана в другой и обратно... Правда, был у меня один случай... Попался чужак на букву мэ. В драку полез, когда попросил его вежливо не смолить в салоне. Я сам-то давно это дело бросил из-за давления. А этот хайло разинул и давай испражняться. И слова такие поганые всё выплёвывает. Ну я тоже — не в рукавицах шитый... Ох, и пообщались мы. Аж затошнило. Всё, чувствую, край! Вдарил по тормозам и думаю: «Тут гада прижучить ключом гаечным или до лесочка довести?»

— Валий! — говорю, — охолопись малость! Заодно глянь там, — кажись, задние стопари не горят. Ну, вывалился он. Кругом темень, степь... А я следом сумку его выкинул на снег и как дал по газам. Километра три матерился. Весь наш богатый родной язык вспомнил. Вот отвёл душу, так отвёл!

А ты говоришь, красота...

Помню, был у меня один заказ. Выгодный. И пассажирка попалась разговорчивая. Это я к тому, что пока везёшь, всякого наслушаешься. Молчуны, те так: «Да... нет... ну...» А говорливые, как откроют рот, так вместе с дверцей машинной и захлопнут, когда уж до места доедут. А приврать любят... Таких кружеров наплетут, граблями не разгребёшь. А другой попадётся... Лепит прямо в лоб, слов не выбирает. Всё больше народные выражения в ход пускает. Нормальные только для связки слов использует. Уж, на что я, при своей колёсной жизни привык к фольклору нашему... А и то, бывает, не знаешь куда деваться, хоть стой,

хоть падай. Ну, дамочки, они, врать не буду, помягче стелют. А и среди них такие штучки иногда попадают... Так ввернут болт под шкуру, — ёрзать всю дорогу будешь.

А, вообще, слушать я люблю больше, чем трепаться. Много о жизни узнать можно. Это тебе — не учебники или канал «Культура». Там у них говорят, как по писанному. И слова всё такие правильные, бесцветные, как в хлорке отмоченные. А то ещё выпендриваться начинают: «Плюрализм, парламентаризм, антиглобализм, семитизм...» Тьфу! Одни измы! Будто клубок змеиный за пазухой ворочается. Правда, эти, которые такими словами разговаривают, что индюки — сплюнет пару фразочек через толстую губу и посапывает всю дорогу. У таких всё по плану: на конференции или совещании отоспятся, коньячком мероприятие сбрызнут и — домой, отчёты строчить. Чаще народ простой попадает, разговорчивый. Дорога, она любому язык развяжет, особенно если человеку невтерпеж, выговориться надо, душу облегчить. Я к тому, что ехала у меня одна интересная дамочка. Из гостей домой возвращалась. Подкатил я, значит к самому крыльцу универсама. Стоит в сером пальто с большой клетчатой сумкой. Не старая ещё, я бы даже сказал интересная. Уселась на заднем сиденье, поёрзала, устроилась удобнее. Затихла. Какое-то время глазела в окно. А смотреть-то особо не на что — вдоль дороги белые заснеженные поля. Кое-где на горизонте маячат какие-то кустики, реже деревья. Интересного там ничего не высмотрела, конечно. А впереди нам с ней предстоял длинный путь — часа на три. Дремать она, видимо, не собиралась, а всё вертела головой, явно присматриваясь теперь ко мне. Я спиной чувствовал её заинтересованный взгляд. Несколько раз пересеклись с ней в зеркале. Она на меня поглядывает, я на неё постреливаю. Наконец, надоело ей молчать, — заговорила. И сразу на ты:

— Не скучно целыми днями баранку крутить? — спрашивает.

— Нет, — отвечаю, — мне даже нравится. Тридцать лет за рулём. Привык.

— Работа-то неподвижная... Геморроя ещё не высидел?

Меня даже смутила её бесцеремонность.

— Геморроя нет, — говорю, — а гастрит заработал.

— Ну да, в дороге-то всё сухомытка больше...

— Почему же, сухомытка? Сколько угодно кафешек и шашлычных на обочинах. Можно позавтракать и пообедать...

— Это ж много, наверное, надо зарабатывать, чтоб в кафешках питаться каждый день?

— Мне хватает.

— Ну, конечно, если одинокий. Семьи-то, видать, нету. Вот и хватает.

— Это почему Вы так решили? И семья есть, и любовница.

— Ты мне про семью можешь не врать. Одинокого мужика за версту видно. А любовница — не семья. Любовница — дело нехитрое. Она как щука, в постоянной охоте. Затаится и выжидает какого-нибудь краснопёрого окушка. А потом — цап! И нету дурачка. С хвостом заглотит. Ещё и не переварила, а сама уже другого высматривает, пожирнее, потолще. Я в смысле доходов говорю. Денег-то много ей, прорве, требуется.

— А Вы-то откуда знаете?

— Да уж знаю... Мой Васька гулёнистый был. Нервов мне помотал: Будь здоров! Знаю я этих пиявок. Мало, мужика рвут от семьи, так ещё и деньги тянут. А вы, мужики, и рады стараться! — Подарки, колечки, цепочки...

А ей, любовнице-то, что надо? — ей денежки твои нужны, заморочки свои за твой счёт решить, ребёнка поднять на чужих плечах... А как выдохнется мужик, так с плеч долой, из сердца вон! Характерами не сошлись! А мужик-то, он же тоже человек. Его кормить надо, лечить, жалеть... Горчичники ставить, поясницу растирать, таблетками поить... А кому оно надо, кроме жены, которая детишек его растит, да папку уважать учит? А уважать-то бывает, и не за что. Вот и мечешься меж двух огней. Это не в подушках пуховых кувыряться, да на песочке у моря загорать.

— Не все же такие коварные. Есть, наверное, и среди любовниц добрые души?

— Может, и есть... Только я таких не встречала.

— Оно и понятно. Вы ж не мужчина.

— Чего понятно? У меня половина баб знакомых в любовницах чьих-нибудь ходит. Наслушалась. Я им, конечно, не завидую. Тоже мало хорошего, — в одиночку мыкаться да ещё с ребёнком. И всё равно! На чужой каравай рот не разевай! На чужом горбу в рай не вьедешь! — известно.

— Уж очень Вы категоричны, уважаемая! Не суди, да не судима будешь! Слыхали?

— А я право имею судить! Сколько я пережила из-за этих вертихвосток, никому не пожелаю. — Она замолчала и опять уставилась в окно.

Я не стал развивать тему дальше. Закурил. Чуть открыл форточку. Включил приёмник.

— «Ах, эта свадьба, свадьба, свадьба пела и плясала. И крылья эту свадьбу в даль несли-и-и...», — неслось из громика, предлагая тему для более оптимистичного продолжения разговора.

— А я, представь себе, со свадьбы и еду! — оживилась моя пассажирка. — Племянницу выдали. Девка — красавица, каких поискать! Два высших образования. Всё при ней! А она за китайца вышла. Маленький такой, улыбается всё и глазки шурит. Да, бог с ним, с китайцем этим! Любовь зла, полюбишь и китайца.

— Да-а... Время сейчас такое, наверное, — куда ни глянь, одни красавицы кругом!

— Ну, уж нет! Какие там нынче красавицы? Их в бане потереть, косметику с лица отскрести... Так от иной не отскрестишься! Такое чучело, не дай бог во сне приснится. — Вот, бедный тот мужик, который такую в первый раз утром в постели увидит! — Она захохотала. — Настоящая-то красота, она без косметики видна. Она и в старости никуда не девается. Вот, у меня тётка есть — Зинаида Петровна. Ей уж далеко за восемьдесят. А красота-то никуда не ушла. — Улыбка, взгляд, стать... Я про морщины не говорю... Это только в телевизоре умники нам мозги пудрят, что в пятьдесят лет женщина должна снова в сопливую вертихвостку превратиться, без морщин и мозгов. По нынешним меркам Зинаида, конечно, не модель. И не была бы никогда, если б даже годочки назад отмотать. А вот глянешь на неё, и понимаешь — красавица! Она и замуж вышла не так просто. Вернее, так, что другую бы и не взяли... Нет, может, и взяли бы... Только... А давай, расскажу, как она замуж вышла?

— А что, необычное что-то?

— Ой, — махнула она рукой, — не то слово! Срамотица! Господи, прости!

— Ну вот, значит, — начала она свой рассказ, — окончила Зинаида техникум и подалась в Сибирь на стройку молодёжную. Тогда их много было, строек этих всесоюзных. За деньгами ехали в основном. Квартиру можно было получить скоро. Города как грибы росли. Кто судьбу свою надеялся там встретить. Вот и Зинаида встретила там своего Ивана Ефремыча. Он сам-то из-под Рязани. Сирота. А парень... — не парень, а золото! Добрый, приветливый, рукастый. В передовиках числился. И деньжищи заколачивал немалые. Ну вот, встретились они, познакомила их подружка на свою головушку. У неё-то у самой на Ваньку виды были. Но, видать, судьба такая была им — Ивану с Зинаидой встретиться да полюбить друг дружку. Жили в общежитиях. Он — в мужском, она — в женском. Ни про какую квартиру тогда ещё и лапоть не звенел.

Я и говорю: «Полгода уже встречаются, а всё на уровне вздохов и лёгких пионерских поцелуев в щёчку». Ванёк был парнем скромным, уважительным, ну и трусоватым с женщинами. Зинка-то первая у него была. Да и он у неё тоже первым был. Ходят, взявшись за ручки, провожаются до полуночи. А потом в общагу — выспаться надо. С утра на работу. Опаздывать да прогуливать, сам знаешь, тогда не принято было.

Ну вот, гуляют они как-то вечером... А у Зинаиды живот разболелся... Прямо революция в животе — урчит там всё, бурлит и наружу просится. Может, винегрет вчерашний состарился раньше времени меж оконными рамами? Холодильников не было, вот в окошко и ставили обеды-ужины и продукты разные. А Ваня всё не отпускает: «Ещё да ещё погуляем...»

Терпела Зинаида, терпела... Видно, переоценила свои возможности. В общем, вырвалось Зинаидино содержимое наружу. Прямо в новые шелковые панталоны. А что тут поделаешь? С природой не всегда совладать можно. Задумалась девушка: «Надо как-то выкручиваться». И придумала:

— Вань, тут у меня модистка живет рядом, я забегу на минутку? Блузку надо забрать срочно. Ты тут постой! А я мигом обернусь!

Забегала она за какую-то сараюшку, сдёрнула панталоны обновлённые, завернула аккуратно в газету и положила в сетку. Выходит, значит, к Ваньке, улыбается, как ни в чем не бывало...

— Зин, погуляем ещё? Давай я понесу... Ну, отдала... И забыла.

Погуляли ещё часок. Разошлись за полночь. Ваня света в общежитской комнате не включал. На цыпочках прокрался к своей кровати, чтоб не разбудить мужиков. Разделся быстрехонько и лёг. Вспомнил, что в сетке лежит и мнется новая блузка любимой девушки. Не поленился, — встал опять, тихохонько достал её, встряхнул и повесил на спинку кровати. И тут же уснул, довольный, с чувством исполненного долга.

До утра поспать не удалось. Среди ночи разбудили мужики. Растолкали сонного, окружили кровать и ржут. Некоторые, правда, матерятся. Но так, — беззлобно. Ванёк глаза протёр и оторопел:

— Вы чего ржёте, жеребцы? Чего надо?

Зажав носы, мужики тычут пальцами в сторону спинки кровати:

— Это чего у тебя?

Ванька повернул голову, разглядел «Зинкину блузку» и вскочил, как ужаленный. А тут и запах учуял... Ну, сам знаешь какой.

А Зинаида, когда уж в общежитие-то добра своего хватилась, — всю ночь не спала, вочкалась, картины одну страшней другой рисовала в уме... Решила чемоданишко собрать и уехать на край света от стыдобушки. Кое-как день прожила...

А вечером припёрся серьёзный Ваня, отдал сетку с завернутым в ту же газетку сокровищем и сделал предложение руки и сердца. Он полагал, что своим безответственным поступком опозорил любимую девушку и теперь, как настоящий мужик, должен немедленно жениться. Единственно, чего боялся, — сам потом признался, — так того, что она, любимая, пошлёт его куда подальше. Но Зинаида, пряча смущенные глаза, кивнула жениху утвердительно и протянула руку. Как жизнь показала, — на все прожитые ими в любви и согласии шестьдесят семь лет.

— Дай им бог здоровья и счастья! А ты говоришь, красота... — нелогично закончила рассказ моя пассажирка и задумчиво уставилась в окно.

Планета невидимок

Ты глянь, как нафуфрындилась! Фу ты — ну ты, лапти гнуты! Где ж ты, милочка, была? Погляди только, что с собой женщины делают! Волосы оранжево-красные, прям солнышко спросонья. Губы и ногти, как у утопленницы, — фиолетовые. Глазищи накрашены всеми цветами радуги. И не разберёшь, какие они у неё там на самом деле. А ресницами-то хлопает... Опахала, а не ресницы. У нас в детстве корова была Райка. Так у неё точно такие же были. Мы ей майского жука садили покачаться. И у этой не меньше будут. Приклеила, конечно. А фигурка — ничего. Я таких окладистых и гладких уважаю. Как по лекалу сработана. Изгибисто-перегибистая. Так бы руку положил ей на плечико и пустил бы сверху вниз в свободное плавание... Так ведь не даст. Ишь, как неприступно глянула: «Не лезь, а то убую!» — Пять тысяч вольт — не меньше!

Всю себя предъявила, какая есть! И гадать не надо, итак всё понятно — женщина в свободном полёте и долгом поиске.

Вот, помню, ещё в пятом классе, кажется, в учебнике ботаники прочитал — растения, чтоб пчёл-опылителей привлечь, такую хитрость придумали — цветочками покрываться. И, что самое главное, чем поганее это растение, тем ярче цветок. Даже на дне морском такие есть. Красивые, яркущие, распахнутые! Рыбка подплывет к такому поклевать чего-нибудь... А он, ядовитый, раз и захлопнулся, гад! Поминай, как звали рыбку эту. Цветочек-то переварит её, дурёху, и косточками не подавится! Я вот заметил, что и бабы — чем пестрее да закавырестей, тем ядовитее штучка. Смелость надо немалую нашему брату иметь, чтоб к такой подойти. А про остальное-прочее и не говорю. Вот ещё паучиха такая есть — «Чёрная вдова». Слыхал? Да ты что? Это ж прямо вся женская суть в этой твари сошлась. Она ж такая ядрёная, здоровенная, лапищи мохнатые, загребущие. Паучка своего, в жертву выбранного, так охмурит, — он, загипнотизированный, к ней прямо в лапы сам и ползёт. Со всей душой своей открытой и простодырой. Старается, пыхтит, обихаживает супругу. Уж на сколько его маленького, тщедушного хватает... А как кончится любовь, она его — хрясь! И слопала. Сожрёт и не подавится, зараза. А в следующий раз опять какого-нибудь простофилю найдет и непременно съест. Они, бабы, без кровопролития не могут. Чуть что не по ихнему, всё — триндец нашему брату! Да я не пугаю. Я к тому, что умный мужик должен быть ко всему готовым. И знать должен, что к чему. Ботанику почитай! — Тогда никакая внешность мозги не запудрит. Антураж этот для глупых или тех, которые экстрим предпочитают. Им что? Чем круче мадраж забирает, тем больше адреналину в кровь выстреливает. Так шибанёт... А без взрыва в мозгу кайфа не словишь. — Это я тебе авторитетно заявляю. Так что, смотри и читай книгу жизни. С этими яркими всё понял? Ну а с бледными ещё проще. Бледные... Их в две шеренги можно построить: одних налево, других направо. Которые налево — эти

замужние. И давно замужние. Как мухи на липучке. Причём, жизнь у таких, сразу видно, не задалась. Может, муж пьёт... Или из себя ничего не представляет. Как говорится, ни конь, ни козёл, ни гусар, ни добытчик. Ну, понимаешь? А если и деток ещё куча... Да если в него все пойдут, мужа этого непутёвого... И куда ей при таком раскладе деваться? Рыпайся не рыпайся, — обязательно станешь молью бледной и бескрылой.

Ну, а вторые, которые направо, то есть правильные... Те, я считаю, побледнели от скучной жизни. Книжек много читают, сериалы смотрят... А в жизни практической, как инопланетянки — ничего не понимают, — мужиков боятся, с мамами живут до пенсии. Их умишком и пробавляются. А как мамонька уйдёт в мир иной... Она из бледной моли автоматически в стаю «синих чулок» перелетает и дальше усыхает, пока жизнь мухобойкой не прихлопнет.

А есть ещё такие... Вот, идёт тебе навстречу человек. Обут-одет, чего-то в руках несёт. А пройдет... И не вспомнишь, какой он? Или это она была?

Живет у нас в городе существо одно. Давно живет. Я его уж лет десять на улице встречаю. И всегда с авоськой — сеткой для продуктов. Таких уж давно ни у кого нет. А у него есть. Ну, чего-то у него там лежит... Продукты, наверное. Но я не на сетку, я на него смотрю и думаю:

— Кто ж ты такой? Одет всегда одинаково. В одно и то же — плащ-реглан болотного цвета. Когда-то такие были у военных — длинные, почти до щиколоток. Из-под плаща этого выглядывают утепленные полинялые уже штаны, заправленные в туго зашнурованные ботинки кирзовые. На голове старая зимняя шапка непонятного цвета и неопределённого возраста. На шею намотан в несколько оборотов вязаный ещё в прошлом веке шарф. Нижняя часть лица спрятана под «лепестком». Мы в таких, когда в армии служил, в атаку ходили. А потом уж на разрезе наши сандружинницы в соревнованиях участвовали, атомную войну репетировали. А над маской у него — очки — круглые стёкла в резиновой толстой оправе. В общем, лица нет. Есть маска. Руки у него зимой — в старых потресканных крагах, летом — в перчатках каких-то. Вот идёт он, этот человек-невидимка, а я каждый раз останавливаюсь столбом и смотрю вслед. И так мне крикнуть хочется:

— Эй! Кто ты? Какой ты, там под слоем старой одежды из прошлого века? Почему закрылся? От кого, от чего спрятался? От людей? Что ж они тебе сделали, что стал ты вот таким, — зелёным резиновым плевком на асфальте?

Или от себя ты спрятался? От своих болезней, страхов, тараканов в собственной голове, которых, как известно, никакими лекарствами и уговорами не изведёшь? Даже если под собственную шкуру спрячешься, в самые свои потроха нырнёшь.

А может, обиделся? От мира решил уйти? В свою скорлупку, как рак под корягу, как черепаха — в собственный панцирь? Кукиш решил показать миру?

Ты ж тоже был ребёнком. У мамы своей на коленях сказки, наверное, слушал. В школу ходил. С друзьями мяч во дворе гонял, в девчонок влюблялся... Где, на каком жизненном повороте споткнулся, на какой кочке потерял равновесие? Чего испугался? С чем не справился? Где твои родные? Есть же у тебя соседи? Где-то живёшь ты, наконец? Город — не пустыня. Люди вокруг. Или так тебе в один прекрасный день тошно стало от родных и соседей?

А я понимаю тебя. Если присмотреться, так мы все невидимки. Всё наше цивилизованное человечество, живущее на маленькой затоптанной, заплёванной нами же планетке. Ещё Блок в начале двадцатого века подметил: «Все мы не те, за кого себя выдаём, и те, которые понимают это, лгут вдесятеро больше. А тех, кто не лжёт, вообще, следовало убить при рождении».

Мы ж и вправду боимся быть такими, какие мы есть на самом деле. Да что быть? Подумать о себе правду, заглянуть в собственную душу...

Страшно? — Ещё как страшно! — Не прятать свои слабости и пороки, не скрываться за правилами и условностями. Сдерживаться там, где надо бы размахнуться и ударить. Улыбаться во весь рот, когда зубы от боли сводит, когда ими скрежетать хочется. Светиться от счастья, растягивать губы в улыбке, лоб морщить. А как же? — Всё у нас «о'кей!» И не дай бог, вдруг догадаются, что тебе не улыбаться этой морде хочется, а врезать от души промеж наглых глаз. Или по зубам, белым и глянцевым, как унитаз, что б не врал так уверенно и нагло про наши с ним общие права и равенства возможностей, про стабильное улучшение и развитие...

Вот и притворяемся. Научились, в целях собственной сохранности и общества в целом. Хотя, какое общество? Все мы давно уже «индивидуальности». Завернулись в шкуры, за-

лезли в свои раковины и отзывчивыми притворяемся. Счастливые нужны? Вот они мы — счастливые и довольные, согласные на всё, в ладоши хлопаем. «Ура!» — кричим. Активные и самосознательные понадобились? — Да вот же мы! Тут! На митинги ходим. Проораться так иногда хочется, пары спустить. В меру, конечно. Мы на любые реформы и «перезагрузки» готовы. Главное, увернуться успеть, вовремя голову втянуть, чтоб не задели, ежели чего. Друг друга боимся. Действительно, а чего от тебя ждать? — У тебя ж цвет глаз другой, кожа темнее, язык непонятный. Слуг своих боимся, общенародным голосованием нами же избранных. Чего они там, в верхах навьдумывают для нашей же пользы? Мыслей: и своих, и чужих боимся. Чего у него в голове? Вот бы подслушать. И в то же время — слава тебе, создатель, что никто не слышит моих собственных мыслишек! А так, и краснеть не надо. Много чего в голове моей варится... Главное, спрятать мыслишки свои за улыбку приветливую, за вид подобострастный, за осанку бравую и моложавую...

Ау! Невидимки! Кто вы? Куда вы торопитесь? Какие дела спешите совершить? Кого ошастливить? Кого с дороги своей светлой и широкой спихнуть, чтоб под ногами не мельтешил? А то мало ли? Поди, догадайся, чего он там, в голове своей шишколобой прячет?

А ведь, не слабак ты, человек-невидимка... Не каждый отважится вот таким, мутно-зелёным страшилищем вывалиться из общей массы, пойти наперекор принятым правилам поведения. Даже в таком крохотном обществе, как наш городок. Не каждый вот так, день за днем, будет отстранённо и независимо вышагивать по улице сквозь толпу. Не обращая внимания на громкий шепот женщин, на тычки мальчишек, на откровенно громкий мат и хамские окрики, которые уличные выпивохи булыжниками швыряют в твою сутулую спину...

Из Юрюзани в Юрюзань

Ну-к, сколько там до конца смены осталось? Будет ещё вызов или нет? Намотался сегодня под завязку. Слякоть на дорогах, грязища. Машину драю каждый вечер, а днём пригреет, и опять развезёт. Кому он нужен был, этот снег вчерашний? Апрель же. Весна. Скворцы вон, что вытворяют по утрам. Хоть форточку запечатывай. Орут, спорят о чём-то, — уши закладывает. Жилплощадь делят, черти. Размножаться торопятся. Невтерпёж, видать. Да... Весна... Нинка моя — и та туда же. — То спала, как медведь в зимнем обмороке. В уши ори — не разбудишь. Куда уж там ласкам да поглаживаниям по зонам этим, эrogenным. У моей Нинули две зоны, самые что ни на есть эrogenные — кошелёк её и карточка моя, куда зарплату переводят. Уж так её колбасит, лапушку мою, когда деньги задерживают, или на сапоги новые не хватает. А тут... Как подменили бабу. И вечером и утром активность проявляет. Отбоя нет. Да и сама преобразилась вся. Прическа — не пойми чего! — Я упала с сеновала, тормозила головой. «Фэнтэзи», — говорит, — называется. Пальтишко купила, как у дочери, — в обличку и короткое, обрублено под самое не хочу. Вся фигура Нинкина, под завязку наполненная жизнью, выперлась напоказ. Сапожки напялила бирюзовые, лакированные. Чешет по улице, а каблуки назад прогибаются. Сумка на отлете через локоток, шляпка несурзая — набекрень, шарфик, как у этой, балерины удушенной американской — Айседоры — развевается по ветру. Ну, не баба, а королева подиума, если, конечно, весу половину убавить. А так, даже ничего. Сосед вон всё норовит подсобить, пока никто не видит. Не раз уж замечал, как он у баков мусорных обихаживает Нинулю мою, ведро из рук рвёт, грудь колесом выставляет. Дать бы ему в морду! Да связываться не охота. Пока спустишься с пятого этажа... Ладно, пусть попылит. Всё равно ничего у него не выгорит! — В Нинке я уверен. Она хоть и с закидонами женщина насчет выпивки внеплановой, но в верности супружницы я не сомневаюсь. Тридцать лет уж прожили. Притёрлись так, что она в моих мозгах, как в собственном кармане шарит. Ничего не утаишь. Я ещё только извилинами шевелить начинаю, прикидываю, под каким предлогом в гараж слинять на минуточку к мужикам, а она уже пылесос суёт в руки: «Давай, мол, не отлынивай, — исполняй супружеские обязанности. А то лежишь на диване, как кот кастрированный, и мышей не ловишь! Должна же быть от тебя хоть какая-то польза в хозяйстве!» А я что? Я ведь не отказываюсь. С паршивой овцы хоть шерсти клок. Я к тому, что на подвиги сексуальные меня уже давно никто не вдохновляет. Раньше-то, конечно, бывали всякие там исключительные случаи. Чего греха таить? А Нинка — ни-ни! Она баба чистоплотная и брезгливая. А потому — надёжная на все сто! Хоть и упёртая.

Годочки, конечно, поджимают... Так опять же, на вторую половину вся надежда. — Она у меня грамотная и к медицине имеет отношение — администратором в регистратуре работает. И себя блюдет и меня в форме держит. Таблеточки там всякие, витаминчики колет. Хиреть не даёт. Ну и отдачи, соответственно, требует. Вот уже недели три как проснулась от спячки. Оно по началу-то и меня завело. Будто лет двадцать сбросил. А потом как рукой сняло. Весна — это ж не только солнышко. Чёрт с ним, с солнышком. Тут тебе и авитаминоз, и обострения всякие. Ещё насморк привязался какой-то хронический. Ничего не помогает. И ноги парил, и в нос закапывал всякие там средства хваленые. Бесполезно. Храпеть стал. Нинка всю ночь то под зад коленкой долбит, то за нос теребит. Не высыпаюсь совсем...

А вот тебе, Пал Тимофеич, и последний вызов... Блин! Как накаркал.

— Алё! Приём-приём! Куда? Смирнова пять? Это где? А-а-а... Да, понял, понял... Еду уже!

Блин! А тормоза-то надо посмотреть завтра. Что-то ерундят опять.

Ого! Судя по двору и домику, последний мой клиент — обеспеченный крендель. А вот и он, родимый. Пальтишко кашемировое, шарф индийский, галстучек от Армани... Упакованный Кент. Ну, садись, садись, родной! С ветерком прокачу!

Вам, товарищ, куда? Да, ладно, не заводись! Ну, не товарищ, конечно. И вправду, какой ты мне товарищ? Вы теперь все братки, боссы и господа. С деньжищами, с пистолетами и лопатниками пузатыми. Вон на груди выперся с левой стороны. И считать не надо, — тыщ пять, если рублями. Так они ж, эти бритоголовые, рубли и за деньги теперь не держат. — Их валюта — баксы зелёные. Один в кожане чёрном на прошлой неделе расплатился такой бумажкой, а я не знаю, что с ней делать. А вдруг, фальшивка? — Беды не оберешься! Ментов-то тоже разбаловали господа. Они уже с первого взгляда, наощупь, по запаху чуют доллары. Где уж нам, сиволапым? — Крути баранку, сопи в обе ноздри и мечтай о чаевых!

А клиент-то мой — смурной какой-то. Баклашечку свою поллитровую дохлёбывает уже. Что у него там? Не самогон, конечно... Коньячок какой-нибудь заковыристый со звёздочками. Весь салон пропитался одеколоном его заграничным, коньячным букетом и сигарами кубинскими... Если б не перестройка эта, так бы и помер, не понюхав, чем большие деньги пахнут.

— Ну, ладно, в Юрюзань, так в Юрюзань. Вас, господин-товарищ, чего ж, на ночь глядя, в Юрюзань-то понесло? А?

Смотри-ка, спит уже. Голову бритую, круглую, как Нинкина коленка, на спинку сиденья опрокинул и дрыхнет. Пусть поспит. Путь не близкий. По виду — молоденький совсем. Ровесник, наверное, Мишке моему. Сын у меня студент. В политехе учится. Ночами вагоны разгружает. И этому, по всему видать, тоже отдохнуть-то некогда. Он, похоже, из тех, которые стрелки забивают, наезды организуют, то рты затыкают, то угогом пытаются... Новости смотреть по ящику, никаких нервов не хватает. То в груди, то в башке дырка... Стены кровитцей залиты. Лежат, бедолаги, в своих шмотках заграничных в вонючих подъездах на заплёванном полу или на асфальте с голым пузом и спущенными штанами... Одно утешение — поставят друганы постамент над могилкой — черный мраморный под самое небушко. Вон их сколь на кладбищах торчит среди крестов деревянных. А на мраморе — портреты. Молодые все, мордатые, красивые. Им бы девок обихаживать, детишек таких же здоровых делать, генофонд страны улучшать, ну... о родителях маленько подумать... А они вон, что творят! Убивают друг дружку — да в очередь на кладбище. Соревнуются, у кого памятник тяжелее да венки шикарнее.

Сколько ж там на часиках натикало уже? Эх! Три с лишним часа бы уже грелся в теплой кровати под боком у жены, если б не этот упакованный. Юрюзань ему подавай среди ночи! Господи, что за жизнь пошла? Одно душу греет: щас доведу его до места и цену загну двойную. Еще бак надо залить. Бензин, вон, на нуле почти. Красная давно уж мигает.

Эй, господин хороший! Давай просыпайся! Куда тебя? Приехали почти.

Глаза трёт... Ты лучше уши потри, быстрее в себя придёшь.

Как, куда приехали? В Юрюзань. Куда ж ещё? Давай-давай, разуй гляделки и говори, куда подъехать теперь? Оглядывается чего-то... Из машины вышел... Смотрит, как Наполеон на Москву перед Бородинским сражением. А брови-то свёл... Э-э! Ты потише давай! Чего разошёлся? О! О! Какой говорливый! Я пятьдесят лет прожил, а слов таких и не слышал! Ты, сынок, хоть постесняйся пожилого человека! Я ж тебе в отцы гожусь! Ах, ты ещё и лапы распускать, сопля малолетняя! Ну-к уймись. Уймись, говорю!

Куда, куда? В Юрюзань твою долбанную, всю ночь пёрся! Дорога — каток сплошной. Руки вон вишь, дрожат. А ты дрыхнешь, так хоть мозги-то не отключай! Давай, врубайся короче и поехали. Мне что тут, с тобой утро встречать? Я ить тоже человек, домой хочу. Как не в эту Юрюзань? А в какую ж тебе ещё? Я другой не знаю. Всю жизнь шоферу.

В магазин «Юрюзань»? Это который в Челябинске у Никольской рощи? Так, что ж ты, едрёна корень, мозги мне компостируешь? Что ж ты... Русским-то языком объяснить не мог что ли? Я ж и подумать не мог про магазин. Какой магазин в двенадцатом часу ночи? Ну и что теперь делать прикажешь? Назад? Ты сначала за этот конец расплатись, а потом уж назад. Давай, давай, доставай лопатник свой. Мне заправиться ещё надо. Бензин весь ушёл. С пустым баком не уедешь. Как, нету денег? А это что? Ах, у тебя и тут коньяк заначен был? И эта баклажка пустая? А денег, говоришь, нету? Чего ты брешешь? Выворачивай карманы! Блин! Что ж ты в таком пальте и без денег? Проиграл? Ах, это я тебя после карточных игрищ забрал, получается? Домой хотел? А со мной, ты что ж и рассчитывать не собирався? А... — жена бы заплатила? Ну, хорошая, видать, жена у тебя. Моя бы хрен дала денег на такси. Отправила бы, куда Макар телят не гонял. А потом бы ещё неделю мозги полоскала.

Ну-у-у? И чё делать будем? Часы отдать в залог? Швейцарские? У-у! Так они ж дорожные, наверное? Ну, на такие деньги можно не то, что заправиться, — всю ихнюю заправку вместе с годовым запасом топлива купить! Не жалко тебе? Потом забрать? Ну, смотри, тебе видней. Я б удавился, а с такой игрушкой ни за что б не расстался! Лучше уж пешком! Да, ладно, ладно... Не треплю я душу, а настроение тебе поднять хочу. Только уговор, — я потом за твоими часами не поеду. Хрена с два! Мне б отсюда выбраться только... А там уж твои заботы.

Слава, богу! — Заправились. Уговорили деваху... А заправщица — баба ушлая! Ишь, как глазёнки-то забегали, когда часы под нос ей сунул. Зато Славка — клиента моего непутёвого Славкой зовут — он ей быстро объяснил, что к чему. Этот точно, головушку оторвет за своё кровное! Ещё и ручки-ножки повыдергает, чтоб другим не повадно было. Что значит, молодой, — отключился опять, слюнки пускает, лыбится сволочь! Девоч, наверное, во сне жучит...

Ну, что, — приехали, наконец! Вернулись. Вот он, «Юрюзань». Неоновая вывеска над стеклянными витринами, от земли до крыши, всё также светится зелёным. Я здесь когда-то за холодильником два дня в очереди стоял. Тоже «Юрюзань» называется. Ещё и стиральную машину «Малютку» оторвал. Правда, оказалась она ненужной в хозяйстве. Так и пылится на антресолях. Не выбрасывать же? Может, пригодится ещё...

Давай, Славик, рассчитывайся! Доставай мобилу, звони жене. Я тебя из машины не выпущу! Дудки! А... Вот и она. Подруга верная. А чего ж ты, курочка, в домашних тапочках по лужам? В пёстренькой шубёшке, на бельё накинутой, бежишь, да по сторонам озираешься? Ты, Славка, утри ей сопли! Мужик, ёшь-моёшь! Чего стряслось-то ещё на мою голову? Чего, заводи? Чего, быстрее? Та-а-к... И от кого это мы удираем, полутолые? Чего? Какой наезд? Какой ещё долг? Славка, ты ж сказал, что проигрыш пустяковый был. Ах, ты едрёна вошь. Дурень безмозглый! Куда ж мне вас теперь? Во, блин! И я ещё с вами влип, как муха сами знаете куда! Ко мне? Я, что мыло ел? К себе ваши криминальные хвосты тащить? У меня семья порядочная, мне ваших проблем только не доставало! Нет уж! Думайте, дайте, куда ещё вас можно спрятать? А то высажу щас и до свиданья! Сколько можно-то? Глаза слипаются. Двое суток не спал! Куда? Опять в Юрюзань? За часами? Да, а на что ты их выкупишь? Денег-то нет у тебя! Ах, ты моя курочка-ряба! Успела-таки денежки из дому прихватить! Ну, тогда коленкор совсем другой. Только сначала, от греха подальше, мне мои, заработанные, отдайте. Хм... Вот те на! Я-то подумал, что у неё грудь седьмого размера... А это у ней лифчик как две сумки хозяйственные. Хорошо придумала, ёшь-моёшь! Тут тебе и внешность голливудская, и денежки при теле. Ничё себе! Целое состояние! На семейные ежедневные расходы? Ни хрена себе, у вас расходы! Мне за всю жизнь столько не заработать вместе с пенсией и Мишкиной стипендией. А вот за денежки спасибо! Я их вот сюда, за пазуху, чтоб грели... Славк, не много отстегнул-то мне? Жаба не задушит? Нет? Благодарю тогда. Ну, поехали...

Вот она, опять, Юрюзань эта чертова! Девонька, ты пригнись маленько, что б в глаза-то не бросаться. Вон, стоят уже канарейки желтопузые, клювики раскрыли, кушать приготавлились... Славик, ты давай уж сам, реши проблему-то с ГАИшниками. Не проблема, говоришь? Для тебя, конечно, пару сотен баксов — не проблема... Твоя проблема у тебя

сейчас в квартире шмон производит, да зубами скрипит от досады, что не удалось тебя за причинное место ухватить и поприжать, как следует. Ну, это, как теперь молодёжь выражается, «ихние проблемы».

Молоток. Славка, быстро ты с гаишниками договорился. Теперь эту жучиху надо найти. Ты ж, вроде, адрес-то ейный записал... А вдруг она не захочет отдать твои часики? А, Славик? Чё делать будешь? Аргументы надо придумать. Есть аргумент? Да, уж! Такой аргумент — всем аргументам — аргумент! И где ж ты такую игрушечку отхватил? Калибру-то хватит отбиться, если что? И граната есть? Учебная? Настоящая? Да если б я знал, что у тебя с собой такой арсенал за пазухой... Я б тебя из машины спящего бы выкинул по дороге где-нибудь. Ну, давай, иди, выручай имущество своё. Свет в окошках видишь? — Значит, дома она. Да, не буду я глушить! Развернись, развернись... Иди, давай! А ты, не кудахтай тут, курочка-ряба! И так нервы на пределе с вами.

Заткнись, ты, чертова кукла! Не реви! Оторвемся! Где наша не пропадала! Моя тачка — труженица только с виду простая, а внутри-то мерседесовские потрошки. Так, что, вряд ли они нас догонят на «москвиче»! Ну вот, говорил, что оторвёмся. А стекло поменять придётся. С дырой от пули по городу не поедешь. Кенарей мне нечем прикармливать. У Нинки таких лифчиков нету. Ладно, голубки, думайте давайте. Довезу вас в целости и сохранности до города. А потом куда?

Ну, вот и бензин моя ласточка скушала... Что-то ты у меня прожорливая стала... Ревизию надо делать. Так, ребята, я тут в подворотне припаркуюсь, чтоб глаза вашим соседям не мозолить. Куда идти? Ну, уж нет! Мы так не договаривались. Ну и что, что в десантуре служил? Это когда было? Ладно, пошел. Пристрелят если, тебе, Славка, детей своих завещаю и Нинолю. Старшей женой тебе будет. Борщи там, постирушки... На ежедневных домашних расходах зато сэкономишь. Ладно, это я ахинею несу от нервов. Они у меня с вами за сутки на полметра отрасли.

Так, третий подъезд... Кажись сюда. А что это народ-то толпится? Дамочка, уважаемая, это что тут у вас произошло? Кровищи-то! Массовый забой поросят, что ли кто затеял? Не отходя от покупателей, так сказать?

Да что вы говорите? Ужас какой! Две банды? И прямо здесь перестрелку устроили? Восемь голов положили? А из-за чего? Никто не знает? И милиция не знает? Уже увезли в морг? А свидетели есть? Ну, да, какие свидетели ночью, да ещё когда восемь отморозков шмаляют во все стороны. Свидетелем быть в наше кудрявое время — самому себе приговор подписать. Нету, говорите, дураков?

Ну, что, Славик? Повезло тебе, как тому Бобику. — Бандюги твои друг дружку перестреляли. Свидетелей нету. В квартире тоже чисто. — Я проверил.

Поговорить? Слушай, давай завтра поговорим. Я выспаться хочу. Мне ещё алиби надо придумать. Нинка моя — не курочка-ряба! Она просто так не купится на историю с Юрю-занями твоими. Для меня? Ну, что ты, Славик... Да не надо мне больше! Ах, в качестве алиби? А сколько тут? Тысяча? Баксов? Да... Это такое алиби, что у Нинки крыша поехать может. Ну, тогда спасибо и бывайте, молодёжь. Звоните, если что. Вы у меня теперь особые клиенты.

Чего, говоришь? Телохранителем? К тебе? И шофером по совместительству? Нет, я сначала выплусь. А потом подумаю...

Телохранителем я, конечно, не пошёл — Нинка забурлила. Славик со своей курочкой-рябой меня в крёстные позвал. Они с перепугу через полгода после той ночи пацана родили, а ещё через полтора — и дочку. Живут тихо. Свой бизнес открыли, спокойный и доходный. Мраморные памятники клепают. В последнее время, говорят, и мирные заказы пошли — лестницы, столики, скамейки для загородных особняков. Три машины у Славки в гараже стоят. И моими услугами пацан не брезгует — пользуется время от времени. Но это — наши с ним мужские секреты.

г. Коркино

Ботаничка

Все события и персонажи вымышлены и любое сходство с реальными людьми, живыми или умершими, абсолютно случайно.

...Отец с матерью жили весело,
Но судьба их нелёгкой была:
Над дитём она надсмеялася —
Мать в сырую могилу свела.
Злая мачеха ненавидела
Семилетнюю дочь-сироту.
Хоть ничем её не обидела,
Но она наказала отцу:
«Ты убей её или сдай в приют,
Только сделай ты всё побыстрей,
А не сделаешь, я тогда уйду —
Мне одной будет жить веселей».

Я кончаю петь песню грустную
И хочу вам, робяты, сказать:
Как умрёт у вас жена первая,
То вторая уж детям не мать.

Бабушка не рассказывала сказки, но песни иногда пела, плакала и приговаривала:

— С отцом куда не ходи и ничего у него не бери: ни гостинцев, ни денег. Так и говори ему: «У нас все есть».

Но как же ответить, что все есть, когда папка по глазам видит, что ребенку нужны витамины и сладости. С полочки он покупает не только спиртное, но и для дочери несет пакет угощений.

А ещё отец большой мастер делать игрушки. Недавно подарил ей диванчик для кукол, который склеил из пенопласта. На спинке диванчика сложил веер из пластика, а потом все это покрыл мебельным лаком. Совсем недавно они жили большой семьей: папа, мама, бабушка и Надюшка. Она даже помнит, как родители перед новым годом купили радиолу и несколько пластинок.

Казалось, что наступило время исполнения желаний. Надюшка подпевала Марку Бернесу, кружилась и пританцовывала. Бабушка по отцовской линии схватила её за руку и привлекла к себе:

— И чья же ты будешь, принцесса? — она ожидала, что девочка назовет свою фамилию.

Надюшка всегда отличалась сообразительностью и, чтобы не обидеть всю свою замечательную родню, ответила решительно:

— Всехняя!

— Как это, всехняя? У тебя папка один, ты знаешь это? — строго заметила бабушка.

А потом был скандал.

Сквозь сон девочка слышала тяжелые удары в дверь. Она спала в комнате, окна которой выходили на улицу. Надю вытолкнули в форточку, и она выпала прямо в одеяло. В одеяле, как в коконе было тепло и спокойно. Девочка заснула и уже не чувствовала, куда и зачем её уносят.

Послышались голоса:

— Милиция! Милиция!

Тишину ночи разорвали треск зеркал и звон бьющейся посуды. Отец топором крушил всё, что попадалось под руку. Жаккардовый коврик, который висел над детской кроваткой, в пылу страсти он разрубил тоже. Пнул тещу ногой в живот:

— Где Люська?!

Людмила ни жива, ни мертва, сидела в шифоньере на стопке простыней и наволочек, которые сама ещё недавно вышивала себе в приданое. От страха боялась дышать.

— К Зинке ушла, — сдерживая слёзы, ответила старушка.

— Найду, убью! — рявкнул Мишка и, размахивая топором, побежал искать жену у свояченицы

Все мужчины, имеющие красивых жён патологически ревнивы, а когда выпьют — особенно. Он считал, что жена обязана уважать и бояться мужа. И старательно утверждался в роли хозяина.

Мишкин батя погиб на фронте, а матушка с сыном горе мыкала в саманном бараке на угольных копях, пока люди добрые не помогли устроиться на хлебопекарню. С работы за пазухой она приносила буханку горячего хлеба и иногда банку сметаны. Грудь у Ангелины Германовны была пышная и большая. Садясь за стол, она отламывала хрустящую корочку и макала в сметану. Сметана растекалась по хлебу, она успевала её слизнуть и, улыбаясь, говорила:

— Если женщина в семье главный кормилец, то первый кусок принадлежит ей, — и протягивала остатки сметаны сыну:

— На, Мишка, ешь!

Мишка, как мама, ел неторопливо и обстоятельно. Сметана впитывалась в хлебный мякиш, и он жевал, жевал... Пока сон не сморит. Утром вставал босыми ногами на коврик, связанный крючком из разрезанных на полоски старых маек и халатов. В базарный день колхозницы с удовольствием меняли на молоко и яйца коврики, которые напоминали солнечный круг, если состояли из красных и желтых полосок. На продажу кружочки мама вязала из отходов швейного цеха.

Во дворе летнее солнце плавает в бочке с водой. Вода зацвела, в ней нити зелёной тины, похожие на мочалку. По поверхности бегают жучки. Ребятня моет в бочке грязные руки и плечет на товарищей, которым жара порядком надоела.

— Может, сходим на речку? — кричит Колька, Мишкин товарищ.

И они, сколотив команду, идут на речку, взбивая пыль на дороге. Колька старше Мишки, он второгодник. Но парень хороший, хотя немного задиристый.

— Колька, скажи, — заговорил Мишка, поравнявшись с товарищем, — а как пригласить девушку на свидание?

— Всё зависит от девушки и от ситуации. Лучше всего взять у неё на время какую-нибудь вещь и ждать, когда она сама за ней придёт. А ещё лучше показать, что она тебе нравится.

— Заигрывать с ней, что ли?

— Да! Это делается примерно так!

Колька догнал идущих впереди девчонок и дернул Верку Постникову за синее хлопчатобумажное трико. Штаны слетели вместе с трусами.

— Верка, мы чуть не ослепли!

Девочка надернула выгоревшее трико и не своим голосом закричала:

— Чего ржёте, как жеребцы? Луну никогда не видели?

— А на обратной стороне луны у неё куст жасмина, видали, какой?

— Тебя, Колька, я сегодня утоплю! — орала Верка как пожарная сирена.

— Утопишь, если догонишь!

Ребята плещутся, пока губы не посинеют. Загорают, пока не обгорят. Весёлой ватагой возвращаются домой. Мишка зачерпывает алюминиевым ковшом ледяную воду из ведра и залпом выпивает её, при этом побрякивает от удовольствия.

Теперь можно почитать, лёжа на топчане.

У Люськи тощий желтый портфельчик с металлическими уголками, школьная форма с белыми манжетами. У неё русая коса. Шагает аккуратно, каблуки не стаптывает. Чулки заштопаны. Улыбается редко, хотя ценит хорошую шутку. Неплохо поёт. На речку с ребятами не ходит: мама не велит. Чего в ней такого особенного? Выше всех себя ставит, что ли?

Сегодня суббота. Транслируют радиоспектакль. «Не буду просить прощения» называется.

Мишка тоже никогда не просит прощения, даже если осознает свою вину. Всем своим поведением покажет, что понял свою ошибку, но не извинится. К чему сотрясать воздух пустыми словами?

— Передаём сигналы точного времени, — объявил диктор, и Мишка посмотрел на часы.

Семнадцать часов. Пора на улицу. Ребята ждут. По пути заглянул в Люськины окна. Дома. Сидит, рисует простым карандашом. Ничего вокруг не замечает. Постучал в окно:

— Люська, у тебя есть клей? Мне книжку заклеить надо.

— Чего ж ты так неаккуратно читаешь, книги беречь надо.

— Она старенькая, давным-давно зачитана. Так что я не виноват.

— Возьми, потом вернёшь, — она протянула руку в окно. Между указательным и средним пальцем проступило чернильное пятно. Писала что-то. Что можно писать в середине лета? Вот оно что! На подоконнике лежит письмо. Ученическим почерком с наклоном подписан конверт.

— Кому пишешь, Люська?

— Сестре.

— А мне в армию писать будешь?

— Отчего не написать? Напишу.

Мишка обрадованно схватил пузырёк клея с детской соской на горлышке и пустился в обратный путь. Спрятал его в ящик комода.

Когда спала дневная жара, во дворе собрались подростки. Ожидаемо зазвучали струны. Володька Соловьев, а между ребятами — Соловушка, настраивал гитару в беседке. Среагировали одновременно, как на сигнал военного сбора и втиснулись на скамейки.

Володька знал множество анекдотов, рассказывал их так, что все хохотали. А сейчас он негромко перебирал струны и пел о любви.

Нестерпимо жалко стало Володьку. Люська вскинула глаза, и их взгляды соприкоснулись. Люська вздрогнула и сразу отвернулась. Соловушка осенью уходил в армию. От его взгляда не укрылось, как Мишка, сидя рядом с Людмилкой, приобнял её, положив руку на плечо. Она напряглась, вытянулась в струнку, но не отстранилась. Соловушка задумчиво прикрыл глаза и вновь стал перебирать струны:

Ты идёшь, идёшь по январю,
Холодно, следы, как многоточье,
Хочешь, я с тобой заговорю,
Руку дам, и станет путь короче.
Почему, дружок, да потому,
Что я жизнь учил не по учебникам,
Просто я работаю, просто я работаю
Волшебником, волшебником...

Повестку Соловушке принесли в середине октября. Солнце последними лучами приласкало ребят, и по громкоговорителю объявили посадку в автобус.

— За Людмилкой присматривайте, не обижайте! — прокричал на прощание Соловушка и взмахнул рукой.

— Присмотрим! — засмеялся Мишка и подмигнул Людмиле.

— А чего ж ты не плачешь? — спросила Людмилу Верка Постникова.

— Зачем слёзы лить, я ему не невеста и не жена. И его не на двадцать пять лет забрили в солдаты. Все будет хорошо.

Учебный год пролетел быстро и незаметно. Сдали экзамены на аттестат зрелости. К выпускному балу украсили актовый зал цветами и зелеными веточками. Каждый выпускник ставил перед собой цель жизни. Хотелось, чтобы это ожидание не обмануло, чтобы наступающая взрослая жизнь принесла счастье.

Под звуки вальса девчонки выпорхнули из зала и оказались за порогом школы. Город горел тысячами огней, теплый воздух казалось, дышал. Его колыхание касалось рук и плеч,

отчего на душе становилось радостно и безоблачно. Людмила, разгоряченная после танцев, зябко повела плечами. Тут же на неё накинули чей-то пиджак.

Она заворожено блуждала в толпе выпускников. Белое платье светилось в ночи. Издалека доносились музыка и смех. Полная луна нависала над землёй. Мерцающей звездной вуалью было затянуто ночное небо. Неожиданно перед ней возникли темные фигуры.

— Снимай пиджак! — скомандовал один из незнакомцев и загорел часть звездного неба. Людмила, крепко схватила пиджак за лацканы и готова была биться за чужую вещь не на жизнь, а на смерть. Послышались непристойные шуточки, но силу никто не применил.

— А ну-ка, кыш отсюда! — гаркнул Мишка, выходя из-за кустов акации. — Это моя девушка и попрошу к ней не приближаться ближе, чем на сто метров. Он обнял Людмилу, и она доверчиво склонила голову.

— Будем встречать рассвет? — поинтересовался Мишка.

— Этот день — первый в моей взрослой жизни, и я думаю, что мама не заругает, — взволнованно прошептала девушка.

Мишка прижал её хрупкое тельце к себе. Она волновалась, глаза косили от напряжения. Мишка, обхватив овальный затылок, притянул её к себе и поцеловал, как сумел: робко и неумело. Счастье обрушилось шальной лавиной. Все было хорошо, но через пару недель их ожидала разлука. Людмила поступила в Казанский университет на факультет биологии, а Мишка поехал учиться в Магнитогорск.

Колеса стучали в голову, он напился в вагоне. Поэтому как поступил в техникум, сам не знает. Начались дни учебы. Письма от Люськи приходили часто. Судя по восторженным фразам, ей нравилось в Казани. Учеба шла без затруднений. А потом Мишка прекратил переписку. Встретились только через несколько лет.

— Здравствуй, Миша! — зазвенел радостью Людмилкин голос. — Мне говорили, что ты в городе, а я не поверила. Ты почти не изменился, такой же красивый и загорелый. Где работаешь?

— Мы тянем газопровод Бухара — Урал. Слышала?

— Как не слышать? Значит, сварщиком устроился? Я так рада тебя видеть, — она протянула ему ладонь лодочкой.

— Ручонки свои будешь протягивать тому, с кем время проводила в Казани! — резко оборвал Мишка и отвернулся.

Людмила удивленно приподняла брови. Мишка видел Люськино отражение в витрине магазина. Как будто с обложки журнала сошла! Точно, со всеми кокетничала! Злость захлестнула разум, и он с ходу ударил кулаком витринное стекло.

Ему вспомнился давнишний разговор с Веркой Постниковой.

— Ну, как там твоя ботаничка? — пренебрежительно спросила она. — Люди говорят, что она по тебе не скучает. Интрижки заводит со всеми, кого увидит. Соблазняет даже профессоров университета! Вот такая наша... тихушница!

Верку сразу после окончания школы родители устроили в овощной магазин, где она стала вполне преуспевающей продавщицей. Она немедленно поссорилась с Людмилой, придравшись к пустяку. Уверенная в собственной гениальности, она открыто презирала своих соперниц и создавала городские сплетни, старательно навязывая свое мнение окружающим, считая его единственно правильным.

Людмилу приняли учителем ботаники в родную школу. День за днем она готовилась к урокам, применяла новые технологии и передовые методы обучения. Иногда засиживалась допоздна на работе. В вихре школьной суеты шли дни. Мишка преследовал её. Всем потенциальным Людмилиным женихам по секрету рассказывал легенды об их интимной жизни. Изводил её бессмысленной и болезненной ревностью. В день учителя подарил цветы. Она расслабилась, заулыбалась... и в букете нашла записку, в которой Мишка бранил её последними словами, требуя полного отчета об отношениях с мужчинами.

Он ждал, чтобы Людмила вступила с ним в спор и, приведя массу примеров, убедила его в обратном. Но потерянная и огорченная Людмила упрямо молчала.

— Молчит, значит, есть что скрывать, — злился Мишка. Но не мог отказаться от девушки. В этой малой доле человеческого безумия прослеживалось сильное чувство, с которым

ему было не совладать. Постникова докучала ему своими неистовыми ухаживаниями, но Мишке снилась только Людмила. Любил ли он её? Он не знал, но безумно хотел жену с высшим образованием и аристократическими манерами. Больше всего на эту роль подходила Люда. Однако его раздражала её беспредельная кротость.

История умалчивает, как помирились молодые люди. Просто пришло время создавать семью, и они подали заявление в ЗАГС.

А потом полыхали зарницы, лил дождь крупный и теплый. Они бродили босиком по лужам.

— Зайдем ко мне домой. Я тебя с мамой познакомлю.

На белой скатерти стояла хрустальная ваза полная картошки в мундире.

— Присаживайся, дорогая! — ласково запела будущая свекровь.

Люська осторожно присела на край стула.

— Угощайтесь! Кушайте, кушайте! Чем богаты, тем и рады! — потчевала хозяйка.

— Если не нравится, не ешь, — шепнул Мишка.

— Как же я обижу хозяйку? — ответила Люся и протянула руку за картофелиной.

— Ну, вот и хорошо, — зарделась Ангелина Германовна. — Простая девушка, без выкрутасов!

Однако после свадьбы сказала соседкам:

— Хорошая девушка. И шьёт и вяжет, слова не скажет. Но мужик любит тело, а её как из снега слепили. Скромная и холодная. Мне кажется, что он год потерпит да к другой бабе побежит.

К другой бабе Мишка, конечно, не побежал, однако стал часто заглядывать в рюмку.

Безобидно начавшись, пьянки перерастали в драки. А так как в армии учили бить на поражение, Мишка дрался до крови. Размазывая грязь по лицу, липкому от кровоподтеков и садин, приходил к теще на кухню умыться. Потом набирал в ковш холодную воду и пил её долго, жадно, шумными глотками...

Август выдался жарким. Духота стояла невыносимая. Люська поджимала колени, стоя босиком в коридоре и просила Михаила поторопиться. Он брлся не спеша. Знал: схватки длятся долго. Так мужики говорят.

— До больницы недалеко. Успеем в срок. Не принцесса, потерпишь, — назидательно произнес муж.

Вчерашняя пьянка напоминала о себе. Всё в жене раздражало: и отекавшее лицо и нос с горбинкой. Даже плотно сжатые губы злили. Мученицу изображает! Не первая и не последняя! Родит, как миленькая!

Не успели войти в роддом, Людмилу окружили санитарки и увели в предродовую палату. Оттуда почти бегом доставили её на родильный стол. Роды были стремительные, и через мгновение на свет появилась девочка.

Утром следующего дня молодые мамочки выглянули в окно и ахнули:

— Это чей же родимчик на клумбе ночевал?

— Девочки, не смейтесь, наверное, это мой муж, — вздохнула Людмила. — Обмывал дочку и не дошел до дома.

Свекровь была на работе в клубе железнодорожников, когда из роддома Мишка забирал жену и дочь. На плите их ожидали пустые кастрюли.

Молодые ушли к теще и остались жить у неё. Семейная жизнь шла с переменным успехом. Ссоры сменялись примирениями, сцены необоснованной ревности завершались великодушным помилованием. Людмила просила прощения за мнимые прегрешения, лишь бы прекратить бесконечные нападки домашнего тирана.

Зинаида, старшая сестра ходила к гадалке. Та с порога зашептала:

— У тебя есть сестра, зовут её Лидия.

— Нет, бабушка. Мою сестру зовут Людмила.

— То-то и оно. При рождении она получила одно имя, а записали другое. Много бед ждёт её впереди. Ей надо вернуть первое имя. Мать свою пусть спросит! Я правду говорю. В голове у неё вот чего делается!

Она раскрыла кулак, и Зинаида увидела клубок копошащихся червей.

Выскочив из дома старухи, Зина перекрестилась и пошла к своей маме.

— Дочка дорогая, — вздохнула она. — Много лет тому назад я видела сон. Вещим он оказался. Вижу я Господа Бога нашего, и говорит он мне: «Скоро родится у тебя девочка Лидочка. Встань и помолись за неё!»

Я испугалась, преклонилась перед иконами, помолилась. А когда родилась дочка, мы назвали её Людмилой. Судьбу хотели обмануть, а вон что вышло. Ведь Мишка бьёт её по поводу и без повода. Недавно сорвал крышку с раздвижного стола и ударил Людку по голове. Она сознание потеряла, теперь головные боли беспокоят. Если бы можно было все ваши обиды и несчастья мне забрать. Да вот каждому человеку надо вынести свои испытания в этой жизни...

Людмила с кульком сахара спешила домой. Палило солнце. Сквозь щели штакетного забора лучи рвались навстречу майскому дню. Свет — тень, свет — тень...

Из переулка навстречу спешил молодой мужчина в светлом пиджаке. Волнистые волосы, зачесанные на косо́й пробор, подхваченные воздушным потоком, колыхались при ходьбе.

Смешанное чувство радости и смятения охватило молодую женщину. Навстречу шел Соловушка! После службы в армии он завербовался на стройку и в родной городок приезжал редко. Сердце дрогнуло, душа взлетела. Как он жил все это время? Почему не писал? Множество вопросов сжимали сердце.

— Здравствуй, Володя! Как я рада встрече с тобой! — как в бреду залепетала Людмила. Повяло легким сиреневым ароматом, множество ярких бабочек вспорхнули перед ней, и она рухнула прямо в руки Соловушке.

Кулек пергаментной бумаги порвался, и сахар высыпался на асфальт. Очнулась она от прикосновения. Кто-то шарил рукой у неё под блузкой. Она слабо улыбнулась и открыла глаза. Над ней склонилась женщина.

— Что же ты, дамочка? Вроде, не пьяна. Это первый приступ у тебя? Вставай, иди домой. Одна дойдешь?

— Мама! Прости меня, я упала и рассыпала сахар. И у меня украли кошелек... Зато я встретила Соловушку, он снова здесь.

— Да ты с ума сошла. Недавно я видела его мать. Лежит он в реанимации после аварии на стройке. Нет его в городе, и ещё долго не будет. Тебе, милая, показалось.

С тех пор приступы эпилепсии настигали её на работе, в общественных местах и дома. Кто-то относился с пониманием, а кто-то бросал в лицо обидное: «Припадочная!» С работы пришлось уйти.

Мишка стыдился Людкиного диагноза. Мать ругала его, тётца ненавидела, жена и дочь боялись. Поэтому Мишка пил часто и много, пытаясь переключиться и не думать, что его жена городская сумасшедшая.

Бил её жесточно, крушил все, что под руку попадалось. От ударов она не уклонялась, терпеливо дожидаясь, пока садист утихомирится. Он был её хозяин и не стыдился нанести побои и опозорить жену перед знакомыми и посторонними людьми.

Устав жить в постоянном страхе за себя и маленькую дочь, женщина подала на развод. Мишка опять учинил драку, а Людмилу увезли в психиатрическую больницу.

Оттуда пришло письмо, сложенное треугольником. Без конверта и марки оно нашло адресата.

Неровным, спотыкающимся почерком была исписана страница:

Здравствуйте, мама и вся моя родня. Извините за почерк — карандаш маленький, писать трудно и давит глаза, всё сливается. Я в буйном отделении. В палате одна и один наблюдатель. Три дня лежала привязанная к панцирной сетке. Увеличили дозу основного лекарства да плюс люминал и аминазин.

Сегодня получила по носу. Жизнь не краше, чем дома.

Поцелуйте за меня Наденьку. Зина, прошу, присмотри за ней...»

На этом записка обрывалась.

Когда Людмилу перевели в общую палату, она первым делом попросила разрешения заняться рукоделием.

— Я бы хотела прясть и вязать, — сказала она доктору.

— Вот тебе шерсть и веретено, действуй, — подала медсестра рулон ваты и карандаш. Людмилу обидело такое отношение, и она вышла в больничный дворик. Чистенький и уютный, он был освещен солнечными лучами.

«Как хорошо сейчас должно быть у мамы в саду, — подумала Людмила. — А если раздеться и позагорать?»

Санитары стащили её с крыши барака, где она нежилась в солнечном свете, скрытая от посторонних глаз. Последовало строгое наказание и ванна с холодной водой.

— Конечно, полный идиотизм наказывать душевно больных электрошоком. Но я вынужден сделать это. Некоторые выдерживают, — сказал Гурген Давидович, пожилой грузин. — Я не хочу видеть тебя «овощем» на больничной койке, ты должна жить. Твоё заболевание — результат черепно-мозговой травмы. Поэтому потерпи. Женщины очень терпеливы, — произнес он уже чуть слышно на ухо пациентке.

Людмила чуть не завyla после этих слов. Ради доктора, который отнесся к ней с состраданием и понял все, о чем не было сказано ни слова, она вытерпела все манипуляции.

— Самое лучшее, что мы можем для неё сделать, это позволить уйти из жизни дома, а не на казенных простынях, — сказал психиатр. — Одному Богу известно, как ей досталось в этой жизни. Сердце здоровое, руки — ноги целые. Увозите её отсюда поскорее!

Наскоро попрощавшись, Людмила поехала домой. Квартира оказалась закрытой. Поспешила к сестре.

— Здравствуй, Зина! Где мама? Почему меня никто не встречает?

— Уехали они. Пока тебя не было, столько всего произошло! Мишка твой с друзьями загнали в железнодорожный тупик вагон с водкой. Всю ночь пили-гуляли, а утром их в катлажку увезли.

Новость пригнула к земле Людмилу, однако она скрепя сердце, сказала:

— Понятно. А мама куда уехала и зачем?

— Мишка вашу квартиру в карты проиграл. А мама с Надюшкой уехали в Челябинск. Эта новость подкосила Людмилу, и она присела на табуретку.

— Что же делать теперь?

— А я откуда знаю? У меня трое детей! Я вам не помощница. Видела, за кого шла. Вот и пожинай урожай.

Очередное предательство хлестко ударило в лицо. Совсем недавно она помогала Зинаиде поднимать детей. Няничалась с ними, пока та была на работе. А теперь гонит сестра со двора. До Челябинского поезда оставалось несколько часов, и она решила скоротать время в кино.

В кассе народу не было. Людмила приобрела билет и через фойе прошла к контролёру. Она повертела билет в руках, будто впервые увидела и неуверенно произнесла:

— В культурное заведение психических больных пускать не велено!

— Да я не психическая, пропустите!

— Будешь хулиганить, милицию вызову!

Людмила пошла на вокзал. В зале ожидания на красных планшетах золотыми буквами — расписание поездов дальнего следования. Можно ехать в любую сторону, лишь бы тебя там ждали.

В Челябинск Люда приехала рано утром. Отыскала маму и дочь. Наревелись и уснули.

На следующий день у Людмилы отнялась правая рука. Думали, что пройдет. Однако пришлось обращаться к невропатологу.

— Не волнуйтесь, Людочка. Я назначу Вам медикаментозное лечение и массаж. Владимир Васильевич — доктор от Бога. Он и не в таких случаях спасал людей. И Вам поможет!

На массаж записано множество больных. Очередь не убывает, а растет час от часу. Наконец пригласили Людмилу. Медсестра уложила её на кушетку лицом вниз. Для лица прорезано отверстие.

«Это очень удобно для дыхания», — подумалось Людмиле.

Пришел доктор и приступил к сеансу массажа. Мягкими движениями разогрел спину, размял уставшие мышцы. С каждым сеансом уходила боль, зарубцовывались шрамы в душе.

— Доктор, как вам это удается? Вы врачуете не только тело, но и душу!

— Просто я работаю волшебником! — задорно ответил доктор.

И Людмила вдруг увидела перед собой очень молодого и озорного человека. В глазах его прыгали искорки смеха.

— Вот как мы с тобой встретились, не ожидал, не ожидал... А ты почти не изменилась, стала ещё красивее.

— Соловушка!? Ты ли это? Вот почему ты никогда не снимал маску!

— Я о тебе помнил всегда и сразу узнал.

— А я тебя не узнала. Ты возмужал, поправился. А как ты со стройки попал в больницу?

— После армии в медицинский не поступил, решил поработать, осмотреться. А там авария... На ноги поставили меня местные эскулапы. В своём желании лечить людей укрепился, и вот я здесь.

Когда Людмила вышла из больницы, её встречал Соловушка. Он передал ей букет белых лилий, и она вздрогнула, ожидая увидеть там записку. А когда вопросительно взглянула на Володю, то увидела в его руке коробочку с обручальным кольцом.

— Выйдешь за меня? — прошептал Соловушка.

— Я согласна, — так же тихо ответила Люда.

Через несколько лет Владимир Соловьев выкупил Людмилину квартиру, и в ней супруги открыли массажный салон.

г. Каргалы

Галина Черепанова

Здесь вольница жизни для всех

Портрет

В фотографическом узоре
Сокрыты тайны всех чудес.
В невинно кажущемся взоре
Как будто Бог — сошел с небес.
Он освятил застывший образ
В красе земного естества.
Сей образ был однажды собран
Из воль стихий и Божества:
Мятеж, укор, гордыня, кротость —
Единый скорбный монолит.
И только в сердце тайный лотос
Священным пламенем горит.
Дух вечно юн, и свет нетленный
Распят во мне моей судьбой.
В тоске по Богу неизменной
Дух явит в Боге образ мой!

* * *

Уже отъезда час недалний
Маячит в поредевшей мгле.
Бреду тропой исповедальной
По краснокаменной земле.
Озерный мыс — вдали неброский
Да блики сельского огня,
Да птиц глухие отголоски
Тревожат и зовут меня.
Найдя приют в скалистой нише,
Где мох в расщелинах пророс,

Я кроткий говор листьев слышу
В поникшей рощице берез.
В наплывшей пагубе осенней
Они вздыхают от забот,
Что их цветное отраженьё
Мутнеет у прибрежных вод.

* * *

Вы — моя ближняя родня.
Боры да маши.
Жалейте глупую меня,
Браните чаще.

В душе его — сказать кому —
Темно и чадно
И в нашем — не моем дому
Не больно складно.

Не обмелеет ни с чего
Речушка счастья.
Да я ль виновница всего,
что свет мне застит?

В угоды скитские чащоб
В часы смятенья
Спешу понять себя и что
Снять дух смиренья.

У озера

В глуши у озера лесною
Есть кем-то скроенный мосток.
Спускаюсь к нему — за рябью снова
Всплывет знакомый островок.

Там беззаботно спит еланка,
Укрывшись в роте, как в гнезде.
К ней высветлит заря-зарянка
Дорогу солнца на воде.

И станет так легко и чисто
Необъяснимо на душе —
Как будто прошлого частицу
Я здесь оставила уже.

Раздумья возле отчей речки

Речка, а ты все течешь.
Не знаешь ни сна, ни покоя.
Чиста ты, как правда,
А ложь...
Да ложь — это зелье людское.
Им столько отравлено душ!
Столь судеб разбито на части!
Восславлю я скитскую глушь,
Уверую в скитское счастье.
Никто не внушит мне любви
К вождям —
Ни большой и ни малой.
Россия купалась в крови,
Я думала —
Солнце вставало.
Две крайности —
Горе и смех —
Два лезвия —
Блеск леденящий.
Здесь вольница нынче для всех —
Живых и душою смердящих.
Пусть нет ни плота, ни ладьи.

И хлеба —
куска мне не надо.
Веди меня речка, веди
Подальше от этого ада.

* * *

Возле родимого дома,
Где я давно не живу,
В воздухе виснет истома —
Жгут в огороде ботву.

Дымом я этим прогоркла,
Места себе не найду.
Кажется мне, что с пригорка
К милым воротам бегу.

В странной старинной жакетке
плюшевой, красной, как медь,
Мама с любимой соседкой
Будут у окон сидеть.

Гулко затукает сердце,
Глянет отец из-за штор...
Невозвратимое детство,
Солнцем всплывет из-за гор.

В октябре

Опять в снегах моя Россия.
Прозрачна, празднично бела.
Опять торжественно красивы
Церквушек старых купола.
Сияй, земля, в обличье новом!
Уходит озеро во тьму —
Пусть в неподвижности суровой
Достанет мудрости ему.
Лети из дали в даль дорога,
Лети в безумство пришлых вьюг,
Но пусть пошлет тепла немного
Нам солнышко — небесный друг.
Пусть эта птица-вертеница
Взмахнет натруженным крылом
Над полем гладким яснолицым
И над дряхлеющим кустом.

г. В. Уфалей

Поздравляем

Павла Дмитриевича ХРИПКО, поэта, прозаика, краеведа, руководителя старейшего литературного объединения «СТЕПЬ» г. Троицка, которому 30 июня 2012 года исполняется 70 лет. Желаем творческих успехов, здоровья и счастья в личной жизни.

Владимир Волков**Новые стихи****На «Восходе»**

Как зима предвещала веками весну,
 поспешу заменить червяками блесну.
 Улечу к полынье на «Восходе»
 электроном в р/п — переходе.
 Чтоб понятнее было, я просто устал
 и природу свою истощил, опростал,
 затряхая лихую за ворот...
 Потому убываю за город.
 Но куда я лечу? Где моя полынья?
 Человек на «Восходе», похоже, не я?

Обои

Солнышко, лодочка, два весла ...
 Сыночка мамочка не свезла.
 Кубики, шарики, рамочки —
 нету везения мамочке.
 Мучается да ютится,
 значит, сыночек родится.
 Будет он день ото дня
 крепче, сильнее меня.
 На половину, на треть
 сможет меня обогреть.
 Но все дорожки, увы,
 стали немножко кривы:
 В свете трёх тысяч свечей
 вьётся команда врачей ...
 Боже, великую силу
 в теле своём я носила!
 Что же случилось с ней?
 Можно чуть-чуть поясней?
 На эти вопросы с утра
 ответ не дала медсестра.

Ком он!

Рельсы двигаются тесно,
 все один в один.
 Этот поезд, если честно,
 нам не господин ...
 Паровозом верно правит
 скверный машинист —
 анекдоты вечно травит
 и почти артист.
 Излечил мою простуду
 кипятком он,
 да подкинул в топку угля
 и: «Ком он! Ком он!»

Взгляд в вечность

Есть много видений в дороге,
 ведущей из омута вброд.
 Обычные люди, не боги,
 везде городят огород.
 Глаза неустанно прельщают
 И мелочью сыплют с небес.
 И боги всех в мире прощают,
 и прочь удаляется бес.
 Однако, вращая «баранку»,
 нетрудно уснуть по пути
 к весьма ненадёжному банку,
 что встал на запасном пути.
 Там клерки ушли в бесконечность
 И взор на наличность открыт.
 В наличии целая вечность,
 В которой я прочно зарыт.

Клиника «Ника»

Ледяной тротуар, равномерно посыпанный солью,
 разухабистые витрины рекламных щитов ...
 Со вдыхаемой мною морозной аэрозолью
 уберу изнутри беспорядок текущих счетов ...
 Вот и клиника «Ника». На «Ник»а не брешет собака,
 виртуально уснула, забравшись в свою конуру.
 Увлеклись синички кормушками из Тетрапака,
 не давая возможности нос подточить комару ...
 Ледяной тротуар, равномерно посыпанный солью ...

Запчасти

Невыдуманный рассказ

В районном доме отдыха «Синие зори» поправлял здоровье плутоватый старец Андрей Воронкин, каждое утро он, как петух с несущками, гулял на «тропе любви», окруженный молодками не первой свежести. Осанисто оглядывая пятерку воздыхательниц, он выбирал единственную для мимолетного двухнедельного романа, из его вскользь брошенных слов женщины узнали, что Андрей не так давно отметил в холодной постели «сороковины» по своей покойной половине. С показной скорбью одинокие особы, жалея несчастного вдовца, заохали и заохали, но втайне обрадовались, наметив местечко в нише его сердца.

«Свято место не бывает пусто» и, конечно же, никто не в праве осуждать хитроумный порыв вдов, не знавших, что они сами попадают под обман опытного прохиндея. Осваивая окрестные красоты, товарки не сразу заметили, что амурную победу одержала упитанная гипертоничка. По тону голоса, по пульсирующим глазкам Андрея она сразу догадалась, что он, как сивый мерин, врет, но это её не остановило. Более того, даже раззадорило. Взяв старца «под кренделёк», она гордо вскинула прикрытую париком лысеющую голову. Её златозубый рот источал двухнедельное счастье. Гордая, она не упустила возможность произнести иронично:

— Хоть в вороньих перьях, но орел! — блеснула золотом зубов вдова Надя перед товарками в отсутствие Андрея, но ему пропела: — Где ты раньше был, мой хорошенький? Я ждала тебя семь десятков лет...

Услышанное мною от жены Андрея Агрофены говорило, видимо, о том что слишком злым слоем накопилась накипь обиды в ее душе на мужа. Изливая душевную горечь, она, похоже, считала меня последней инстанцией, способной понять крик ее души. Сморкаясь в уголок засаленного фартука, с разводьями сажи на лице, красноносая, она говорила:

— Зелёной сикухой выходила я за Ондрю замуж. Если бы знала-ведала што он окажется яровитым бабником, рази бы клюнула на ево наветки? Да ни в жисть! Он ить ширмачом рос, постарше стал, не одне подошвы от сапог истер, сновавши от своей халупы до мово порога. Язычок-от у няво с пеленок масляный... токо уши развешивай — заворкует, как голубь голубку. Сам ить знашь, што наша сестра любит ушами. Вот и растаяла я от ево медовых речей, как снежинка на горячей ладони. За жисть-то по всякому Якову бывало. Любила я Ондрю до беспамятства, думала остепенится Ондря, ан нет... Так всяк-наперекосьяк до старости дотюлюпали. Правда, наверно, говорится: «Седина в бороду, бес в ребро». Быть-то взваром кипятка ошпарило буйной страстью мово муженька к залетным годикам. Он и раньше-то, чо скрывать, в пору улетевшей молодости и во времена яррой зрелости не пропускал взглядом ни единого подола...

В подтверждение слезной исповеди Агрофены, со стороны наблюдать за Андреем — умора! Походка... словно аршин проглотил — на публику. Завидя тыльные прелести проходившей мимо женщины он, как черепаха из-под панциря, вытягивает из плеч дряхлую шею с маленькой головкой и... замирает будто суслик у норки — столбиком. Осмотр радужного объекта, как выскерк молнии — краток и сжат в одну емкую сразу: «Хороша не наша Маша, но будет наша».

Между тем Агрофена замечает, что я далек от ее душеизлияния. Осуждая меня взглядом, продолжает:

— ...да хоть бы в красавиц влюблялся. Мне бы за нево не шибко стыдно было, а то вить все страхулаток милует. Говорю ему про ето, а он бессовестный... усмехается. Я вот даже тебе стыжусь говорить чево Ондря боронит. Ага-ага! Стыд сказать, грех утаить.

— Замахнулась — бей! У меня уши золотом завешаны, — поощряю я Агрофену.

— Чево уж, скажу... не маленький, больше меня знашь с писательством-то. Ондря говорит што баба она и есть баба: горячо и ладно, а с лица воды, — говорит, — не пить. Пусть, — говорит, — обличье овечьё лишь бы снасть человечья. А в последние месяца, вообще, прям-таки на вдовах рехнулся.

— Не понял. Почему на вдовах, — прервал я Агрофену.

— Экий ты, туебень, — заволновалась она. — Ондря-то о своих шашнях передо мной открыто хвалится, дескать самый хожалый товар на склоне — это вдовы. Кто, говорит, их,

беднушек, пожалеет окромя меня? Никто. Вот и выпадает, — говорит, — на мою долюшку-судьбину грудная боль-заботушка: залежалые снасти-запчасти тревожить да число побед на этом свете множить. Опять-таки, — говорит Ондра, — опаски нет, што покойные мужья из-под сырой земельки не вылезут, бока мне не набукочатся...

Агрофена смахивает очередную слезу и продолжает:

— Восет смотрю, опять он сам не свой. Середь недели баню истопил, чистое исподнее требует, а шары бегают туда-сюда, туда-сюда. Догадалась я што ево завозмичило, спрашиваю: «Куды ето ты, Ондра, на ночь глядя подьеферился?» «За запчастями к мотоциклу», — отвечает. А я так ето невинно: «К Маньке што ль?» — «Дура! — говорит. — Не совсем к ней! Мне ишо ейный покойный Митрий сулил к мотоциклу запчасть, а я “дотянул резину”... так и не сбегал при живом-то Митрии». «Как же, — намекаю, — не сбегать. Сбегай. Заржавела, наверно, без смазки, а ты механик смазливый — живо смажешь, у Маньки без смазки запчасть, не побрезгуешь после армяшек».

Слезы на лице Агрофены высохли. На щеках ямочками заиграла лукавая улыбка, и она поведала, видимо, самое заветное:

— И чо токо я не делала: в партейну организацию жаловалась, к ворожейке ходила, окошки у супротивниц выхлестывала, ворота дётгем мазала, главе деревенскому и участковому гумагу писала...

— Ну и как? — спросил я.

— Ха-ха! Эти два лица божества таки же бегуны-блядуны. Похохотали глядя на мою чугунную харю...

— Ну это уж, — попытался посочувствовать я, но Агрофена, как бы не слышала.

— Однажды перед очередной ходкой за запчастью я Ондрю касторочкой угостила.

— Здорово! — воскликнул я, спрашивая. — Помогло?

— А то как же! Домой-то с пол-пути прибежал. Застирывать исподнее я не стала — выбросила. А он, видать, не понял от чево ево поносность прохватила. Весь вечер удивлялся: «И чево ето у меня желудок сбой дал? С простокиши што ли?»

— Знамо што с неё. Пожадничал, пережрал вот и нажил себе гоньбу из избы на двор. Ладом надо, штоб знал где семь верст до небес, а где сорок бочек арестантов. В общем как могла... отводила я ево подозрение, как быть-то раненая птичка притворялась, уводя опасность от гнезда с птенцами. Поверил в тот раз мне Ондра, завинил простокишу. А мне — не поверишь — понравилось и вдругорядь я Ондрю пургенчиком попотчевала.

— Похоже ты, Агрофена Ивановна, все-таки отвадила своего мужа от ходок за запчастями, — невпопад произнес я, не желая обидеть женщину.

— Ага... отвадила, на свою башку. Издубасил Ондра меня изукрасил мою фотку под чугунный цвет. Пушши прежнего заярвал непутевый. Даже хоронил меня заживо, штобы легче было завоевать в доме отдыха золотозубку. Ездил я тудась, расчиталась с ней на правах законной женки.

— Прежде да и теперь в деревне от языков не спрячешься, — вроде бы в согласии живете, правнуками обзавелись, похварывать зачастили, — заметил я. — Или не так?

Агрофена долго молчала. Я не торопил её с ответом. Наконец, когда взялся за ручку двери, она произнесла:

— Подожди, не хотела говорить — доскажу. Вот излилась я тебе, вроде полегчало, но все же тяжесть с души не сняла. Любовь-то к Ондре птичкой упорхнула. Душа выгорела до золы. Камня за пазухой не осталось, а прожитое из сердца не вышвырнешь. Оно ить «всяк молодец на свои образец». Это ты как хочешь, так и понимай, а писать-то задумашь... имена-то смени.

с. Кидыш

Михаил Рудковский

Немцы

В школу я пошел в 1947 году. Начало войны, естественно, не помню, да и победу — очень смутно. Лютая ненависть взрослых к немцам постепенно уступала месту презрению, и, порой, нисходительному равнодушию. Война для меня на всю жизнь приобрела образ инфекционной больницы, куда мы с братом и мамой попали, заболев сыпным тифом. Здесь же, в

очень тяжелом состоянии, лежал и мой дядя, папин брат. Отец, в связи с плохим зрением, служил в трудармии и о нашей болезни узнал, когда мы уже стали поправляться. Первыми выздоровели я и мой старший брат Вовка, но выписывать было некуда и нас оставили в отделении до выздоровления матери. Медсестры давали нам нарезанные квадратами марлевые салфетки, из которых мы целыми днями выдергивали ниточки, создавая немудреные узоры. Помню детское удивление, когда мне сказали, что военный дядя, заглядывающий в окно, мой папка.

Ярким проявлением войны для всех мальчишек были пленные немцы, которые под присмотром скучающих часовых, работали на стройках нашего города. Кто-то научил нас странному выражению: «Душвайн» и мы, проходя мимо строительных лесов, где работали пленные почти хором кричали: «Душвайн! Душвайн! Душвайн!». Бывшие солдаты что-то отвечали нам на своем непонятном языке. Было видно, что они очень сердятся. Это нас веселило. Мы хохотали, строили рожицы и с еще с большим удовольствием орали: «Душвайн! Душвайн! Душвайн!». Немцы прекращали работу и кидались в нас кусочками раствора. Развлечение было мировым. Охранники иногда грозили нам пальцем, как каким-то малолеткам. А мы чувствовали себя героями. На уроке немецкого языка, который мы считали фашистским и ненавидели всей мощью подросткового максимализма, мы самым бессовестным образом издевались над учителькой-немкой из города Энгельса. Она стойко переносила все наши выходки и некогда не ставила двойки, если даже ученик ничего не сказал. Доходило до того, что наиболее смелые пацаны во время занятия вылазили в окно и к его концу возвращались тем же путем. Наш класс был на первом этаже и для этих проказ мы специально привязывали веревки. На одном из уроков я неожиданно сам перевел это слово — «душвайн». Оно произошло от немецкого выражения — ругательства, которым, нередко, оккупанты обзывали русских солдат и гражданское население, «ду бис швайн!», что в переводе означало — ты свинья. Теперь в русском сокращении оно вернулось к своим авторам, в полной мере соответствуя позору завоевателей, превратившихся действительно в собственных «швайн».

Наша семья жила в доме на территории ДОКа — домостроительного комбината, который был обнесен высоким забором, что позволяло в качестве рабочих использовать расконвоированных пленных немцев, бригадиром у которых был Ганс Фридрихович, кое-как разговаривающий по русски, но хорошо понимавший наш язык. «Своих» немцев мы не дразнили, можно сказать спокойно терпели друг-друга. Один раз в неделю в ДОК приходил майор, проводил линейку-переключку, расспрашивал русских рабочих о поведении пленных. Изредка он увозил с собой одного или двоих, и мы больше их не видели. Многие из пленных были семейными и с радостью показывали фотографии своих детей, одетых в удивительные платья и костюмчики, казавшиеся нам очень смешными. Их отцы мастерили разные игрушки, которые выменивали у детей персонала ДОКа на хлеб, картошку, бутерброды. Ганс Фридрихович, высокий, тощий, с вечной щетиной, голубоглазый блондин, часто помогал бабушке по хозяйству, когда отца, главного инженера ДОКа, не было дома. Он этого не любил:

— Что мы, баре какие-то, чтобы работника иметь. Они же не фашисты... Такие же работяги, как и наши, а может даже лучше... Аккуратисты, не чета нам.

Бабушка молчала соглашаясь, но продолжала давать Гансу различные поручения.

Фашисты... Не фашисты... Гагой грец их разберет. На них работали наши дети пущай и они на нас трошки сроблют... Не переломятся. Им же лучше. Домашнего похлебают.

Я удивлялся, как же это не фашисты. Папка что-то путает. Кто же они, если не фашисты. Тогда в моем детском сознании прочно жила уверенность, что все немцы фашисты, которых жалеть нельзя. Это они виноваты в том, что безногий дядя Вася побирается, слепой Николай поет в трамвае, а у многих моих друзей отцы погибли на фронте.

Более близко мое знакомство с бригадиром Гансом произошло после одного происшествия. Наша корова Зорька, учитывая наличие забора, свободно паслась на территории ДОКа, а на дойку самостоятельно приходила домой.

Однажды, мы с братом играли в «потемкина» в недостроенном сарае. Вдруг слышим наша бабуля разоряется, да так что от нее все куры в разные стороны разбегаются:

— Зорька-то, Зорька пустая пришла. Выдоили треклятые германцы. Молочка им захотелось, ну погодите, немчура чухонская... я вас напою. Приедет майор вы у меня захлебнетесь, проклятушие. Вовка! Вовка!

Старший брат слез со своего боевого поста возле деревянного станкового пулемета.

— Ну чё, баб!

— Чего! Да ни чего, кроме того, что Зорьку германцы выдоили, а вы без молочка остались. Стоняй к их бригадиру и передай, что я велела ему быстрехонько быть тут, понял? Давай жми... Ишь чо надумали, хриstopродавцы.

Вовка крикнул мне, чтобы я охранил трап «Потемкина», и помчался в сторону производственных цехов.

Ганс пришел через полчаса, бледный, взъерошенный, с плотно сжатыми губами. Он принес бидончик молока и склонившись так, что казалось переломиться в пояснице, передал его бабушке.

— Моя им наказал... прощайте... ой ниht, простите, герр майор ниht шпрехен... это не говорить... будет лагерь... простите.

Бабушка перелила молоко.

— О-хо-хо! Грехи наши тяжкие! Чего ты бормочешь. С перепуту и слова русские забыл. Иди лучше дров наруби... Да не стой ты, как леший перед иконой... не скажу бог с вами... но если еще раз...

— О! Гроссмутер, гроссмутер, ниht, ниht. Ду бис... зер гут... ферштейн... Ой! Я! Моя делает все. Мальшик моя делает штучку.

Вовка лежа за своим пулеметом внезапно открыл огонь.

— Тра-та-та, тра-та-та, р-р-р-р.

Ганс повернулся к нам.

— Тра-та-та зер шлехт, ошень плехо, война-зер шлехт ошень плехо. Их тра-та-та ниht. Их это... повар, повар. Найн наци.

— Вовка! Прекрати! Они не нацисты, все из вспомогаловки... Теперь притихнут, как нашкодившие котята.

— Я! Я! — Ганс вытащил из кармана забавную деревянную игрушку, кувыркающегося гимнаста на перекладине, и протянул ее Вовке.

С тех пор у нас с Гансом завязалась крепкая дружба, от которой у меня в памяти до сих пор осталась песенка-переводка:

Стол — тыш,
Рыба — фиш,
Ножик — мессер,
Будто — пессер,
Маслобойка — брутофаш,
Что такое — вас ист дас?

г. Челябинск

Любовь Дубкова

Когда не спится, я пишу стихи

***

Я заглянуть не в силах в суть вещей,
И часто ошибаюсь в сферах жизни,
Но чувствую безжалостность клещей,
Меня схвативших и ведущих к тризне.

Не стану птицей вырваться я,
Известно мне, что путь для всех единый,
А впереди судилища скамья,
И шансов нет остаться несудимой!

Я недругам своим желаю зла,
С предательством мириться не умею,
Рву сердце, закусивши удила,
Но только мстить... нет, не боюсь... не смею.

Ещё надеюсь на условный срок,
Хоть не сумела стать непогрешимой!
Звонок прервал мой грустный монолог —
Очнулась я, жива и невредима...

Лишь только эхо...

Моей любовью ты не дорожил,
Как фантиком от съеденной конфетки.
Ты коршуном поблизости кружил,
А я взлетела с подростковой ветки!

Размахом крыльев солнце заслонив,
Меня пленил, растерянную птичку.

Я покорила, голову склонив,
А ты предстал совсем в другом обличье.

Не видно крыльев, только пышный хвост,
В затмение я кота не разглядела!
Расчёт ловца безжалостен и прост,
Захлопнул дверцу, и готово дело!

Ко мне приходишь, как на водопой,
А что, хорош чаёк с такой конфеткой?
Фонтан цветов, ты рыцарь не скупой,
Всё для меня в бронированной клетке!

В бесчеловечно стонущей тиши,
Я сохранить рассудок не сумела.
Открылся вдруг туберкулёз души,
И я зачахла, как росток несмелый!

Однажды жажду утолить придёшь,
По плану неназначенных свиданий,
Но никого в застенках не найдёшь,
Лишь только эхо девичьих мечтаний...

За два дня до венчания...

Я какая-то неживая,
Взгляд ни радостен, ни тревожен,
Я не слышу сигнал трамвая,
И молчу — мой рот заморожен!

Поцелуем твоим прощальным
Заморожен, зашит, заклеен!
Мир вокруг, без тебя вращаясь,
Стал безжалостнее и злее.

Из асфальта торчат колючки,
Не планета — огромный кактус!
А молва, словно перец жгучий!
Неуютно и пусто как-то...

Не давала обет молчанья,
Не нарочно я онемела,
Просто за два дня до венчанья
Разделились душа и тело!

Сердце сбавило обороты,
А куда теперь торопиться?
Нет любви, так и нет заботы,
Я теперь свободная птица!

В небо чистое поднимаюсь,
Так для счастья нам надо мало!
И я, кажется, понимаю,
Что тебе во мне не хватало...

Ну, а пока...

Ещё берёзы не одеты,
Их руки, кипенно белы,
К светиле вешнему воздеты,
И к небу тянутся стволы!

Лишь одинокие берёзы
Тоскуют, плечи опустив,
И капают на землю слёзы —
Душещипательный мотив!

Но чаще к тем, что одиноки,
На рейд приходят облака.
Взлетают ввысь поэтов строки,
Романсов плещется река!

Ну, а пока вулканы почек
Не взорвались наперебой,
Я отрабатываю почерк,
И пью вино, вдвоём с тобой!

* * *

Рафинированный дождик
В неумытом плачет мире,
По моей засохшей крыше
Звуки, словно пульки в тире!

Если всё в круговороте,
Чистота дождя обманна!
Здесь бензиновые реки,
Нефтяные океаны!

Не спешу лицо подставить,
И промокнуть без остатка,
То не старый, добрый дождик,
А кислотные осадки!

Наблюдаю из окошка,
Он уходит, еле слышен,
Без вины, но виноватый.
А к утру облезла крыша...

* * *

Словно облако, застрявшее в грозе,
Словно солнце, растворившись в небесах,
Как букашка, утонувшая в росе,
Так и я тону в обветренных глазах!..

За соринку ты меня не принимай,
И не бойся, ни за что не уколою!
Пусть дождём смеётся смелый мальчик май,
Ты на радуге прочтёшь моё — ЛЮБЛЮ!

Ты увидишь это в листьях-малышах,
Повзрослевших за каких-то полчаса,
Затрепещет возрождённая душа,
Вновь услышав вдохновенья голоса!

Переливами фонтана улыбнусь,
Сквозь асфальт твоих сомнений прорасту,
Ветром ласковым к твоей щеке прижмусь,
Мы возьмём теперь любую высоту!

Июль

От солнца зонтиком прикрылся день,
Нас обжигает поцелуем лето!
Я ухожу от этой страсти в тень,
Хотя никто не налагал запрета
На хулиганство солнечное это.

Мы жалуемся вовсе не всерьёз
На концентрацию тепла и света.
И даже ночью греет отблеск звёзд,
Пока июля песенка не спета,
И нет ещё от августа привета.

Когда не спится, я пишу стихи
На полотне прожаренной планеты.
В помощниках — перо и мастихин!
Добавлю в стих сияющего цвета,
И навсегда запомню это лето!

***

Ах, какой расчудесный локон!
Ты — соперница образам!
Из распахнутых настёж окон
Во Вселенную льёшь бальзам!

Силуэт в голубом проёме,
Взгляд прищуренный, свысока.
Как принцесса на VIP-приёме,
Ты лениво кивнёшь слегка.

Неприступен девичий терем,
Но настанет и мой денёк,
В этом, милая, я уверен —
Подрастёт горбунок-конёк!

Интуиция не подводит,
Не спасут секреты замков!
Все принцессы замуж выходят
За Иванов, за дураков!...

***

В этом нет никакого смысла,
С этим нет никакого сладу,
Я в твоём пространстве зависла,
Мне бежать бы оттуда надо!

От твоей дежурной улыбки,
Нелюбви и необожанья,
И от почвы, болотно-зыбкой,
Неудачи и невниманья.

Мне бы кликнуть тихонько мышкой,
Оказаться в другой стихии,
И понять, что ты был пустышкой,
И стряхнуть, как крошки сухие!

И хоть нет никакого смысла,
Я пытаюсь шагнуть обратно.
Но ловлю я себя на мысли,
Что забыт пароль безвозвратно...

***

Половинкой ровной
Светится луна,
Проникает в душу
Взглядом колдуна...

Окунусь в прохладу
С ночью заодно,
Распахну навстречу
Осени окно!

Ветер разметаёт
Тропки слёз с лица,
И с ресниц слетает
Горькая пыльца.

Лист упал с берёзы
Тихо на балкон,
Это не примета —
Осени закон!

Из ковша на небе
Сделаю глоток,
И начнётся новый
Жизни завиток!

Васькина погода

Из-за пятиэтажки выплывала круглобокая румяная луна. Почему румяная? Васька не мог объяснить. Но ему казалось, что она похожа на поджаристую булочку. Такие сдобные булочки с запеченной корочкой, ватрушки и шаньги пекла в деревне его бабушка. Васька вспомнил горячий хлебный дух, исходивший от беленой русской печи, сладковатый вкус свежих ватрушек и кружку с отбитым краешком, в которую бабушка всегда наливала молоко.

Васька сглотнул густую слюну, и вспомнил, что последний раз ел утром. После школы он заскочил домой, чтобы бросить пакет с учебниками в угол, и убежал на улицу. Сейчас было уже совсем поздно, наверное, часов одиннадцать. Васька сидел на трубах теплоцентрали, и идти домой ему совершенно не хотелось. В квартирах на всех этажах светились окна. Там смотрели телевизоры, пили чай с вареньем или конфетами. Может, обсуждали очень важные дела. Там, за окнами, жили мамы и папы. И у них были дети. Наверное, им уже пели колыбельные или читали на ночь сказки...

Васька тяжело вздохнул, улегся на теплой трубе и, закинув руки за голову, стал смотреть в небо. Огромные октябрьские звезды перемигивались в густой черноте. Казалось, они подрагивают, протягивают друг другу тонкие лучики. Может, им вместе не так тоскливо там, в вышине? У Васьки на душе было совсем пасмурно. Даже не пасмурно, а собирались черные тучи, и вот-вот могла разразиться страшная гроза с громом и молниями. А когда накатывала такая гроза, укрыться от нее никому не удавалось. Трех рыжим кошкам, жившим у подъезда, доставались Васькины пинки. В старую хромую собаку, приходившую к мусорному баку, летел камень, а малышня в песочнице лишалась всех куличиков и тщательно построенных замков.

В такие грозные минуты Васька представлял себя огромным смерчем, сметающим все на своем пути. Вырванные с корнями деревья обрушивались с неба на головы обидчиков, их дома разлетались в щепки, а их самих Васька-ураган забрасывал в безлюдную пустыню. Пусть пострадают, пусть помучаются, может, перед смертью вспомнят его, Ваську, несправедливо обиженного и всеми забытого. А обидеть мальчишку просто: сказать при всем классе, что он — неуч и бестолочь. Похвастаться при нем новой курточкой или кроссовками. Шепнуть соседке на лавочке: «Вот вырастет, хлебнет Людмила с ним горюшка». И все — готово: клубятся в Васькиной душе черные тучи, и полосуют небо яркие молнии, норovia прощит виновного от макушки до пяток.

А чего судачить? Ну, нет у него отца, и Людашка (так ласково и по-домашнему уютно называла его маму бабушка) по ночам тихонько всхлипывает в подушку, стараясь, чтобы Васька не услышал. Ну, нет у них денег на обновки к каждому сезону. Подумаешь, невидаль — уроки прогулял. Может, дела важные были? А если и врежет в ухо соседскому Антохе, так только лишь для того, чтобы самому на качелях покачаться. Что такого-то?! Нет, тут же крик поднимут: ах, хулиган! Ох, милиция по тебе плачет! Какая милиция? Вон десятиклассники у малышни каждый день мелочь из карманов выгребают, и ничего. А на днях видел, как известная всей школе компания Валерки-Цапы зажала в угол малявку-первоклассника, и ярко-синий сотик в кожаном футлярчике перекочевал в Валеркин рюкзак. И ничего: ни тебе милиции, ни встревоженных учителей. Тишина и покой.

Плевал бы на всех Васька с большой колокольни, да только жить иногда и вправду тошно становилось. Вот и сегодня двойку вкатили по физике — это раз. На перемене схватились с Генкой, и Васька так заехал противнику по щеке, что она вспухла разом и засветилась, как раскаленная сковородка — это два. Из-за чего весь сыр-бор разгорелся, Васька уже и не помнит. Помнит только, как выговаривала ему в учительской Анна Николаевна все, что о нем, ученике седьмого класса Василии Никитине, думает. И еще велела назавтра с матерью в школу прийти. Это три. Вот и лежал теперь Васька на теплых трубах и домой идти не решался. Что он скажет? Васька представил себе, как сидит он за столом, как поднимается парок от чашек с чаем, как глядит мать на него усталыми глазами, ерошит волосы на макушке, спрашивает: «Как день прошел?» А он ей что в ответ? Эх...

Странный звук ворвался в Васькины думы.

— Цир-р-р-р, цир-р-р-р, — вначале нерешительно так, будто кто-то пилочкой крохотной по проволочке цепляет. Потом — громче и дольше.

Васька привстал. Звук доносился откуда-то снизу. Хотел Василий посмотреть, кто это пиликает скрипуче так, да в темноте все равно ничего не разглядишь. Снова пристроился на пригретом месте, и стал в небо глядеть. Звезды совсем приблизились. В черноте сияли яркими бусинами. А если глаза прижмурить, вокруг каждой зажжется маленькая радуга. И вдруг на фоне темного неба, закрывая голубоватый свет далеких светил, зашевелилась зловеще чья-то тень. Над Васькой нависла продолговатая, похожая на яйцо, голова с антеннами. Васька успел подумать, что есть в этом силуэте что-то похожее на стрекозу, и тут же краем глаза засек движение членистых конечностей: какие-то лапы протянулись к Ваське и холодно коснулись лба.

— А-а-а! — Васька в ужасе дернулся, вскочил и...

— Ты не бойся, — услышал он тихий шепот.

Даже не услышал, а вроде как сам подумал. Рядом никого не было. Васька оглянулся боязливо. Нет, точно нет никого. Это что, померещилось ему что ли?

— Нет, не померещилось. Ты наклонись, я тут, — вновь пронеслось легким ветерком в Васькиной голове.

Васька хотел взять шапочку, она на трубе лежать осталась, и увидел... Сверчка. Совсем черный, похожий на огромного кузнечика и с длиннющими усами, он сидел как раз на Васькиной шапке.

— Уф, ну и напугал! Мерзость, однако. Увидел бы в подъезде — раздавил, не задумываясь, — передернуло Василия.

— Вот, и все так реагируют, если увидят, — вздохнул сверчок. — Потому и приходится жить так, чтобы никому на глаза не попадаться. А что мы плохого кому сделали? Когда-то давно жили рядом с вами, людьми. Говорили даже, что если есть в доме сверчок — будет в нем и счастье. А сейчас... Квартиры у всех. А у нас в генетической памяти тепло русской печки заложено.

— Ну ты это... Про память там и все такое — погоди. Ты где разговаривать научился?

— Слушай, может, присядешь? Не очень-то вежливо с твоей стороны стоя разговаривать. Я и так не самый большой в нашем роду, а уж когда ты стоишь, то и вовсе...

Васька присел на теплую трубу. Сверчок, цепко перебирая лапками, подобрался поближе.

— Звезды, — пронеслось в голове у Васьки.

— Что — звезды?

— Звезды помогают. Они в темноте существуют и в одиночестве. Между ними — сотни и тысячи световых лет. Ты знаешь, что они придумали? Лучи. По лучам, как по нервам, сигналы бегут. Звезды знают все не только друг о друге. Они и про меня знают, и про тебя. Ты ведь смотрел на них сейчас, когда здесь лежал?

— Смотрел. Ну и что?

— А то. Они лучами своими тебя насквозь прощупали, все твои мысли узнали. Тебе же плохо было, так?

— Угу, — буркнул Васька.

— И мне плохо. Хуже некуда. Зима на носу. В морозы здесь и замерзнуть недолго. Пробовал в соседнем подвале устроиться — там трубу прорвало, чуть не утонул. В подъезде думал за батареей перезимовать. Пацаны меня услышали, подня потратили, чтобы из щели выкурить. И стучали, и старую газету жгли. Хорошо, что старушка их прогнала, а то бы пожар мог случиться. А я, понимаешь, тихо сидеть не умею. Со звездами разговаривать это одно, а я еще петь люблю. Слышал, какой у меня голос замечательный?

Васька улыбнулся. Да уж, голос у сверчка — лучше не найти: как несмазанная дверь скрипит.

— Так что это звезды нам помогли друг друга услышать. Они нас лучами соединили. Мы теперь свободно общаться можем, только надо на волну настроиться. Твоя — когда глаза прищуришь, и радужное сияние увидишь. Ты приходи еще, поговорим.

И сверчок разом пропал, растворился в темноте. Васька мотнул головой, чтобы наваждение сбросить — надо же, примерещилось такое — и пошагал домой. Поздно совсем уже было.

Мама дверь открыла. Без разговоров огрела Ваську свернутой в трубку газетой. Потом тумачами — так себе, не больно совсем, — загнала Ваську в угол за вешалкой.

— Ты где был? Шляешься допоздна, голодный. Суп целый — не обедал, значит. Пакет с учебниками вон в углу валяется. Завтра снова двоек нахватаешь, — мама дала Ваське подзатыльник. — Ох, Василий, учился бы ты, а?

— Да ладно тебе. Подумаешь — двойки. Главное — не оценки. Главное — место хорошее найти, где зарплату побольше дадут.

Мама руки в боки:

— Да за что ж ее давать-то? Прежде чем денег дадут, дело сделать надо. А делать его умеючи надо. А чтобы уметь, надо знать...

— Ма, ну чего ты опять про свое — надо, надо. Да знаю, что надо. Ты вот что... Завтра к Анне Николаевне сходи. Она тебе чего-то сказать хотела, — Васька говорил о приглашении в школу как о самом обычном деле, вроде как до магазина прогуляться и обратно. Вот только видел краем глаза, как округлились мамины глаза и как задрожали мелко ее руки. Васька схватил пакет со школьными принадлежностями и шмыгнул в свою комнату.

Раздевшись, улегся в кровать и поплотнее укутался одеялом. «Опять спать не будет, переживает» — думал Васька. Он вздохнул и повернулся на правый бок. Окно за простенькими шторами голубело лунным светом. Васька встал, на цыпочках подошел к подоконнику и отдернул занавески. Свет рванулся в комнату и резанул по глазам. Васька невольно прищурился, от ресниц брызнули в стороны радужные лучи. И как это из лунного света радуга получается? Физика! Васька метнулся к пакету и вытащил ненавистный учебник. Палец заскользил по оглавлению. Ага! Вот оно!

Утром Васька чуть было не проспал, хорошо, что будильник в телефоне с вечера настроил. Впопыхах выдул кружку молока, закусывая половинкой батона, натянул куртку, схватил пакет и выскочил из квартиры. Преодолеть три лестничных марша — это для Васьки три секунды. За спиной хлопнула подъездная дверь.

— И что летают сломя голову?! Не видишь, люди сидят? Никакого к старшим уважения — снесут на ходу и не оглянутся! — заполошно взвизгнула тетя Катя из пятнадцатой квартиры.

Она как всегда уже сидела на лавочке и около ее ног крутились рыжие кошки.

«У, старая карга, — подумал Васька. — И чего с самого утра караулит? Будет потом со старухами полдня обсуждать, кто когда ушел, кто когда пришел, что принес... Шпионка и сплетница!»

Он попытался проскочить мимо тети Кати, но под ноги метнулась кошка. Васька пнул ее под бок, и рыжая, коротко мяукнув, отлетела к бордюру. Тети Катина клюка, без которой бабулька не появлялась на улице, звякнув, свалилась на дорожку. Васька уже метал громы и молнии — в душе поднималась грозная сила, норовя пролиться на голову старушки злыми словами, вроде: нечего тут мешаться, дома сидеть надо и тихонько к смерти готовиться! Как вдруг... Перед Васькиными глазами встала его бабушка: маленькая, сухонькая, в белом платочке. Руки у нее были в муке, она смотрела на внука растерянно, и из ее глаз готовы были покатиться мелкие горошинки слез. Васька даже запах ватрушек учуял.

Чернота над тетей Катей посерела, и сквозь грозовую пелену Васькиной злости прорвались ярко-синие лучи. Васька опешил и головой мотнул, чтобы видение отогнать. В прищур ресниц вплелась разноцветная радуга. Смерч, грозивший разметать всех старушек и кошек заодно, как-то разом рассыпался на мелкие облачка и на душе у Васьки посветлело.

— Нечего тут кошек собирать — людям только ходить мешают, — проворчал он.

— А клюшку свою при себе держите, чего расставляете где ни попадя — ноги переломает кто-нибудь, — бурчал он, поднимая палку с металлическим набалдашником и отдавая ее тете Кате в руки. Старушка растерянно взяла клюку, а Васька уже мчался между гаражами напрямую к школьным воротам.

Подбегая к гаражам, за которыми была школьная спортивная площадка, он услышал не то поскуливание, не то всхлипывание. Васька остановился. Точно, скулит кто-то. Заглянув за угол, он увидел второкласника Никитку из соседнего подъезда. Размазывая слезы по щекам, тот сидел на корточках и отряхивал с курточки сухие травинки.

— Ты чего реवेशь? — спросил Васька. — Скоро звонок уже, а тебе еще умыться надо будет — гляди, как нос и щеки извазюкал, упал что ли? Никитка, до этого давившийся слезами, почувствовал участие и разревелся в голос.

— Они... Они... Телефо-о-о-о-н... — это все, что Никитка сумел выдохнуть между горькими всхлипами.

Васька схватил мальчишку за руку и потащил его, ревущего, к школе. Не обращая внимания на вахтершу, перегородившую коридор, Васька как буксир протащил Никитку до туалета. Внутри Васьки хлестали молнии, смерч огромный, до неба, мог бы всосать в гигантскую воронку не только компанию Валерки-Цапы, но и всех, кто попадался на пути: всю

школу, весь район, весь город — всех, из-за кого льют слезы такие малыши, как Никитка. Открыв кран, Васька сунул руку под струю холодной воды и неумело мазнул ладонью по зареванному Никиткиному лицу. В этот момент он услышал негромкий смех. Кто-то радостно обсуждал: «А как мы его, а? В штаны, наверное, напустил мелкий. Ничего, родаки богатенькие, новый купят». Васька влетел в помещение, разделенное кафельными перегородками на кабинки. Черная буря кинула его к Валерке, руки, разом ставшие стремительными и упругими, хлестали противника резко и зло. И неважно, что рядом с Валеркой стояли его приятели: разве могли они справиться с бурей? А смерч все бушевал, все раздирали темное небо яркие молнии, отражаясь яростью в Васькиных глазах.

Как он оказался в учительской, Васька не помнил. Его поразила кровь на разбитых костяшках пальцев.

«Это как это я? — подумал он. — Ничего себе, больно как». И в тот же миг стало еще больнее. Только не рукам, а где-то внутри.

В учительскую зашла мама... В груди у Васьки стало так пусто и тихо, что биение его сердца могли, наверное, услышать и Анна Николаевна, и вахтерша, и охранник, и директор школы Борис Борисович. Откуда они все взялись в учительской, Васька так и не понял. Потом рядом с ним остались только мама и Борис Борисович. О чем они говорили между собой, Васька не слышал: он думал только о том, что же с ним теперь будет, и как он станет матери в глаза вечером смотреть. Потом Васька со стороны, как в кино, увидел, что распахнулась дверь, и в учительскую влетела какая-то дамочка в кожаной куртке и на каблучках. Дамочка что-то визжала, топала ногами и махала руками. «Милиция... колония... безотцовщина», — долетали до Васькиного сознания слова. Потом появилась и милиция в лице школьного инспектора по делам несовершеннолетних. Ваську о чем-то спрашивали, писали какие-то бумаги. Мама вытирала глаза платочком, и старалась на Ваську не смотреть.

Потом в учительскую ввели Никитку. У Бориса Борисовича в руках появился телефон на красном шнурочке. Никитка заулыбался, закивал головой и, показывая на Ваську, стал что-то быстро говорить. Васька увидел, как распрямилась спина у мамы, она бросила на сына осторожный взгляд и попыталась улыбнуться. Дамочка продолжала визжать и что-то доказывать, но как только в дверях показался Валерка, она резко замолчала, подлетела к нему и вlepила звонкую оплеуху.

Из учительской выходили вместе: Валерка, дамочка в кожаной куртке и инспектор. Никитка выходил один, с зажатым в руке телефоном на красном шнурочке. У дверей он оглянулся на Ваську и шепнул: «Спасибо». Васька выходил с мамой. Он спиной ощущал, что Борис Борисович смотрит на него и качает укоризненно головой. Пакет с учебниками Ваське вернула вахтерша, и Васька стал подниматься по лестнице на второй этаж. Оглянувшись. Мама стояла у дверей и смотрела ему вслед. Она улыбнулась ободряюще и вышла из школы.

Шел второй урок. Васька попросил разрешения войти в класс и пробрался к своей парте у окна. Брякнув учебник физики на парту, Васька отвернулся, и, чтобы не видеть любопытных взглядов одноклассников, стал смотреть на улицу. От пережитого этим утром у него ломило голову, и почему-то хотелось дернуть рукавом по глазам. На намокших невесть от чего ресница вспыхнули искорки и рассыпались мелкой радугой.

— Сила света... рефракция... Никитин, — услышал он.

Васька вскочил. Голубой луч метнулся в голове, и Васька каким-то внутренним взором отчетливо увидел страницы учебника, которые читал этой ночью.

— Садись, четыре, — неожиданно услышал он. — Всегда бы так. Ведь можешь, если хочешь, — физичка выводила оценку в журнале.

На перемене к нему подошел Генка.

— Ну, ты даешь! Так Валерку отметелить! У тебя что, совсем башню снесло? В милицию затаскают.

— Милиция была уже, — вздохнул Васька. — Похоже, Валерку с собой забрали, мать его орала так... Ничего, милиция во всем разберется. Меня бы только из школы не исключили, а то куда я?

— Да уж, это могут. Такие задиры, как ты, любовью учителей не пользуются, — философски изрек Генка. — Ну, слушай, удар у тебя — что надо! Ты вчера мне как врезал, я подумал, что надо Палычу про тебя сказать. А после сегодняшнего точно тебе одна дорога — к нам в секцию. Только бы Палыч не зартачился.

Генка занимался в секции бокса, а тренер Иван Павлович иногда принимал новеньких в середине учебного года, если его ребята о ком-то просили.

— Приходи завтра в шесть. Посмотришь, познакомишься. Палыч на тебя поглядит, — Генка хлопнул одноклассника по плечу и поспешил в столовую.

Оставшиеся четыре урока пролетели незаметно. На переменах ребята обходили Ваську стороной. Учителя на уроках старались делать вид, что ничего не произошло.

— Не хотят обстановку обострять, — сказал Генка.

Вечером Васька вновь пошел на трубы. Он сидел, глядя в звездное небо, и пытался поймать радуу на ресницах. Негромкое «Цир-р-р, цир-р-р» показалось Ваське настоящей музыкой.

— Привет, — прошептал он.

— Привет, — прошелестело в голове. — Ну и наделал ты переполоху. С твоими тучами семь звезд воевали, темноту пробить не могли, — сетовал сверчок. — Ты знаешь, что каждый раз, когда ты молниями кидаешься, по звездным лучам такие волны катятся, что звезды потом часа два трясет?

— Правда? — удивился Васька. — Откуда же я знал! Сам не пойму, как на меня злость накатывает, готов разорвать всех на мелкие кусочки.

— Не дело это, — вздохнул сверчок. — Ты в другой раз как грозе собраться, васильки собирать начинай, не по правде, а мысленно конечно. Ты — Васька, а они — васильки. Соберешь штук шесть — звезды тебе помогут, и тучи твои развеются.

— Как утром с тетей Катей?

— Ну да. Васильки они хорошие. И ты про хорошее вспомнишь, а злость пройдет. Злость она лучи разрушает, и люди со звездами разговаривать не могут. А у тебя талант — на волну настраиваться. Так что подумай, если ты злиться будешь, Генка, Никитка — как звездам в темноте одним жить? Кому лучи протягивать?

Долго говорили Васька со сверчком. Не один вечер прибежал мальчишка на теплые трубы. Уже и снег выпал, а сверчок все циркал негромко где-то под железяками.

Наступили каникулы. Васька с Людашей гостили в деревне. Бабушка пекла румяные булочки и наливала молоко в кружку с отбитым краешком. И вдруг однажды ночью за печью раздалось негромкое «Цир-р-р-р, цир-р-р-р». Бабушка с Людашей в панике облазили все углы, выгребли из-под печи старые валенки, из печурок вытащили варежки и носки, проверили каждый кирпичик и каждую трещинку. Васька им тоже помогал, вот только когда никто не видел, по лицу его расплывалась довольная улыбка. На вторую ночь история повторилась. Бабушка кряхтела недовольно, ворочалась с боку на бок: принес леший экую пакость — сверчка. Ни у кого такой заразы в доме нету, и за что ей такое наказание. Как его, окаянного, искать? Чем выкуривать?

— А чего выкуривать-то, баб? Я вот в книжке читал, что если живет в доме сверчок, то счастье будет, — высказался Василий.

Бабушка поворчала еще немного для приличия и такого храпаля завела, что куда там сверчку с его голосом! Васька улыбался в темноте. Вот, будут теперь по ночам конкурсы устраивать: кто кого перепоеет.

На стене тикали часы. Голубоватый свет луны разливался по половицам. Васька встал, отдернул на окне строченую занавеску и прищурил глаза. В ночном небе светились тысячи звезд. И по неведомым Ваське законам трепетали между ними тонкие лучи. Один из них коснулся Васькиного лба.

— Спасибо тебе, Василий, — тихо прозвенело у него в голове.

— За что это? — удивился Васька.

— За сверчка. Теперь мы за него спокойны — у него есть настоящий дом, с печкой, пирогами и бабушкой. А вот за тебя пока боязно: уж больно ты громы и молнии метать горазд. Как бы тебе научиться с тучами справляться...

— Ничего, Палыч — тренер что надо. Он научит, как с собой бороться. Да я и сам уже иногда могу тучи разметать: главное, радуу поймать, а сверчок подсказал, что васильки...

— Ты чего у окна торчишь? — мама подошла так, что половицы даже не скрипнули.

— Со звездами разговариваю.

— Ох, Васька, когда только взрослым станешь? То он тучи крутит со смерчами, то он со звездами разговаривает, — мама взъерошила волосы у Васьки на макушке.

— Цир-р-р, цир-р-р, — тихонько раздалось за печью.

— Он говорит, что скоро уже. Вот только научусь ветром деревья причесывать и рыжим кошкам васильки дарить, — улыбнулся Васька.

г. Усть-Катав

Вячеслав Саломатин**И летят мои мысли с приветом...****К слову говоря**

И слава свойственна, и срам.
И не до шуток, если туго...
Но не возможны деды там,
Где просто крышка — друг без друга!

В тылу легко найти вполне,
Чтобы бахвалиться причины.
Нет дедовщины на войне:
А перед смертью все едины!

Послы

Вверху две птицы чёрные сидят
И каркают о чём-то невпопад...
А людям бы себя сперва понять!
И кто-то, с ходу, палку хватать-похватить!

Не до ворон. И бесит их язык,
Похожий на зловещий, хриплый крик:
И это слушать — до потопа вплоть?
...Прибьют же, отозвал бы их, Господь?!

Перст

Древним перечить не мне мудрецам:
Перст провидения... Тихо и свято
К Отчине льну! А зачем? Я и сам
Вряд ли отвечу когда-то.

Вижу: сира и морщинит чело.
Чувствую: тоже повинен...
Перст провидения. Словно назло.
Взял он однажды и ткнул
Тяжело, —
Душу саднит и поныне.

Грамотей

Читал запоем я и классиков, и святцы,
Ища наивно панацею от проблем.
Теперь-то многое известно мне, признаться.
И даже то, что не положено совсем.

С утра слепит глаза сияющей купелью.
Высь. И каких оттуда
Страстно жду чудес?
Читал я всё подряд, запоем...
А с похмелья
Добрался, боже мой,
И до самих небес?!

Щенок

Станешь сторожем ты...
Жизнь такая —
Так себе: и не мёд, и не грех!
Знай кидайся да гавкай, пугая,
Как последняя сволочь, на всех!

Превзошёл не на много я, право,
Тех, кто лает вовсю на авось.
Ибо деньги, награды и слава —
Это та же заветная кость.

Рос я тоже в неведение сладком,
Что природа соблазнов полна;
Но железную силу и хватку
Дарит вовсе не даром она!

Приставай и лижись. Без разбора.
Кувыркайся в траве налегке.
Быстро ты матереешь... И скоро
Все забудут о милом щенке.

Ноктюрн

Соловьиная песенка спета:
Снова дождик унылый и грязь.
Вряд ли дама из высшего света
Жаждет видеть — откуда взялась.

Скромной юностью, в ситчик одетой,
Козырять не пыталась всерьёз...
Но «курьерский» из нашего света
В высший как-то тихоню завёз?!

И летят мои мысли с приветом
К той, что рядом когда-то росла...
Я не знаю, как там, а на этом,
Низшем свете прекрасны дела!

Крапивный Семка

Одноактное представление с цирком в пяти картинах для театров кукол

Действуют:

КОТЕНОК В ШЛЯПЕ, он же СЁМКА.
КОТЕНОК РЫЖИК
КОШЕЧКА МУРА
ЩЕНОК ШАРИК
ВОРОБЕЙ, почтальон.
КОРОЛЕВА сиамских кошек
АРТИСТЫ Сиамского Цирка:
эквилибристы,
борцы,
факир,
королевский кордебалет.

*Действие происходит во Дворе.
Цирк выстраивается тут же.*

Картина первая

На фоне Песни об Игре актеры выстраивают декорацию Двора.

Песня об игре

Как у нас среди двора
начинается игра —
продолжается игра,
что не кончилась вчера:

Поскакалки-попрыгушки,
догонялки-побегушки,
Кошки-мышки, мышки-кошки,
чижик-пыжик и футбол!
Но сказали мамы нам:
— Прекратите шум и гам!
Посидите, отдохните,
хоть немного помолчите!

Мы немного посидели,
друг на друга поглядели,
головами повертели
и устали без игры.

Как у нас среди двора
продолжается игра,
продолжается игра —
та, что начата с утра!

Снова прятки-перепрятки,
снова жмурки-переглядки,
Чижик-пыжик, пыжик-чижик,
кошки-мышки и футбол!

Кошечка Мура с сачком гонится за бабочкой-крапивницей. Навстречу ей выбегает котенок Рыжик с деревянным мечом.

РЫЖИК. Эй-бей-турумбей, всех драконов перебей!

Эй-бей-турумбей, пере-пере-перебей! (*рубит крапиву*)

МУРА. Рыжик! (громче) Рыжик!

РЫЖИК. Эй-бей-турумбей!

МУРА. Ты мне всех бабочек распугал!

РЫЖИК. Тихо! Какие бабочки? Вокруг тебя ужасные драконы!

МУРА. Дра-коны? Где? Где они?

РЫЖИК. Да вот они. Видишь?

МУРА. Ну и драконы! Крапива это...

РЫЖИК. Нет, драконы! У каждого по девять голов и по триста кусачих клыков! Хочешь попробовать?

МУРА. Нет, не хочу.

РЫЖИК. Я срубая по девять голов сразу, но вместо них вырастают сто новых, вместо ста — тысяча, вместо тысячи...

МУРА. Тогда, может, лучше их не трогать?

РЫЖИК. Почему?

МУРА. А вдруг их станет много-много...

РЫЖИК. И хорошо! Нам, рыцарям, было бы с кем сражаться...

МУРА. А вдруг их станет так много...

РЫЖИК. ...что они меня слопают? Ерунда! Подавятся — будь их хоть целый миллион.

Знаешь, почему? (*торжественно*) Потому что мы, рыцари, знаем страшное заклинание: Эй-бей-турумбей! Все драконы трепещут перед ним! (*рубит*) Эй-бей-турумбей!

МУРА. Ой, меня укусили!

РЫЖИК. Не реви! Смотри, как это делают рыцари... (*хватает крапиву*)

МУРА. И тебе совсем-совсем не больно?

РЫЖИК. Совсем.

МУРА. И ни капельки не жжет?

РЫЖИК. Ни капли...

МУРА. Какой ты храбрый, Рыжик...

РЫЖИК. Я не Рыжик, а Красный Рыцарь Тигриная Лапа. Я скитаюсь по всему свету и сражаюсь с драконами.

МУРА. Рыжик... ой, Рыцарь Тигриная Лапа, а можно мне тоже немножко поскитаться по всему свету?

РЫЖИК. Ладно. Но сначала пройди испытание.

МУРА. Страшное?

РЫЖИК. Ерунда! Вырви с корнем одного дракона.

МУРА. В варежках?

РЫЖИК. Ха-ха! Рыцарь — и в варежках!

МУРА. Лапками?!

РЫЖИК. Да ты не бойся. Скажешь заклинание — и рви сколько хочешь.
 МУРА. Да? А какого выбрать?
 РЫЖИК. Любого. Какой нравится.
 МУРА. А мне почему-то никакой не нравится. Я выберу который поменьше, ладно? Только ты мне слова подсказывай.
 РЫЖИК. Эй-бей...
 МУРА. ...турумбей!
 РЫЖИК. Эй-бей...
 МУРА. ...рутумбей.
 РЫЖИК. Начинай!
 МУРА. ...туру... тубум...
 РЫЖИК. Рви!
 МУРА. «...турум»..
 РЫЖИК. Смелей, и я назову тебя Рыцарем Белая Пантера!
И вдруг: «Кых!Кых!» — с деревянным пистолетом вбегают Щенок Шарик.
 ШАРИК. Бью без промаха. Падайте.
 МУРА. Ой, Шарик, здравствуй...
 ШАРИК. Привет. Чего не падаете?
 РЫЖИК. Раскыхался тут...
 ШАРИК. А что, мешаю, да? Могу и уйти.
 РЫЖИК. И уходи.
 ШАРИК. Пожалуйста! А во что вы играете?
 МУРА. Я испытание прохожу. В рыцари.
 ШАРИК. В рыцари?
 РЫЖИК. А что?
 ШАРИК. Девчонки рыцарями не бывают.
 ШАРИК. Ни почему. Не бывают — и все.
 РЫЖИК. Не бывают, так будут!
 ШАРИК. А вот и не будут!
 РЫЖИК. Сейчас как дам в люб — и будут!
 МУРА. Стойте! Не буду я рыцарем. Пусть Шарик будет.
 ШАРИК. А что? Я могу... ладно.
 РЫЖИК. Не буду я с ним играть. Пусть один бегают и кыхает!
 ШАРИК. Ну и буду один! Все равно вы застреленные... *(хочет уйти)*
 МУРА. Шарик! Рыжик! Сейчас же помиритесь.
 РЫЖИК. Вот еще!
 ШАРИК. Как бы не так!
 МУРА *(топнула)* А я говорю — помиритесь!
 РЫЖИК *(Шарику)* Ладно, давай лапу.
 Шарик протягивает лапу.
 МУРА. Мирись, мирись, больше не дерись! Если будешь драться, Я буду кусаться! Вот и все.
 ШАРИК. А как в этих... в рыцарей играют?
 РЫЖИК. Ты будешь Пятнистый Рыцарь Волчье Ухо
 ШАРИК. Почему «Ухо»? Лучше «Глаз».
 МУРА. Или «Нос».
 ШАРИК. Нет, «Нос» мне не нравится. Пусть будет «Пес».

РЫЖИК. Как хочешь. Тогда ты рыцарь Волчий Пес, а Мура будет...
 МУРА. А я никем не буду!
 РЫЖИК. Да ты не рыцарем будешь!
 МУРА. А кем?
 ШАРИК. Рыцарихой, что ли?
 РЫЖИК. Ты будешь нашей принцессой. Тебя похитят драконы...
 МУРА. Опять драконы?
 РЫЖИК. Ну, пираты.
 ШАРИК. А кто будет пиратами?
 РЫЖИК. Пираты будут как будто. Кто первым найдет тебя, тот получит Алую Розу.
 ШАРИК. А второй что получит?
 РЫЖИК. Белую Розу.
 ШАРИК. Тоже Розу? Скучно!
 РЫЖИК. А принцессы всегда дарят Розы, понял?
 ШАРИК. Лучше бы они дарили что-нибудь повкусней.
 РЫЖИК. Тебе бы только лопать. Вот меч. Куда покажет острие — бегу я, куда рукоять — Волчий Пес! *(подкидывает меч, меч падает)* Ага, мне туда! Мура, прячься. Шарик, разбегаемся! *(убежал)*
 ШАРИК. А мне что, так в лопухи и топать?
 МУРА. Так ты же рыцарь!
Шарик надулся от гордости и шагнул в лопухи. Мура преображает себя в Принцессу, пока звучит ПЕСНЯ О РЫЦАРЯХ.

Песня о рыцарях

У каждой Принцессы есть Рыцари Сердца — Принцессам верны они с самого детства. Над каждой принцессой сияет корона... И если корону утащит ворона, и если Принцесса в лесу заблудилась, и в лапах Дракона она очутилась, то Рыцари Сердца за наглой вороной сию же минуту рванутся вдогон — и снова Принцесса сияет короной, и, словно капуста, порублен Дракон! За подвиг — награда: не фунт шоколада, не пуд мармелада с халвой... Награда Принцессы — тепло ее взгляда и Алая Роза на шлем боевой!

МУРА. Какая я Принцесса? У меня нет ни одной розы! *(замечает бабочек)* Бабочки, миленькие, не улетайте! Вы будете моими розами... *(замахивается сачком, но крапива вздрагивает, и бабочки улетают)* Гадкая крапива! Распугала моих бабочек, какая я теперь Принцесса? *(вдруг появляются бабочки и садятся на плечо Муре)* Вы сами прилетели, миленькие? Теперь Вы мои Розы — ты Алая, а ты — Белая! У меня есть настоящие живые

Розы! (замечает Котенка в Шляпе, который прячется в крапиве) Ты кто, пират?
 ШЛЯПА. Нет.
 МУРА. Тогда выходи.
 ШЛЯПА. Не выйду.
 МУРА. Я все равно тебя видела.
 ШЛЯПА. Ну и что?
 МУРА. Ты что, всегда там сидишь?
 ШЛЯПА. Всегда. Тут хорошо. Никто умы-
 ваться не гонит.
 МУРА. Ты не любишь умываться?
 ШЛЯПА. Ненавижу.
 МУРА. Значит, ты не пират? А шляпу раз-
 бойничью зачем надел?
 ШЛЯПА. Это моя шляпа.
 МУРА. Все равно разбойничья! Я ее боюсь.
 ШЛЯПА. Не бойся.
 МУРА. Боюсь, боюсь — и сейчас убегу!
*Шляпа шагает из крапивы и оказывается ко-
 тенком в Шляпе.*
 КОТЕНОК. Не убегай, не надо.
 МУРА. Вот это да! Как ты сидишь в крапиве?
 Она же кусается...
 КОТЕНОК. Неправда! Она добрая и просто
 боится, что ей сделают больно.
 МУРА. Добрая?
 КОТЕНОК. Очень добрая. Скажи ей ласко-
 во: «Крапивушки-крапошки, протяни ла-
 дошки, я тебя поглажу...» — и можно гла-
 дить сколько хочешь — крапива не укусит!
(гладит крапиву)
 МУРА. Не больно? И нисколько не жжет?
 КОТЕНОК. Ни чуточки. Хочешь, сама по-
 пробуй.
 МУРА. Ой, боюсь, боюсь!
 КОТЕНОК. Не кричи, а то крапиву напуга-
 ешь!
 РЫЖИК *(вбегают)* Я тебя первым нашел!
 Гони Адюю Розу!
 ШАРИК. А я первым услышал! *(замечает
 Котенка)* Вот это да! Пираты же были как
 будто!
 РЫЖИК. Волчий Пес, сними с него шляпу!
 ШАРИК *(сорвав с Котенка шляпу)* Он еще и
 в маске!
 РЫЖИК. Да это не маска! Это НОС! Пи-
 рат — Черный нос!
 ШАРИК. Пират Грязный Нос! Пират Немы-
 тые Уши! Пират Сто лет не Умывался!
 РЫЖИК. В воду его — пусть моется!
 МУРА. Стойте! Не трогайте его! Уходите!
 ШАРИК. И пожалуйста, и уйдем!
 РЫЖИК. Верных рыцарей променяла на
 какого-то пирата! И вовсе ты не Принцесса!
Бабочки садятся на плечо Котенку.
 МУРА. Так это твои бабочки? Это ты их мне
 подарил?
 КОТЕНОК *убегает в крапиву.*

МУРА (Рыжику и Шарику) Эх-вы! Сами вы
 злые как пираты! (Котенку) Постой! Ты за-
 был свою шляпу! /убегает за ним/

Картина вторая

*Под Песню о цирке актеры превращают Двор в
 Цирковую площадку.*

Песня о цирке

Приехал цирк! Сиамский цирк!
 Эквилибристы и борцы! — кричат афиши.
 Наш цирк объехал целый свет,
 поторопитесь взять билет, чтоб сесть поближе!

Наш цирк показывает вам
 артистов с острова Сиам — не опоздайте!
 Один лишь раз, всего лишь час
 наш цирк работает для вас — не прозевайте!

*Появляются Рыжик, Шарик и Мура. С афиш на
 них смотрят черноухие и черноносые сиамские
 кошки.*

МУРА *(читает)* Си-ам-ский цирк!
 ШАРИК. Точь-в-точь, как тот грязнуля!
 РЫЖИК. Значит, он никакой не грязнуля?
 МУРА. Значит, он просто сиамский коте-
 нок?
 РЫЖИК. Может быть, он из цирка?
 МУРА. Не знаю. Я его в крапиве нашла.
 ШАРИК. Надо его найти, надо ему показать
 эти афиши.
 РЫЖИК. Зачем?
 ШАРИК. Чтоб он узнал, кто он такой...
 МУРА. ...что он из Сиама, что он не чума-
 зый...
 ШАРИК. Идем!
 МУРА. Куда? В крапиву?
 ШАРИК. По мне хоть в крапиву!
 Появляется Котенок.
 РЫЖИК. Вот он!
 ШАРИК. Привет.
 МУРА. Я тебя искала, искала...
 КОТЁНОК. Сегодня мне приснился сон.
 В нем все были как я. Никто не дразнил меня
 и не посылал умываться. Я ухожу искать та-
 кую страну...
 МУРА. Подожди! Мы даже не познакоми-
 лись, а ты уже уходишь *(протягивает котен-
 ку лапку)*. Мурочка!
 РЫЖИК. Рыжик!
 ШАРИК. Шарик!
 КОТЕНОК. А я не знаю, как меня зовут.
 ШАРИК. Правда?
 КОТЕНОК. Да.
 МУРА. А можно, мы тебя сами назовем?
 КОТЕНОК. Можно.
 РЫЖИК. Сиам... Сима... Симеон подхо-
 дит?

ШАРИК. «Семён», что ли?
 МУРА. А еще лучше «Сёмка». Можно, я буду звать тебя Сёмкой?
 КОТЕНОК. Можно.
 МУРА. Сёмка! Ты теперь не уйдешь никуда насовсем?
 СЁМКА. Не уйду.
 МУРА. Обернись.
Сёмка оборачивается на афиши.
 СЁМКА. Кто это? Они все похожи на меня! Как во сне...
 РЫЖИК. Это цирк!
 СЁМКА. У них такие же черные уши!
 ШАРИК. Точь в точь как твои!
 СЁМКА. У них такой же черный нос!
 МУРА. Совсем как твой!
 СЁМКА. Кто это?
 МУРА. Это приехал цирк с твоей Родины.
 СЁМКА. Как он, наверно, далеко — остров Сиам...

Картина третья

Звучит Песня цирка

Наш цирк показывает вам
 Артистов с острова Сиам —
 Не опоздайте!
 Всего лишь раз,
 Всего лишь час
 Наш цирк работает для вас —
 Не прозевайте!

Афиши оживают — и начинается представление.

Цирк из Сиама начинает необычайнейшую программу!

Эквилибристы! «Воздушные эквилибры»!
 Артисты порхают как птицы колибри!

Выступление эквилибристов.

Сиамские близнецы —
 Непобедимые борцы.
 Оба они высоки и сильны,
 И силы у них совершенно равны.

Выступление борцов.

Восточный факир!
 Объехал весь мир!
 Своим чудесам
 Удивляется сам!

Выступление факира.

Цирк продолжается!
 В нашей программе

Ее величество Королева Сиамии!
 «Сиамские джунгли» —
 зимою и летом
 исполняется Королевским кордебалетом!

Выступление кордебалета под «Песню джунглей»

Когда был диким наш чудный остров,
 Под ночью — черным, под солнцем —
 пестрым,
 Там были джунгли от зноя смуглы,
 Горели в джунглях глаза как угли.
 В тени бамбука одна наука —
 Кто зазевался — уходит с круга!

Когда был диким наш чудный остров,
 У наших предков был коготь острым,
 У предков наших прыжок был меткий,
 Слух тонок и зорок глаз.
 На ветку с ветки, и случай редкий,
 Чтоб кто-то ушел от нас!

Представление заканчивается — и афиши замирают.

Появляются вышедшие из цирка Рыжик, Мура, Шарик.

РЫЖИК (*подражая артистам*) ...И случай редкий, чтоб кто-то ушел от нас! (*набрасывается на друзей, они смеются, борются*).

МУРА. Вот это Королева! Самая настоящая!..

РЫЖИК. Подумаешь, королева...

ШАРИК. Ты ведь тоже Принцесса!

МУРА. Какая я Принцесса? Принцесса по-нарошку...

РЫЖИК. Не реви! Принцессы-королевы... Все это старые сказки... Чепуха!

МУРА. И рыцари — тоже старые сказки? Тоже чепуха?

РЫЖИК. И рыцари — тоже. Давайте лучше цирк сделаем!

ШАРИК. Свой цирк?

РЫЖИК. А что? Сами будем прыгать и разные фокусы показывать. А ты, Мурочка, будешь Королевой...

МУРА. Ты Сёмку не видел?

РЫЖИК. Сёмку? Нет...

МУРА (*Шарику*) А ты?

ШАРИК. А что я? Что — я? Видел я в цирке какую-то шляпу...

МУРА. Эх-вы... «Шляпу»! Сёмка, может быть, сейчас навсегда уедет, а вы — «прыгать, фокусы показывать»...

РЫЖИК. Да куда не денется твой Сёмка! Очень он циркачам нужен!

ШАРИК. А вдруг нужен?

РЫЖИК. Ну и пусть уезжает! Плакать не будем! Подумаешь, иностранец!

МУРА. Какой ты злой... Эх-ты, Тигриная лапа! *(убегает)*

РЫЖИК *(Шарику)* Может, и ты тоже победишь за Сёмочкой?

ШАРИК. А что я, что я? Ну и пойду, и пожалуйста!

РЫЖИК. Ладно, не злись! Нам теперь ссориться никак нельзя. Мы вдвоем остались.

ШАРИК. А Мура?

РЫЖИК. А Мура пусть со своим Сёмкой нянчится!

ШАРИК. И пусть нянчится!

РЫЖИК. «Принцесса»!

ШАРИК. И пусть Принцесса!

РЫЖИК. Пусть! Нам и вдвоем хорошо!

ШАРИК. Нет! Это тебе одному хорошо, а нам вдвоем — плохо!

РЫЖИК. Ты чего, Шарик?

ШАРИК. Ничего! И не ходи за мной, а то я тебе... в лоб дам! *(уходит)*.

РЫЖИК. Ну и иди! Все уходите! Бегите за своим Сёмочкой! А я и один проживу... *(сдерживая слезы)* Эй-бей-турумбей... *(бежит в другую сторону)*.

Картина четвертая

Актеры снимают афиши и разбирают цирковую площадку, пока звучит Прощальная песня о цирке.

Прощальная песня о цирке

Простись со зрителем, наш цирк!

Тебя зовет далекий остров...

Но трудно, грустно и совсем не просто

Расстаться с тем, кто любит цирк.

И пусть мы виделись лишь раз —

За этот час мы стали ближе,

Как листья, листья, кружатся афиши,

Напоминая вам о нас...

Мы продолжаем долгий путь,

Но разрешите оглянуться —

Нам очень, очень хочется вернуться

Еще лишь раз когда-нибудь...

На сцене появляется Сёмка. Он следит за сборами цирка и явно кого-то ждет. И вот появляется Королева.

КОРОЛЕВА. Так ты и есть тот малыш, что хотел говорить со мной?

СЁМКА. Да, это я и есть.

КОРОЛЕВА. Как твоё имя?

СЁМКА. Сёмка... Симеон!

КОРОЛЕВА. Симеон? Как ты здесь оказался?

Сёмка пожимает плечами.

КОРОЛЕВА. Впрочем, это неважно. Тебе здесь плохо?

СЁМКА. Мне было очень плохо. Я не знал, кто я.

КОРОЛЕВА. А теперь?

СЁМКА. А теперь я знаю, где моя Родина. И мне уже не так плохо.

КОРОЛЕВА. Тебе всегда будет здесь плохо.

СЁМКА. Почему?

КОРОЛЕВА. Потому что ты всегда будешь здесь чужаком. У тебя никогда не будет друзей...

СЁМКА. Никогда? Но у нас во дворе...

КОРОЛЕВА. Это не друзья. Они могут пожалеть тебя, но полюбить — никогда.

СЁМКА. Но почему?

КОРОЛЕВА. Потому что ты не такой как они.

СЁМКА. И так будет всегда?

КОРОЛЕВА. Уже поздно. Я устала. Если ты хочешь ехать с нами — поспеши. Через час мы уезжаем *(Уходит)*.

СЁМКА. Подождите! Как же так? Только час... Всего один час?

Сёмка замер в растерянности, затем вдруг побежал и споткнулся с Воробьем, который нес воздушные шарики. Воробей упал. Шары дружно лопнули.

ВОРОБЕЙ. Мои шары... Бедные мои шары... Что вы с ними сделали?

СЁМКА. Простите. Я нечаянно. Я очень спешу...

ВОРОБЕЙ. Подумайте, он спешит! А письма, по-вашему, могут не торопиться?

СЁМКА. Простите...

ВОРОБЕЙ. Что мне ваши извинения? У меня письма опаздывают. Раньше я разносил их сам, но с годами летать далеко стало трудно. Тут меня и выручили воздушные шарики. Не удивляйтесь! Шары не так уж глупы, если повозиться с ними всерьез... Сколько писем разносили они по адресам, пока вы не превратили их черт знает во что...

СЁМКА. Простите меня, милые шарики...

ВОРОБЕЙ. Пойдите, малыш... Вы из цирка?

СЁМКА. Да! Нет...

ВОРОБЕЙ. Не бойтесь, я не пойду на вас жаловаться.

СЁМКА. Я не боюсь. Я правда спешу. У меня остался только час.

ВОРОБЕЙ. Только час? Целый час, малыш! За один час можно сделать больше, чем за всю жизнь. А можно убить его, не заметив. Это как письма: среди них есть пустячки, а

есть такие, которых ждут целую вечность. И никто не знает, что может случиться, если их задержать в пути всего лишь на час...

СЁМКА. Мне надо успеть попрощаться. А цирк через час уедет.

ВОРОБЕЙ. Куда?

СЁМКА. Не знаю...

ВОРОБЕЙ. Странный вы народ — циркачи. Вечно спешите, летите, а куда — сами не знаете. Вы хоть счастливы?

СЁМКА. Не знаю.

ВОРОБЕЙ. Вот видите! Счастья не найдешь в чужом, даже самом теплом краю. Счастье всегда живет на Родине. Вы помните Родину?

СЁМКА. Я вижу ее во сне.

ВОРОБЕЙ. Только во сне? А если вам начнут сниться другие сны, и вы забудете ее совсем? Это так страшно — оказаться без Родины...

СЁМКА. Я знаю.

ВОРОБЕЙ. Ко мне слетаются письма из разных стран — южных и северных — я никогда их не видел, но я счастлив! Наш городок не самый красивый, но в нем прошло мое детство. Здесь я нашел первых друзей, здесь перенес первую зиму. Здесь все родно для меня. Родина должна быть родной, малыш. Постарайтесь это запомнить. А теперь... помогите мне собрать письма...

СЁМКА. Что же вы будете с ними делать?

ВОРОБЕЙ. О, не беспокойтесь! Как-нибудь разнесу потихоньку. А потом научу новые шары... А вы бегите, бегите... Ваш час проходит.

СЁМКА. Я, кажется, придумал! (*кричит*) Эй, крапивницы-пестрянки, эй, капустницы-белянки!

К Сёмке слетается стая разноцветных бабочек.

СЁМКА. Пожалуйста, разнесите по адресам эти письма!

Бабочки расхватывают письма и разлетаются.

ВОРОБЕЙ. Ай да малыш! У вас, как видно, немало друзей! И с каждым необходимо проститься. Торопитесь! Прощайте, малыш! Привет вашей Родине!

СЁМКА. Прощайте!

ВОРОБЕЙ. Посылайте нам письма!

СЁМКА. Я напишу вам. Я напишу своим друзьям. Правда, сейчас мы в споре...

ВОРОБЕЙ. Ссоры не выдерживают разлук, малыш. Вы обязательно помиритесь. Пишите — я сразу узнаю ваши письма. Прощайте! (*Уходит*).

СЁМКА. Прощайте! (*Уходит*).

Бабочки кружат с письмами. Актеры выстраивают декорации двора. Звучит Песня о Родине.

Песня о Родине

Земля — она цветное чудо —
Одна страна цветней другой.
Но помни, кто ты и откуда,
И что за край тебе родной.

Ты знаешь буквы, цифры, ноты,
Тебе задачки нипочем.
Но если ты не знаешь, кто ты,
То ты не знаешь ни о чем.

Каким богатством ни наполнишь
Глубины знания своего,
Но если Родины не помнишь,
То ты не значишь ничего.

Картина пятая

Двор. По разным углам двора сидят Рыжик, Мура и Шарик.

РЫЖИК. Эх, был бы у меня друг, я бы меч не пожалел — дал бы поиграть.

Шарик и Мура молчат.

РЫЖИК. А какую игру я для Принцессы придумал — просто жуть! Только вот играть в нее некому...

Шарик и Мура молчат.

РЫЖИК. Тихо как во дворе... Нет, что ли, здесь никого? Эгей, есть тут кто живой?

ШАРИК. Не ори. Все равно играть с тобой не будем.

РЫЖИК. Ну и не надо. Обойдусь! Мне и одному весело. Эй-бей-турумбей! (*рубит крапиву*)

МУРА. Не трогай!

РЫЖИК. Еще чего? Хочу — и буду! (*замахнулся мечом*)

МУРА (*загораживая крапиву*) А я говорю — не трогай!

РЫЖИК. Почему это?

МУРА. Потому что ей больно.

РЫЖИК. Кому?

МУРА. Крапиве. Она живая. И вовсе не злая.

РЫЖИК. Как же не злая, когда она кусается?

МУРА. Она добрая. А кусается когда защищается. И обижать ее нельзя.

РЫЖИК. Вот враки!

МУРА. И вовсе не враки. Так Сёмка сказал.

РЫЖИК. Опять этот Сёмка? А сама-то ты боишься своей добренькой крапивы!

МУРА. Нет, не боюсь.

РЫЖИК. Не боишься? Тогда иди потрогай ее. Она же «добренькая!» «Не кусается»...

Мура решительно идет к крапиве.

РЫЖИК. Сейчас посмотрим, какая ты смелая...

МУРА. Крапивушки-крапошки, протяни ладошки, я тебя поглажу... (*гладит крапиву*)
Смотрите! Нисколечко не кусается!

ШАРИК. Совсем-совсем?

МУРА. Ни капельки! (*ныряет в крапиву*)

ШАРИК. Крапивушки-крапошки, протяни ладошки, я тебя поглажу... (*трогает крапиву*) Не больно! Ни вот столечко не больно!
Шарик ныряет вслед за Мурой. Рыжик, растерянный, подходит к крапиве.

РЫЖИК. Крапивушки-крапошки, протяни ладошки, я тебя поглажу... (*зажмурившись, трогает*) Шарик! Мурочка! И меня, и меня не кусает!

Рыжик тоже прыгает в крапиву, и друзья кувыркаются в ней все трое. Появляется Сёмка. Он держит узелок.

МУРА. Ой, Сёмка! Где ты был? Смотри, мы с крапивой подружились! (*подбегает к нему*)
А ты... а ты что, уезжаешь?

СЁМКА. Уезжаю.

МУРА. Но ты же обещал не уходить никуда насовсем...

СЁМКА. Не сердитесь на меня. Я хочу увидеть свою Родину.

МУРА. Ты только посмотришь на нее и вернешься?

СЁМКА. Я не знаю.

ШАРИК. До свидания, Сёмка.

РЫЖИК. До свидания.

СЁМКА. Я уезжаю с цирком. Мне надо спешить.

МУРА. Ты только посмотри на нее и возвращайся, ладно?

СЁМКА. Я не знаю. Я ничего сейчас не знаю...

ШАРИК. Мы проводим тебя!

СЁМКА. Лучше не надо, а то я не смогу уехать.

ШАРИК. Тогда до свидания!

СЁМКА. До свидания! Я буду писать вам длинные письма. Они будут прилетать к вам на воздушных шариках.

РЫЖИК. Мы будем тебе отвечать.

СЁМКА. Правда?

ШАРИК. Конечно, правда.

СЁМКА. Вы больше не сердитесь на меня?

МУРА. Нет, ни чуточки.

СЁМКА. Странно. Только что подружились — и уже надо разлучаться.

МУРА. А ты там только чуть-чуть посмотри на свою родину, и сразу же возвращайся!

СЁМКА. Я дарю тебе всех своих бабочек. Правда, они похожи на живые цветы?

К Муре слетаются пестрые бабочки.

МУРА. Спасибо тебе, Сёмка.

ШАРИК. Возьми пистолет. На память. Будешь там кыхать в своих джунглях.

СЁМКА. Спасибо, Шарик.

РЫЖИК. И меч мой бери. Все равно я крапиву больше рубить не буду. Она и вправду живая.

СЁМКА. Спасибо, Рыжик.

Слышатся трубы отъезжающего цирка.

СЁМКА. Ну, я побегу, а то опоздаю...

ШАРИК. Ну, ты беги, а то опоздаешь...

РЫЖИК. Сёмка! А мы сделаем свой цирк. Цирк нашего двора. Ты нарочно приезжай посмотреть.

СЁМКА. Вы — мои первые друзья. Я всегда... всегда-всегда буду вас помнить... (*убегает*).

МУРА. И мы тоже!

РЫЖИК. Прощай!

ШАРИК. Прощай, Сёмка!

Все трое смотрят вслед убежавшему Сёмке. Слышно, как отъезжает цирк

Мы продолжаем дальний путь,
Но разрешите оглянуться —
Нам очень, очень хочется вернуться
Еще лишь раз когда-нибудь...

МУРА. Уехал.

РЫЖИК. Цирк уехал.

ШАРИК. И цирк уехал, и Сёмка уехал...

РЫЖИК. Не реветь! Сёмка вернется. А нам к его приезду надо такой цирк отгрохать! Мы же ему слово дали.

МУРА. Ты думаешь, он вернется?

РЫЖИК. А как же? Разве ему не захочется наш цирк увидеть?

ШАРИК. Еще как захочется!

РЫЖИК. Строительство Цирка Нашего Двора объявляется открытым!

Под музыку Песни об игре все строят цирковую площадку и не сразу замечают тихо появившегося Сёмку. Первым его замечает Шарик, потом и остальные.

ШАРИК. Ты... опоздал?

РЫЖИК. Тебя не взяли?

МУРА. Ты что-то забыл?

СЕМКА. Я просто подумал... если вы цирк затеяли строить, то я подумал... раз вы цирк будете делать, может... я подумал-подумал...

МУРА. Сёмка, ты что... остаешься?

Сёмка молча отбрасывает в сторону узелок, затем шляпу, и тут же на него налетают трое друзей. Куча мала!

Звучит песня:

А сегодня — не вчера!
Вот вам новая игра —
В нашем цирке выступают
Звезды нашего двора!

Рыжик ходит по канатам,
Рыжик будет трюкачом.

Шарик — смелым акробатом

И жонглером-силачом.

Мура будет танцовщицей,
Ну, а Семка — Черный Нос —
Укротителем крапивы,
Жутких пчел и страшных ос!

Собирайся, детвора,
Ждет вас новая игра —
Скоро будет представленье
Цирка Нашего Двора!

1982 г.
г. Коркино

Виктор Фатеев

Нить бытия, или Вокруг себя любимого

(повесть)

Часть первая

Глава I

История хранит память о великом бунте волжско-донских казаков недовольных притеснениями царского самодержавия. 1717 год стал для России кровавым годом. Бунтовщики потерпели поражение. Немногочисленная кучка казаков ушла к турецкому шаху. Основная масса повстанцев попала в лапы царской армии. Петр 1 жестоко расправился с бунтовщиками. От Астрахани до Саратова вдоль берегов Волги на каждой версте были установлены кресты и на них распяты повстанцы казаки. Остальных по царскому указу велено было перечислить в Оренбургское казачье войско. (Выдержка записана из воспоминаний о прочитанной однажды в одной из газет статьи в которой сравнивалась жестокость режимов сталинских и петровских.)

В топонимическом словаре Н. И. Шувалова «От Парижа до Берлина по карте Челябинской области» сообщается, что в 1725 году по указу Петра I Ставропольвожское казачье войско, состоящее из крещёных калмыков, было перечислено в Оренбургское казачье войско. Предполагалось поселение сего войска в новопоселенном районе, и даже были из казны жалованы средства на строительство церкви «Вознесения Христова». Но преждевременная кончина царя отодвинула процесс переселения более, чем на сто лет. Новое поселение было основано в 1842 году и в память о государе было названо Велико-Петровским.

Здесь в семье Бердникова Степана и родилась в 1892 году моя бабушка Вера Степановна. Они имели уже двоих детей: Веру и Ивана. То, что в семье оказалось две Веры, случай весьма забавный. Заехали к Бердниковым старые знакомые и напросились в крёстные, а заодно свозить младенца окрестить. Согласие, естественно, получили, и пока готовили праздничный стол, дочку окрестили и преподнесли родителям. Каково же было изумление и разочарование, когда провозгласили имя «Вера». Однако, что-либо изменить уже невозможно, и порешили: «Первое имя — первое счастье. Видимо, так Богу угодно».

Вероятно, ещё дети нарождались, но из жизни уходили в младенческом возрасте, и только через шесть лет на свет появилась последняя дочь Дашенька. Жили Степан с Екатериной скромно, звёзд с неба не хватало, имели небольшой земельный надел, лошадь, домашнюю живность. Природа одарила Степана высотой, красотой, стройностью и большой физической силой, подстать ему была и Екатерина. Душевная доброта, отзывчивость сопутствовали авторитету у сельчан. Всё складывалось к долгой счастливой жизни, но беда пришла неожиданно-негаданно.

Вскоре после рождения Дашеньки произошёл несчастный случай. Степан как-то проходил мимо мельницы, и мужики попросили его помочь поднять жернов (жернов — это природный камень — гранит, специально обработанный в виде диска диаметром от 0,5 м и более, толщина примерно 20 см). Таких блинов два, на соприкасающихся поверхностях насечены канавки в виде изогнутых лучей от центра к периферии. Вес каждого камушка не меньше полтонны. Канавки периодически подновляют — «куют». Вот для этой цели и нужно было поднять жернов. Мужики как говорится, «взяли на ура». А когда дело подо-

дило к концу, соскользнул упор, и жернов всей своей массой обрушился на руку Степана, оказавшейся в опасной зоне. Нетрудно догадаться, что с ней стало...

При современной оснащённости медицины Степан мог бы жить и без руки, а тогда приключился «огонь», т. е. гангрена. И сгинул Степанушка в самом расцвете, не прожив и полсотни лет. Вечная ему память.

Осиротевшая семья недолго задержалась в Великопетровке. Вскоре вдова с детьми перебралась поближе к родным в станицу Михайловка Троицкого уезда (позднее отошедшую к Кустанайской области). Подрастали дети, выдали замуж старшую Веру в соседнее село Алексеевку за Ефима Сидоровича Антонова, женился брат Иван, очередь подошла и Верушке — младшей. Сватов заслал к ней казак из того же села Алексеевка Егор Лаврентьевич Фатеев. Четыре года дожидался он совершеннолетия ни о чем не подозревавшей Веры. А заметил он её во время военных сборов в казачьей станице Михайловка, куда ежегодно съезжались казаки с ближних сел, в том числе и из Алексеевки. Егор был в семье первенцем и единственным сыном, далее шли Ольга, Марфа и Екатерина.

Баба Вера так освещала это важное событие: «Заявились меня сватать, расхвалили жениха, как положено «пропустили по случаю сватовства», договорились об ответном визите. Приехали наши родичи в Алексеевку к будущему зятю: хата неказиста, стоит на пригорке, день солнечный, тёплый, а у двора греются на солнышке голов пятнадцать крупного и мелкого рогатого скота. Кто-то и шепнул нашим, что эта вся живность Егоркина. Как положено, сыграли свадьбу, а после выяснилось истинное богатство: одна лошадь (без нее казак — не казак), одна корова и одна курица, из которой на Рождество сварили лапшу».

Потянулась обычная крестьянская жизнь. Егор оказался человеком мастеровым: шил и ремонтировал конскую упряжь, мужскую и женскую обувь. Всё выходило из-под его рук добротным, и пользовалось постоянным спросом. Обзавелись собственным хозяйством: лошадь, корова, овцы, птица. Худо ли, бедно ли, жили — не тужили, за хлебом, солью в люди не ходили. Егор был на десять лет старше, очень строг, и молодой супруге частенько перепадало, за строптивый и ревнивый характер. Однако и ревность зиждилась, видно, не на пустом месте. Баба Вера рассказывала такую притчу: «Бабы-то мне говорят: «У Катьки Брылевой мальчишка-та вылитый, как две капли воды, твой Егор». Посмотрю, и, правда, чистый портрет Егоров. Как-то раз насмелилась и спрашиваю: «А чё эта Егор, у Брылихи Коська-та шибко на тебя похожий?» — А он мне: «Дык она, кады пузата-та ходила, видно пристально я на нее глянул, вот и родила на меня похожего Коську-та». Ну я, дура бестолковая, попервости-та и верила, покуда сама вдругорядь не понесла, вот тады и скумекала, чё к чему. Глухая же была».

А вот, «подшофе» муж был очень добр и ласков, готов с рук её не спускать. Только не везло молодым супругам с детьми: в полтора года умерла первая дочь, вторая дочка не дождала и до году. Естественно, это угнетало молодых. И вот 20 октября 1912 года Бог дал им сына Митеньку, наделив родителей беспредельной радостью. Даже Егор подобрел душой — все-таки наследник. После родила Вера Степановна еще шестерых деток, но выходить их было не суждено. Так и рос Митюшка один.

В тревоге прошли годы: Первой мировой, Гражданской войн, становления власти Советов. Егор, не примкнул ни к какой политической стороне, держал нейтралитет, занимался своим ремеслом и личным хозяйством. Продукция, изготовленная его руками, в равной степени была нужна и белым, и красным, и зеленым.

Излишняя строптивость новой власти привела к тому, что большая часть посевных площадей оказалась не засеянной из-за нехватки семян, а то, что смогли засеять, из-за засухи не уродило. Разразился страшный голод 1921 года. Тысячи семей снимались с насиженных, обжитых мест и отправлялись в неизвестность в поисках куска хлеба, лучшей доли.

Из села Алексеевки выехали семь семей: в том числе Егор со своей семьей. Ориентировочное направление держали на золотые прииски по сибирским рекам, где предполагали найти работу и пропитание.

Разруха и голод 21-го года
Погнали несчастных в Сибирь.
Сколько лежать их осталось навечно
Холмиком скромным, «украшая» пустырь?

Путь к вольной сытной долюшке был изнурительным. Иван Степанович — брат Веры от истощения скончался, не доехав, до Бурлей Кустанайской области. Конечным пунктом Егора, стал город Акмолинск, там переселенцам пришлось стать на зимовку. Перебивались случайными заработками. Весной Егор заболел и на 12-й день умер от головных болей. Овдовевшая Вера с сыном и еще две семьи решили возвращаться назад, а остальные двинулись дальше. Пока длилось вынужденное путешествие Веры Степановны — младшей, отошла в мир иной матушка Екатерина. Сестрица Даша в то время уже была замужем за Феоктистом Ивановичем Константиновым, жили в селе Вознесенка. Имели двоих детей: Арину и Михаила.

Глава II

Всё что скопили более чем за десятилетие, за два года — растеряно, и потянулась полунищенская вдовья жизнь тридцатилетней Веры Степановны. Работать в прислугах приходилось много, а оплата — кормежка для нее и сына, и только. Жили очень скудно, Митюшка в школу ходил в овчинных штанах шерстью вовнутрь, на голое тело. Он рос старательным, с малых лет приученным к труду, да и послушаться маменьку с её крутым нравом — себе в убыток. Как бы ни было трудно, лихолетье пережили. Дмитрий окончил школу и подался на производство — не захотел оставаться в селе, не видел перспективы. Немаловажную роль в принятии этого решения сыграло одно обстоятельство. Модными на Руси считались потасовки край на край, улица на улицу и т. д. В ход шло всё, что попадет под руку: вилы, палки, гири на цепях, прутья металлические, камни. Однажды Дмитрий попал в такую разборку, ему проломили камнем голову, и довольно сильно. Обошлось, к счастью, всё благополучно, но он заявил матери: «Я здесь больше не останусь».

Первым его шагом к самостоятельности стала должность чернорабочего на станции Тамерлан Южно-Уральской железной дороги, но через два месяца попал под сокращение. Затем новая попытка — курсы слесарей-водопроводчиков в городе Троицке, с них откомандирован на курсы слесарей-котельщиков в учебный комбинат Коксостроя г. Магнитогорска. Здесь Дмитрий во время прохождения практики потерял продовольственную карточку и длительное время питался один раз в сутки, да и то остатками со столов, в столовой, где работал официантом его друг. От недоедания и тяжёлой физической нагрузки организм ослаб, начались головные боли и носовые кровотечения, и по состоянию здоровья с курсов его отчислили. По счастливой случайности устроился чернорабочим в геодезическое бюро Магнитогорского заводоуправления. Работал с американскими геодезистами. Работа физически не тяжёлая, питание трёхразовое, калорийное, и молодой организм быстро восстановился. Надо отметить, что это были годы исторические — начало строительства Магнитогорского металлургического комбината. Но что-то, видимо, не устраивало юношу. Он уволился с комбината и поступил на курсы учителей при Магнитогорском педагогическом училище. С 1932 г. Дмитрий работает учителем начальных классов, сначала на хуторе Ново Савинском Магнитогорского р-на, затем на станции Гумбейка Южно Уральской ж/дороги, с 1934 по 1937 гг. — в селе Балканы Нагайбакского района, затем в школе № 20 в г. Магнитогорске. Одновременно обучается в Магнитогорском заочном педагогическом училище.

Призыв в армию 11 октября 1937 года круто изменил планы Дмитрия — он посвящает себя воинской службе. По складу характера всегда аккуратен, подтянут, армейская служба давала возможность самодисциплины, и он этим не пренебрегал. Бабушка рассказывала, что у него всё было расписано по минуткам, и, Боже упаси, что-нибудь нарушить.

При всей своей серьёзности он очень внимательно относился к другим, обладал всесторонней эрудицией, слыл хорошим рассказчиком, причём самые смешные истории рассказывал на полном серьёзе, без малейшего намёка на улыбку, в то время как слушатели смеялись до колик. Дмитрий отлично играл на гитаре и гармоне, пользовался большим уважением в коллективе и авторитетом у прекрасного пола. Возможно поэтому, с женитьбой не спешил, «приглядывался». Службу проходил в г. Троицке сначала курсантом полковой школы, а затем начальником библиотеки.

Страна набирала обороты на пути строительства коммунизма, еще не потерял силу призыв поголовного всеобуча, чтобы научить кухарку управлять государством. Дмитрий от Генерального плана партии и всеобщего движения масс не отставал, шёл, так сказать, в ногу. Если выдавалось свободное время, он обучал грамоте маменьку. Ученицей она оказалась очень способной, в короткое время довольно сносно стала считать крупные заголовки в газетах и не только...

Встречался он в то время в Троицке с обаятельной девушкой Леной. Частенько приводил её домой, где за чашкой чая текла тихая беседа трёх персон. Маменьке Леночка очень нравилась, и все её помыслы сводились к тому, что Лена будет женой Дмитрия.

Лето 1939 года, как и предыдущие, Дмитрий проводил в г. Чебаркуле, в воинских летних лагерях. Там он познакомился с очаровательной официанткой Дусей. Богатая уральская природа, чистый смоляной воздух способствовали тому, чтобы знакомство переросло в горячую любовь. И тут Дмитрий допускает непростительную оплошность: в письмо маменьке вкладывает записку для Леночки примерно следующего содержания (со слов бабушки):

Дорогая моя Ленуся,
Когда я на работе,
Мысли все вокруг тебя.
А прихожу с работы я
С горячим поцелуем
Меня встречает Дуся,
Я тотчас забываю про тебя.

Маманя, со свойственным ей женским любопытством прочла не только кому адресовано послание, но и содержание. Леночке она его не показала, а Дмитрия ждал разнос в первый же приезд на выходные дни. На этом всеобуч и канул в лету, о чём впоследствии баба Вера очень сожалела:

— И дёрнул меня лешак связаться в эту историю, пусть бы разбирался сам, со своими шмарами, глядишь, хыть читать, писать бы научилась.

Вопреки желанию маменьки, Леночка получила отбой, и по окончании летних учений Дмитрий привез Дусю домой. Младая жена, прямо, скажем, пришлась не ко двору. Травля, по существу, и без оногo, продолжалась на протяжении полугода изо дня в день.

А годы летели своим чередом.
Папаня подрос, и вот уж невесту,
Однажды привёл себе в дом.
И тут разыгралась «потеха» —
Стала невестка для мамы помехой:
Не там она села,
Не этак пошла,
Скверно сварила,
Не так прибрала,
Плохо стирала,
Долго спала.

Выдержать всё это Евдокия не смогла, собрала свои вещи и уехала в Челябинск. Она видела, что Дмитрий не может противоречить своей маменьке и её капризам. А уж изощрённости их она научилась в совершенстве, находясь в услужении у господ Яушевых и им подобных (братья Яушевы были известные в губернии и за ее пределами купцы из г. Троицка). Здесь я позволю сделать отступление, дабы иметь представление, кто такая Дуся.

Евдокия Григорьевна Леготина родилась в 1920 г. в селе Михайловка Шадринского района Курганской области. В семье было трое детей. Мать умерла рано. Отец женился на другой, но ей нужен был только он, поэтому дочери большую часть времени проводили у тети — сестры отца. Повзрослев, уехали в г. Челябинск. Старшие устроились в литейку на ЧТЗ, а младшая Дуся — в заводскую столовую официанткой. Откуда её и откомандировали в Чебаркульский летний военный лагерь — «за счастьем». Здесь она и повстречала его в образе Дмитрия. После неудавшегося «замужества» возвратилась к сёстрам. Покоя, надо полагать, и здесь было мало. Работу потеряла, старшая сестра — инвалид с детства (искривление позвоночника — горб) не замужем, средняя живет с мужем и свекровью. Не исключено все эти жизненные неурядицы отразились на здоровье Евдокии.

30 марта 1940 года явился Свету Божьему я, а через семь дней с диагнозом «послеродовой психоз» (родильная горячка) молодую мать увезли в психиатрическую больницу.

(Продолжение следует)

п. Агапова

Нелли Кизилова**Отзыв о повести В. Д. Фатеева «Нить бытия»**

Автор повести «Нить бытия» известен нам по различным литературным, поэтическим и художественным конкурсам. Его произведения малого у жанра: миниатюры, короткие рассказы, зарисовки — часто появляются на страницах коллективных сборников и альманахов..

Новую повесть Фатеева можно считать автобиографической, так как в главных героях сам автор, члены его семьи, соседи, сослуживцы. Рассказывая о своей нелёгкой судьбе, судьбе современников, о событиях, свидетелем которых был он сам, Виктор Дмитриевич с документальной точностью указывает время и место действия.

Его живая память воспроизводит события прошлых лет с самого младенческого возраста, не оставляя сомнений в достоверности изложенного. Исследуя и воспроизводя свою родословную, автор, по сути дела, пишет мемуары, и название повести вполне соответствует замыслу автора.

Начинается повествование с Петровских времён, 1717 года. Мы видим сложнейшие исторические события глазами простых обездоленных людей и ещё ярче осознаём значение расхожей фразы: «судьба страны в судьбе семьи». Основные вехи истории России всегда находят отражение в человеческих судьбах.

Главный лирический герой повести — сам автор со своими успехами и неудачами, достижениями и вредными привычками. Сколько тяжёлых жизненных испытаний выпало на его долю! Непосредственные впечатления военного лихолетья, постоянного голода в детстве, сиротства, трудных взаимоотношений в семье, скитаний передаются так ярко и правдиво, что вызывают у читателей чувство сострадания, сопереживания маленькому человечку. Без слёз невозможно читать многие эпизоды повести: «самоубийства» бабушки на глазах у внука, рождение дочери — первенца, встреча с родной матерью спустя 20 лет, враждебные отношения между самыми дорогими людьми. Ведь это всё надо было пережить, перестрадать и найти в себе силы для прощения. Трогает до глубины души то, что человек, в таких жизненных ситуациях закалив свою волю, выходит победителем, имеет прекрасное чувство юмора.

Поколение военных лет, принявшее на себя все тяготы с малолетства, может служить примером мужества и стойкости для современных поколений, не способных бороться с трудностями, пасующих перед простыми неприятностями, желающих получить «всё и сразу».

Виктор Фатеев даёт целый ряд образов своих современников, не потерявших самого главного: человеческого отношения друг к другу, взаимопонимания. Это люди, окружающие нас в повседневной жизни.

Много добрых слов можно сказать об авторе и его героях. Отметим лишь, что для широкого круга читателей не стоит включать массу мелких деталей, не несущих никакой смысловой нагрузки для понимания, исключить некоторые речевые неточности.

Повесть читается легко, с интересом, заставляет задуматься о смысле жизни, невзгодах, недугах, философском отношении к бытию, которое связывает нас всех невидимыми нитями.

Автор хорошо владеет литературным языком, свободно излагает свои мысли, активно используя средства выразительности. Фатеев смешивает разные языковые стили речи, включает в повествование пословицы и поговорки, просторечие перемежается с научным изложением, в нём серьёзное высказывается с усмешкой, Автор разумно использует и дневниковые записи отца, и документальные сведения, и стихи собственного сочинения.

Мы уверены, что это не последнее произведение Виктора Дмитриевича, что он ещё не раз удивит читателей своим самобытным творчеством.

с. Миасское

Я слился с природой

Охота с гончей

(стихи на основе сюжета В. И. Карпова)

В осеннем лесу под горой Зигальгой,
где зайцы жируют уже не впервой,
породистый выжлец* из гончих пород
куда как настойчиво поиск ведёт.
Таким поведением даёт он понять,
что хочет и хочет косога поднять.

Охотничье сердце забилось тревожно,
всю гамму страстей передать невозможно...
А воздух вокруг так беззвучен и чист,
что, кажется, слышно, как падает лист.
Валежник сухой захрустел подо мной.
И я притаился за старой сосной.

Хозяин и пёс его с редким чутьём
становятся словно одним существом...
Вот поднял Дон зайца, паратно** погнал,
давая тем самым мне новый сигнал.

Дон гонит зайчишку, залиvisto лает,
и звонкое эхо по лесу гуляет.
Я слился с природой, забылся, молчу
и эти минуты продолжить хочу.

В такие минуты, совсем отрешённый
от дум невеселых и будничных дел,
стою я, тобою о, лес, восхищённый
и славлю влюблённых в охоту удел...

Лай ближе и ближе, волнение — сильнее.
Азарт нарастает, душа пламенеет.
Вдруг вижу — косога метеором припал,
и сел у пенёка, бесподобно ушастый.

Стволы приподнял я, сорвались бойки,
струя огневая пошла от руки,
отдачи толчок ощутился упругий,
и выстрела гром всполошил всю округу.

Сработали в паре мы с Доном*** отлично:
зайчишка подпрыгнул и рухнул пластом,
а выжлец, стремглав подбежавши, добычу
поднял и поднёс мне, виляя хвостом.

Нет большего счастья, поверьте, ребята,
чем счастье с ружьишкой облазить весь лес:
не столь уж охоты важны результаты —
здесь важен охоты процесс.

Но всё же с охоты идти веселее,
гордясь для жаркого добытым трофеем,
ласкаясь, резвясь и играя со псом —
добытчивым выжлецом-молодцом.

Мгновения

... Сработали. Сработали в четверг —
Под сумерки, в канун восьмого марта,
Хлестнуло пламя, завихрился снег,
И захрустела твердь на месте старта.

Мгновения — и огненный клинок,
Пронзая атмосферы оболочку,
Преобразился в жёлтый огонёк,
В зелёную мерцающую точку.

Мерцанье поглотила вышина,
А гул небес пространство поглотило...
Мгновения — и снова тишина.
И стынет степь, мрачна и сиротлива.

Стихов творенье

Внучке Оле

В летучем озаренье,
В томительной тщете
Идёт стихов творенье...
О чём и как вообще?
О мире многоликом,
О дивном свете звёзд,
О малом и великом —
И в шутку, и всерьёз.
Диктуют ритмы строго
Стихам свои права,
Чтоб многое в немногом
Могли сказать слова.
Чтоб вышел стих на славу,
Необходимый ритм
Усиливаем справа
Подбором крепких рифм.
О новом и привычном —
Со взглядом изнутри —
Пиши метафорично,
Где ясно — не мудри.

* Выжлец — натасканная по зверью охотничья собака мужского пола.

** Паратность — резвость гончей.

*** Дон — кличка выжлеца.

Пиши стихом колючим
И гладким, как атлас,
И резким, и певучим,
Но без банальных фраз.

А в общем, в заключение,
Скажу как на духу:
Создать стихотворенье —
Как подковать блоху.

Светлана Богомолова

От грешных мыслей оттолкнусь

Может быть

Я в апреле душою оттаю,
И слезинки капелью сбегут.
И о майском тепле помечтаю,
Когда яблонь разлит перламутр.
А душа первоцветом раскрылась,
И сиреневый дым в голове.
Может быть — это только приснилось?
Взбунтовалось апрелем во мне?
Может быть. Только я, оживая,
Вся с природою слиться могу
И, стихом изнутри прорастая,
Вдруг подснежником гляну в снегу.

Праздник в сердце бьется глухо,
Я в делах иду ко дну.
Нарезая лук колечком,
Прослезиться я могу,
Веря всем твоим словечкам,
Радость в сердце берегу.
Не забыть добавить соли,
Из духовки корж достать,
И в последний миг, не боле,
Вид для праздника создать.
А потом — желаний куча,
Пожеланий мне одной,
Праздник этот самый лучший
И как видно — выходной.

Мартовские причуды

Видно, дождик заблудился,
Лил полночи напролет,
Но опомнился и «смылся», —
И опять метель метет.

Март на улице стоит,
Ну а снег еще летит.

А зима и не сдается,
Не отнять ее права,
Чаще солнышко смеется,
Метит лучиком в дома.

Лишь сугробы тают, тают,
Снег местами потемнел.
Верба пухом расцветает,
Видно, зимушке предел.

Знать, моим желаньям внял —
Подснежник голову поднял.

Женский праздник

День весны — восьмое марта —
Женский праздник, говорят.
И мужчины нам азартно
Вручить подарки норовят.
Ну, а я — весь день на кухне...
Стол накрыт на всю родню.

Хочу весны

Льется солнышко с небес,
Снегом пахнет талым.
Ожидает мир чудес —
От зимы усталый.

Сбросить хочется года
Что меня тревожат.
Дней весенних череда —
Мои чувства множит.

Я весны хочу, тепла,
Чтобы верба расцвела,
Появилась зелень,
Запахи сирени.

Только мы еще не верим
В лужи и капель.
Открывайте, люди, двери —
К нам спешит апрель!

Ну почему?

...Ну почему весной ты мне нужен,
Когда плещутся воробышки по лужам,
Капли в полдень за окном стучатся
И без причины мне так хочется смеяться,
У зеркала подолгу оставаться,
Своим поступкам —
просто удивляться!

Пьянящий воздух
голову чуть кружит...
Ну почему весной ты мне так нужен?

Две половинки

Судьбу никак не изменить,
Как есть всё может только быть.
Пусть где-то в мире ты живёшь,
Весну души уже не ждёшь,
Но вдруг она, дурманя цветом,
Бежит вприпрыжку перед летом...
Зову тебя, чувств не тая:
Я — половиночка твоя!
От мыслей грешных оттолкнусь,
В твоих объятьях вновь очнусь.
Ты сам того не сознаёшь,
Как всю меня к себе влечёшь.
Что скажут люди — не боюсь!
На образ твой в ночи молюсь.
Живу, греха не сознавая:
Ты — половиночка вторая!

Свекровь

Ах, девочка-красавица,
Да, я твоя свекровь.
И нравится — не нравится —
Моя во внуке кровь.
Тебе я сына отдавала,
А с ним — свои мечты,
Во внуке позже я признала
Родные мне черты.
Верь, пролетят твои года
И сердца боль коснётся,
Быть может, и тебе когда
Сноха не улыбнётся.
Поняничить внука не доверит,
В дом свой не пригласит,
Иль уходя так хлопнет дверью —
Да Бог тебя простит.
Всё повторится вновь и вновь,
Судьбою воздаётся,
А званье ёмкое — свекровь —
Оно к тебе вернётся.
И ты, сыночка отдавая,
Красивой, гордой сношке, —
Меня ты вспомнишь, дорогая,
Да и всплакнешь немножко.

Секрет молодости

Улыбаюсь, я себе удивляюсь
И от горечи в душе защищаюсь.
Старость будто наступает сединой,
Но надеюсь, что всё это не со мной.

Ну, а молодость души не уходит,
Вдруг поманит за собой и уводит,
Заволнует, одурманит, как весной
И тебя увижу рядышком с собой.

Засмотрюсь опять в любимые глаза,
Словно та же я девчонка-стрекоза,
Нет ни возраста и внуков будто нет...
В чем же молодости кроется секрет?

Ты сражался за мир

Моему отцу Павлу Григорьевичу Лубову

То был четвертый год войны —
Победы брезжил свет.
Мобилизован в эти дни —
Тебе семнадцать лет.
Вас, необстрелянный резерв,
В теплушки поместили
И повезли под Кёнигсберг —
И там вы в бой вступили.
Угодно было, знать, судьбе,
Что злая пуля жалом
Засела в том бою в тебе,
И вспыхнул мир пожаром.
...Хирург — бывалый, но устал
Пока он пулю доставал:
Она засела цепко,
Как та — из сказки — репка.
И рана всё еще болит
И сердце каменеет.
Однополчан задорный вид
Ночами душу греет.
Нам был подарен этот мир —
Ты за него сражался,
Год сорок пятый счастьем был,
Победой расплескался!

Сироты

Отказные в роддоме и брошенные,
Изначально судьбою подкошенные.
В жизнь явились без рода-племени,
Родословная скрыта в темени.
Им фамилию, имя дадут
И расти — в детский дом заберут.
Где нет мам, ни отцов, ни бабушек,
Не пекут по утрам им оладушек.
Чьи-то дочки и чьи-то сыночки —
Будто лишние жизни росточки.
Матерям нет до них заботы
И томятся в детдомах сироты.
Что же с нами творится, люди? —
Мы наказаны свыше будем.

Евгений Кривоносов**Пусть каждый живет как может****Как может**

* * *

Кто-то живет под богом,
И, защищенный от бед,
Шагает прямой дорогой
На протяжении лет.
Над кем-то кружится ангел,
Над кем-то — не сосчитать...
С утра во рту моем шаньги,
Им — черствого хлеба не знать.
Кто-то живет в престольной —
Сытно там, ест на убой,
Кто-то в глубинке — довольный
Жизнью своей и судьбой.
Кто-то живет наудачу,
Кто-то, махнув, наобум,
Кто-то улыбку прячет,
Кто-то растерзан от дум.
Пусть каждый живет как может,
Главное — был бы живой.
Пусть нам, мужики, Бог поможет,
Чтоб всем нам не жить под женой.

А мне в моей России хорошо.
Кто выехал, а кто пешком ушел,
Чтоб не вернуться никогда обратно.
А мне в моей России хорошо,
Хотя, порой, бывает и отвратно.
Там, говорят, прогресс вперед ушел,
Нам не догнать и за тысячелетье.
А мне в моей России хорошо,
В передовые страны мы не метим.
Там, говорят, культура — Ого-го! —
О нравах там существенно пекутся.
А мне в моей России хорошо,
Где захочу, там и могу матькнуться.
Пусть все вокруг травичей заросло,
Пусть говорят: «Здесь жить — себя лишь
мучать».
А мне в моей России хорошо,
А после бани жаркой — еще лучше.
Покинуть Родину, конечно же, грешно,
Уехали — живите безвозвратно.
А мне в моей России хорошо,
А после литра водки — многократно.
Здесь родился — здесь я и умру.
Земля рассейская останки мои примет.
Она учила злости и добру,
Она меня вберет в себя, обнимет.
А мне в моей России хорошо.

Юрий Смоленцев**Я бы в свет этот канул****Актер**

Не забывай, пожалуйста, меня
В кипучей толчее веселых масок,
Среди которых в колпаке шута
Рисую мир из черно-белых красок.

Не забывай, пожалуйста, меня,
Когда сквозь слезы рот кривлю в улыбке,
Когда шум праздника и свет огня
Погаснут на рассвете зыбком.

Не забывай, пожалуйста, меня,
Когда стою в грязи я на коленях,
Когда на жизнь не больше медяка
Прошу у проходящей мимо тени.

Не забывай, пожалуйста, меня,
Когда толпа гримасы вслед мне строит
И я не вижу твоего лица
На фоне разворванных соборов.

Не забывай, пожалуйста, меня
В нелепой этой шутовской короне...
...Звезда скатилась на оскал ножа,
А падала в твои ладони.

Не забывай, пожалуйста, меня.

* * *

В осенних горницах богатых,
Сминая в пальцах мягкий свет,
Прядут таинственные пряжи
Клубки несбывшихся надежд.

А мы проходим стороною,
Путаясь зримости их чар;
Ручей сочится синевою,
Летит осиновый пожар...

...Но нас преследует виденье,
Что подсмотрели второпях,

И сердце точит сожаленье
О не исполнившихся днях,

В которых ждали всех и тихо
Все понимали по глазам...
...В глубинах осени открыта
Печаль, назначенная нам.

* * *

Посижу с сигаретой
У ночного окна
В темной кухне, согретой
Парой чашек вина.
Отыскав в небе звезды,
Хочешь, верь иль не верь.
Я смотрю на порожний
Караван фонарей.
Он идет стороною,
Он не мой, не ко мне.

Тает он под луною,
Как в чужом полусне.
Я тяжелый, как камень,
Мне сейчас все равно,
Я бы в свет этот канул
Тихим камнем на дно.
В гибких гранях и бликах
Пробегающих волн
Различал бы я лики
Тех, в кого был влюблен.
Между светом и тенью,
Раздробляясь в сто крат,
Попросил бы прощенья,
Зная: все мне простят.
И сухими губами
Я тяну сладкий дым...
.....
«Жаль, что не был он с нами.
Жаль, мы были не с ним».

Елена Черданцева

Два стихотворения

Любимой быть

Зимы холодной силуэт уходит вдаль.
Надеюсь, с ним уйдет моя печаль.
Встречаю я весну, пляяду теплых дней,
Зову её и думаю о ней.

Весна, весна, я чувствую волнение.
Оно тревожит, будоражит кровь.
Приходит к нам то «чудное мгновенье»,
С которым повстречалась я бы вновь.

Так хочется мне трепетно влюбиться,
Счастливой и любимой быть.
Ещё б заставить сердце чаще биться
И отлюбить и просто позабыть.

Счастливым жребий — для любви основа.
И много раз уже любила я.
Но так мечтаю я влюбиться снова.
Жить без любви — то песня не моя.

Люблю весну

Люблю весну за звонкий шум капели,
За синь небес, за хвойный запах ели.
За ручеек звенящий, говорливый,
Бегущий в даль от ног склоненной ивы.
Люблю весну, ну как же не любить,
Душе тепло и хочется творить.
Весенний воздух к жизни вдохновляет,
Грачи свои гнездовья обновляют.
А жизнь бежит весенней кутерьмой,
Смывает грязь журчащею водой.
И вот однажды в солнечный рассвет
Нас опьянит черемуховый цвет.

Лидия Маркова

Я вышла подышать на улицу

* * *

Затеряться в глухом саду,
Где старинного дома стены,
Где тропинки светлы непременно
И кувшинки в тихом пруду.

Просыпаться легко и светло,
Выходить на июльские росы,
Верить ясно, наивно-просто
Лишь в хорошее, в то, что пришло.

Возвращаться с букетом цветов,
Целый день ощущать их свежесть

И надеяться сердцем, что нежность
Будет рядом без всяких слов,

Без намека на ложную мысль,
Без тревоги о том, что случится,
Чтобы смуты не ведать страницы
В берегах, именуемых жизнь.

* * *

Влагою пропитана земля.
Корни, корешочки, корешки.
Почками набухли тополя,
Во все стороны топорчатся ростки.

В огороды надо. Дача. Свет.
Вечная работа до упаду.
Вот и свет.
Просвета только нет.
Так устанешь —
Ничему не рада.

Такова народная стезя.
Шибанет в нос аромат навоза.
Вот пожить бы по-другому,
Да нельзя.
Там еще занозистее проза.

* * *

Все острее мне осознавать:
Где-то, в чем-то
Стала отставать.
Много, много было
Новых лет,
Но они оставили
Лишь след,
Будто росчерк
Легкого пера,
Будто взмах
Высокого крыла.
Что там было?
Что там пронеслось,
Как стрела,
Пронзившая насквозь?
А душа на пике
Острия,
Каплей света,
Искрою огня.

* * *

По душам, по нашим
Проходит разлом,
Как плит тектонических сдвиг.
Душа у иных —
Пустующий дом,
В других — страшен
Ярости лик.

Кто с совестью,
Тот и пытается в крик —
До мира свой крик донести.
А тот, кто не к Богу,
К божку приник —
До злата бы доползти.

Реакцией ядерной
Множится мысль
И в этом развале,
И в том,
И вроде бы внешне,
И чище жизнь,
Но чувство:
В грязи живем!

* * *

Кто-то рано взрослеет,
А кто-то и поздно,
Будет так,
Как прикажет судьба.
Кто-то с неба срывает
Горячие звезды,
Кто-то давит в себе раба.

* * *

О том, что сделано,
Не сожалея,
Познания путь прошла.
Нет на земле
Таких людей —
Чистейших добела.

Есть опыт,
Тяжесть есть зерна
И легкость шелухи.
Ведь главное —
Понять сполна,
Что правда, что грехи.

Предстанешь все равно
ты там,
Открыт, как на духу...
Так не роняй зерно
К ногам,
Снимай лишь шелуху.

* * *

Ты встречу нашу не отметила.
Не глянулась ли я лицом?
Но чутким сердцем то заметила,
Что и самой мне не в подъем.

Н. Я.

Волнение действует без умыслу,
Автопилотом миг идет.
Я вышла подышать на улицу,
Подумала: «Ноябрь на взлет...»

Царапинка в душе наметилась
Догадкой о чем-то том...
Две горечи друг с другом
встретились,
Но как по-разному поем.

Ты умница, а я печальница,

Но полнимся надеждой дня,
Когда свела судьба-начальница
У бесконечного огня.

***

В начале марта, наконец-то,
Желанья начали сбываться.
Но гнусным вирусом задета,
Я вынуждена с ним сражаться.

Погода самая шальная,
Вода и лед, и грязь, и солнце.
И я больная и немая,
Гляжу в свое телеоконце.

Неоднозначно все в округе,
В стране совсем неоднозначно.
Политики грызут друг друга
И март водой полднейной плачет.

Но все приходит к завершенью,
Вчерашний снег не интересен,
Земля находится в движеньи,
Весна взорвется в звуках песен.

***

Уже тончайшая зеленая вуаль
Проглядывает из покровов серых.
То дождь омоет,
То цветет миндаль
Из красных зорь,
А то, как птицы перья,
Когда сквозь синие штрихи — апрель
Фиалковым проглядывает цветом,
Когда в июне — лепестков метель
Торопится цвести,
Волнуясь летом.
И падает, забрасывая сад,
Своею свежестью —
Неповторимость жизни.
И скоро здесь птенцы заголосят
И ласточками замелькают выси.

***

Пора стремительных, напористых и жестких.
Кому стихи нужны?
Писать о солнце, о цветочках, о березках —
Нет в этом новизны.

Уходят потихоньку корифеи.
И рядом — никого.
И мы без слова свежего немеем.
Но как же внуки будут без него?

Валентина Китцева

И будет день — угаснет ночь

***

А роса на траве возвещает рассвет,
И проходят ночные виденья.
Открываю глаза, а спала или нет?
Окончательно жду пробужденья.

Аромат этой белой цветущей весны
Вновь волнуется, терзает сознание.
Чаще вижу прозрачные светлые сны,
В них и радость в минуты признания.

***

Смастерил старик сопелку
И напомнил детство враз.
Мне такую же поделку
Папа делал много раз.

И мелодия звучала
В каждой дырочке своя.
Вся округа умолкала —
Это молодость моя.

Сколько в жизни было песен
Из ракитовых ветвей.
До чего же мир так тесен —
Вторил песни соловей.

***

Лето с юга подплывало —
Зеленел лесок.
Я кукушку услыхала —
Звонкий голосок.

Куковала как шальная —
 Радости полна,
 Что зима вновь миновала —
 Выжила она.
 Я вопросы задавала —
 Слушала ответ,
 А она все куковала
 В чистый белый свет.
 И на все мои запросы
 Слышалось ку-ку.
 И зачем нужны вопросы?
 Если вновь ку-ку.
 Мудрость здесь совсем простая —
 Выжила — живи,
 И, ответы получая,
 Жди своей любви.

***

Курит туман над старой сопкой,
 Спокойно тают облака.
 Люблю бродить осенней тропкой,
 Шумит холодная река.

Упал туман на лес багряный,
 Темнеет небо в вышине.
 Густеет призрак величавый,
 Уж поздно — сумрак в тишине.

Вот скоро ночь и не впервые
 С веселым гомоном спеша
 И парни, девки молодые
 Затихнут, даже не дыша.

И будет день — угаснет ночь,
 Рассеется туманный взор.
 И вспомнить нам порой не прочь,
 Про наш запальчивый задор.

***

Бывает засну и опять приснится,
 Что нет моих лет, я вновь молодлица,
 Птицы поют по весне в тишине —
 Это же юность бродит во мне.

Что-то и в доме мне не сидится,
 Снова надежда, как лучик, струится,
 Что побегу молодой по росе
 Да по сыпучей песчаной косе.

Как бы года не спешили катиться,
 Я же во сне все равно молодлица.
 Это же юность проснулась во мне,
 Хотя и случилось это во сне.

***

Ты живешь как будто в неохотку.
 Что-то растревожило тебя?
 Молодость всегда не знает четко,
 Где и как предохранить себя.

В небе облака спустились в тучу,
 Солнца луч пробиться не сумел.
 Все дела твои собрались в кучу,
 Разобраться с ними не успел.

Где та грань, которая поможет
 Разложить по полочкам дела?
 А тревога все ночами гложет,
 Даже сон куда-то увела.

Может, я бы что-то подсказала.
 Жизнь прожить — не поле перейти.
 Много за годы я познала,
 Каждый должен через все пройти.

***

Благословите женщину,
 за кротость и любовь,
 за скромность и отчаянность
 и за родимый кров.

Благословите женщину,
 за робость и за труд,
 за слезы и печали,
 что рядышком идут.

Благословите женщину
 как мать и как сестру
 за то, что продолжает
 она свою стезю.

Благословите женщину,
 что доля ей рожать
 и что бы не случилось —
 терпеть и улаживать.

Благословите женщину,
 в любые времена
 не забывайте ласки,
 чтоб радость в ней жила.

Благословите женщину,
 за добрые дела
 за то, чтоб рядом с вами
 она всегда была...

И послушаю голос кукушки

* * *

Далеко-далеко от столицы
Я в глубинке России живу,
Где однажды пришлось мне родиться,
Где приятно мне все наяву.
Здесь ярчайшего света зарницы
И смородина сочна в саду.
Не стремлюсь я к заезжей столице —
Там другие явления в ходу.
По столице, конечно, не плачу —
Там воруют, сажают в тюрьму.
Я ж свою здесь энергию трачу
И не лезу нигде в кутерьму.
Я душевно люблю свою землю,
Трудовую Россию люблю,
Либералов ни в чем не приемлю —
Паразитов лишь в них узнаю.
Мне в глубинке прекрасно живется
Среди рек и красивейших гор.
Здесь Уралом все это зовется,
Воплотившем и мощь и простор.

* * *

Выйду в поле гулять поутру
И пройду косогором к опушке,
Постою на прохладном ветру
И послушаю голос кукушки.

Что она накукует сейчас
И какую судьбу мне предскажет?
В этот благостный утренний час
Пусть моё любопытство уважит.
Я не верю кукушке всерьез,
Но в народе поверье бытует —
Если встретишь ее у берез,
То премного годков накукует.

* * *

Душа моя горит в огне,
Никто который не погасит.
Он силы дарит нынче мне
И душу отблесками красит.
Она болела много лет,
Страдала, всякое терпела.
Наложён, видно, был запрет
На то, чтобы душа запела.
Я изо всех боролся сил,
Запреты все ж одолевая.
Азарт мне силы приносил,
Меня в борьбе не забывая.
Теперь душа горит в огне,
Никто который не погасит.
Он силы снова дарит мне
И душу отблесками красит.

Галина Енюшкина**Дарите женщинам цветы****Любовь**

Сколько песен о любви пропето!
Сколько сложено о ней стихов!
Но любовь, как новая планета,
Нам дарует строки вновь и вновь.

И уже не я, а девочка другая,
Ночь мечтает, и не спится ей.
Верит, ждет любви, не понимая,
Что она стучится у дверей.

И не знает, что любовь порою,
Как стрела, пронзает болью грудь.
И в висках звенит строкою злою:
— Разлюби, забудь, забудь, забудь...

Только сердце не всегда послушно,
Плачет, стонет и прощает вновь.

Что поделать? Значит, сердцу нужно,
Чтобы поселилась в ней любовь.

Прости

Господь! Прости меня, что я не плачу,
Прости за то, что я сильна
И не надеюсь на удачу,
Что я свободна и вольна.

Прости, что резкой я бываю,
Не все умею я прощать,
К тебе с молитвою взываю,
Когда не знаю, что сказать.

Прости, что часто одинока,
Когда я даже не одна,
Что мы, явившись в мир жестокий,
Спешим, минуты торопя.

Прости, что я живу не по законам
«Сорви», «Урви», «Востребуй» по талонам,
И что надеюсь только на себя —
Себя и ненавидя, и любя.

Банька

Во дворе стояла банька.
Первым парился отец.
А потом соседский Санька,
Дети, мама, наконец!

Все на кухню через дворик
Шли горячий чай попить,
Ну а взрослым к разговору,
Рюмку крепкого налить...

Санька, как большой детина,
Кстати, холост был еще,
Все мечтал: родного сына
Парить будет горячо!

Бобылем он не остался,
Семь раз Санька стал отцом,
Только сына не дождался:
Заполняли дочки дом.

И давно у Саньки баня.
Первым париться идет,
Но мечту свою наш Саня
Все лелеет, сына ждет.

Говорят же, банька лечит,
Силу паром придает.
— Эй, Санек, поспи на печи,
Может, что произойдет?

— Ну, шутите, вы, шутите,
Вы завидуете мне!
Все девчонки, поглядите,
Вырастут на выданье!

Сами сватов вы пришлете,
А мы будем выбирать:
В мужа дочкам подойдете ль?
Можно ль замуж выдавать?

Родной дом

Я стою у порога,
Дверь забита гвоздем.
На меня смотрит строго
Куст большой под окном.

Словно хочет сказать мне:
— Что покинула дом?

Здесь впервые шагнула,
Была счастлива в нем!

Как свидетеля детства
Глажу ветки рукой,
Где найти это средство,
Чтоб вернуться домой?

Все прошло, улетело
Детство вновь не вернуть,
И листва облетела
И засыпала путь.

Я стою у порога,
Дверь забита гвоздем,
На меня смотрит строго
Куст большой под окном.

Невеста

Яблонька в нарядном одеянии
Смотрит на меня, в глазах слеза,
Как невеста, услышав признание,
Дав согласие встать под образа.

В знак невинности она наряд надела,
В знак покорности не шевелит листвой,
Так зимы ждала, что листья сбросив, тело
В белом платье обрело покой.

Ветки бережет, вздохнуть боится,
Страшно их нечаянно встряхнуть,
Ей зима давно, как сказка, снится,
Чтобы до весны опять заснуть.

Если

Если Бог дарует веру людям,
Если верить в Бога горячо, —
Это счастье, счастливы мы будем,
Если рядом чувствуем плечо.

Если небо мирное над нами,
Если с нами мать, отец и брат,
Счастливы, что взрывов нет, полями
Можем все без страха прошагать.

Счастье, если кто-то понимает
Душу, всю израненную в кровь,
Если кто-то помнит и вздыхает,
Значит, небо дарит нам любовь.

Первый снег

Лес накрылся одеялом белым,
Снегом крыши дома обнесло,
И, запорошив дороги, смело
Островки проталин замело.

Шапочки из снега на заборах,
Шапку натянул и пруд с рекой,
Снег украсил дивными узорами
Город в первый день зимы большой.

И я хочу еще любить...

И я хочу еще любить,
Еще хочу я быть любимой,
И чашу нежности испить,
И рядом быть с тобой незримо.

Быть вместе там, где невозможно,
Где б я нужна была тебе,
И трепетно, и осторожно
Я покорила бы судьбе.

Зачем обманывать себя,
Душа и разум одиноки,
Тебя избрала сердцем я,
Ты ж светишь звездочкой далекой.

Колодец

Мы за водою бегали к колодцу,
«Журавль» ведро поднять нам помогал.
И сруб колодца был для нас оконцем,
А рябь воды наш образ отражал.

Мы, повзрослев, косички отрезали,
Меняли стрижки, девичий наряд,
И мудрость постепенно постигали
Из года в год, из года в год подряд!

Колодец, как воспетая криница,
К себе манила нас по тропке вновь,
Чтобы глотнуть холодненькой водицы,
И остудить бушующую кровь.

Промчались годы, нет того колодца,
«Журавль» как будто в небо улетел,
И сруб колодца, бывший нам оконцем,
От лет и перемен не уцелел.

Все гладилось. Сравнялось. Смылось.
Лишь гуси в луже по воде плывут,
Я так хочу, чтоб это хоть приснилось,
Коль не смогло остаться наяву.

Дарите женщинам цветы

Дарите женщинам цветы,
В них есть Весны дыханье,
В них шепот трав и блеск росы,
Большой любви признание.

Дарите женщинам цветы,
В них запах ласк, свиданий,
В них воспеvanье красоты
И чудных слов слиянье...

Дарите женщинам цветы —
Пусть будут даже полевыми,
Там капли утренней росы
Блестят, как капельки живые.

Дарите женщинам цветы!

Галина Коханая

Душа в волненьи пребывала

***

Тихонько ночь к нам приближалась,
И погружался город в тьму,
А я закатом любовалась,
И всё внимание — к нему
Я в восхищеньи обратила,
Момент красивейший цена.
Не раз уже такое было —
Пленяет дивное меня.

Природы сказочное чудо
Нам дарит мыслей красоту,
И я ищу её повсюду,
Как светоносную мечту.

Она поддержка и защита.
Она мне помощь в трудный час,
Чтоб счастье было не сокрыто
И жизнь бы радовала нас.

***

Наверно, летом от цветов
Впитало небо краски.
Смотрю опять, закат каков! —
Как будто в чудной сказке
Живём среди этой красоты,
Её приемля свято,

Желая светлые мечты
Осуществить когда-то.
Добру, что милостиво к нам,
Взаимно отвечаем.
Спасибо небу и цветам,
Что мы летать мечтаем.

* * *

Загляделась в небо я —
Где там звёздочка моя,
Что любимый показал?
Нашей он её назвал.

Говорил про небо он,
Был он им заворожён.
Тихо слушала его,
Дорогого моего.

Взгляд его ловила я,
И мечта была моя,
Чтоб он рядом был всегда
И светила нам звезда.

Но помчались жизни дни,
Разлучили нас они.
Быстро всё произошло.
Где же ты, любви тепло?

Разлучило время нас,
Но сиянье милых глаз
Вспоминаю иногда,
И горит в душе звезда.

* * *

Мой год красиво завершился
Одним волнительным звонком.
Мне этот праздник не приснился,
Я и не думала о том,
Что голос твой услышу снова
И обращение ко мне.
Я каждое ловила слово
И счастлива была вполне.

Добра тебе я пожелала
И то ж услышала в ответ.
Душа в волненьи пребывала,
Приняв из юности привет.

Александр Твардовскому

Он хотел полезным быть
И к Победе быть причастным.
Так красиво говорить
Он умел. И слогом ясным

Излагал про дни войны,
Про лишения и беды,
И как Родины сыны
Приближали День Победы.

Про военный тяжкий быт
И про отдых на привале.
Сердце ноет и болит —
Сколько горя повидали.

Но душа к добру зовёт
И от бед защиты просит.
Только Тёркин запоёт,
Вмиг с бойцов усталость сбросит.

Оттого его народ
Полюбил в лихие лета,
Оттого поэт живёт,
Что в стихах так много света!

Леониду Николаевичу Сурину

О родном уральском крае
Очень много он писал.
Его очерки читая,
Каждый ясно представлял,

Как здесь строились заводы,
Появлялись города,
Хорошая год от года
От великого труда.

Он писал о людях славных
И о цели их большой,
И замечу я о главном —
Это делал он с душой.

Краевед он был от Бога,
Литератор, педагог.
Для Урала сделал много,
И Музей создать он смог.

Дар грядущим поколениям —
Труд его неоценим!
«Леонид Сурин», — с почтеньем
Мы сегодня говорим.

* * *

Ходила в лес, опять грибы нашла
И уходить домой я не спешила.
Как будто бы к себе меня звала
Волшебная, неведомая сила.

И я брела в раздумьях о былом,
Ориентиром солнышко сияло,

И красота осенняя кругом
 Меня в своих объятиях держала.

Как будто надыхаться не могла
 Уже октябрьским воздухом прохладным,
 На время позабыла про дела,
 И то сказать — на огороде ладно.

Всё до дождей занудных убрала,
 И урожаем, и собой довольна.
 Земля настрой и силу мне дала,
 И на душе спокойно и привольно.

И то, что лес опять позвал меня,
 Я думаю, что это не случайно —
 Мне без природы не прожить и дня,
 В ней красота, волнующая тайна.

* * *

Поклонюсь я в пояс низко
 Огороду своему.
 Всё здесь дорого и близко.
 Благодарна я ему

За картошку, помидоры,
 За красивые цветы,
 За общенье, разговоры,
 Атмосферу доброты.

Огород свой навещала
 Я почти что каждый день
 И растениям помогала,
 Отметая слово «лень».

А теперь вот расставанье
 Мне отрадно. Я ждала,
 Чтобы взяться за вязанье
 И домашние дела.

И в стихах я буду, верю,
 Настроенье выражать.
 Постучатся мысли в двери —
 Будет время записать.

Так вот сменой занятий
 Жизнь бежит, бежит вперёд,
 Чередой мероприятий
 Завершая снова год.

Светлана Калашникова

Радикальное решение

рассказы

Уморительная Муха

Киска Муха появилась в доме по желанию моего младшего сына и была до того маленькой, что даже шерсти как таковой на ней еще не было, детский пушок торчал пучками. И вид у неё просто уморительный. Таким же уморительным оказался и характер. Она ловко играла в догонялки с ножками младшего сына, подолгу ожидая его за спинкой дивана. Но во всей своей красоте раскрылась во время поездки по Башкирии, куда мы дружным коллективом выехали на выходные.

Река, полянка, три палатки, три машины и радостное предвкушение отдыха...

Все заняты, каждый своим делом: люди — своим, кошки, их было несколько, — своим. Вечер затянулся глубоко за полночь. Утомонились только к четырём часам утра. Но не прошло каких-то пару часов, как раздалось кошачье мяуканье, постепенно нарастающее по силе и переходящее в душераздирающий крик. Это явно был крик о помощи. Первым на него среагировал ребёнок, ну ясно — хозяин. Кошка была обнаружена на берёзе, размеры ствола которой не позволяли в отношении себя никаких действий: не согнуть и не забрать. Ну что же делать? Народ уже весь проснулся и ходил, переживая, с красными от недосыпа глазами, пытался хоть чем-нибудь помочь уже охрипшей и накричавшейся до одури маленькой кошечке Мухе. И лассо бросали то на неё, то на дерево, и манили её вниз вкусными кусочками. Всё напрасно. После недолгих совместных раздумий около полудня было решено спилить берёзу... Пилили ручной пилой, сменяя друг друга, и заглушая всей компанией преступные звуки. Дерево начало клониться, и когда его ствол пересёк горизонтальный уровень, кошечка Муха легко сиганула на землю и исчезла из вида, неблагодарная. Наша радость быстро сменилась деловитостью: нужно было срочно скрыть следы этого жуткого с точки зрения Охраны Природы преступления. Сучки сложили отдельно, ствол был распилен на полешки, с педантичной аккуратностью разнесённые по округе. Опилки собраны и отправлены в мангал. Весь день «народ» был организован и предельно занят. Вечер подкрался незаметно. Ужин сообразили «на скорую руку», и только расположились кружком

в предвкушении заслуженного отдыха. Как тут же все с ужасом услышали откуда-то сверху громкое истеричное: «Мяу-у...». Утомленные взоры устремились вверх. О, Боже! Эта пушистая, милая Муха сидела на стволе уже другой берёзы, вдвое толще первой, поэтому чуть склонившейся в сторону. Народ оторопело уставился на докучливое создание. И лишь один из нас, самый догадливый, не стал дожидаться завершения кошачьего маршрута по стволу. Тихохонько поднявшись с земли и сноровисто быстро нашедши палочку средних размеров, зашел к поющей зверушке почти в тыл и размашисто метко и четко запустил киске находку в зад. Полет палочки к нашей радости завершился не ударом, а чувствительным шлепком. Сей секунд вразумленное создание было уже на земле и с независимым видом расхаживало среди нас, обнюхивая воздух и явно рассчитывая на свой ужин.

Прошли годы, дети наши выросли, а мы все до сих пор помним Муху и её древесные поползновения. Помним и улыбаемся. Спасибо Мухе.

Радикальное решение

Поехали мы как-то с мужем к родственникам в Башкирию. Чей был юбилей, не помню. Кроме нас ещё две сестры с мужьями приехали. Хлебосольные хозяева всего наготовили, усадили всех за стол. Угощают. Мой муж, разглядывая закуску, удивился.

— Что-то у вас курица больно большая. На всех хватило. Может, порода новая? Чем вы её кормили?

— Это не курица, а индюшка.

— Вы вроде бы индюков не держали.

— Вот попробовали, да так неудачно... Представляете, бегала здоровая индюшка, кушала хорошо, росла быстро и вдруг беда случилась. Выхожу я на улицу, а она во дворе лежит и вся дергается, потом вытянулась и начала трясти головой, крыльями и ноги тянуть. Я испугалась, позвала мужа и мы для облегчения её мучений, смотреть на которые не было сил, отрубили ей голову.

На следующее утро соседка, державшая большую индюшачью семью, перегнувшись через забор, спросила:

— Где ваша молодая индюшка?

— Мы её, болезную, головы лишили.

— А что с ней случилось?

— Заболела.

Соседка, опасаясь за своё поголовье, не на шутку встревожилась. Мы ей всё рассказали, особо остановившись на подробностях мучений бедной птички. Соседка, еле сдерживая смех, сотрясаясь всем телом, ухватившись руками за забор, и все-таки сползая вниз, произнесла дергающимися губами:

— Так она у вас... это... индюка просила. Именно так индюшки просят замуж.

Мы ахнули, потом смеялись долго все вместе. Как это мы разом решили все её проблемы. С одной стороны жалко птичку — пострадала ни за что. А с другой стороны неловко за своё невежество. Проблема у неё была такая специфическая, а мы решили её радикально, но не демократично.

Гостили мы у родных ещё несколько дней, в течение которых кто-нибудь да заходился неудержимым хохотом. Мы с пониманием переглядывались. Ну явно понятно, индюшку — страдалицу вспомнил.

Смешно... Конечно, смешно, когда это касается безропотных животных. А ведь с людьми порой поступают так же. Не разобравшись в сути дела, так же радикально: ХРЯСЬ... И нет головы, работы, жизни... Ну как оно вам — смешно? Если подумать, то не очень.

Как в кино

На стоянку возле магазина, где в машине я ожидала сына, подъехало такси. В открывшуюся дверь сначала показался небольшой букет из цветов, похожих на ромашки, а потом появился пассажир, долго выбиравшийся на тротуар. Выбравшись, он забавно пытался поймать равновесие.

«Повезло кому-то, — подумала я, — придёт такая “радость” домой. Вот “счастье-то”. Но зато с цветами».

Этот человек, перебирая ногами, пошатываясь вправо-влево, пытался подойти к лестнице. Казалось, он её нащупывал ногами. Но что удивительно, букетом не балансировал. Букет он держал ровно и уверенно перед собой. Обнаружив после небольших усилий поручень, подвыпившее создание начало подъём, продолжая раскачиваться во все стороны. «При чём тут цветы?», — подумала я. Более нелепого дополнения к его набравшейся алко-голя фигуре нельзя было и придумать. Если цветы для девушки, то он от волнения так «набрался». А если — жене. То они для того, чтобы отвлечь внимание от себя «неотразимого». Ну и что, что в таком виде пришёл. Зато с цветами, такими красивыми и неожиданными. С цветами — значит любит.

Я наблюдала этот усложнённый алкоголем подъём, ожидая сына, ушедшего в магазин. Как вдруг взгляд коснулся другой лестницы, находившейся справа. По ней поднималась так же, нет — почти так же раскачивающаяся фигура, нет — фигурка. И как только я увидела её, захотелось тут же выпрыгнуть из машины, подбежать и помочь. Фигурка была очень маленькой и, поднимаясь по ступенькам, раскачивалась вперед — назад, рискуя опрокинуться вниз. Это был маленький человечек — ребёнок полутора-двух лет. Он не держался руками за поручень, потому что не мог достать до него. Где же его бесшабашные родители? Внизу нет никого. Да вот же наверху стоит кто-то «сверх-супер-спокойный». А ребёнок, балансируя, преодолевает ступеньку за ступенькой, поднимаясь по лестнице.

Надо же было мне такое увидеть... Как в кино. Две лестницы рядом, на них две фигуры, обе поднимаются. А какая между ними разница! Один маленький беспомощный, у него всё хорошее ещё впереди. А у другого «чуда» с цветами что впереди? Да ничего у него впереди нет, лишь мутная пустота, именуемая пропастью... И подумала я: «Иди, малыш, смелее вперед и вверх. И пусть у тебя всё будет хорошо! Да минует тебя «хмельная чаша» и дурное похмелье».

г. Трехгорный

Юрий Александров

Нам снятся травы и дожди

Зима

В эти царские перины
Завороженно упасть,
Позабыв про фунты, «грины»
И про прочую напасть.

Ведь дана нам сказка эта,
Как от Бога благодать,
И не нужно быть поэтом
Чтоб душою здесь летать.

Прощание с зимой

Прощай, заснеженная нежность,
До декабря, до декабря,
И дней коротких безмятежность
И мглой укрытая заря.

Твои бесценные убранства,
Я оценил, моя зима,
Морозов крепких постоянство
Сводящих нытиков с ума.

Все... скоро животворной влагой
Рванутся с гор твои снега,

Полей заснеженных бумагу
Займут цветущие луга.

Весенние сны

Снега усталые присели
На плечи выбитых дорог,
Метелей злые карусели
Давно собрали свой оброк.

Хоть опыт наш в весну не верит,
Мол только март, подвоха жди,
А руки рвутся куртки мерить,
Нам снятся травы и дожди.
Русское слово

Русское слово — тобой я дышу,
Сердцем к тебе я тянусь и спешу
В мир погрузиться волшебных созвучий,
С тобой становлюсь я мудрее и лучше.

Пусть все отнимет злодейка судьба,
Стану, быть может, беднее раба,
Только бы слово звучало и пело,
Мне и не нужно иного удела.

г. Усть-Катав

Наталья Берксен**Руками не удержишь время****Хорошая строка**

В плохом расположеньи духа
 Пришла хорошая строка.
 Не слышное дошло до уха,
 И рифма на листе легка.
 Записываю все начистовую,
 Диктуют будто. Ночь, а я спешу.
 Примерила сегодня роль такую.
 Что сказано, конечно запишу.
 Не праведница, то-то и не спится.
 Уносят мысли очень далеко.
 Молчать, что делала добро, забыться.
 Не ждать ответа знаю нелегко.

Посвящают куплеты?
 За какие морали
 Душу дарят поэты?
 Потому отвечает
 Раскрасавица дива:
 По одежке встречают,
 Нет другого мотива.
 Физкультура для стати,
 По порядочку ветки,
 Новомодное платье-
 Вот секреты кокетки.
 Зарубинились бусы
 На рябиновой коже.
 Вырастая, не просто
 Быть себя же моложе.

Имеешь право на ошибку

Имеешь право на ошибку
 По факту молодости лет.
 Не все из перечня попытки
 В душе рисуют белый след.
 Руками не удержишь время,
 На карте тысячи дорог.
 На сто процентов будь уверен
 Найти счастливую, сынок.
 Прими отцовскую указку —
 Твоей дороги светофор.
 Сильнее станешь и, как в сказке,
 Исчезнет трудностей забор.
 Нельзя стоять на месте, точно.
 Противен юности застой.
 Куда и с кем — советов туча,
 А выбор будет только твой.

Мои правила

На место время многое поставило.
 Одно осталось без малейшей перемены.
 Дарить улыбку миру — мое правило,
 В дневном дозоре и в ночную смену.
 Прощаясь с прошлым важное оставила.
 Что именно храню на депозите?
 В безвременный поход любовь отправила.
 Проценты просто так отдам, берите.

Королева рябина

Королева рябина,
 Одинокая леди.
 В ярко красном наряде
 Будит зависть соседей.
 Почему этой крале

Попутчик

Не первая перетасовка,
 На четверть пройден лабиринт.
 Короткой будет остановка.
 Вперед, попутчик говорит.
 Сто раз тебе, дружок, спасибо.
 Уже второй десяток лет
 Моей дистанции загибы
 Хранят твоей поддержки след.

Осенние загадки

Три осенние загадки
 Кто-то хочет угадать.
 Можно в школьную тетрадку
 Эти шутки записать.
 Школа открывает дверь.
 Книги прыгают в портфель.
 Все понятно детворе,
 Что сентябрь на дворе.
 В центре осени не зря
 Место есть у октября.
 Смотрим дружно в календарь —
 Праздник празднует букварь.
 Первой четверти финал
 Нам ноябрь нарисовал.
 Только не лениться —
 Три еще учиться.

Не заморская

Не заморская и не здешняя,
 Закаленная пермской тайгой.
 Наблюдая за водами вешними,
 В Красногорск прибыла на постой.

В чужаки ненадолго записана,
Говорила немножко не так.
Старожилками быстро обтесана,
Появился законный свояк.
По закону здесь древо посажено-
Для истории новый виток.
Помотавшись, назад, как положено, —
Со слезою в родной уголок.
Утекают и воды и годы,
Незнакомое стало своим.
Образец красногорской породы
Побежал по потомкам моим.

Мечты о дальних странах

Давно уж земли Магеллана
Манили не меня одну.

И я, узнав о дальних странах,
У той мечты была в плену.
Европы, царственно застывшей,
Коснулась и моя рука.
Побыв обыденности выше,
Как будто тронулась слегка.
До наших дней из прошлой эры
Развалин каменных привет.
Святые, смертные, химеры,
Во сне оживши, смотрят вслед.
Долину ведьм, канал Джудетты
И звон муранского стекла.
Титанов, донага раздетых,
Надолго память запекла.
Не точкой, запятою прыгну
В маршрутный лист полупустой.
Раскинув руки, снова крикну:
«Постой, мечта, и я с тобой».

п. Красногорский

Михаил Фототов

Любовь к топониму

От Тогузака до Тогузака

На Тогузаке вы, конечно, не бывали. Это понятно. Там мало кто бывал. Дорога туда дальняя, а теперь еще и запретная: приграничная зона.

Реки Тогузак на территории нашей области всего ничего, каких-нибудь километров десять, от деревни Алексеевка до границы, но эти километры — истинная живопись, полотно за полотном. Неожиданная красота, безлюдная, безмолвная, уединенная.

В мой список природных достопримечательностей внесен новый шедевр — река Тогузак.

Тогузак — итог трех своих притоков. Все они берут начало на той воображаемой линии (водораздел), на которой рельеф делит осадки на два направления: одним течь на юг и на запад, другим — на восток и север. Три притока, первоначально как бы нерешительные в своем выборе, став одной рекой, обнаруживают явное тяготение к северу. Нижний Тогузак начинается в болотах к востоку от села Париж, на северной окраине Джабык-Карагайского бора, далее течет до Варны — по прямой километров шестьдесят, а к северу от Варны впадает в Средний Тогузак. Строго говоря, у Тогузака не три, а два притока, и именно таким его рисуют на старых картах.

Средний и Верхний Тогузаки текут в ровной параллели, иногда приближаясь друг к другу (как у Бородиновки) очень близко, километров на четыре-пять. Затем Верхний устремляется напрямик на восток, а Нижний медленно, но верно поднимается к северу, чтобы у Алексеевки им соединиться. После Алексеевки Тогузак — уже не нарошенская, а настоящая, набравшая силу, уверенная в себе река.

Тогузаку выпало редкое по нашим временам речное везенье — люди сохранили его чистым. Если в воде и растворены какие-то примеси, то — естественные, от грунтов. Может быть, его пресность, подмешанная калием, натрием и марганцем, слегка солоновата. Зато в воде мало органики, от которой обычно закисают наши реки.

Я всегда удивляюсь тому, что ничто не способно испортить речную красоту, если она — сама по себе. Вот из воды торчит упавшая в нее ветка. Вот куст изломанного, выцветшего, неряшливо помятого прошлогоднего камыша. Вот какой-то мусор у береговой кромки. Вроде бы они — «мешают» пейзажу, «пачкают» его. Но зеркало плеса такое голубое, тени на нем так темны и глубоки, а вода так прозрачна, а листья кувшинок так покойно лежат на воде, а песок на отмели так чисто вымыт, что пропадает желание «поправить» реку, она покоряет тебя, захватывает и завораживает. Ты чувствуешь только то, что здесь хорошо.

И уже потом к тебе возвращается способность размышлять о том, как река, текущая в грязи, — такая чистая... Она умеет успокаивать, осаждать грязь, укладывать ее на дно. Если потревожить ил, он мутно закружится, поднимется, будто бы готовый занять все пространство, но через минуту осядет, сникнет, послушно прижмется ко дну. Истовая чистюля, река — истинная укротительница грязи. Принимая всякую грязь, она обходится с ней умеючи — какую-то унесет подальше, какую-то уложит на дно, какую-то разложит и обезвредит. В любом случае она стремится к чистоте и красоте. И достигает их.

Утощая нас ухой на берегу Тогузака, Виктор Иванович Шевяков приговаривал: «Вы еще не то увидите». Мы уже видели скалы на берегу Тогузака километрах в шести от Алексеевки. Скалы, украшенные березами, спускались к реке. Отдельные камни лежали у воды и даже в воде. Выписав, будто циркулем, обширную излучину, река здесь уперлась в каменистый холм и вынуждена была пойти в обход. Место — глаз не оторвать. Впечатление: камни, вода, высота, ветер, простор... В какие бы это ни было времена, люди не могли «просто так» пройти мимо этих белесых скал. Пока мы при осмотре не нашли каких-то признаков святилища, но археолог Владимир Юрин все-таки не отказывается от мысли, что этот холм хранит следы древнего присутствия людей. Присутствия именно духовного, а не утилитарного.

Виктор Иванович, глава поселения в Алексеевке, округу знает наизусть, что-то открыть на ней вряд ли допускал. Но открытие случилось. Мы проехали вдоль реки дальше, к другой скале. Ее конус возвышался на противоположном берегу. Местные люди говорят о ней: гора Красивая. Именно так. Почему бы и нет. Если в степи — гора белых камней, а на камнях — зеленые березы, это, конечно, красиво. Красиво смотреть снизу, с берега, красиво обозревать реку сверху, с вершины.

Напротив горы Красивой — еще одна скала. Ее называют Белый камень. Камень, правда, не очень белый или, может быть, совсем не белый, но заметный. Тем более что сторона, обращенная к реке, выемчатая, гротом. У входа в грот мы без особого труда обнаружили яшмовый отщеп, а это верное доказательство того, что этот осколок уронен здесь не одну тысячу лет назад.

— Но это еще не все, не главное, — предупредил нас Виктор Иванович и повез дальше.

Если считать Тогузак рекой степной, то неожиданность в том, что после Алексеевки она не степная, а каменная. Точнее, каменная среди степей. Ниже Белого камня высокий правый берег обрывается отвесным утесом. Поднявшись на него, мы оказались высоко над рекой. Здесь-то Виктор Иванович и сказал о том, что, по его мнению, является главной достопримечательностью этой местности.

— Доказано, — сказал он, — что здесь проходил караванный путь из Средней Азии в Троицк. — Отсюда, — добавил он, — до Троицка, если напрямую, близко, километров шестьдесят. — Смотрите, — пригласил он, — внизу брод, здесь легко переправиться через Тогузак.

Это похоже на правду. И тому есть подтверждение. Например, русский исследователь и путешественник XIX века А. Левшин, изучавший казахские просторы, оставил нам такие ориентиры: дорога из Троицка в Бухару «проходит через реки Аят, Тобол, Тургай, мимо озера Аксакалбарби, остающихся справа, через перевоз (на Сырдарье) Чиркайлы, через пять рукавов Кувандарьи, называемых Биш-Узек, через русло Яндыарьи, между горою Ак-Кыр и развалинами Ковенкала и мимо гор Балобан и Учтюбе». Что касается речки Тогузак, то у Левшина о ней одна фраза — о том, что «в нее (в Уй) впадает речка Тогузак, по берегам коей много тучных лугов». Давно, а точнее, 9 октября 1842 года, на берегах Тогузака побывал генерал-лейтенант, военный инженер, топограф и геодезист И. Бларамберг. Он вспоминал: «9 октября я покинул Оренбург. Проехал, не останавливаясь ни днем, ни ночью, через Орск, вдоль новой линии до Михайловской, обследовал течение степной реки Тогузак, попал в сильный буран, который задержал меня на целый день в Михайловской».

— Наверное, — предположил Виктор Иванович, — после переправы через реку уставший караван мог бы остановиться на берегу Тогузака на отдых или на ночлег.

— Да, конечно, — согласились мы, — это логично.

И тут Юрин воскликнул: «Взгляните, там, на том берегу... Видите?»

Мы увидели: на пологом склоне, зеленом, отчетливо видны кольца, тоже зеленые, но темнее, чем весь склон. Одно кольцо, второе, третье — целый ряд. Повыше — еще ряд. И еще...

— Как в Верхнеуральске, — напомнил я Юрину. Несколько лет назад Владимира Ивановича заинтересовали такие же кольца на таком же склоне у Верхнеуральска, недалеко от Верблюдо-горы (Диёташ), у Теплового ключа, на склоне горы Веселой. Рассматривая их, он мог

только в том убедиться, что на кольцах трава выше и темнее. Так, будто на этой окружности кто-то ее подкормил, чем-то удобрил. Тогда он предположил, что, может быть, там стояли юрты кочевников. Так подумать — соблазнительно, но... Когда в последний раз на этом месте могли стоять юрты? Сто лет назад? И с тех пор трава ничего «не забыла»? Вряд ли. Очень сомнительно. Тем более что в этом году на том склоне мы поискали, но не нашли никаких колец. А здесь, на берегу Тогузака — опять они же...

Мы мигом переправились через брод и оказались у тех колец. Ходили втроем вокруг них, приглядывались к траве, измеряли диаметры, возбужденно гадали, но кольца не сказали нам ничего. Не мираж они, не иллюзия, трава нас не обманывает, но разгадки нет. Она где-то тут, рядом, но нам не дается. Может быть, какой-нибудь аксакал подскажет нам ее?

Как бы то ни было, но мы уже почти не сомневались, что на берегу Тогузака остановился караван. Мы, можно сказать, видели его. По крайней мере, я попытался переместиться во времени на полтора-два столетия назад... Будто бы стою я здесь же, на вершине горы, и как бы со стороны вижу, как караван переправляется через реку, как он, завихриваясь, занимает весь берег. Я чувствую пыль, пахнущую пустыней Кара-Кум, я слышу верблюжьи всхрапы, окрики, какие-то еще непривычные звуки. Караван оставил далеко позади расстояния, казалось бы, непреодолимые. Где-то там колодец Одун-Кудук, источник Агатма, гора Сусыз-Кара, пески Баткак, колодец Юз-Кудук, река Кувань, холм Салак, река Сыр, колодец Ураган, гора Дерман-Баши, колодец Куль-Кудук... Позади полторы тысячи километров, на которых мало воды (земля в мозаике трещин), много соли (соленые почвы, соленые лужи, соленая трава, соленая роса), много песков (дюны, поросшие саксаулом и тамариском), много ветров, продувающих насквозь, а жизнь — только у рек, обросших колючим кустарником и зарослями тростника высотой десять метров.

Как это представить — караван длиной двадцать верст? Он трогается в путь в середине марта, а прибывает в Троицк в начале июня. Полторы тысячи верст невыносимо трудной, опасной, изнурительной дороги. Ради чего? Ради Великого Обмена. Две вроде бы ничем не похожие, независимые и даже враждебные цивилизации, два мира, молящихся разным богам, две культуры, две истории, два быта все-таки вошли в осторожный контакт и, прежде всего, увидели товары, которых у них нет. Обмен богатствами — первый шаг навстречу друг к другу. Караван, бредущий по пустыне, — это неисчислимые богатства, перемещающиеся из края в края на верблюжьих ногах. На обратном пути он тащил не меньше ценностей, чем туда. И всегда находились степные хищники вроде баранта Канисары, которые снимали с купцов свою вероломную дань.

Правда, едва ли не весь XIX век российские купцы жаловались, что «все барыши от торговли достаются одним среднеазиатским купцам». Они, пришельцы от гор Тянь-Шаня, закупают товары у нас «в местах производства их» и потому задешево, им даны привилегии, они свободно торгуют в городах России. «В Оренбурге они, взяв паспорт за 5 рублей, получают право торговать во всей Империи». А наши купцы в Бухару и Хиву ездят редко, потому что там эти «полудикие племена», дети произвола и разбоя, гостей встречают враждебно. Могут взять в рабство. Не исключено, что убьют. А издевательства, а побои, а грабеж — это в порядке вещей. «И никакой управы». Плюс ко всему двойная, а то и четверная пошлина на товары. Поэтому русские купцы не раз просили, чтобы не пускать караваны на главные ярмарки России — Нижегородскую, Ирбитскую, Тюменскую, а ограничить их торговлю меновыми дворами Уральска, Оренбурга, Орска, Верхнеуральска и Троицка. В конце концов, мы без их товаров обойдемся, а «без наших произведений среднеазиатцу не в чем будет сварить себе кашу».

И что, от той грандиозной экзотики — караваны на Тогузаке — остались только зеленые круги на берегу? Последнее: оказывается, на северном Тянь-Шане есть ледник, ручей и перевал Тогузак.

Озеро — в горе

Вода — в горе. Внутри. Из горы. Этого — не понимаю.

В логу. Высоко над логом. Из крутого склона — струя. Сильная.

Десять лет назад я видел ее другой — еще выше по склону и еще сильней. Водопадом, с плеском разбивающимся о камни.

Но как в горе держится вода? Если она есть в скале, то должна бы вытечь. А она течет, течет и не иссыкает. Этого — не понимаю.

Вырвавшись из-под камней, вода, чистая-чистая, почти идеальная, только-только вырвавшаяся из каменного подземелья, свежая, в меру холодная, вкусная — бери в ладони и пей, среди поваленных стволов, по мокрым листьям, между зелеными плюшами мхов, обтекая белые камни, извиваясь по россыпи камушек, — спешит вниз, чтобы на дне лога, уже как маленькая речушка, уже в берегах, весело пробираться дальше, дальше, туда, где ее ждет река Аша.

Будто бы ребенок бежит к матери.

Вы понимаете, как вода, в потоке, протекая по «грязной» земле, иногда буквально в илистой грязи, в мусоре, в древесных завалах, — сохраняет свою чистоту? Этого — не понимаю.

Ручей, о котором я говорю, — Ириклинский. Он — в Ашинском районе, чуть к северу от поселка Точильного.

А рядом с ручьем — пещера, тоже Ириклинская. Черная рваная дыра в скале. Владимир Иванович Юрин, археолог и спелеолог, ступил и растворился в дыре. Через несколько минут показался.

— Что там?

— Вода.

— Вода?

— Да, озеро. Желтоватый песочек у бережка.

В скале — озеро. Водная линза. В пещере она покоится во мраке. А там, где ручей, — вырывается из вечной темноты на божий свет. В любом случае, вода держится в каменной горе.

Этого — не понимаю.

Но — уточню. Объяснить — могу, а понять — нет. Могу объяснить, что, кроме открытой воды, есть вода спрятанная — грунтовая. И она как бы копирует рельеф. По низине она — низкая, а если гора, — поднимается по ее склону, едва ли не к вершине. Однако как это происходит, — не понимаю.

Могу объяснить, что вода имеет ежесекундную заботу очищаться. Все пылинки-крупинки, имеющие какой-то вес, она опускает вниз и как бы прижимает ко дну. На камнях — слой ила, а вода, пусть и быстрая, до поры до времени не уносит ил. Но как она умудряется так укрощать грязь, — не понимаю.

В том, что мы не понимаем, есть что-то от чуда. В природе чудесного много, только успевай удивляться...

Семь Семибраток

Если хотите — Семибратки. Выбор большой. Есть река, даже две. Есть озеро. Есть поселок. Есть рудник. Есть болото. Есть лесничество. Есть кордон. Есть залежь магнетита. Есть охотхозяйство. Что угодно.

Все Семибратки — к югу от Златоуста. И как бы к нему приписаны. С юга и начну.

Речку Семибратскую мы пересекали на дороге от деревни Азнашево к поселку Вознесенка, как раз между ними. Начинается она высоко в горах, к югу от Круглой сопки, пробирается вдоль хребта Алабия на юго-восток, вырывается из горных объятий к просторной болотистой равнине-луговине, в которой своенравно петляет — там, где ее не выпрямили люди, раздваивается и растраивается в каких-то оросительных системах, протекает мимо неповторимого озера Ворожеич, мимо старинного села Вознесенка — на виду церковных куполов и впадает в Уй выше деревни Старобалбуково.

Если от истока этой Семибратки направится к северу, по горам, долам, болотам, по тайге и глухоти, через десяток верст — озеро, Семибратское. Не исключено, что оно искусственное. Похоже на то, что кто-то когда-то перегородил исток речки Исток, набрал в болоте воды и создал озеро. Это не погубило речку Исток, она по-прежнему течет и впадает в Ай.

Сейчас на озере — ни души, однако не без человеческих следов. В 1753 году купец Мосолов здесь добывал железную руду. Рудник копали к северу от озера. Копали до 1832 года. Поселок — Семибратский — разбили на западном берегу. Руду возили в Златоуст. На колесах или по воде. Всего за 80 лет выбрали 16 тысяч тонн — по 200 тонн в год. Та руда, надо

сказать, стоила того, чтобы с ней возиться: в ней было до 60 процентов железа, по нынешним меркам — мечта металлурга. Когда вычерпали руду, люди из поселка — дворов пятьдесят — принялись жечь уголь и известь. Пока не пришло известие об организации лесной управы. Переключились на новое дело.

То жгли и рубили лес, то стали беречь его от огня и порубок. А наблюдали за окрестностями с вершины соседней горы, которую называли Караульной. С 1960 года поселок Семибратский оставлен без всяких занятий, и через восемь лет он исчез. Теперь там безлюдная тишь. Ничего. Разве что заплывающие следы от карьера и жилья.

Еще одна река Семибратская берет начало в болоте Семибратском, перетекает через свое же озеро под названием Плотника, после которого, вдоволь напетлявшись, впадает в Ай.

Наконец, на самом севере, у Златоуста, — еще одна Семибратка, самая известная и, может быть, изначальная: не семь, а больше скал, цепью выгнувшихся у Александровской сопки.

Осмелюсь предположить, что любовь к топониму «Семибратка» исходила от Златоуста и распространилась на территорию, которая находилась под его влиянием.

И это все.

г. Челябинск

Андрей Смолюк

Лестница или сотовый телефон

Что ни говори, а сотовый телефон — штука удобная. И пусть там твердят, что он, этот телефон, опухоль в мозгу создать может и ли что-то ещё тому подобное, но в наше время без телефона этого никак нельзя. А что, вот сидишь ты в саду и домой тебе пора, а до автобуса плестись неохота. Так взял сотовый телефон и такси вызвал, если, конечно, деньги есть. Или вот в том же саду стало тебе плохо, так скорую вызвал, и всё в ажуре. И вообще, мало ли для чего этот телефон пригодиться может.

Вот возьмём, к примеру, Антона Петровича Иванова, мужчину пятидесяти лет. Ну, мужчина он и мужчина, да вот один недостаток у него есть. А недостаток его в том заключается, что руки его не совсем к тому месту прикручены, к которому анатомия, так сказать, заставляет. Нет, руки его, конечно, из плечей идут, как положено, да вот мастер-ломастер Антон Петрович ещё тот. Не золотые у него руки, одним словом. Даже вот, к примеру, если полку дома на стену повесит надо, то для нашего героя это целая эпопея.

А тут вот потребность у Антон Петровича возникла — лестницу в саду сделать надо. Сам то он эту лестницу делать не хотел, но жена заставила.

— Ты, вот, когда на крышу домика садового лазаешь, — сказала она, — чтобы посмотреть как там дела на крыше идут, всегда лестницу у соседей берёшь. А это ни очень удобно, так что сделай лестницу, тебе же, бездарю, лучше будет.

Антон Петрович, было, попробовал жене возразить, что, дескать, на крышу он лазает, чтобы посмотреть как там дела, примерно раз в сезон, а посему и соседской лестницей можно попользоваться. Но жена его добавила при этом:

— Сделаешь лестницу, удобно будет яблоки с яблони убирать. Не придётся всякие столы да табуретки тащить, сам ведь знаешь, как яблоки с табуреток да со столов собирать плохо!!!

На это наш герой не нашёл, чего ответить, а посему решил, что придётся лестницу делать, хотя и неохота. Ну, какое тут «охота», если руки пусть и не крюки, но и не золотые.

Начало изготовления лестницы Антон Петрович откладывал, как только мог. Всё у него какие-то дела находились, что ни до лестницы было. То полить, то прополоть, то сигаретку выкурить, то перекусить, то ещё что. Сами ведь знаете, что в саду дел всегда полно. Да только, в конце концов, жена нашего героя пристала к нему с ножом к горлу, дескать, нужна лестница, да и всё тут.

— Как мы без неё раньше на крышу лазили, чтобы посмотреть, как там идут дела, как мы раньше без неё яблоки с яблонь собирали и непонятно, — так сказала она.

В результате понял Антон Петрович, что лестницу ему делать придется и никуда от этого не отвертеться. И начал он подготовку проводить, чтоб лестницей этой самой заняться.

Первым делом он сел на крылечко домика садового и задумался. А мысли его никак не хотели на лестничный лад настраиваться и всё думали о чём-то возвышенном (например, о том, что как замечательно летним днём в дали от сада сидеть где-нибудь на берегу озера и заниматься тем, что вообще не заниматься ничем).

Поняв, что с такими мыслями у него никакой лестницы вообще не получится, Антон Петрович закурил сигаретку и постарался настроиться на деловой лад. И так он настроился, что чуть было не задремал на крылечке с сигареткой во рту. Из этого состояния его только лишь жена вывела, которая пошла посмотреть, чем же это её муженёк занимается и как там вообще лестница поживает.

А лестница, как сами понимаете, вообще никак не поживала! А посему Антону Петровичу лекция была прочитана, что все мужики как мужики, и лишь только он без рук, а также ленивый в доску.

Эта лекция Антона Петровича слегка задела, и он пошёл ковыряться в деревяшках, что у него в саду были.

Ну, долго ли, коротко ли, а всё-таки лестницу Антон Петрович соорудил. Худо-бедно она стояла и даже не разваливалась. Велосипеда тут наш герой изобретать не стал, а просто взял соседскую лестницу и соорудил подобную.

Однако, поскольку руки у Антона Петровича были даже не «позолоченные», то он с трепетом смотрел на своё творение и ждал, когда оно, это творение, развалится. Но лестница стояла и не разваливалась.

— Чего смотришь? — спросила жена у Анатолия Петровича. — Проверь лестницу, залезай на неё! Поди не рухнет!

— А можно, — заметил тут наш герой, — первым залезть на лестницу я доверю тебе, как настоящий мужчина. Да и, кроме того, ты меня поизящней и похудее. Глядишь, под тобой и не рухнет моё творение.

— Нет, уж, сам сделали сам и проверь, джентльмен ещё нашёлся!

— Тогда будем ждать соседа по саду Сергея!

— А это ещё зачем? — любопытствовала жена Анатолия Петровича.

— А затем, что Сергей берёт всегда с собой в сад телефон сотовый.

— А телефон-то тут при чём?

— А при том, моя дорогая, что в случае чего, если лестница вдруг подо мной рухнет и я упаду, и не дай бог чего-нибудь со мной при этом случиться, то можно было по телефону сотовому скорую помощь вызвать, для моего, так сказать, спасения.

Жена Антона Петровича не нашла, что на это ответить, лишь покрутила пальцем около виска и добавила:

— Ну, жди!

Долго ли, быстро ли, но сосед по саду Антона Петровича Сергей в сад свой пришёл. Антон Петрович, как полагается, с ним поздоровался, спросил для приличия, как идут дела, да и говорит:

— Серёга, у тебя сотовый телефон с собой?

— С собой, — отвечает Сергей, — а зачем он тебе нужен?

— Да я вот лестницу соорудил, — ответил Антон Петрович, — надо её испробовать, залезть, так сказать, на неё.

— А при чём здесь телефон? — удивился Сергей.

— Так ведь в случае чего, ты мне скорую сразу и вызовешь!!!

— А понятно... — кивнул головой Сергей, слегка посмеявшись над нашим незадачливым героем, — ну, давай!

Антон Петрович перекрестился и полез на лестницу. Он лез и постепенно покрывался потом, то ли от страха, то ли ещё не весть знамо от чего. А лестница скрипела под телом Антона Петровича, но держала.

Долез до самого верха, Антон Петрович глубоко вздохнул. Лестница держала и, похоже, вполне можно было обойтись и без сотового телефона.

Удивившись, что творение его рук очень даже ничего и даже не разваливается, хотя поскрипывает, Антон Петрович стал очень горд за себя. Ну, надо же, во сделал и даже лазить можно, и даже теперь знать он будет, как там дела на крыше домика садового, не говоря уж о сборе всяких там яблок.

Антон Петрович слез со своей лестницы, поблагодарил Сергея за его бдительность и заявил своей жене:

— Не такие уж у меня руки-крюки, как некоторые думают. Вот лестница, можно по ней лазить, узнавать как там дела на крыше домика садового и, кроме того, яблоки собирать.

Жена Антон Петровича на это улыбнулась, сказала «Молодец» и пошла дальше заниматься всякими разными садовыми делами.

А Антон Петрович сел на крылечко и стал разговаривать со своим соседом Сергеем, о пользе и вреде сотового телефона, в смысле строительства разных там лестниц и в смысле безопасности лазанья по этим лестницам. И пришли они к выводу, что сотовый телефон дело стоящее, нужное и без него дело строительства всяких там лестниц и им подобных вещей просто не возможно, поскольку все эти лестницы и прочие им подобные вещи коварств разных полны!

Так что сами видите, дорогие читатели, есть польза от сотового телефона, да ещё в саду, или нет. Всё-таки прогресс дело замечательное и без него бы наш герой так и не смог бы залезть на творение своих рук. И, кроме того, не смог бы он определить, что пусть его руки и не очень к тому месту прикручены, к какому должны быть, но и он в этом мире, что-то может и что-то умеет. А для мужика это, в общем-то, не последнее дело!

г. Снежинск

Владимир Дырн «Стихи писать... больно»

Однажды вечером, с вопросом «Трудно ли писать стихи?» подошла ко мне восьмилетняя дочка.

— Та-ак, — протянул я на её вопрос и, повернувшись к ней, утвердительно сказал: — Значит, не получается.

Она кивнула, поедая меня тёмно-карими с зеленоватым проблеском глазами.

— Ну, пойдём, перекурим это дело, — сказал я и, прихватив чистый лист бумаги и ручку, мы гуськом засеменили на кухню.

— Вот скажи! А рисовать тебе трудно? — спросил я, отыскивая на разделочном столе коробок спичек, вечно прячущийся среди расставленной в живописном беспорядке разнообразной и разноликой кухонной посуды.

— Вовсе и нет, — не то с пренебрежением, не то с вызовом, выпятив нижнюю губу, ответила она, мол, тоже мне, нашёл трудности, и на всякий случай добавила. — И петя я люблю...

— Прекрасно, прекра-асно..., — бормотал я и, отыскав спички, которые лежали в этот раз под небольшой, перевёрнутой кастрюлькой уселся к вытяжке.

— Значит так — начал я, прикуривая сигарету и принимая, как мне казалось, подобающий учительский вид, — ты, наверное, знаешь, что стихи, музыка, песни — имеют определённый ритм или мелодию...

Дочка, с видом человека только этим и занимающимся всю свою сознательную жизнь, утверждающе кивнула.

— Ещё у стиха есть размер, который нарушать нежелательно, — продолжал я. — Вот листок бумаги. Когда ты рисуешь, то стараешься, чтобы твой шедевр остался на листе, а не на клеенке, которой покрыт стол...

— А я «Рыньку» нарисовала? — перебила она меня и стремглав кинулась в свою комнату. «Рынька» — это здоровенный, ухоженный и укормленный рыжий кот, непонятно какой породы, да и пришедший-то невесть откуда, но прижившийся и даже ставший всеобщим любимцем. Дочка бегом вернулась и протянула мне портрет кота.

— Ну и почему же он у тебя синий? — недовольно и ехидно промямлил я.

— А у меня оранжевый сломался, и потом, я его видела таким ночью, когда уже спать легла? — парировала она.

— Ладно, хоть на кота похож? — я вздохнул и решил продолжить тему стихосложения. — Так, что мы запомнили? Стих имеет... — и посмотрел на дочку, которая с удовольствием рассматривала рисунок.

Она бойко ответила:

— Мелодию и разме-ер, — и щёлкнув по носу портрет кота, весело рассмеялась. Я довольно хмыкнул и решил, что основная часть по данному предмету пройдена, и пора переходить к практике.

— И что же мы будем писать? — спросил я, заканчивая курить.

— Сказку? — весело прощепетала дочь.

— И у нас конечно уже есть начало?

— Да. Царь и царевич... — смешно скосив на меня свои красивые, лукавые глаза, она вдруг примолкла готовая прыснуть со смеху.

— Хм. Это впечатляет. Значит, будем работать с династиями...

Весь остатошный вечер мы бегали, прыгали, переодевались, строили рожицы зеркалам и друг другу, писали пришедшие невесть откуда какие-то слова на попадавшиеся под руку листочки бумаги. Эти исписанные и изрисованные бумажные листочки тихим листопадом ложились на столы, стулья, диваны, кресла, кровати. Они были повсюду, во всех трёх комнатах, в коридоре, холодильнике, в раковине с грязной посудой... Они множились до тех пор, пока мы основательно уставшие от всех наших представлений, одетые во что-то немыслимое, вывернутое и кое-как пристроенное, тихо не уснули.

Через два месяца наших «творческих поисков», шумных кривляний и тихих вечерних прогулок мы вчерне написали начало сказки.

Царь, царевич. Король, королевич.
Из двух соседних государств
Узнать поближе наши души
Пошли по морю и по суше,
Перенеслися в век иной,
Сюда. Где мы живём с тобой.

* * *

С царём был карлик (правда, хилый),
Волхвов происхождение нёс,
Но наделён был чудной силой?
Из камня сделать мог... овёс.
По воле же судьбы был робок,
Хоть жрец был бога Перуна,
Уж, видно, здесь сам сатана
Селился в нём и жил бок о бок,
Но царь об этом не жалел.
Проделки сатаны терпел.

* * *

У короля своя забава
Смешная птица — Отпугай.
Сравните с нашим — попугай,
Тут выводов звучит немало...
А птица пела. Песнь неслась...
Ах, что-то мысль оборвалась...

Прошло несколько лет. Однажды, тихим майским вечером, когда я, устроившись в старом, уютном кресле просматривал периодику, в комнату вошла дочь и, молча положив на журнальный столик исписанный тетрадный лист, отошла к окну. Я с интересом взял его и, лавируя между сносками, исправлениями, перечёркнутыми местами и какими-то мокрыми разводами, как будто всё это писалось за столом во время весёлого чаепития, вслух прочёл следующее:

Плачет сердце дождём
Из крови день за днём,
Боль-тоска из очей,
Из широких степей обожгла...

Стало пусто вокруг...
 Друг — уж больше не друг,
 Зверьё криком кричит
 Одинока в ночи та душа...

Я улыбнулся и, не поворачиваясь, задал тот, старый её вопрос: «Ну, как трудно писать стихи?» и, не дожидаясь ответа, продолжил чтение.

Жизнь — пустая ладонь:
 Кончил стих ... и в огонь,
 Догорает судьба —
 Снег и зной никогда не сойдутся...
 Воздух — едкая гарь,
 Солнце — тусклый фонарь,
 Что за глупость — Любовь...
 Души стылые вновь
 не сольются.

И вдруг я почувал! Да-да, именно почувал, что она сейчас заплачет, и резко повернулся. Дочка стояла у залитого вечерним солнцем окна, но не смотрела в него, а была как бы внутри себя. Губы у неё дрожали, но она была уже взрослой девочкой. Ей недавно исполнилось целых пятнадцать лет. Наверно поэтому, глубоко вдохнув, но, совсем ещё по-детски смахнув сверкающую в закатном свете одиноко бегущую по щеке слезинку, она тихо выдохнула: «Больно».

с. Агаповка

Владимир Седов

О рыбалке в раннем возрасте

Любовь к рыбалке Вовка впитал с молоком матери. Дед — заядлый рыбак, отец тоже с малолетства рыбачил, Вовке сам Бог велел быть рыбаком.

Как только Вовка стал заканчивать первый класс, его стали отпускать на рыбалку с ночевкой, со старшими ребятами конечно. Днем-то Вовка уже рыбачил, иногда даже и без спроса, спросить было некого, родители постоянно на работе, а сестры-то за ягодами уйдут, Вовку с собой — «не найдут», то Вовка сестер найти «не сможет». Правда, иногда за «без спросу» попадало от сестер, но Вовка старался домой заявляться, когда родители уже дома. И мама всегда радовалась улову юного рыбака, а Вовке на рыбу везло.

В конце мая, когда паводок практически уже прошел, Вовка отпросился с ребятами на рыбалку с ночевкой. Выпросил у папки жерлики, в то время большое богатство, т. к. больших крючков в магазине днем с огнем не сыщешь, да и мелких-то было не купить, а выменять у «тряпишника», так называли в народе работника райзаготконторы, на старую фуфайку или овечью шкуру. Поэтому на рыбалку Вовка отправился во всеоружии в буквальном смысле слова.

На речку пришли задолго до ночи, примерно часа в два. И сразу начали ловить наживку на жерлики. Пескари клевали бесперебойно, так что сообща трехлитровый бидончик наловили очень быстро. Теперь пескарей хватит и на насадку, и на щербу, как раньше иногда называли уху. Постарше ребята пошли разжигать костер, а тех, кто помельче, послали собирать дрова в лес.

— Не хочешь? Иди домой пока еще светло или к костру не подходи.

Вот и весь сказ. Поэтому вопрос идти — не идти за дровами снимался с повестки дня сам собой. Да и вместе — двое, трое, не один, не так уж и трудно натаскать гору валежника. А парни постарше, приволокли несколько бревен из под берега, что нанесло половодьем, чтобы можно было на них посидеть, а потом закатить на жар.

Солнце стало садиться за Зайкин камень. Зазвенели комары. С речки потянуло прохладой. Зазвенели комары. Костер высоко стрелял искрами. Незаметно, быстро по-весеннему, спустились сумерки. У кого были жерлики, Вовка в их числе, давно ушли ставить их, и по

времени должны быть у костра. Постановка жерлик в такой разношерстной компании — целое искусство. Во-первых, закидывает самый «опытный» рыбак. Во-вторых, чтобы не перепутать, где, чья жерлика, ставят по очереди: Васька, Петька, Вовка и т.д. Кем это придумано Вовка не знал, да и никто не знал наверняка, просто этот порядок являлся как бы законом в не писанном рыбацком кодексе. И, в принципе, уравнивал и устраивал всех, поэтому и проверять ходили все хозяева жерлик или, по крайней мере, трое. И в этот раз порядок был не нарушен, поэтому постановку жерлик закончили к костру, т. к. ставили одинаковое число жерлик, чтобы ночью не сбиться. У Вовки штук пять жерлик осталось, и когда подошли к костру, Васька, у которого не было жерлик, попросил их у Вовки до утра. Васька был старше Вовки, и Вовка, с ощущением гордости, с удовольствием дал. Васька быстро раскинул их ниже по течению от первых жерлик.

Итак, ночная рыбалка началась. Когда все собрались у костра и вскипятили сразу несколько котелков чая, начали доставать еду, кто что принес с собой, и складывать в одну кучу, в общий «котел». Поужинав, чем Бог послал, старшие ребята закурили. Мелкие с любопытством, а кто и с завистью, может, кто оставит покурить, смотрели на это запретное действие. Между делом старшие травили анекдоты и рыбацкие байки. Вовка слушал с открытым ртом. Тут Ленька говорит:

— Вов, а чё ты такой толстый?

— Не знаю, мамка говорит, в породе.

Пацаны захохотали. У Вовки засосало под ложечкой, чуя подвох: «Неспроста спросил».

— А ты чё не куришь? — продолжил Ленька.

— Я не умею.

— А ты попробуй. Будешь курить, аппетита не будет, ты и похудеешь. Вон смотри, Ромка курит и худющий, как удочка.

— Я не из-за курева худой, — отгрызнулся Ромка, — просто у меня зубов не хватает, я плохо разжевываю пищу, и она не усваивается. Давайте и Вовке выбьем несколько зубов, он и похудеет, — осенило Ромку.

— Это тебе надо остатки твоих гнилых зубов повыбивать, а Вовка пусть лучше курит. На! Попробуй!

Вовка сидел ни жив ни мертв с мыслью о выбитых зубах. И предложение покурить было спасительной соломинкой. Тем более, что мнение старшего Леньки о похудении казалось убедительным, и поскольку Вовка мечтал стать стройным, то все аргументы складывались в одну сторону — «покурить». Вовка стремительно кинулся к спасительному окурку. Набрав полный рот дыма, Вовка, с напускным удовольствием выпустил струю изо рта.

— Э, нет, так дело не пойдет. Ты че табак переводишь? Ты в себя кури!

— А это как?

— Ты дым-то изо рта не на улицу сразу выпускай, а сначала дальше вдохни, потом уж выдыхай.

Вовка, послушный ученик, набрав полный рот дыма, что было мочи, вдохнул дым. Что было дальше, Вовка помнил плохо. Глаза полезли из орбит, полились слезы, сопли, начался такой кашель, что легкие вот-вот должны были разорваться, и... хохочущие лица ребят.

— Ты чё, обалдел? Разве можно в первый раз так много зобать? Надо по чуть-чуть. Ничего, потом привыкнешь.

Часа два, а может и все три, кто засекал, Вовку тошнило и рвало. Ребята уже не смеялись, а сочувствовали. Вовка про себя дал зарок — больше ни разу не брать в руки курево. Но похудеть было мечтой его жизни и, как только он забыл свой первый кошмарный опыт, рыбалки через две-три, Вовка курил уже как заправский мужик. Курил, но аппетит только усиливался, курил и набирал потихоньку вес. Но это все еще будет. А пока... Вовка в ту ночь так и не сходил ни разу проверять жерлики. Ребята, которые ходили на проверку, принесли Вовке два небольших налимчика, попавшие на его жерлики, но это не то. Вот если б сам вытаскивал, снимал — другое дело. Но что было, то прошло, сам виноват.

Когда рассвело, Вовку ждал еще один сюрприз. Все ребята, в том числе Вовка, смотав жерлики и вернувшись к затухающему костру, узнали, что Васька не смотал взятые у Вовки накануне вечером жерлики, т. к. за ночь на них ничего не клюнуло, он заявил:

— Твои жерлики — ты и сматывай.

За Вовку никто не заступился. Делать нечего, пришлось идти и сматывать, не бросать же такое добро, да и папка спросит за недостачу. Васька тоже пошел и наблюдал из далека, как полусонный Вовка мотает длиннющие жерлики. Осталась последняя. Вовка взялся за

леску, потянул на себя, и леска в руках Вовки задергалась. «Ура! Кто-то сидит» — мысли у Вовки перемешались с бешеным стуком маленького сердца. Вовка быстро-быстро начал выбирать леску из воды, и уже почти вытащил рыбку на берег, как подоспел Васька. Он помог Вовке выкинуть рыбку на берег. Вовка со всего маху упал на рыбку, боясь, что она убежит, и схватив за жабры обеими руками прижимал к животу, сел. Это был не налим, налимов Вовка уже знал.

— Это — голавль, — объяснил Васька.

Вовка был счастлив, не зря ночь мучался. Но радость прервало Васькино заявление:

— Голавль мой!

— Как это? — пролепетал Вовка.

— Я же ставил жерлики, насаживал, забрасывал, значит, и рыба моя.

— Но ты же отказался сматывать их, — со слезами пропищал Вовка, — сказал, что жерлики мои, сам и сматывай!!!

Вокруг стали собираться ребята. Им было интересно, чем все закончится.

— Жерлики твои, а рыба моя, — настаивал Васька.

Что делать? Расстаться с голавлем Вовка уже не мог, он уже с ним сросся. Вовка ревел, а Васька настаивал:

— Или отдавай головля или жерлику.

— Бери, бери жерлику, — обрадовался Вовка и соскочив с песка, пока Васька не передумал, помчался собирать рюкзак. Вскоре подошли к костру ребята, просили показать, потрогать головля.

Вовка не дышал, боясь спугнуть снова свое счастье. Тут подошли старшие ребята и с ними Васька. Васька протянул Вовке жерлику:

— На! Я пошутил.

— Спасибо, — заулыбался Вовка.

Солнце стало вылезать из-за леса, и стало припекать. Захотелось спать, но надо было идти домой, а то родители будут волноваться и больше не отпустят. Чумазые, но довольные пацаны, растянувшись ровной цепочкой, поплелись домой. Вовке хотелось бежать домой, но он мужественно сдерживал свои чувства.

ст. Арасланово

Тамара Кадникова

Из ранних тетрадей

А на завалинке...

А на завалинке сидел дед в валенках,
Пел про хрусталинки,
Про отчий дом,
Жизнь пролетела, жизнь промчалася,
Пойду пожалуюсь о том о сем,

Поймет завалинка,
Прижмет завалинка,
И снова дед, как будто маленький,
На сердце радость, и все так славненько,
Живи-живи, моя завалинка!

Жизнь

Морщинок паутина прилипла на лице,
Совсем недавно юность бесилась на крыльце.
Совсем недавно юности не виделось конца.
Куда ж исчезла удаль лихого молодца?

Я жизнь с тобой поспорю,
Морщинки не беда.
Коль сердце с прытью в споре,
Душа, знать, молода!

Ты и я

За окном осенний холодок
Пробирает душу мне до дна.
Только знаю, ты не одинок,
Потому что я ведь не одна.

Ты и я, как два крыла у птицы,
Ты и я дыхание одно.
Все равно мне, где и что случится,
Только мы с тобою заодно.

Тревога

Разлилась тревога в моем сердце,
Не могу собрать ее в кулак.
Жжет она сердечко красным перцем,
Что и где я делаю не так?

Все равно ее я одолею,
Изгоню из сердца навсегда,
Все смогу я в жизни, все сумею,
От тревоги не останется следа.

Не привыкла я склоняться в пояс,
Научилась я держать удар,
И пока живу, не успокоюсь,
И не страшен никакой молвы угар!

Руки

Нине Елисейвой

Руки-ласточки, руки-павушки,
Руки гибкие, как стан журавушки.
Рук тепло своих тебе дарить не жаль,
Греешь ты меня, как мамина шаль.

Твои руки — два крыла небесной птицы,
Не устану по утрам за них молиться.
Крылья рук твоих вселяют веру вновь,
Я в стихах дарю тебе свою любовь.'

Ситцевое лето

Кате Пономаревой

Расцветилось лето ситцем ярким,
Ситцем, что дарился на подарки,
Ситцевый отрез от всего сердца,
Девичьем счастьем никуда не деться.

Бабочки, ромашки с васильками
Разлетелись, как на сарафане
Лучик солнца так играет с нами,
Хитро прячась на моем кармане.

Зимняя просинь

Осень-лиса, кончай играть в прятки,
Глянь, зимняя просинь наступает на пятки.
Зима всегда в новом, зима всегда в белом,
Зима окрыляет надежду и веру.
Зима пришла к нам белою порошей,
Зима, как трудно быть для всех хорошей.

Мысли-ноты

Мысли-ноты, как птицы
Засиделись на ветках,
Их спугнуть может только
Звук мелодии нежной.

Позовет за собою,
Защемит сразу сердце.
Как же быть мне с любовью,
От нее куда деться?

Мысли-ноты подскажут
Где найти свое место,
Закружат в хороводе,
Где им будет не тесно.

Закружат в хороводе,
Зазвучат моей болью,
Никогда не расстанусь
Со своею любовью!

Небо

Устало небо от дождя,
Ах, как устало!
Упало небо в васильки,
Ничуть их не помяло.
А утром дождик стерло солнце,
Пусти его скорей в оконце!

Зеленоглазая весна

Зеленоглазая весна,
Проснись скорее ото сна.
Звенит на улице капель,
Смешную песнь заводит шмель.

Зум-зум, зум-зум, зум-зум, зум-зум.
Приходит детство мне на ум.

Звенит хрустальная капель,
Березке что-то шепчет ель.
Стыдливо пряча наготу,
Ей ветер вслед кричит «Ау»!

Зум-зум, зум-зум, зум-зум, зум-зум.
Приходит детство мне на ум.

г. Челябинск

Предчувствие

В середине восьмидесятых мне позвонили из местного издательства, мол, подборка ваших рассказов включена в сборник на «три автора», который планируют издать на следующий год.

— Спасибо.

И вправду — радость нечаянная и долгожданная.

Мужской голос покровительственно продолжал баритонить:

— Вами интересовалась Буддакова... просила зайти к ней эдак часиков в десять...

— А кто это? — перебил я говорившего.

— Тёмный ты человек, Михалыч! — совсем по-свойски засмеялся инкогнито издательства. — Ксения Львовна главный редактор...

Ого! Зауважал я себя, даже в зеркале покрасовался... Нет, на писателя не похож. Ни бороды, ни «баков», ни шевелюры... какое-то плоское и постное лицо. Н-нда! Природа не очень-то мудрствовала: хлесть-хлесть по куску глины и выбросила в мир — живи, человек! Живу и радуюсь, к что еще делать? Вот и сегодня — приглашают в издательство. Да, главное теперь — какую одежду на себя натянуть. Это ведь психологический момент — впечатление доброе произвести... показаться достойным всякого уважения. Так... костюм с галстуком али по-обычному — в джинсы облечься? Или с вызовом: белые брючки, красная рубаша в петухах?! Нет, неча выкомуриваться — всё же иду в приличное и культурное учреждение, где меня приветили. Решено: костюм, но без галстука.

Утром к десяти утра я был в издательстве. Секретарь... пигалица (но мало похожая на эту болотную птицу) дважды прочиркинув мое имя, упорхнула за массивную дверь главного редактора, а когда вернулась просорочила строго: «Ксения Львовна вас ждет!»

В большой светлой комнате длинный полированный стол, округ — стулья вдоль стены, стеклянный книжный шкаф, видимо, с новинками литературы. Ксения Львовна, не отрываясь от кипы бумаг, кивнула мне высокой белокурой какой-то вычурной прической типа... бондо... времен Анны Карениной, мол, присаживайтесь...

Главный редактор одета строго и со вкусом: темно-синее платье оторочено по воротнику и манжетам рукавов горностаевым (королевским!) мехом, грудь прикрыта розоватыми рюшками блузки, на груди маленький скромненький значок летящего голубя (как я узнал позже — эмблема издательства).

— Вы случайно не сибиряк? — короткое наше молчание прервал мягкий чуть грассирующий голос Ксении Львовны.

— Да, — кивнул я утвердительно, — родился в Якутии, потом долго жил в Омске.

— Я все удивляюсь, — продолжала Ксения Львовна, — прозорливым словам Михайло Ломоносова — российское могущество прирастать будет Сибирью, И я думаю, что он имел ввиду не только добычу минералов: нефть, газ, золото, уголь, но и «что собственных Платонов, и быстрых разумом Невтонов российская земля рождать». Сибирская, скажем сегодня! Без таких имен, как Василий Макарович Шукшин, Валентин Григорьевич Распутин, Александр Валентинович Вампилов уже нельзя представить нашу сегодняшнюю современную литературу. Вот и вы, — Ксения Львовна встала из-за стола и пошла по кабинету, — молодой, одаренный автор, продолжаете дело...

— Спасибо, — поклонил я голову, — но это божные имена, а я к лику их не причастен.

Лицо ее вспыхнуло, зарделось румянцем: видимо, обиделась... но голос был по-прежнему мягок:

— Скромность украшает... это хорошо. Но все же, как человек причастный к литературе, скажу: ваши рассказы интересны, вы знаете жизнь простых людей, хорошо чувствуете природу... сибирскую... это и подкупает. Вы молоды и у вас все впереди, только надо работать и работать.

— Ксения Львовна, — улыбнулся я грустно, — просто я знаю свою судьбу.

— Что?! Ха-ха-ха! — раскатилось по кабинету. — Да вы совсем еще мальчишка! Верите всякой чепухе, ворожеям, экстрасенсам, магам? Ну, право, рассмешили меня. — Она села за стол, налила в стакан из графина воды, отпила, и насмешливо блеснули ее черешневые глаза.

— Я верю себе, — потупился я — своему предчувствию. Мама у меня была хорошей и честной гадалкой, на всю деревню одна... предсказывала, гадала на картах... редко ошибалась... может, и мне что-то передалась от нее...

— Ну и что вы, дорогой Настардамус, можете предсказать? — улыбка ее, тонких накрашенных губ, как два дождливых червяка...

Эх, не на плахе голова — на груди любимой!

— Скоро, — голос мой ленив и тускл, — скоро люди совсем перестанут читать книгу. Не нужна им будет книга...

— Молодой человек! — вскинулась львицей Ксения Львовна. — Вы с ума сошли?! Очнитесь, бред, чушь собачья...

— Простите, я не хотел вас обидеть.

— Вот именно, меня, как главного редактора большого и известного издательства, вы кровно обидели! Несете... черт-те что! Сапоги всмятку. Да у нас самая читающая страна в мире! И как можно жить без Пушкина, без...

— Сапоги выше Шекспира. — Спорить так спорить. Нет, не хотел я перечесть главному редактору и характер у меня покладистый.

— Вы, конечно, знаете это выражение, — мне было неловко за свою ученость, — оно принадлежит Достоевскому, примерно так помнится: сапоги во всяком случае лучше Пушкина, потому что без Пушкина можно обойтись... Понятно, Федор Михайлович об этом писал в ироничном духе и Шекспира упомянул в этой пародийной заметке...

— Похвально! — захлопала в ладоши Ксения Львовна. — Начитались, ума набрались... А ведь все из книг! И слава Богу: Пушкина читаем и Достоевского и многих-многих других! — Ксения Львовна гордо подняла свою голову с необыкновенно причудливой прической. — Время нас уже рассудил и она, глянув в листок бумаги на столе, назвала меня полным именем. Видимо, ей было зазорно спорить с никчemuшным человеком и решила поставить точку, сказала, звеняще грассируя:

— Нет Бога — есть книга!

Мне даже показалось, что она подняла вверх, как копьё с красным наконечником, указательный палец. Показалось?

— Все это ересь, сатанизм и богохульство! — не сдержался я, но правила кабинета диктовали благоразумность, а посему почти миролюбиво сказал:

— Скоро-скоро мы с вами покатаемся по рельсам капиталистического пути и буржуины заставят нас...

— Пойдите, пойдите... — замахала руками Ксения Львовна, но коня на скаку не оставишь...

— И вашего издательства не будет, и СССР развалится, как картонный домик, и...

— Вон! — указательный палец с ярким красным маникюром мелькнул перед глазами. — Вон! Вон из моего кабинета!..

И уже в приёмной секретарши донеслось: «Настардамус хреновый...»

P. S. Рассказы мои вышли в сборнике на «три автора» в 1990 году.

г. Челябинск

Тамара Симовских

Всё куда-то кануло в России

* * *

Плотно лбы завязав шалёшкой,
Под фуфайкой халата синь —
В степь идут по снегам, по стёжке
Бабы с тёплых постель и — в стынь.

Месяц с неба сияет бодро,
На будильнике часиков пять.
Дома ведра, на ферме — ведра,
И клянут они Русь, свою мать.

Им хотя бы выспаться вволю,
В шифоньере — на выход шёлк,
И сварить и детишек в школу,
От которой ли будет толк.

Беспросветная тьма забот.
А бурёнки в поилки тычась,
Ждут хозяек своих, да вот
И доить-то им будет неча.

Сено сухо, мороз звенит,
И ругаются бабы громко,
От того, что нельзя понять,
От того, что плачет Бурёнка.

* * *

Компьютер логичен, без страха и нервов
И счастья не ведает, как ни крути.
И все-то в нем есть, и верно и скверно,
И скоростью дразнит, и ты уж в пути.
Когда нам заглядывать в умные книжки,
Они уже в компике, там крокодил.
А мышка в руке — виртуальная мышка
Ищет упорно, что он проглотил.
Я восхищаюсь: вот память и ум,
Есть музыка, но без души и без тела.
Кончится, верю, когда-нибудь бум,
Мысль человека быстрее полетела.
Я только подумала — ты уж словил
И хвастаешь: — Ну, каково, человеки!
Милый компьютер, ведь ты не любил,
А без любви твои знания — калеки.

* * *

Лето катится под гору к осени,
Холоднее красавица ночь,
И дождей ненасытных укусины
Не прогонишь так запросто, прочь.
Где-то август горячий упрятался,
В облаках затерялся густых,
Может к осени рано засватался,
Та хохочет: — Эй, парень, остынь!
Девкам хочется все еще праздника
И в любую погоду гулять.
Это бабы, что замужем, каются:
Столько надо успеть и принять.
Сколько лет пролетит, сколько зимушек
И осенних холодных дождей
Но любовь красногрудой рябиношкой
Ярче греет, когда холодней.

* * *

Музыка в небе, звезд не видать,
Тучи лохматые в небе висят.
Что там задумано: снег или дождь,
Что ты природа сегодня несешь?
Только проснется с востока рассвет,
Дождик в оконце стукнет: «Привет!»
Темно-вишневые яблочки в блеске,
Им снегири не поют свои песни,
В гости, пожалуй, конечно, придут,
Так грациозен их алый сюртук!
Пляшут на яблоньке, старой кормилице,
А по весне соловьи там влюбились.

Музыка, музыка, тихая, нежная,
Дождь или снег подпевает, как прежде, им,
Ночка бессонная ждет карнавал.
Дождь, замерзая, огнями сверкал.

∞

Карусель, карусель в бесконечность.
Точка отсчета в середине.
Человек! Ты же создан быть вечным,
Будь же в помыслах с богом единым.

Ты, расправив орлиные крылья,
Зорко смотришь в своем равновесьи.
Страсти — дождь перемешанный с пылью.
Разнесенные в дали и веси.

Будь же солнце горячим и нежным,
Освежающим ветром, росой,
И тогда засияет, как прежде,
Мир прощенный, спасенный тобой.

* * *

На деревню сумерки напали,
Воробьи им песни не поют.
Петухи, поющие в запале,
Охраняют в стайках свой уют.
Съедена рябина красногрудая,
Яблочки огнями не горят,
И соседки-кумушки кому-то
О болезнях чаще говорят.
Будто пред рассветом что-то ищут:
Выход из тяжелых перемен.
Разменяв единственную тыщу,
Ждут добавку к пенсии взамен.
Господи, а где же те вечерки
Возле русских беичьих оборки,
Когда песни пели при свече.
Все куда-то кануло в России,
Каждый окунулся в свой мирок.
Телеку продали душу, силу.
Где в своем отечестве пророк?
На деревню сумерки напали,
Города погрязли в суете,
То ли путь житейский потеряли,
То ли мы давно уже не те.

* * *

Война была уж на исходе,
С победой к нам пришла весна.
И речи не было о моде,
А груша с яблоней цвела,
Я в платье ситцевом в горошек
Несу сиреневый букет,

Встречая день победы проще —
 Счастливая, не зная бед,
 Дитя надежды. И тепло
 Глаза у мамочки блестели,
 Чем дальше времечко ушло,
 Тем громче о победе пели.
 Но пафос уносил слезу,
 И победивших меньше стало.
 Я сердцем вижу ту весну,
 Как над Россией солнце встало.

* * *

Ночь-волшебница накуролесила,
 Разукрасила, наворожила,
 Подала вдруг хрустальную лестницу:
 Поднимайся на собственных жилах.
 Да веди за собой покаянных,
 Чистых, преданных в свой полет,
 Чьи сердца опалены, с окалиной,
 Кто под пыткой споет, не солжет.
 В ночь волшебную духи празднуют
 И в победные трубы звенят.
 Звезды с неба стремительно падают —
 Это души поэтов летят.
 Как из песни слова не выбросишь,
 Так из сердца не выкинешь боль,
 Лишь молитвенной силой выпросишь:
 — Дай еще одну ноту бемоль.
 Ты проснулся, так что же, радуйся
 Славя господа, господин,
 Улыбайся младенческой радостью,
 Понимая, что ты не один.

* * *

Ни дождь, ни снег, а белая крупа
 Рассыпалась по травам и тропинкам,
 Из черной тучи на землю упав,
 Рисует сказку зимнюю в картинках.

Среди зеленых сосен, жухлых трав
 Гриб почерневший зиму ждет седую,
 А мы, цветок и веточку сорвав,
 Несем домой с осенним поцелуем.

Лишь дятел в красной шапочке стучит
 Долбя березу клювом-молоточком,
 Уходит осень тихая, в ночи
 Зима махнула беленьким платочком.

* * *

От окна, к окну,
 От окна к окну
 Затаилась любовь в сердце нежная
 Занесло листву,
 Дождь блестит в снегу,
 Где ж ты, зимушка белоснежная?
 То листвой метет,
 То метель гудит,
 Одиночество — штука скверная.
 Кто ко мне придет,
 В двери позвонит —
 Одна муза моя благоверная.
 Ей отдам себя,
 В ней найду тебя,
 И в потоке поет откровение:
 Как прекрасен мир,
 Когда плачем мы,
 И смеемся от вдохновения.
 От окна к окну,
 От окна к окну,
 Словно в клетке зверь, душа мечется,
 Ну, куда пойду,
 Чем помочь смогу,
 С кем делить печаль — тема вечная.

* * *

Искрится каждая минута
 И мысль лучиста и светла.
 Свеча с отливом перламутра
 Нас собирает у стола.
 И мир становится добрее,
 Усталость тает, как свеча.,
 И душу несказанно греет,
 И груз снимается с плеча.
 О Господи, пришедший к нам
 И сына давший в одночасье,
 Зовешь проснувшихся к делам
 И к покаянью, и к участию.
 Да будет воля и у нас
 Творить любовь, добро и знанья
 Коли услышим нежный глас
 Своей души без слез, стенанья,
 С трудами праведных дорог
 Спасем планету и себя,
 Пусть в каждом сердце огонек
 Живет не тлея,
 не скорбя.

с. Кичигино

Мы пахали

Призывы партии и комсомола покорять целину были не только услышаны, но запали в душу и там крепко обосновались. Когда тебе почти семнадцать, страсть как охота совершить подвиг и чтоб Зинка задохнулась от зависти со своим гепетеушником. Он рыжий, длинный и в прыщах, а я ростом, вишь, не вышел, зато десятый заканчиваю, его из седьмого выгнали. Надо честно признать, вместо того чтобы готовиться к экзаменам, я ухлёстывал за Зинкой, она делала вид, что её мало интересуют «слаборазвитые страны и инвалиды детства». Я ещё больше злился и ревновал. Ревновать было к чему. Валька, подружка Зинки, на танцах в горсаду прямо при всех лягнула: «Зин, у меня была бы такая жопа, ни с кем бы не здоровалась!» И понятно, Зинку приглашают и на «белый» и на «серый», а её никто.

Худо-бедно экзамены сдал на тройки, с лицом подпольщика, молча умирающего под пыткой. Преподаватели смотрели на меня, как на яркого представителя тупиковой ветви развития и выдали вместе с аттестатом характеристику, с которой легко бы приняли в психоневрологический диспансер. Я эту бумагу внимательно изучил и тут же порвал на мелкие кусочки, которые уже не слепишь, как мою прошлую жизнь. На душе стало легко и вольно, она готова была к подвигам. Пошёл в райком комсомола с заявлением, в котором написал, что хочу быть в первых рядах передовой молодёжи, помогать Родине поднимать целину и, что без меня её не поднимут. Секретарь прочитал, улыбнулся и спросил характеристику. Я соврал, что характеристику дадут только после выпускного. Внутренний голос с русским Авошь радостно шли под ручку. Мне повезло. В одном отряде образовалось две вакансии, они отправлялись завтра в Кизильский район. Мать провожала меня со слезами, отец сурово напутствовал:

— Ты там, Лёха, смотри в плохую компанию не попадай, делай всё по совести, блюди себя...

Уже на вокзале выяснилось, что в хорошую компанию я попасть никак не мог. В составе было половина эков и столько же комсомольцев. Подразумевалось, что мы их должны перевоспитывать трудом. Вышло всё наоборот.

Погрузили нас в довоенные вагоны, духовой оркестр сыграл «Добровольцы-комсомольцы», Красное знамя вручили командиру сводного отряда, партийные товарищи сказали правильные речи, комсомолки всплакнули и со слезами вручили полевые цветы каждому вагону.

Вагончики тронулись, перрон с провожающими остался позади. Как пишут маститые писатели, под стук колёс им легко думается, а стихи так и прут из недр творческой фантазии. Врать не буду, ничего такого со мной не случилось. Залез на вторую полку, достал «Трёх мушкетёров» и углубился в погоню за подвесками...

Теперь пришло время описать «сокамерников», тех, кто в купе набился. Нас оказалось шестеро, два комсомольца, лет по 16—17, остальные условно освобождённые по Указу для поднятия целины. Им всем было уже далеко за двадцать, и хозяевами положения они себя не чувствовали, а ими были. За бугра у них был Толян. Как полагается, в наколках, с золотой фиксой и хромовых сапогах. К месту и не очень повторял одну поговорку: «Поздно, Лора, ты полюбила вора!» Отсидел он лет пять по малолетке, потом ещё два года уже по-взрослому, выпустили условно, Родине помогать. По «фене» ботал как поэт, да и силы был немаленькой. Два башкирина в колхозе коней украли и цыганам продали, по три года отсидели, блатных навыков нахватались, и один — «Художник» — деньги рисовал, дольше всех сидел, лет десять. Хилый, в очках, но его уважали. Любую ксиву мог изладить, печать сделать и справку выдать. Такие на зоне ценятся. Он был молчалив и серьёзен, больше курил. Второй комсомолец с ЧТЗ, его все звали Трактористом. Ехал на целину денег заработать. Семья большая, детей пятеро, мать одна. Отца на прокатном стане задавило, несчастный случай.

В купе заводилой был Толян.

— Если нос чешется, а выпить не на что, падает всякое доверие к народным приметам, а приметы надо уважать, а то не по понятиям... Наилька, хилая в пятый вагон, скажи Серому пусть долг взад вертат!

Наилька смылся, через десять минут принёс четверть самогона, закусь и гитару.

— Щас накроем поляну широкую, как степь, знакомиться будем.

Мы с Трактористом переглянулись. Толян заметил, улыбнулся.

— Не бойсь, босота, всё по-честному. Я угощаю, за Родину, за целину пить будем. Или Вы Родину презираете?

Мы Родину не презирали. Не столько выпить, сколь жрать охота было. И пошло и поехало, первый стакан колом, второй соколом. Уверенность в себе и красота слога у Толяна крепчали пропорционально выпитому. Над его байками остальные гоготали, как второгодники над тычинкой и пестиком. Вспомнил он о своём детстве, за что его из школы выгнали.

— На уроке пения разучивали патриотическую песню. «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля, просыпается с рассветом вся Советская страна...»

— В это время я не удержался и громко пёрнул, чуть содержанием не испачкал ученическую форму.

Учитель: «Кто это сделал?»

Я встал, потупив голову, покраснел.

Учитель: «Так тебе, Петров, что — насрать на Советскую страну! Пошёл вон из класса!»

Я ушёл, все остались нюхать...

Гогот перекрывал стук колёс. Тут же мы узнали, что первая ходка у него была за козу. История обыкновенная. После войны беспризорников как говна за баней. Они сбивались в шайки и промышляли на Зелёном базаре, барахолке, на вокзале. С «трофеями» собирались к вечеру на остров. Тут начинался пир и карты, сначала по «маленькой», потом по «большой». Когда Толян вчистую проигрался, ему взрослые воры предложили отыграться. Мол, у Нюрки-шалавы уведи козу из стайки, притащи сюда, мы и в расчёте. Ещё и шашлыка на халяву попробуешь. Наколка была верная, сарайка старая, а голод не тётка. С первым воровским заданием он справился блестяще. Через час коза была на острове. Сначала её подоили, потом зарезали и съели. Копыта с рогами и требухой закопали. Под утро разошлись довольные.

Утром Нюрка уже бегала по околотку, причитала и клялась убить паразитов, кто на её добро в козлиной натуре позарился. Привела участкового. Тот внимательно всё осмотрел и напрямиком на остров. Ему не надо было включать дедушку, все вещдоки аккуратно были закопаны в одном месте. Пospрошал пацанов, которые тут же ему помогали вести следствие. Все подозрения пали на Толяна, уж больно заметная была фигура в Кирсараях. Так он и загремел в Атлян, детскую колонию, а там уж расправил крылья, заматерел. Прошёл школу босоты.

Колёса мерно отстукивали километры, за окном простиралась необозримая степь. Ковыль да редкие кустарники — вот и весь пейзаж.

Дорога длинная, всё выпито и съедено. Делать нечего, а время надо коротать. Наилька предложил играть в карты на раздевание, денег ни у кого не было. Может быть, трезвый я и отказался, а тут кураж, больно хромовые сапоги понравились.

В моде была «Бура», популярная на зоне игра. Среднее между «Очком» и «Кингом». Наилька держал банк и поставил тубетейку. Тракторист возмущился.

— На хрен мне твоя татарская шляпа? Ставь фуфайку, тогда буду играть!

Наиль поставил фуфайку, я запасные новые кеды, Художник — червонец, Толян — серебряный портсигар. Первый кон забрал Тракторист, второй Наиль, а когда на банке стояло всё наше барахло «повезло» Толяну. Подъезжая к Магнитогорску, где нас ждали машины, мы все сидели в трусах и носках, Наилька все вещи упаковал в мешок, приготовился толкнуть всё оптом на вокзале. По вагонам прошла команда: приготовиться к высадке, собрать вещи, командирам доложить о личном составе. Нам собирать было нечего. Толян улыбнулся фиксой, посмотрел на наши голые коленки, постные рожи и бросил:

— Отдай, Наиль, барахло по принадлежности. Неудобно как-то комсомольцам без штанов Родине помогать, да сейчас построение будет.. Поздно, Лора, полюбила вора.

Мы быстро переоделись, собрались и через пять минут были на вокзальной площади. Народу было много, опять оркестр, митинг, речи и полевая кухня. Всех накормили кашей, напоили чаем и посадили в грузовики с лавочками. Наше купе ехало в одной машине, в пыли и по бездорожью, вёрст сто пятьдесят. Авторитет яркого представителя несоюзной молодёжи, а по фене бугра, был непререкаем. Привезли нас в чисто поле, разбили на отряды человек по тридцать, велели выбрать командира. Толяна даже никто не выдвигал, он сразу заявил:

— Тут командир я, Петров Анатолий Иванович, так и запишите, 1935 года рождения, русский, круглый сирота, ни отца, ни матери.

Главный мотнул головой, сделал пометки в блокноте. Через два часа привезли армейские палатки, лес, лопаты, топоры, пилы, другой инструмент. Каждому отряду отвели землю, дали два дня на благоустройство. Анатолий Иванович как-то очень споро и по-деловому назначил звеньевых, всем дал поручения, меня сделал смотрящим, Наильку с товарищем поставил прорабами, а Художника — счетоводом над всеми материальными ценностями. Интеллигента в очках послал на кухню. Организаторские способности, опыт зоны сказывались во всех делах и не давали сбой. Палатки были поставлены с умом, на возвышенности, обложены дерном, туалет выкопали в стороне, оборудовали столовую и кухню, сделали склад. Как-то так оказалось, что мы быстрее и лучше всех благоустроились, да ещё флаг над командирской палаткой прищипандорили. Вечером провели собрание и меня избрали комсоргом, в ячейке насчиталось двенадцать комсомольцев, остальные — несоюзная молодёжь. Начальство в бригаде сформировалось, пришло время включаться в социалистическое соревнование по освоению целины. Зональный командир принёс нам заготовки. «Боевой листок целинника». Там надо было написать наши обязательства. Бугор это ответственное дело поручил мне.

— Вот чо, Лёха, ты тут у нас самый грамотный и комсорг к тому же. Слепи ксиву по-красивши, ну чтоб наша энтузиазма была видна, мол, все как один, не жалея сил, едя на-встречу...

Тут он малость задумался, потому как не знал точно куда идти, но закончил бодро.

— Едя навстречу коммунизму и выйдем отсюда с чистой совестью... Нет, это поди здесь не подойдёт. Вообще коммунизмом и кончи все обязательства.

Пожелания бригадира, как мог, отредактировал, приписал, что планы выполним и перевыполним, и про «спасибо партии» не забыл. К вечеру, на летучке командиров, где принимались общие соцобязательства и за них надо было голосовать, вдруг наше Главный прочитал как пример политической зрелости. Все переглянулись, мол, где эти герои. Толян встал, раскланялся и меня приподнял за шкирку, предъявив общественности. Ещё ничего не сделав, мы вырвались в передовики, шли к себе в палатку гордые.

Утром нас ждал сюрприз. Из МТС пригнали тракторы, привезли плуги. Тракторы были после капремонта, плуги хоть и новые, но их всего два, а тракторов четыре. Степь, которую надо было вспахать от горизонта и до края. Цели определены, задачи поставлены. Тут оказалось, что шибко пахать-то в нашем отряде некому. Был один тракторист и два шофёра, которые за трактором никогда не сидели. Организовали курсы и стали учить на трактористов всех желающих. Этим занялся Иван Краснопёров с ЧТЗ, которого звали Трактористом. За неделю кое-кого, кое-чему научили, человек десять и истратили всю соляру, на которой надо было пахать. Ситуацию доложили Главному, тот удивился и сказал, что солярку нам давали не для учения, а для дела, другие уже пахнут... Положение хуже губернаторского. Стали ломать голову, как выйти из положения. До ближнего отряда километров пятнадцать, до МТС сорок будет, до башкирской заимки — двадцать пять. После чесания «репы» командир принял решение.

— Наиль, возьми из общака мою долю, дуй к башкирам, купи лошадь и пулей в МТС, на остальные достань соляры и без неё не возвращайся, усёк?

— Обижаешь, начальник, я тебя когда подводил? Мамой клянусь, падла буду, но эту соляру добуду!

— Комсорг, пошли в гости к соседям в долг солярку просить будем.

И мы отправились. Через два переката и три холма допёрли до соседей. Там дела тоже шли не очень, но пахать начали. Нас встретили радостно, новые люди, а когда Толян на стол выставил чекушку в узком кругу, все повеселели.

— Ну вот чо, ребя, мы пришли к вам как к передовой части советской молодёжи, начал Толян, я кивал головой, так сказать, за братской помощью, к сознательным пролетариям. У нас кончилась соляра, всю извели на подготовку кадров.

— Так у нас самих только три бочки осталось, — поведал бригадир.

— Ну, одну нам займы и дайте, мы уж так вам благодарны будем и тут же через неделю отгадим.

Соседи насупились и молчали. Тишина ничего хорошего нам не предвещала...

— Да вы чо помучнели, работа не волк, в лес не убежит. Давайте за дружбу выпьем, в картишки перебросимся. В самую простую и честную игру «очко». Я ставлю папин серебряный портсигар, а вы бочку. Причём портсигар, если проиграю, навсегда, бочку с отдачей.

У соседей глаза загорелись, при любом раскладе они ничего не теряли. Я как мог подкинул. Бугор достал карты, долго тусовал, дал сдвинуть каждому. Раздал по одной. Сосед попросил ещё одну, переглянулся с приятелем, решил брать ещё, улыбнулся. Толян торжественно и спокойно перевернул две карты — двадцать одно, у них только двадцать.

— Спасибо, други, знал, что поможете. Вечером бричку пришлю. Долг платежом красен. Поздно, Лора, полюбила вора...

Соседи выпали в осадок, начали трезветь. Рот разинули, а сзинуть забыли.

Мы быстро ретировались. Обычно, кон на бочке, а здесь бочка на кону, и она наша. В приподнятом настроении долетели до своих, стали ждать Наиля. К ночи Наиль явился в расписном халате, башкирской шапке с хвостом и хромовых сапогах, настоящий бай. Пьяный и довольный собой. Он только успел пробормотать, что всё путём и упал замертво. Утром мы узнали, что Наилька доложил начальству, мол бригада Петрова и комсорга Мурашова перевыполнила планы, солярка кончилась, просил увеличить заявку в два раза и срочно отправить её к нам, а то передовая бригада простаивает, котора не покладая рук днём и ночью... дальше по тексту.

Штабисты переглянулись, тут же взяли красный флажок на булавке, спросили, где наша бригада. Наиль ткнул пальцем в карту, туда флажок и воткнули. Сам к кладовщику, выписал требование и подмазал червонцем, тот разомлел, обещал сделать вскорости.

Действительно, на следующий день нам привезли солярку и два плуга. Стали думать с Толяном, как организовать пахоту, чтоб работа не прерывалась. Образовали три звена, за каждым трактором закрепили старшего. Смену определили в шесть часов с обедом на перерыв, работали в три смены. Долго думали, как задел начать: вдоль или поперёк. Здесь проявились крестьянские навыки друга Наильки, Рима, который сказал, что у него отец всегда по склону пахал, а не поперёк, так сподручнее и солярка экономится. Прислушались к крестьянскому сыну. Работа закипела и через неделю мы всех догнали и перегнали. Начальство удивилось, приехало обобщать опыт, потом остальных заставили работать в три смены. Через месяц, подводя итоги социалистического соревнования, нам вручили переходящее Красное Знамя. Толян с иронией оценил происходящее.

— Главное подвести итоги, чтобы итоги не подвели нас. Сыграли свадьбу — выдали желаемое за действительное!

Как ни верти, а мы в передовиках. К нам стали прислушиваться, ценить и главное снабжать всем и по первому требованию. Только теперь я понял тонкую политику, которую вёл командир с Властью. Надо заработать авторитет, а потом он будет работать на тебя! Когда не работаешь, ничего не случается, а если вкальываешь — случится может всякое. После второй смены подбегает ко мне Рим, весь красный, кричит.

— Комсорг, собирай открытое комсомольское собрание!

— Ты что орёшь, какое собрание, работать надо. С какой повесткой?

— Будем решать «Национальный вопрос!»

— Ты думаешь, что мелешь. Ленин со Сталиным до конца не решили, а мы с тобой будем сейчас решать национальный вопрос!

— Не будешь собирать, сам соберу людей!

— Рим, ты успокойся, скажи в чём дело?

— На собрании и скажу!

Пришлось вечером собрать личный состав.

— Товарищи, почти все собрались, можно открыть собрание. Повестка необычная: «Национальный вопрос», на ней настаивает комсомолец Рим Нигматулин, говорит, сам объяснит. Давай, Рим, скажи товарищам зачем собрались.

— Да, я этот вопрос поставил в нашей бригаде ребром, потому что не хочу больше жить под национальным гнётом Тракториста. Сегодня утром он меня оскорбил нехорошими словами, а в конце сказал, что я «татарская морда». Больше с ним в бригаде работать не буду. Пусть извиняет при всех честных целинниках, а я ишо погляжу. — На этом речь Рима захлебнулась от негодования...

— Товарищ Краснопёров, объясни ситуацию.

— Чо тут объяснять. У меня трактор на ремонте. Я масло слил, а он сел и поехал.

Я ему кричу: «Стой, стой», он лыбится и едет. Ещё бы малость и двигатель запорол... Тут я и не выдержал, обложил его. Вот и весь «национальный вопрос».

— Нигматулин, так дело было?

— Ну так, моя очередь, вот и поехал...

В рядах прошёл смех и неприличные советы. Встаёт звеньевой, Виктор Епифанов, говорит по делу.

— Ребята, что тут антимонию разводить, время тратить, как маленькие «национальный вопрос» придумали. Рим, ты обзови его «русская морда» — вот и квиты, пойдём работать. Нигматулин задумался и выдал.

— Да-а, «русская морда», совсем не татарская.

Его ответ утонул в общем смехе. Я не успел закрыть собрание, все разбежались.

Дело двигалось к осени, дни короче, ночи длиннее и холоднее. Первые заморозки ударили неожиданно, по утрам иней и вода в бочках стала замерзать, а мы в палатках. С наступлением холодов наши ряды тоже поредели. Утром встанем, то одного нет, то двух, трёх. Короче, к зиме нас осталось пятнадцать человек. Мы понимали, в палатках долго не протянем, а пахать можно и в ноябре, пока земля не стылая. Командир призвал меня на совет.

— Лёха, двигай в главный штаб, проси теплушки военные с печкой, у тебя получится, ты идейный. Мне не дадут, репутация подмочена.

На следующий день, по утру, одевшись потеплее и оседлав мотоцикл (в народе «козла»), который нам выделили для оперативной связи), двинул в штаб. Еду радостный, думаю: доложу сначала об успехах, будь здоров сколько мы земли наковыряли, Красное Знамя как у нас поселилось, так и живёт себе припеваючи в уголке. Только на общее построение выносим, опять же премировали бригаду транзистором. В голове благодные мысли: «Вот жизнь и удалась». До главной усадьбы километра два осталось, вижу клочок сена лежит, я прямо. Под ним глыба льда. Мотоцикл переворачивается, я лечу как из катапульты метров десять, приземляюсь на четвереньки и мордой прямо в щебень. Соскочил и побежал в другую сторону. Остановился. Штаны порваны, колени содраны, в рот что-то тёплое и солёное попало, догадался — кровь. Поднял мотоцикл, не заводится. Матерюсь молча. «Козла» толкаю, слюну с кровью отплёвываю. Таким красавцем появился в штабе. Там испугались, девки побежали за санинструктором. Промыли мне лицо, колени, перебинтовали, горячим чаем напоили с пряником, потом слово велели молвить. Не столько мои слова и официальная заявка сыграли роль в этом деле, сколько мой печальный вид. После этого случая ко мне прилипла кличка «Комиссар с раной», потом всё это фонетически ассимилировалось в «Сраного комиссара», так и прожил с ней до того момента, пока не вручили мне медаль «За освоение целины», но авторитета не потерял.

Теплушки нам выделили, дали продукты. Меня вместе с ящиками и мотоциклом забросили на трёхтонку. Покатил я восвосяси, хоть побитый, но живой, главное, с трофеями. Командир встретил меня внимательным взглядом.

— Знал, что вернёшься с победой, но не такой же ценой. Полежи денёк, другой, я тут без тебя справлюсь.

Больше всех мне сострадал Интеллигент очкастый, который у нас за повара был. Он хотел оказаться на моём месте и совершить хоть какой подвиг, а на кухне какие подвиги. В общем, Слава по своему был интересная личность. Мать — библиотечкарь, отец — учёный-лингвист. Он окончил среднюю школу с золотой медалью, начитан до невозможности. Больше всех любил Д. Лондона, вот и взял пример с его героя, который ради революции был готов полы мыть... Доброта из него выпирала, никому ни в чём не отказывал. Был бы бабой, ходил бы всё время беременный. Сбежал он от родителей на целину, чтобы стать «человеком» и совершить подвиг, который ждала от него Родина, потом вернуться домой с медалью, настоящим «волком». Забегая вперёд, надо сказать, что медаль он получил, а вот «волка» из него не получилось, поступил в ЧПИ, стал кандидатом технических наук и с благодарностью и смущённой улыбкой вспоминал целину. Но в данный момент Слава больше обрадовался продуктам, потому что ему было стыдно кормить нас каждый день гороховым супом.

Этот суп усугублял наше бытие в палатке. Напёршись похлёбки с чёрным хлебом, здоровые организмы с шумом и «пудемётными очередями» переваривали эту баланду всю ночь. Ещё надо прибавить терпкий запах от грязных портянок, которые сушились на «буржуйке», и получится «картина маслом».

Пахали мы весь ноябрь, в теплушках было уютней, жизнь продолжалась с радостями и горестями. Настоящим горем стал первый мороз и буран. Снега навалило по пояс, нас отрезало от «большой земли». Ни мы никуда, ни к нам никто. Только через две недели пробились большой трактор «сталинец» с провизией. Последнюю неделю держались без хлеба. Остался ящик с халвой и ящик с сайрой. Надо было растянуть на всех, а на сколько, не знали. Бригадир утвердил норму: в день на каждого две сайры и кусок халвы. Топили снег,

варили похлёбку, вывернули все мешки, собирали крошки. После этого я всю оставшуюся жизнь не ел ни того, ни другого. Зиму перекапывались, задержание снега делали, влагу сохраняли для нового урожая. Под Новый год, 1958, целинников собрали в райкоме партии. Нас чествовали как героев. Красные знамёна, вымпелы и грамоты сыпались на наши головы. Ценные подарки трепетно вручались и медали целинникам поголовно.

Кроме «ФЭДа», я заработал три тонны зерна. По тем временам — большая ценность. В бумаге с печатью было сказано, что целинник Алексей Мурашов имеет право забрать три тонны зерна на Челябинском элеваторе зерном, мукой и отходами.

Весну мы встретили в поле. Она пришла ранняя и сразу. Степь ожила, запахла, стала тёплой. Туман с проседью покрывал вспаханную землю, она ждала зерна и готова была родить, как здоровая крестьянская девка, которую честной выдали замуж и ждут первенца. Приехали полевые бригады с сеялками. Мы им передали своё жильё, кухню, столовую и весь скарб. Они удивились, не знали, как нас благодарить. Предполагалось нашу бригаду перебросить в Казахстан, мол опыту набрались, там такие нужны.

Всесоюзный штаб, как передовикам соцсоревнования, прислал приглашение с хорошими условиями. Мы собрали собрание. Все понимали, что оно последнее, растрогались и молчали. Я зачитал условия Всесоюзного комсомольского штаба, спросил, кто хочет поехать в Казахстан поднимать целину. Четверо подняли руки, все были детдомовские. Слава сказал, что обещал родителям поступить в институт, Рим с Наилем решили вернуться в свой колхоз с медалями и хлебом, теперь они механизаторы, такие на земле нужны. Анатолий Иванович заявил, что уже завербовался на Север. С медалью, грамотами и комсомольской характеристикой он уж другой человек. Я честно признался, что документы и рассказы про целину послал в Литературный институт им. М. Горького. Жду вызова...

г. Челябинск

Ахмет Нуретдинов

Мир, полный страсти и азарта

А тебя все нет

Когда на бой ты смертный уходил,
мне было двадцать, стать моя лучилась.
С тех пор, как минул молодости пыл,
с тобой быть рядом так и не случилось.

Всю жизнь мне одиночество сродни.
И сединой подернута, как дымом,
я вспоминаю радостные дни
для нас двоих в былом невозвратимом.

Ты мне сказал, волнуясь и любя,
«Вернусь с войны — срок сердце не остудит».
Теперь мне девяносто, а тебя
все нет как нет и никогда не будет.

Не уйду

Пытаются познать ученые мужи
Вселенную до дна.
Полетом скоростным желает молодежь
насытиться сполна.

Красавицу Луну изладив под себя,
как жадные грачи,

сокровища ее задаром обрести
стремятся богачи.
Ни злата, ни иных бесчисленных богатств
нет, право, на Куне.
Достанет благ земных на многие века
для всех людей вполне.

Я от земли родной и в мыслях не уйду,
она — моя звезда.
Мне без нее не жить, и в ней мой бедный прах
пребудет навсегда.

Наш мир — Земля.
Средь звезд бесчисленных невыдуманный мир
для нас живых — один.
Земля, дарованная страждущим на ней —
нагл бог и господин.

Земля — единственная в сонмище планет
родная мать моя.
Земля — родитель наших помыслов и чувств
и кровная семья.

Земля шлет существу на ней великий смысл
деяний и судеб.
Во всей вселенной только милая Земля —
наш кров и хлеб.

Дорожные муки

Трудны российские дороги.
Автомобили злы и яры.
С тоской отслеживают боги
поломки, пробки и пожары.

Самодовольны и упрямы
машины рыщут, словно волки,
кляня ухабины и ямы,
минуя рвы и кривотолки.

Знать, время с завистью немелкой
о тех планетах молвить гласно,
где за летающей тарелкой
следить легко и безопасно.

Там нет ни грохота, ни гари
и никаких дорожных правил.
Лишь наш водитель — при ударе,
пока себя не обезглавил.

Дороги — трассы без пробела
меж странами и городами.
Прогресс без них — пустое дело,
не предусмотренное нами.

И есть резон для наших жалоб
на брак, мешающий расти.
Хозяев жизни не мешало б
по сим дорогам растрясти.

Движение есть жизнь

Земля блюдет закон движенья,
свершая круг не как-нибудь.
Но мы от головокруженья
не спотыкаемся отнюдь.

Весь мир не ведает покоя,
не отмечая в том труда.
Жизнь есть явление такое,
чья суть изменчива всегда.

Течет река, предав огласке
свои вольный плеск. Бежит ручей.
Меняет вдруг тона и краски
палитра солнечных лучей.

Грохочет гром. Спит зарница.
Льет дождь. Волнуются луга.
Вновь обещает появиться
на небе радуга-дуга.

Весна леса преображает.
Зимой клубится синий дым.

Деревья осень обнажает.
Одно сменяется другим.

Годов меняющихся мета —
природы знак и бытие.
Жизнь есть движение. А это
есть путь единственный ее.

Мир, полный страсти и азарта,
плывет на чудо-корабле.
Пусть человечество и завтра
вкусит от счастья на Земле.

Сила богатства

Не в меру жадный индивид,
что хищник лютки.
Он от рожденья норовит
владеть валютой.

Сегодня всякий, кто богат,
силен и славен.
А далеко наш бедный брат
ему не равен.

Гроб — справедливости, дабы
грешить премного!
Ужели ждал такой судьбы
народ от бога?

Живая память

Слово «победа», как сгинула смута,
я услышал, семилетний малец.
Только тебя в этот день почему-то
не было рядом, любимый отец.

Бедный ребенок, и ведать не ведая,
что его папа погиб на войне
и, чтоб скорей наступила победа,
жизнь свою отдал любимой стране.

Сколько мужей героически пало!
Сколько сирот им осталось взамен!
Но мы выросли и, крепчая немало,
родину к жизни подняли с колен.

Я о тебе, как бы явь ни ловчилась,
помню, отец, средь трудов и затей
и, чтоб с грядущем беды не случилось,
Богу молюсь за солдат и детей.

Рубаи

Омар Хайям искания свои
явил из книг мне и насытил светом.
Меня его пронзили рубаи,
как памятник, заложенный поэтом.

Я далеко не молод, но при том
мои дух здоров и тело не в упадке.
Спасибо, Бог, что нынче и потом
надеюсь петь и выглядеть в порядке.

Напрасно необъятное объять
пытаться. Время неостановимо.
Чтоб многое содеять и понять,
богов потребно лицезреть без грима.

Пусть честь мужская сохранит себя
и нежность женская пребудет без изъяна.
Лишь так семья, потомство возлюбя,
все радости обрящет без обмана.

Лишь так в утробе матери дитя
взрастет и дни безгорестными будут,
покуда, все пороки обретя,
родители об оном не забудут.

Красивы наш девушки. Красот
не занимать им в будущем и ныне.
Любви их молодой достоин тот,
кто к подвигу готов, а не к гордыне.

Дочерний лик — в дому сердечный свет.
И сила сыновей, ведет к победам.
Ужель сейчас детей, подобных нет?
Что случилось с ними? Мне ответ неведом.

Четверостишия

***

Будь человеком радостного духа,
будь честью преисполненным по праву
и праведным для зрения и слуха —
тогда тебе потомки скажут славу.

***

Прилежность к делу красит индивида
и знание возносит высоко.
Открытъями богатая планида
прогресс и жизнь продвинет далеко.

***

Походка тяжела, проблем в избытке,
натружен посох, дума безнадежна...
Напрасны все целебные напитки,
как ни крути, а старость неизбежна.

***

За речью своей неустанно следи,
наглядно всегда говори о предмете,
чтоб пели слова, точно птицы в груди,
за ясность и смысл оставаясь в ответе.

***

Сила мышц для кого-то основа.
Кто-то ум возделевал живой...
Если нет ни того, ни другого,
кто удел унаследует твой?

***

Сегодны ты могуч и весел.
Но срок придет — отнимут годы
все, чем ты жив и интересен.
Таков, мои друг, закон природы.

***

Когда я одиночеству внимаю,
то вспоминаю ранние года.
Но как ни жаль, печально понимаю,
что не вернется юность никогда.

***

мне рифма, будто золота крупица.
Слова заветны, как рожденье чад.
Когда в ночи задумчивой не спится,
стихи во мне мечтательно звучат.

***

Язык, как и хлеб, есть всему голова.
Гордись им и знай ему цену.
Покуда родные ты молвишь слова,
он вражью отринет подмену.

***

Яви себя в труде умелом,
познай успех в родном краю,
будь духом дюж, изряден телом
и славь фамилию свою!

***

Наверняка по божьей воле
в стране рождается поэт.
Ему дано противу боли
писать души своей портрет.

***

Люблю мечтать в краю родном
о днях без горестей и плача.
Жалею только об одном,
что путь к стихам я поздно начал.

Перевод с башкирского Сергея Борисова
г. Верхнеуральск

Прихватка

Что жизнь не удалась, Артём Простаков понял окончательно на пятом десятке. Юношеские мечты растворились в суматохе прожитых лет, а птица счастья к нему, увы, не залетела и золотая рыбка в расставленные сети также не заплывала. В кризисные месяцы семейный бюджет испарялся, как роса в пустыне. Немыслимо большие средства были затрачены на обучение сына Толи в университете, а будет ли от этого прок — большой вопрос. Самого Толика больше интересовала не учёба, а игра на саксофоне в клубной группе. Как-то он подошёл к отцу и нагло потребовал тысячу на покупку нот. Это ещё полбеды — вскоре у отпрыска возникло желание дополнительно учиться на психолога — батя, раскошелся! Финансов и без кризиса негусто, а тут на работе с деньгами прижали, однако работой неустанно загружали. Более капитальные проблемы начались, когда великовозрастный сынуля подошёл к отцу и, пряча глаза, заявил, что намерен жениться на некоей Оле, дескать, вынужден пойти на такой экстренный шаг вследствие её беременности! «Ну ты, парень, даёшь!..» — лишь охнул в ответ обескураженный папаша, вспомнив о том, как совсем недавно Толя в приватном «мужском» разговоре убеждённо заявил, что жениться раньше двадцати семи лет не собирается. Мол, прежде надо твёрдо встать на ноги, определиться с работой и жильём... Казалось, здраво рассуждал. И вот на тебе! Только двадцать два года стукнуло (щетина ещё не везде, где надо, проросла), а он готов на отца возложить дополнительные тяготы своей семейной жизни! Деваться некуда, влезай, папаша, в долги, бейся в лепёшку, но наскреби сынку на свадьбу. Избранница Толи, как нарочно, оказалась из такой же небогатой семьи, поэтому скребли по сусекам в обеих «избах». Объединили не капиталы, а их отсутствие; не бублики, а дырки от них! Оттого особой радости от праздника рождения молодой семьи, когда он всё-таки состоялся, никто не испытал. За исключением, пожалуй, Ольгиного деда Коли — любителя халявной выпивки, да Олиной бабушки Маши, что во внучке души не чаяла. Подарки, под стать свадебному бюджету, были весьма скромными, даже, не побоюсь этого слова, скудными. Стоимость самого дорогого не превышала тысячи рублей. На дворе стояла ядрёная зима, и только подарок бабы Маши оказался кстати — мутоновая шубка для Оли да ношенные, но добротнo подшитые тёплые валенки.

Позже, когда родители Толи больше узнали новых родственников, они поняли, что единственная светлая звёздочка на их семейном небосклоне — это баба Маша. Добрейший человек, стойко переносящий невзгоды, неутомимая домработница и рукодельница, душа не только своей семьи, но и любой компании, где ей приходилось бывать. Единственное, чего она не переносила — пьянство. Бабушка была непримиримым борцом с этим пагубным пристрастием, особенно когда это касалось её мужа Николая.

Не успели очухаться от свадьбы, как родился внук. Начались новые траты! Поначалу молодая семья жила у Толиных родителей в двухкомнатной «хрущёвке», и когда на помощь молодой маме приехала баба Маша, то жизнь как-то сама по себе пришла в порядок, стала организованней и спокойней. Бабушка заслужила самые лестные отзывы, а родственники меж собой называли её «наша Арина Родионовна».

Приблизительно через год молодая семья переехала на съёмную квартиру, куда засобиралась и баба Маша. На память о совместном проживании она подарила жене Артёма собственноручно изготовленные занавески и полотенчики, а также рукавичку-прихватку для кухни. Остались Артём с женой одни в квартире, которая теперь казалась удивительно вместительной и тихой. Простаковым после отъезда молодых стало тоскливо, наверное, от этого у жены разболелась голова. Артём, пытаясь облегчить её страдания, стал поглаживать ей голову и шею, массировать плечи и спину. Боль, на удивление, исчезла без лекарств, и жена воскликнула: «Тёмушка, какой ты молодец! У тебя волшебные руки!». Впервые за много месяцев, они с чувством обнялись и поцеловались. В квартире воцарилось редкое мгновение, когда кажется, что где-то рядом порхает ангел.

На следующий день Артём не мог спокойно работать. В голове роились варианты вылезания из финансовой ямы. Хотелось скорее скинуть бремя долгов и вечную зависимость от обстоятельств. Однако все перебираемые варианты были либо нереальны, либо трудноисполнимы, что по сути одно то же. Внезапно пришла мысль заняться «энергетическим массажем». Такое словосочетание Артём придумал сам, и это оказалось удачным реклам-

ным ходом. «Почему бы нет!» — громко произнёс он и хлопнул ладонью по лбу, напрочь забыв, где находится. Коллеги, оторвав туманные взгляды от деловых бумаг, удивлённо взглянули на Артёма, но тут же вновь погрузились в текущие дела. Артём же взял чистый лист бумаги, решительным, размашистым почерком написал заявление об увольнении по собственному желанию и отнёс секретарю. Попрощавшись с сотрудниками, он навсегда ушёл с государственной службы.

В тот день Артём спешил домой окрылённый новой целью, свободный и счастливый. До глубокой ночи просидел в Интернете, анализируя информацию по видам и способам массажа.

Потом ещё неделю углублял познания в новой для себя области деятельности, разрабатывал схемы и манипуляции, разминал руки и пальцы. Когда посчитал себя подготовленным, попросил жену поговорить с подругами, жалующимися на здоровье, и пригласить кого-нибудь из них на пробный сеанс. На первом сеансе у Артёма от волнения дрожали руки, першило в горле, а от прикосновения к обнажённому женскому телу кружилась голова. Но уже через десяток минут он освоился, успокоился и обрёл уверенность, стал массажировать, применяя заранее отработанные знания и навыки. К удивлению Артёма, после завершения первого сеанса дама стала его благодарить и протянула купюру, которую на прежней работе он смог бы заработать не менее чем за два дня!

Смущённый массажист галантно раскланивался в ответ на такую щедрость. Тут он понял, что дело пошло! За один день Артём заработал столько, сколько ранее не получал за неделю.

По пути домой пухлая пачка денег чуть не проглат Простакову карман. Ему одновременно было и радостно от чувства, что может зарабатывать, и страшно, что такая, по его понятию, огромная сумма вдруг исчезнет. Эти мысли будоражили рассудок Артёма даже дома — ему казалось, что о солидной зарплате знает каждый, включая соседей, а неизвестные, коварные жулики готовы ворваться в жилище, чтобы поживиться за его счёт! Начинаящий массажист-мануал решил надёжно упрятать заработанные купюры. Но где найти потайное место в стандартной малометражке без сигнализации, с обычным набором мебели и вещей? Тёма задумчиво бродил по комнатам, заглядывая во все закоулки, пока на кухне взгляд не наткнулся на рукавичку-прихватку. Решение созрело мгновенно, и вскоре хранилище денежных знаков было готово — он прикрепил к рукавичке верёвку необходимой длины, встал на табурет возле платяного шкафа и сверху затолкнул драгоценную «мошну» в щель между ним и стеной. Свободный конец верёвки начинающий предприниматель привязал к шурупу на крышке шкафа. Деньги можно было сравнительно просто достать, потянув за верёвку, и так же убрать, опустив обратно в щель. Завершив дело и оценив проделанную работу, Простаков остался доволен — он был уверен, что хранение в прихватке вполне надёжно.

Артём работал, не покладая рук (в прямом и переносном смысле), с завидной интенсивностью пополняя «волшебную рукавичку». Она и вправду обладала волшебными свойствами.

Бывало, опустеет до основания — глядь, на следующий вечер снова полным-полна! Слава об умелом массажисте, обладающем талантом мануального терапевта, удивительной энергетикой и мастерством, быстро разлетелась по округе. Желавших побывать на приёме у Простакова было хоть отбавляй, и ему стало не хватать сил и времени. Чтобы расширить практику, Артём Павлович (так его теперь величали) легализовал бизнес, арендовал просторное помещение и привлёк к работе членов семьи. Жену устроил администратором, сноху — ассистентом, а сын, вместо обучения на психолога, закончил медучилище и под руководством отца освоил технику массажа, быстро приобщившись к семейному делу.

Теперь, по прошествии нескольких лет, потягивая по выходным дням ароматный цейлонский чай на террасе шикарного загородного дома, Артём иногда вспоминает, с чего всё начиналось, и как помогла его семье рукавичка-прихватка. Трудовые рубли давно хранятся и копятся в надёжном банке, а сама прихватка, обрамлённая королевским багетом, с вложенной в неё символической суммой в тысячу баксов, висит на видном месте его богатого жилища, как главная реликвия и почитаемый семейный талисман, символ успешного бизнеса, на вершину которого сумел-таки взобраться простой российский трудяга Артём Простаков.

Чувство надежды и светлый покой!

* * *

Вспоминаю не уроки,
А поляны и овраги.
Не свои кривые строки
(В оскорбление бумаги.)

Вспоминаю лес и реку,
Время их не остудило.
Может быть, как человеку —
Мне нужна иная «сила»?

Слышал всё про уникальность
И общественную «клетку».
Принимаю как реальность,
Не прошусь пожить на ветку.

Но чем старше, тем яснее
Понимаю дождь и ветер,
В строчках памяти лелею
Дни на жизненном рассвете.

* * *

Отыщу-ка в лесу поляну,
Да спиной к ней на ночь прижмусь.
В бесконечность бесстрашно гляну,
По орбитам её промчусь.

Возвращусь, растревожу кроны
Сонных ёлок, осин, берёз.
Заглушу все земные звоны
Сокрушающей тайной звёзд.

Ненадолго, пока востока
Не коснётся зари дурман.
Неуступчиво и жестоко
Смоет светом ночной экран.

* * *

Не милых скрипок смех и плач,
Не разговор церковных фуг
Толкают сердце биться вскачь
И останавливают вдруг.

Но говорит с наивных пор
О том что жизнь всегда нова
Гитарный, тихий перебор
Под немудрёные слова.

И пусть уложены в строку
Слова неловкою рукой,
Тянусь невольно, как к цветку
На миг прижаться к ним щекой.

До этой скромной красоты
Идут, минуя «меди звон».
Слова, быть может, и просты,
Зато верны, как камертон.

Перестроечные годы

Поплачь, Россиюшка, поплачь.
Роняй горячих слёз горошины
На яркий гробовой кумач
Твоих детей, как травы, скошенных.

Звони по ним в колокола,
Лей с минаретов грусть гортанную
И кайся в том, что повела
Своих сынов на поле бранное.

Твоих просторов ширь и даль,
Озёр и рек глубины тёмные
Хранят великую печаль
Тех лет, что звались переломными.

Поплачь, Россиюшка, поплачь.
Роняй горячих слёз горошины.
Ещё есть доски и кумач,
И в поле много трав некошенных.

В пылу романтики и грёз,
В дыму пожаров философии
Ты принимаешь не всерьёз
Себя, за недостатки «профиля».

Не азиатка ты на вид,
Не европейская красавица.
Душа за облаком летит,
А тело в преисподню валится.

Прости за резкие слова,
Легко понять твои метания,
Коль до тех пор пока жива,
Ты символ нового страдания.

* * *

Красота жестока и порочна.
Мы её заложники, увы
(Взяты добровольно и бессрочно),
Величаем, кланяясь, на Вы.
Перед нею, словно под гипнозом,
Можно плакать или хохотать,
Но не избежать покорной позы —
Так необычайна её стать.

Никому поныне не хватило
Точных слов и нестандартных фраз,
Чтобы передать в чём её сила,
Почему суров её указ.

* * *

Начну рассказ про необычный сон:
На паперти уселся я блаженный.
Суббота, жмёт народ со всех сторон,
А я сижу счастливый совершенно.
Одет в обноски, голоден и бос,
В доверчивой улыбке скалю зубы.
Из тех, кто рядом, каждый не донёс
Попу пятак, червонец или рубль.
Жалели все счастливого меня,
А сами шли просить о чём-то Бога.
Быть может, и судьбу свою кляня,
Никто не посмотрел в глаза мне строго.
А наяву! Я не прошу рублей,
Не грешен, не в долгах и не толкаюсь,
Лечу глаза просторами полей,
Где мёртвый взгляд поймать не опасюсь.

* * *

Что ты хочешь, сердце беспокойное,
Боли сладкой, горечи обид?
Что тебе по нраву, небо знойное
Или скал заснеженных гранит?

Дивный сон мелодии нездешней
Или барабана болтовня?
Отчего же ты порою внешней
Выскочить желаешь из меня?

Что тебе до тропок непроложенных,
Жгучей тайны, вздорной суеты,
Новых чувств по рангу неположенных
И чужой, ненужной высоты?

Острога страдания иль славы
На краю забвения, скажи,
Что неправ я, люди были правы,
Выбирая круче виражи.

Что стучать размеренно и строго
Не к стыду одним колоколам.
Видимо, ты хочешь слишком много
Из того, что я тебе не дам.

Майская ночь

Майская ночь ненадолго прикрыла
Нежную зелень берёз, тополей,
В каплях дождя на листочках застыла,
Дремлет в тепле разогретых полей.

Мягкая тень породила привычно
Чувство надежды и светлый покой.
В майскую ночь плохо спится обычно,
Будит предчувствие доброй рукой.

Краткая ночь отменяет запреты,
Годы смывает своей красотой,
Дарит с улыбкой простые советы,
Мир обнимая прохладой густой.

Даже того, кто не ждёт перемены,
Молча погладит своим ветерком.
Запах земли и сиреновой пены
Свяжет дыхание мягким комком.

Бокс

Немец бьёт на ринге грека,
Зрители вопят: Дави-и-и!!! —
Человек бьёт Человека!!! —
У толпы глаза в крови...

* * *

Опять задумались околки,
Блестит земля стернёй седой.
Летят по осени осколки
Прозрачных дней — лови любой.

Люби расплывчатые тени,
Кричи до слёз в немую высь,
Почувствуй краешек ступени,
Сойди с неё и вновь смиришь.

Смерть

Целует всех подряд безгубая старуха.
Любвеобильна стерва, вот беда.
И хоть бы кто из нас однажды дал ей в ухо,
Не убоявшись божьего суда.

Ни глаз нет, ни ушей, а слышит всё и видит,
И носа нет, а чует нашу кровь.
Сбивает, как быков на праздничной корриде,
За ненависть даря свою любовь.

Безгубый поцелуй, костлявые объятья,
Но ложе и царям, и беднякам.
Намёка не подаст на горькие проклятья,
Подходит молодым и старикам.

* * *

Я не мёрз в окопах Сталинграда,
Под Орлом и Курском не горел.
И голодный ужас Ленинграда
В детские глаза мне не смотрел.

Знать не довелось, как страшно пахнет
Кровью просолённая шинель,
У штурвала не стоял на вахте,
Пробиваясь морем сквозь метель.

Не страдал, но знаю каждой клеткой,
Каждым нервом чувствую их боль.
Неукрашенных лавровой веткой,
Превратившихся в земную соль.

Я теперь храню их боль и стоны,
Злую атакующую брань.
К вечному огню несусь поклоны,
Добрым словом отдаю им дань.

* * *

Грустно мне, нарисую окно,
А за ним то, чего не хватает.
То, что будущим озарено,
Или в дымке прошедшего тает.

Нарисую и дом, и крыльцо,
От которого шли все дороги.
И твоё нарисую лицо,
Только юным, без тени тревоги.

Всё вместится за этим окном,
Будет ярким рисунок летучий.
И, конечно, во взгляде твоём
Вспыхнет радости тоненький лучик.

* * *

Судьба не уступает гороскопу.
Все знают — он хитрец, зато она
Натреплет, как помещик, чуб холопу...
И не просил, а выдаст всё сполна.

Родились мы не под, а над звездой.
Хотя бы с этой каверзы начать,
Уже всем станет легче быть собою.
Не чувствуя на лбу своём печать.

Но вот беда, нужна всем принадлежность.
Кому? чему? не в этом скрыта суть.
Страшна в мозгу кипящая безбрежность,
Её и нужно чемнибудь заткнуть.

* * *

Когда умру, то кто-то скажет:
«Смотри-ка умер, а я живу».
И насладится этим даже.
Послужит смерть моя добру.

Нет, я не циник, уж поверьте,
Но так устроен мир живой.
В нём даже ангелы и черти
Неплохо ладят меж собой.

г. Челябинск

Гостевая

Аркадий Кутюлов

Цену вы не знаете герою

* * *

Горжусь своим культурным бытом,
я — современный негодяй.
Двадцатым веком я воспитан,
не словом «на», а словом «дай».

Я — покоренный. Непокорен!
Я не гожусь на колбасу!
По жизни, вымощенной горем,
с большим достоинством ползу!

Страна дураков

Мир тоскует в транзисторном лепете,
люди песни поют не свои...
А в Стране дураков стонут лебеди,
плачут камни и ржут соловьи.

Мир таскает одежды тяжелые,
мир в капроне от зноя зачах...
А в Стране дураков ходят голые,
чтоб кинжалы не прятать в плащах.

Мир поклоны кладет дяде Якову,
если голос у Яшки — гроза...
А в Стране дураков всякий всякому
правду-матушку режет в глаза.

Мир в угрозах и денежном шелесте
рвет любовь у законной жены...
А в Стране дураков бабьи прелести
не дороже простой ветчины.

В вашем мире начальники старшие
даже в песнях почтения ждут...
А в Стране дураков даже маршалы
даже улицы даже метут.

В общем, так — попрощайтесь с сестричкой,
отряхните коросту долгов —
и с последней ночной электричкой
приезжайте в Страну дураков!

Герой

Своей родне обиду я пою:
я был в огне, во вшах, крови и поте,
я танки опрокидывал в бою
а вы мне на похмелку не даете!

Не цените раненъев и наград
и цену вы не знаете герою...
Я вам сейчас устрою Сталинград!
И Курскую дугу я вам устрою!

Пусть вьется ваша дрянь и ваша пыль,
и брань моя гремит свинцовым градом!
А ну, противотанковый костыль,
шарахни хоть разок по этим гадам!

И вспыхнет под злодеями земля,
пощады эти «викинги» запросят...
Пусть вынесут мне ровно три рубля,
но чтобы на брильянтовом подносе!

...Стою один в пороховом дыму...
Ну вынеси мне тройку, Акулина!..
Ну вынеси, и я ее приму,
как раньше — ключ от города Берлина.

г. Омск

Членистоногое животное

В регистратуре у каждого окошечка живучая членистоногая очередь, с довольной головой и озабоченным хвостом.

Голова отделяется. Её место занимает шея. И каждый хвост у каждого окошечка со временем превращается в голову.

— Пропустите! Мне только спросить.

Не желает проходить привычную эволюцию молодой мужчина, со следами губной помады на щеке. Работая локтями пробивается поближе к окошечку и через головы спрашивает: «С ожогом куда обращаться, в какой кабинет?»

— А когда был ожог? — не удосужив даже взглядом, парирует регистраторша.

— Будет вечером! В восемь часов.

И все наше членистоногое животное заулыбалось, а сосед ближе к шее произнес: «Спланировано до мелочей!»

И мы засмеялись.

А регистраторша вдогонку уходящему мужчине прокричала: «Тогда обращайтесь в травматологию. Мы только до шести».

Живодеры пыльного разъезда

Записано со слов С. Л. Воронина

Двоюродный брат, Колька Семенов, чуть-чуть постарше, а настоящий живодер. Похлеще меня. А я что? Только с ящерицами играю. Их на задах полным полно. Больше чем сусликов.

Наступлю босой ногой на коричневый хвостик и говорю: «Ящерица, ящерица! Отдай хвост». Она отцепляет хвостик и потихоньку между травинкой уползает в свою норку. А я наблюдаю, как долго извивается живой хвостик. Жду, что она наконец-то вернется и опять его прицепит, как паровоз прицепляет вагоны. Ждал до темна. Но ни разу не видел. А утром хвостика не было. Значит она прицепила его ночью. А зеленые ящерицы с беленьким брюшком хвосты не отцепляли. Они покрупнее коричневых, но их было меньше. И они будто огрызались, беззубые. Сердито поворачивали голову и смотрели на мою лапу. Колька говорит: «Они, гады, ядовитые!»

Только потом, когда на задах стало все больше и больше неуклюжих бесхвостых пресмыкающихся, я перестал с ними играть. И с Колькой дружить перестал. Он обманщик, хвостики от моего колышка разбрасывал. А сам сусликов ловил. Я тоже пробовал. Но промазал и схватил его руками. А он прокусил мой пальчик насквозь. Вот крови-то и реву было. А Колька увидит где суслик свистит, там ищет нору. Приносит в ведрах воду. Выливает в нору и ждет с большим железнодорожным костылем в руке. Суслик выскакивает. Он трах его по голове. Потом обдирает, растягивает и сушит шкурку. Мне по секрету сказал, что хочет выменять за них у заезжего старьевщика гармонь. И добился своего. Правда, дядя Семен добавил к Колькиным еще несколько овечьих шкур. Выменял Колька гармонь. Выучился играть на слух. А позже, уже работая в путевой бригаде на железке заменил на баян. Ни одна свадьба на разъезде без него не обходилась. Известным стал. Даже в десятку лучших вошел.

* * *

А у меня другая стезя. Ни зоологом, ни ботаником не стал. Кочегарил на паровозах самых разных ходовых осей, какие только были.

А начинал кондуктором. Таскал на спине и устанавливал на свой последний вагон с тормозной площадкой большие с красными стеклами тяжелые фонари. Сопровождал поезд. Охранял. Следил за буксами, что бы не горели.

Тогда, и козе понятно, тоже купил баян. С самоучителем кое чему научился. Но так ловко и живо, как у Кольки, у меня не получалось.

Потом работал на тепловозах и электровозах. Водил грузовые, а потом только пассажирские поезда. Одним словом — всю жизнь на железке.

А случаев — от драматических до смешных — в вагоне не увезешь и в портфель не уложишь. Забегай на огонек почаще. Расскажу. И Тягульского знал и Черкасова. Это известные на Магнитке паровозники. Тягульский — белый здоровый, а Черкасов смугловатый. Пониже ростом и посухощавей. Бывал у них дома. А за Раей, дочкой Тягульского даже пытался ухлестнуть, когда жил у Черкасовых в железнодорожном поселке, но Рая уже была студенткой в педагогическом и отшила меня. Оставила на бобах. А зря.

Теперь вот на детской железной дороге я главный ночной директор. И внуками бог не обидел.

Пос. Новогорный

Барья Гладковская

Дневник горянки, найденный в одной из пещер Урала экспедицией в 2011 году

«Эта история случилась не так давно, чтобы порастить мхом — лет триста назад, чтобы некоторые детали выпали из моей памяти. Ну, может триста с половиной — точно не помню, я была ещё молодой девочкой. Тогда отец первый раз взял меня на исследовательскую экспедицию в горы. Эта экспедиция имела большое значение для нас, и в случае успеха обещала принести людям Зауралья — местности, в которой я тогда жила, много хорошего, большую радость.

Именно тогда я первый раз узалаала все прелести экспедиционного похода — просторные, но довольно хилые палатки, постоянно грязные ноги, которые приходилось мыть ледяной водой (хоть и была весна), холодные утренние подъёмы и невкусная каша на завтрак. Я буквально физически ощутила что такое «дочь геолога». Отец постоянно ходил со своими картами, приборами и чернильницами. Я слышала от него только «камень», «грунт», «грунтовые воды», «придётся спуститься метров на сорок», «здесь заглубиться не получится» и «это будет нашим священным билетом». Последнюю фразу — особенно часто.

Кольцо гор мы увидели на пятидесятый день экспедиции. Контурные снежных вершин внушали благоговейный восторг. Уже тогда я поняла, что эти горы сыграют в моей жизни большую роль.

Ещё через два дня мы подошли к месту, которое папа и его коллеги планировали разработать. Оно представляло собой площадку перед входом в неглубокую, но завораживающую пещеру. В глубине пещеры постоянно звучал чей-то шепот. Папа успокоил меня, сказав, что это поют сталактиты, когда сквозь щели в глубину горы, подземного царства камней прорывается ветер. Разбив лагерь в полумиле от назначенного места, на следующее утро мы принялись за работу.

Я тоже участвовала в процессе и непомерно этим гордилась. Мне доверили одну из самых ответственных работ — осматривать камни, добытые геологами. Сначала не попадалось ничего особенного — так, мелкая крошка, и я даже тогда понимала, что это совершенно не то, что ищут взрослые.

На седьмой день разработок все очень устали и были довольно опечалены, что не нашли ничего, достойного внимания. Ближе к вечеру, когда все разошлись, я вышла на раскопки и прислушалась. Взрослые рьяно спорили. Мой папа настаивал, что стоит разработать пещеру, другие говорили, что это не имеет смысла и по всем расчетам там окажется только пустая порода. Мне было больно чувствовать, что кто-то может называть слова моего папы пустыми, а его священную мечту, которой он предан до последнего дыхания — глупой и зряшной. Тогда я решила сделать самую непоправимую глупость из всех, что я когда-либо делала. Точнее, я взяла ломик, сапёрную лопату, светильник и направилась напрямиком к пещере.

Как я уже писала, пещера была неглубокой, но это на первый взгляд. Я легко заметила, что в северном углу пещеры пласт скалы довольно непрочен, и его легко проломить. Возможно, именно там прячутся волшебные сталактиты. Преодолевая страх перед святилищем древних духов, я подошла к стене и, решив, что раз уж взялась — пойду до конца, принялась за работу.

Через полчаса я едва сдержала радостный крик — через небольшое отверстие пробилась неясный мягкий свет. Мигом забыв про усталость и про сон, уже было начинающий при-

нимать меня в свои объятия, я удвоила свои усилия. В промежуток времени, показавшийся мне мгновением, я проделала достаточно большой лаз и пробралась внутрь.

Меня постигло горькое разочарование. Неясный свет хоть и присутствовал, но был совершенно незаметно растворен в воздухе. Найти его источник мне не удалось, равно как и найти что-то стоящее внимания. Разочарованно вздохнув и слотнув подступившие к глазам слёзы, я собрала вещи и направилась к выходу. Под ноги совершенно некстати попался камень, я споткнулась, потеряв равновесие, и ударившись плечом, упала на спину, хорошо приложившись затылком к холодной скале.

Очнувшись от боли в голове и не сразу вспомнила, где я. А когда вспомнила, не поверила собственным глазам. Вокруг меня сияло всё — от первого камушка до последнего. Я повертела головой и даже ущипнула себя за руку, но ничего не изменилось. Я робко шагнула в центр пещеры.

На возвышении стояла огромная прекрасная чаша, одновременно хрупкая и грозная. Она переливалась глубоким зелёным и трепетным синим цветом, с множеством переливов — союза двух этих ярких красок. Я сразу же поняла — вот она мечта моего папы, дар предков, то, о чем он так мечтал! Вот тот прекрасный камень, который прославит весь Урал — от северных краёв до далёкого океана!

Немного уняв эмоции и присмотревшись, я поняла, что все стены — это тот самый камень, только частично обработанный. Множество необработанной, но также очень качественной породы лежало по всей пещере.

Я не удержалась и, чтобы окончательно удостовериться в реальности происходящего, ощупала все стены и каждый сантиметр пола пещеры. К чаше я прикоснуться не рискнула.

Неприятным сюрпризом оказалось то, что я находилась не в той пещере, в которую зашла, а свалилась из неё сюда, вниз. Мне стало немного жутко, но сработал адреналин. И ещё — запредельное счастье.

Измученная и лохматая, как древнее чудовище или заплутавший дух предков, я выползла наверх и обнаружила, что наступил день и все геологи бегают туда-сюда с огорченным видом. И сразу же поняла, что получу о-о-ой как сильно.

Чувствуя вину за то, что заставила всех волноваться, я забыла про пещеру. Но когда вспомнила...

После долгих радостей, когда все успокоились, члены экспедиции стали придумывать название камню. Хотели назвать его Аламитом, в честь меня. Но я настояла, и теперь камень носит гордое имя моего отца — Малахит.

...С тех пор прошло много лет, мне уже триста девяносто восемь, но малахит до сих пор славит Урал. Я давно не выбиралась за священный хребет Уральских гор, да и вообще редко выбираюсь за пределы своей горы, но поговаривают, что будто там случился Великий Потоп и мало кто выжил. Однако я знаю точно — гордый камень малахит будет славить Урал вечно...»

— Это всё?

— Да, на этом записи обрываются.

— Отлично, можешь смело выбрасывать этот бред в мусорку.

— Но это же настоящий документ, найденный нашими археологами недалеко от Третьего хребта!

— Бред! Триста лет, духи предков... Скорее всего какая-нибудь местная девчонка развлекалась, закопала в землю, а вы откопали.

— Закопала на сорок один метр тридцать два сантиметра?

— Чушь! Выбрасывай, я сказал!

— Как скажете, босс... — и толстая книга в древнем выцветшем переплётё цвета скал, полетела в мусорку, шелестя страницами, пропахшими слезами сталактитов.

г. Карталы

Вера Белая**Только ты о любви ничего не сказал**

* * *

Для многих весна — пробуждение чувств,
А для меня — расставанье и грусть ...
Мне осень шептала листвою: «Он твой!»
Весна же в ответ — разлучила с тобой.
Пусть годы промчались, а чувства всё те же:
Весною — тоскую, под осень — надежда.

* * *

Ивушка ты, ивушка, — грустная подружка.
Ивушка плакучая, и я не хохотушка.
Может, я когда-то ивушкой была...
И река мне нежно косы расплела...
И поньне речка не на шутку манит,
А её журчанье голову дурманит...

* * *

На Красном Яру мы встречали рассветы.
На Красном Яру дольше кажется лето.
Стоит он, поддерживая небосвод,
И древний Урал у подножья течёт.
Не с этого ль яра мой предок глядел —
Не покажется ль недруг жестокий,
Потом осторожно спускался к воде
Коня напоить, отдохнуть на траве.

* * *

Я тебя потеряла в пути...
Не заметила, как и когда...
Спохватилась, хотела найти,
Да, как видно, — уже не судьба...
Жизнь гнала, одиночеством в спину дыша,
Я теряла в дороге других...
Те потери забыла душа —
Ты был самой горькой из них.

* * *

Мне грустно оттого, что голые деревья,
Так трогательно беззащитны...
Трава пожухлая, как брошенная старость...
И дождь плаксивый песнь прощания

ВЫВОДИТ...

* * *

Яблоньки, смородина, астры многоцветье —
Маленькая Родина — лучшая на свете!

* * *

О любви мне шептала под ветром трава.
О любви соловей песню пел до утра.
О любви говорили мне чьи-то глаза,
Только ты о любви ничего не сказал.
Ну, а может, всё это привиделось мне?
Может я и с тобой повстречалась во сне?
Да очнуться от этого сна не могу ...
Вся беда моя в том, что тот сон наяву.

* * *

Увядая, облетаю — таю-таю,
Хотя, было б лучше — улететь...
На себя из зеркала взираю,
Хотя было б лучше — не смотреть...

* * *

Что судить да рязить? —
Все понятно без слов —
Неуменье любить —
Крах Вселенских основ.

* * *

Того, что было — не жалею.
О том, что не было — грущу...
Тобою до сих пор «болею»,
Но встреч давно уж не ищу.

Ветеранам

Лицо я вижу — слеза скупая
В морщинках спряталась ...
И горько мне вдвойне —
Что мало их уже осталось
И мало знаем мы о той войне ...

* * *

Лето кончилось быстро с купанием в реке и с цветами в полях...
До сих пор на губах сохранился вкус ягод душистых...
Осень к нам прилетела в багровых кленовых тонах,
Осыпая всю землю листвой тополей золотистых.

* * *

Теперь я понимаю, к сожаленью,
Как трудно «отделить зерно от плевел»,
Понять, где истина, а где есть заблужденье,
Да и возможно ль это в нашей жизни...
В потёмках ходим мы, не сознавая,
Что те потёмки безысходно-безпросветны...
И наши души стонут, улетая,
Им больно, тяжело расстаться с телом бранным...

* * *

Ах, как больно! Ах, как сладко! Заглянуть в глаза твои,
Не робея, не украдкой, а сгорая от любви.
Синий взор смешался с карим, и глаза не отвести,
Что словами не сказали, можно взглядом донести.
Ничего не нужно боле: ни речей, ни слёз, ни клятв.
Если б было в моей воле — я б оставила твой взгляд.

* * *

Метель зачеркнула следы всех, словно забыть пытаюсь,
А снег так беспечно красив, понравиться не стараясь,
Вдруг вызвал восторг и боль о чём-то ушедшем давно,
И прошлое предо мной как будто немое кино ...
Автобус рейсовый, а мы так молоды!..
И пыль дорожная нам нипочём!
Взахлёб смеёмся мы, играя взглядами,
Ещё не ведая о роковом...
И Лель готовил свирель осеннюю,
Не беспокоясь — а что потом?
Судьбе навстречу автобус рейсовый
Нас мчит сияющим осенним днём...
И я судьбу благодарю за те мгновенья бытия,
Где у истока я стою, и брезжит лишь предчувствие тебя...

* * *

Тебе, Всевышний, я благодарна за всепрощенье,
Что не бездарна и есть надежда на воскресенье.

* * *

Выхожу я на крыльцо — солнце жмурится в лицо.
У крыльца из лужицы пьют водицу курицы.
Евдокия хлопотала, заливала щедро двор,
Наплескавшись, заключала с тёплым летом договор.

с. Агапова

Татьяна Никитина**В душе так много силы и огня****Ты меня вспоминай**

Это страшное слово «прощай».
На душе непроглядная скука...
Ты меня вспоминай, вспоминай,
И покажется лёгкой разлука.

Это тяжкое слово «прости».
Постоим на перроне немного.
Ты желаешь удачи в пути,
Но покажется длинной дорога...

И, пройдя мимо наших ворот,
Не зайдёшь выпить чарку хмельную.
Там тебя добрый вечер не ждёт.
Я сама по тем встречаю тоскою.

Остаётся надежда, весьма
Долго будем мы с нею томиться.
Но отступит разлука-зима,
Всё хорошее вновь повторится.

Бусинки
(Миниатюры)

Бусинки весенние искала
И в ожерелье их вплетала.
Яркой радугой они горят,
О красках жизни говорят.

Пробудилось утром солнце,
Заглянуло к нам в оконце.
Створку настежь открываю,
В дом родимое выпускаю.

Теплым солнечным лучом
Осветило все кругом.
Ласковое солнышко наше,
Жить с тобой нам краше.

По улице шагает апрель,
Отзвенела серебром капель.
Лужи подсыхают во дворе,
Не сидится дома детворе.

Разноцветные куртки пестрят,
Наш двор собирает ребят.
Деньки чудесные весенние
Поднимают всем настроение.

Взобрался кот на березу,
Боишься он Жучку-занозу.
Глаз она с него не спускает,
Прыгает и звонко лает.

На скамейках старушки сидят,
О нелегкой жизни говорят.
Пенсия у них прибавляется,
Радость в жизни продолжается.

Птицы о любви поют,
Для потомства гнезда вьют.
Радостно весну встречают,
Звонкой песнею вещают.

Крошечные бусинки считала,
О красках весны написала.
Впечатления о ярком лете
Опишу вам в следующем сюжете.

Душа поэта

Душа поэта — тонкая струна.
Когда ты прикоснешься к ней невольно
Округлым жемчугом рассыплется она
И зазвучит так трепетно и больно...

В душе так много силы и огня —
Растопит лёд она в холодном сердце,
Любовью, кротостью и нежностью пленя,
Откроет в сердце потайную дверцу.

Чтоб сеять мудрое, стихи слагать,
Большое сердце бьётся у поэта
И права нет сфальшивить и солгать,
Чтоб словом ранить хуже пистолета!

г. Карталы

От чего меня Бог уберёт

Родное тепло

Я словно обоснулась. Оглядываясь по сторонам, ощутила такое спокойствие, равно как родное тепло. Хотела было пошевелиться, но не получилось. Мое трепыхание уловила лишь зыбка, слегка колыхнув накидку, и тонкий слух мамы, которая тихонько выскользнула из-за бабушкиной шали, загромаздившей проход расшалившемуся яркому свету. Мама стояла рядом, покачивая мою зыбку. Я же наслаждалась мягким убаюкиванием и колыханием накидки, но все же почувствовала мамино нетерпение. Она время от времени поглядывала туда, откуда только что появилась. Мне было хорошо и не хотелось сердить маму, поэтому я сделала вид, что заснула. Сама тем временем упивалась родным пространством, пока сознание снова не окунуло меня в забытье.

Окна без штор

Не люблю окна без штор. Они рожают во мне то, что раз за разом окунает тебя в неуютный, покрытый холодом мирок.

Запыхавшееся дыхание матери. На руках у нее было уютнее. Но вот она вносит меня в наш дом, не раздевая меня и не раздеваясь, укладывает на постель, на подушки. Дует на мои руки, пытаясь согреть. Я не помню озябших рук, а только отчаянную пустоту вокруг и в самой матери. Она, как будто нарочно теребя мои ладони, старалась не смотреть на меня, сама в то же время была где-то далеко. Не дождавшись маминых теплых глаз, я словно уменьшалась, растворяясь в подушках. Большие пустые окна угнетающе глазели на меня и на деревянный непокрытый стол. И какая-то тревожная серость изо всех щелей выползала и надвигалась прямо на меня, так что в какой-то миг хотелось закричать, расплакаться, но рядом все же была мама.

Бесславный поход в школу

Брата еще с весны напутствовали в школу, журя его за непослушание и за цыпки на руках. Ему предстояло идти в первый класс. Мне скоро четыре года, и я дословно верила сказанному взрослыми. И ждала, когда же вылупятся цыплятки, которые будут следовать за братом всюду, не отставая. Побегут за ним даже в школу. Но вместо нареченных питомцев в школу отправилась я, гордо вышагивая рядом в новом нарядном платье, предвкушая что-то необыкновенное, удивительное.

У школы нас выстроили, что-то говорили, во все это я не вникала, просто мне не терпелось шагнуть на оранжевое, свежескрашенное, пахнущее крыльцо. И вот этот миг настал. С великим вожделием одолевала я ступеньку за ступенькой, как и весь путь от дома до школы. Оставалось только шагнуть в прохладу приятной, притягательно загадочной неизвестности, как меня остановили. Тетя-учительница, ласково воркуя, что я еще мала, что нужно еще подождать, пообещала, что, когда я подрасту, они меня обязательно позовут. Она выпроводила меня с крыльца за калитку и, оставив в обречённом одиночестве, скрылась в недостижимом для меня мире. С ее слов я поняла только то, что «нужно подождать» и «позовем». Присев тут же у калитки, стала ждать. Мне почудилось, что прошла уже целая вечность, но никто не вышел и не позвал, даже старшему брату до меня не было дела. Стало так обидно и стыдно, что я расплакалась и поплелась домой.

К моему большому изумлению, бабушка ничуть не удивилась столь скорому возвращению.

Это был мой первый бесславный поход в школу.

Зиновий

Железнодорожный поселок. Он со своими домами-бараками больше походил на караван. Караван, карабкавшийся на скалистый крутой склон, по каким-то причинам застыл вдоль неказистой дороги, окруженной густым шумливым лесом.

Первый дом — у самого переезда через железнодорожное полотно с сигналом и табличкой «Берегись поезда» и «СТОП». Будучи ученицей начальных классов я прочитывала это «странное» слово по-своему «ГТОР». Рисунок на табличке соответствовал тому времени, когда и в самом деле здесь проходили черные паровозы. С большой красной звездой во лбу и со страшным оскалом — эдакий «троглодит». Пыхтя, выпуская пар, буксуя, издавал такой гул, что вся душа мгновенно кидалась к пяткам, с зудом проскребая нервы по всему телу.

С того времени в поселке мало что изменилось, но я была несказанно рада, когда вместо черного дракона однажды поприветствовал наш поселок веселый зеленый тепловоз. Шел он легко, непринужденно. И мне очень нравилось выбегать с лесной дороги на пригорок и махать этому доброму путнику рукой, одновременно приветствуя и провожая его в дальний путь.

Караван барачков завершался нашим домом на самой горе. Этот трехквартирник стал родным, дорогим пристанищем моих неугомонных юных лет с его незабываемыми историями, как эта.

Родители держали коз, одну-две, с козлятами. Иногда из махонького милого козленка, которому я шила пестрый ошейничек от сглаза, вырастал такой марал с мощными витыми рогами и специфическим шлейфом непередаваемого аромата. Один из них запомнился особенно. Козы были Зинки, следовательно, наш герой Зиновий. Он, как истинный горец, держался независимо и гордо, с достоинством воина, уверенно нес свои великолепные рога. Он любил стоять на горе, на самой обзорной точке, оглядывая окрест, словно страж на посту, внюхиваясь в принесенный легким ветерком тихий шепот июньских сочных, зовущих трав. Вот и сегодня, оповестив округу своим благоуханием, он стоял вглядываясь вдаль. И тут дрянной мальчишка, игравший доселе с сестренкой, здесь же у подножия горы, у самого поворота, увидев Зиновия, решил проявить первородные способности и, искусно изображая пра-прародителя, тем самым подтвердил свое происхождение (Дарвин отдыхает). Подзадориваемый сестриним смехом, притопывая и улюлюкая, хлопая себя по попе, взялся щекотать нервы благородному животному, ощущая свою безнаказанность расстоянием, ошибочно считая себя недостижимым.

— Фу, вонючий, фу-фу!

— Фу-фу, ванюсий, — попугайничала сестренка.

Мальчик ошалел от собственного кривляния настолько, что задел-таки Зиновия за живое.

Козел сначала делал вид, что не замечает, затем предупредил, что с ним шутки плохи, мощно мотнув головой, но не стерпел и, внушая ужас всем своим видом, рванулся с места. На мгновение сорванец замешкался, не веря своим глазам. Но по мере приближения животного руки мальчика опускались, а лицо вытягивалось. Наконец-то сообразив, что додразнился, взвизгнув, пустился наутек, не заметив, как пронесся мимо дома и, растерявшись, заметался, а козел уже приближался. Сестренка ни на шаг не отставала от брата. Санька заголосил и, зажмурившись, бросился под крыльцо к Трезору.

Пес Трезор, несмотря на то, что Мухины держали его на коротком и крепком поводке, резко выскакивал, вставал на дыбы с нахрапистым грозным рычанием и лаем, как будто кто-то посягал на его кусок мяса, тем самым до смерти пугал прохожих. Поэтому односельчане — и стар и млад — старались подальше держаться от их крыльца. Санька же, хулиган, частенько дразнил пса, а тот от обиды и безысходности даже переходил на отчаянный визг.

Грозный пес, видимо, крепко спал, так как не сразу сообразил в чем дело. В его святая святых нахально вторглись, да еще кто — его же обидчик! Но тут он учуял Зиновия, который самодовольно, с победным видом прохаживался поблизости, отпихивая копытами землю, фыркая и мотая головой, не обращая никакого внимания на лохматого, заливающегося лаем пса, на миг ставшего защитником своему обидчику. Зиновий еще немного потоптался и, довольный собой и восстановленной справедливостью, ушел восвояси. А Трезор долго возмущался всему происходящему, видимо, размышляя что делать с непрошеными гостями, в то время как Санька, завывая, сидел, забившись в собачьи апартаменты, рядом сстрой ни жив ни мертв, и теперь боялся возвращения на свое место Трезора.

Маньяк

Возвращались с бабушкой из деревни, из гостей. Предстояла пересадка с автобуса на поезд. В зале ожидания было душно и скучно. А мне, четырёхгодовалой, на месте ну никак не сиделось. Отскимившись* у бабки, пошла на перрон. Я уже не раз бывала на этой станции, и мне здесь было все знакомо. Поэтому я разглядывала людей: приезжающих, уезжающих — интересна была их суета. Пробегали собаки, в поисках съестного обнюхивая котомки ожидающих. Пригревшийся на солнышке кот спал на крыше близстоящего сарая.

Откуда-то взялся дяденька. Обращаясь ко мне, стал говорить быстро, нервно, стараясь быть ласковым. Так как русский язык я понимала не очень, сообразила только то, что мне предлагают конфеты, печенье, но за этим нужно куда-то идти. Вынимая бумажные деньги, дядька тряс толстым гаманком** перед самым моим носом. Время от времени озираясь по сторонам, так живо жестикулировал трясущимися руками, как вор, и заглядывали, мне прямо в глаза. Мне стало так смешно от его странного поведения, что я развернулась и помчалась к бабушке рассказать про чудного дяденьку. Бабка, мгновенно поняв смысл рассказанного, испугалась так, что усадила меня рядом и не отпускала от себя до самого отправления поезда. А дома родителям доложила, что со мной могло случиться. Мне же было стыдно так, будто это я сманивала дяденьку на недоброе.

Уже достаточно повзрослев, я поняла, от чего меня Бог уберет.

г. Нязепетровск

* Местное наречие, скимить в данном случае слёзно просить чего-либо.

** Кошелек.

Людила Чиркова

Четверостишия

* * *

Порывы шквала гнут скелет осин
(Стеною ливни, ветры завывают),
Меж небом и землёй вгоняют клин
И колья молний в озеро вбивают.

* * *

Ждём тишины живительный глоток,
Желанный нам, уставшим от попреков...
Мы ищем свой божественный исток,
Взывая к силе чистоты истоков.

* * *

ВЕСНА ОЖИДАЛАСЬ! Но вновь потрясает
Разительный свет, новизна перемен.
И снова — одна красота умирает,
И тут же ДРУГАЯ идёт ей взамен.

* * *

Живое нетерпенье соков
Вновь по стволам помчалось вверх;
Растрескавшихся почек шёпот,
Черёмух белозубых смех...

* * *

Озеро блестит, как льдинка.
Вот уснуло не спеша...
Лунный свет обнял рябинку,
Я люблюсь, не дыша...

* * *

Листья берёзы осыпались в воду,
Пёстро украсили тёмную гладь.
Осень упрямо идёт в непогоду,
Пиршество красок дождями унять.

* * *

Парусник мой уплывает и тает,
Волн затуманился пенистый след.
Мечется чаек гогочущих стая,
Тучи разбросили вымокший плед.

* * *

В инее лес, разукрашен окрест.
С озера светит прозрачностью крест.
Лёд. Полынья — в ней парок чуть клубится.
Тропка. Сельчане идут вереницей.

* * *

А берег красотой встречает,
Укрыт нарядной белизной.
И лес заснеженный венчает
Земное — сказкой неземной!..

* * *

...И заискрились, весело мерцая,
Зрачки весны — большие полыньи.
И ждёт земля, уже в цветенье мая,
Когда рассвет разбудят соловьи.

Небо зимы

Стылое, звонкое,
С наледью тонкою,
Грозно безбрежное,
Вечно мятежное.

Осеннее небо

Тучное, мокрое,
Серо-продроглое,
Ветром распластано,
Сыростью застлано...

г. Миасс

Надежда Старостина В некротких размышлениях

Банька на склоне

Я на склоне баню детства
Протоплю до жару,
Аромат поленьев вспомню,
Веничек пропарю.

Квас хмельной и чай с лимоном,
Полог спинку греет,
А усталая вехотка
Мылом розовеет.

Окачусь святой водою,
Из колодца взятой,
Оживлюсь под молодого,
Эх, не жизнь, а сказка...

Подымлю дымком с трубою,
Поваляю Ванечку
И с луной пойду шальнойю
К милой в почивальню...

Я на склоне баню детства
Протоплю с любовью,
Здесь осталось моё сердце
С мягкой грустной болью...

Книжный сад

На столе пожелтевшие книги,
Ветер мягко страницы примял,
Он корявые стертые буквы
На обложке в названьях читал.

Тихо сад осень охрой укрыла,
Краской бронзы мазок свой внесла,
Вся в багрянце по лунной дороге
Полноправной хозяйкой пошла.

Сад оставили прежние гости,
Не хозяйева были они,
Как уходит стерня слёзно в озимь,
Утекли также быстро их дни.

В ожиданьи тепла и уюта
Ворох книжек, застывший в мечтах,
Не читая, растреплют подруги
Закадычные — осень, зима.

Материя

Как тонкая материя,
С тобою отношения
Прозрачные до одури,
Нескомканные вроде бы.

Спонтанно независимы,
Но очень тесно сближены,
Гуляют в расстояниях,
Ничем не заменяемых.

Расходятся на завтраке,
Стыкуются на ужине,
Обедом не цепляются,
Хоть телефон старается.

Всё лишнее отброшено,
И малое без большего,
Сердечко трепыхается:
Не уж-то доломается?

В некротких размышлениях
О наших отношениях
Написаны, подчеркнуты...
А в общем... Шёл бы к чёрту ты...

Мученья

Я хочу к тебе прижаться
Грудью, телом и руками,
Я хочу в тебе остаться,
Обернувшись простынями.

Волосом струится пламя,
Лаской страсти обжигая,
Шепот губ сорвался с края,
К звездам в небо улета.

Влажность тела в море вздохов,
И лавина восхищенья,
Как же можно мне у Бога
Попросить за грех прощенья?

Хоть не грешны чувства эти,
Грешен не процесс любви,
Согрещу я вновь и снова
Ты хоть мне прости грехи.

г. Карталы

141

Графоман № 2(10)-2012

Татьяна Аверкина

Песнь сложить неизбежную

Гонки

Мы с солнцем наперегонки
Летим по Троицкому. Драйв!
На повороте у реки
Я обгоняю солнце! Кайф!
Я счастлив — солнце обогнал
И все бегущие авто!
Тут светофор мне — Стоп-сигнал! —
И рядом мы — Я и ОНО!
Волнуюсь, не хочу отстать, —
Не замечая солнца смех, —
Его пытаюсь обогнать!
А солнце дразнит, как на грех.
А я на газ — и на восток, —
Но где-то рядом, позади,
Я слышу дерзкий шепоток:
«Ты аккуратнее смотри».
«Погнали дальше!» — я кричу.
А солнце: «Нет, мне — на закат!» —
Меня, похлопав по плечу, —
«Бывай! До завтра, младший брат!»

* * *

Как любят в восемьдесят? —
Так же, как и в двадцать.
И даже больше!
В восемьдесят лет
Ты только начинаешь
удивляться
Тому, что есть,
тому, чего уж нет.
И пусть непросто
приседать и наклоняться, —
Вдруг понимаешь
в восемьдесят лет:
Тебе не надо
приседать и приклоняться;
Тем более,
что навыка в том нет.
И в восемьдесят
красоте закатов
нельзя не удивляться,
милый, нет.

Но можно
молодостью восхищаться,
а жизнью можно
просто наслаждаться,
Когда тебе
восьмой десяток лет!

Исповедь

А гитара каждый такт проговаривала,
Все, как будто бы, судьбе выговаривала,
Будто сердце потерпеть уговаривала
Переборами звонких струн.

То отчаянно вдруг скупно всхлипывала,
То с надрывом вдруг громким вскрикивала, —
Не винила никого, не отчитывала, —
Но скрывать не хотела дум.

Умоляла и просила прощенья,
Будто в храме лились откровения,
Как молитва. От чувств смятения
Прерывался аккордов стон.

А гитара жизнь молила разбитую!
Чтоб вернул ей вновь любовь позабытую,
И чтоб песнь сложить помог неизбежную
Златострунных аккордов звон.

Одна история

Пан Ноябрь, закутавшись в тучи,
Посыпает свой дворик снежком.
От морозности, с виду колючей,
Веет все же, как прежде, теплом.

Это Пан в одиночестве хмуром
Вспоминает тот праздничный бал, —
Златовласая Осень по кругу
В вальсе кружит. Но в светлый зал

Ворвалась злая Тьма и под вечер
Вдруг обрушился ветра шквал. —
Пан нашел потом только веер
Той красавицы. Но не встречал

Златовласки с тех пор. Но ты веришь, —
Мне поведал однажды Октябрь,

Что еще бережет её веер
Как-то, враз, поседевший Ноябрь.

г. Еманжелинск

Валентина Харько

Родники счастья

из книги

На речке

Река для нас, детей, была не только местом купания и отдыха, но и миром познания природы, а также источником игр и развлечений. Мы знали, как называется речная рыба. Линь, окунь, чебак — на вкусную уху, а щука, налим и карась — на пирог или поджарку. Любили слушать щебет птиц, живущих по берегам реки, спорили, кто как свистит или поет. А еще мы очень хорошо знали названия всех растений. Отличали лекарственные от ядовитых. Знали, как оказать первую помощь, остановить кровь на разбитой коленке, приложить листок подорожника или лопуха к царапине, чтоб не нагноилась.

Вот и сегодня к десяти часам уже многие пришли на речку. Ребята с удочками уселись в разных местах на крутом берегу и ловили рыбу. Клев был хороший: только мелькали удочки да леска с блесной, и чьи-то руки снимали с крючка рыбешку и бросали в ведро с водой. Мы с девчонками подошли и уселись на берегу, свесив ноги, наблюдая и перебрасываясь возгласами, у кого рыба крупнее. «Тише, тараторки, всю рыбу распугаете», — ворчал один из рыбаков. Мы притихли, но ненадолго, опять стали подшучивать над своими друзьями: «Да, кошки будут довольны, много вы им рыбешки наловили». Пацаны, покосившись на нас, молча встают, сматывают удочки и уходят за кусты ивняка, чтобы порыбачить спокойно без этих противных девчонок.

— Девчонки! Давайте раков жарить! — предлагает Танюшка, раздеваясь на ходу. Там, где берег обвалился, получился небольшой спуск к воде. Мы втроем спускаемся и входим в речку. Глубина у самого берега — выше пояса, а на середине реки быстрое течение и дно не достать, то есть очень глубоко. Вот и норки: наверху, под берегом. Из норок глядят на нас глазки-бусинки, это выпаривают свои яйца самочки стрижей, мы их зовем «ласточки-береговушки». Мы идем вдоль берега осторожно, чтобы их не спугнуть. Но, то ли от взмаха руки или от всплеска воды, испугавшись, одна ласточка, пискнув жалобно, вылетела из гнезда. А за ней — остальные. Будто пчелиный рой, затмив небо, береговушки с криком и свистом кружатся над водой, опасаясь за снос потомство. Мы злимся на себя, зачем спугнули птиц, но мasha цель — раки. Вода прозрачная, поэтому хорошо видны в воде рачьи норки. Теперь нужно наклониться, завести руку в верхнюю часть норки так, чтобы не напороться на острые клешни, ухватить рака за си инку и вытащить из норки. Один за другим раки летят на берег, где одна из подружек собирает их в кучу, а другая разводит костер. Выкинув штук двадцать, мы вылезаем из воды, одеваемся, садимся вокруг костра и раскладываем раков на образовавшиеся угольки. Раки быстро краснеют, мы их чистим и едим. К костру подходят рыбаки, раскладывают мелкую рыбешку на угли и, поджарив, угощают нас, а мы их раками. Солнце палит нещадно, время к обеду.

— Ну что, идем на «шум» купаться? — спросила я девочек.

— Пойдем, только вы за нами не ходите, мы стесняемся, — посмотрев на мальчиков и хитро прищурившись, сказала Галка.

— Нужны вы нам будто! — засмеялся мой старший брат Саня, — мы лучше здесь с крутого берега поныряем!

Обрадовавшись, мы быстро побежали на «шум», где берег уходил вниз, образуя из песка и гальки пляж. Вдали, на повороте реки, была видна поперечная гряда камней, через которые вода, перекатываясь, журчала и клокотала, издавая рокот и шум. Сбросив на ходу платишки, мы с разбега плюхнулись в воду. У берега вода теплая, как щёлок, поэтому поплыли на глубину: плавали, под водой с открытыми глазами ныряли, как уточки, играли на воде в «салки». Вылезая из воды, заметили: по теплой воде у берега ходит трехлетний соседский внук Федька.

— Ты с кем пришел? — спросила я его.

— Один, — ответил он.

— Ну, опять от бабушки Марфы убежал, смотри на глубину не лезь! — строго сказала я и улеглась на песок. Подружки тоже легли рядом и от нечего делать стали руками разгребать песок.

— Давайте сделаем озеро и пустим туда рыбок, — предложила Танюшка и, взяв свое платье, завязала верхнюю часть узлом.

— Вот и невод готов, пошли за рыбками, — обратилась она ко мне. Мы зашли по колению в воду, опустили подол платья и завели к берегу. Пескарики плавали у берега в теплой воде большими стайками. Зачерпнув вместе с водой, мы вылили рыбок в свое «озеро» и улеглись вокруг, чтобы понаблюдать за ними. Таня, постирав платье в речке и раскинув его на куст, чтобы просохло, взяла Федьку за руку и подвела к нам:

— Ложись на живот и смотри, как рыбки плавают.

— Нет, я лыбок там посмотрю, — сказал малыш и отошел к воде.

А мы смотрели, как они шустро плавали, но вода в «озерке» сильно нагревалась, и рыбки становились меланхоличнее, а потом одна рыбка перевернулась животом кверху. Это сигнал — надо их спасать! Мы начали рыть канал к воде, чтобы рыбки вернулись обратно в речку. И вдруг Галка, подняв голову, закричала: «Федька утонул!». Мы оглянулись: в метре от берега пузырьком плескалась рубашка малыша, а сам он вниз лицом лежал наполовину в воде. Или загнулся, или оступися и упал, ни звука, ни крика... Мы испугались, растерялись. Таня схватила его, поставила на ноги на песок, а он падает, молчит. «Господи, неужели захлебнулся, умер!». У меня от страха за его жизнь застучали зубы. И тут я вспомнила, как к нам в школу приходили медики из больницы и приносили плакаты, рассказывали и показывали рисунки и схемы на плакатах, как вести себя при пожаре, как оказать помощь утопающему, наложить шину на перелом, забинтовать, обработав рану. Я встала на правое колено, левое поставила перед собой.

— Девчонки, кладите Федьку животиком на мое колено, и помогайте мне. На счет «раз» будем сгибать голову и ноги вниз, на счет «два» — выпрямлять.

И мы начали: «Раз-два, раз-два, раз-два». Вдруг малыш дернулся — изо рта и носа пошла вода. Потом он забился руками, ногами, заорал во все горло. А мы обнимали его, целовали, приговаривая: «Кричи, Федька, громче кричи». Постепенно крик перешел в плач, затем в хныканье и, наконец, он успокоился. Мы умыли его, отжали его одежду, надели чью-то майку, которая висела на нем до самой земли. Потом мы взяли его за руки, и пошли по кругу: «Как на Федин день рожденья испекли мы каравай...» Когда рубашка и трусики подсохли, мы переодели его и пошли домой. «Ну, Федор, ты сегодня заново родился, какой ты у нас молодец!». А он смотрит большими карими глазами и улыбается. Когда дошли до огорода, увидели навстречу идет его бабка с маленькой хворостинкой:

— Вот сейчас настаегаю, зачем ушел один на речку, а если бы утонул?

— Тетя Марфа, как бы он утонул, он же был с нами, — сказала Галка, опустив глаза. А Федька посмотрел на нас, улыбнулся и пошел с бабкой домой. У нашего дома мы остановились, посмотрев друг на друга, не стовариваясь, приложили указательный палец к губам, перекрестили рот и разошлись. Это был обет молчания. На душе у меня было как-то тревожно: с одной стороны — стыдно за то, что за ребенком не уследили, а с другой стороны — чувство гордости: мы уже как взрослые, Федьку спасли!

с. Дубровка

Петр Овцов

Любовь Сергеевна, жена. Её родословная

Всё, что написано выше, касалось, главным образом, истории родословной нашей семьи с моей, то есть мужской стороны. И вот теперь настала пора коснуться истории её второй половины — моей жены, матери наших детей, Серёжи и Алёши. К сожалению, эта родословная ещё менее известна и изучена, чем моя собственная. Дело в том, что и отец, и мама Любви Сергеевны оба довольно рано будучи малолетними детьми остались сиротами и плохо знали не только свои корни, но и своих родителей.

Так, по рассказам её мамы Анастасии Гордеевны, они с сестрой Дусей после смерти родителей остались одни. Она в шестилетнем возрасте, а Дуся на год или два её старше. И сколько себя помнят, обе жили в чужих семьях в качестве няnek или прислуги вплоть до замужества.

Родилась Анастасия Гордеевна в 1908 году в деревне Штанное (ныне 2-е отделение Песчанской птицефабрики), а тогда это был хутор Ключевской станицы Троицкого уезда Оренбургской губернии. Судя по девичьей фамилии сестёр — Бабченко, родители их были украинскими переселенцами, которых только с 1906 по 1912 год прибыло на Южный Урал более одного миллиона человек. А сколько их прибыло сюда ранее, как говорят, одному Богу известно.

Евдокия Гордеевна (Дуся), повзрослев, вышла замуж. Новая фамилия её по мужу была Наумова. Жили они с мужем в селе Карсы Троицкого района, вырастили сына, Геннадия. Сёстры поддерживали связи между собой до конца жизни, но тесными эти связи назвать было бы неверно, слишком разными их воспитала жизнь.

Фамилия отца Любви Сергеевны, Сергея Фёдоровича Баландина, встречается на Урале довольно часто. А если же учесть, что в российских сёлах и деревнях в дореволюционное время многие жители имели фамилии, как правило, созвучные с названиями родных селений, то удивляться тут нечему.

На территории только Челябинской области ещё с середины 18 в. существует село Большое Баландино, куда в те времена переселяли отставных солдат и казаков. С 1841 г. село относилось к Долгодеревенской станице 3-го военного отдела Оренбургского казачьего войска (ныне Сосновский район).

Почти рядом, на территории нынешнего Красноармейского района, расположены бывшие казачьи села Баландино и Малое Баландино. В Еткульском районе есть ещё и Новобаландино. Деревня Баландино имеет место быть и в Чесменском районе нашей области, основанное во второй половине 19 в. казаком Капитоном Баландиным. Какое из этих селений является родным предкам наших Баландиных остается для нас неизвестным. Можно лишь предположить, что это всё-таки сёла Красноармейского или Сосновского районов. Особенно если учесть воспоминания родственников Сергея Фёдоровича о том, что, якобы, его дядя, родной брат отца, уже в советское время проживал в поселке Баландино (или Прохоровка), что под Челябинском. Но, к сожалению, ни имени его самого, ни имён его детей, если они были, никто не знает. Ибо связей с его семьёй они не поддерживали. Но то, что все они являются казачьего происхождения, это не вызывает сомнения.

Да и Сергей Фёдорович, вспоминают дочери, любил подчеркнуть, особенно если был в подпитии, что он потомственный казак и откровенно гордился этим. Судя по всему его прямые потомки, видимо, были не из числа зажиточных. Так в анкете, при вступлении его в члены партии, на вопрос, кто были его родители, Сергей Фёдорович написал: «До 1917 года — крестьяне-бедняки, после 1917 года — крестьяне-бедняки». Его отец и мать,

Фёдор и Марфа Баландины, можно предположить, относились к числу беднейшего казачества, скорее всего, потому, что не имели достаточного количества земли. В начале 20-го столетия они вынуждены были перебраться на относительно свободные земли Троицкого уезда Челябинской губернии. И осели в поселении Ключвенное, что находилось в 15-и километрах от п. Песчаного (позднее центральной усадьбы Песчанского совхоза, а ныне птицефабрики того же названия). Но тогда оба эти населенных пункта были приписаны к казачьей станице Ключевская.

В то время у Фёдора и Марфы было уже четверо детей: сыновья: Иван, Яков, Петр (годы их рождений неизвестны) и дочь Матрёна (1906). Сергей Фёдорович, как и Григорий (1909),

родился уже в п. Клюквенное 20 марта 1911 года. Но и на новом месте жизнь этой семьи налаживалась с трудом. Дети были ещё малые, не хватало рабочих рук.

А вскоре наступили лихие времена. В 1914 году началась Первая империалистическая, и Фёдор вместе с другими казаками отправился на войну, с которой так и не вернулся.

Марфа осталась одна с оравой детей на руках, старшему из которых, Ивану, было не более 16-ти лет, а младшему, Сергею, едва исполнилось три.

Наступало тяжелое время неопределённости, безвластия и между усами и для всей страны. А когда худо в стране, народу совсем плохо. Будь иное, более стабильное положение в России, возможно Марфа и справилась бы с обстоятельствами, постигшими её семью. Однако в условиях надвигающейся гражданской войны, что разворачивалась на Урале в 20-е годы и наступающего хаоса в обществе, это было невозможно.

Подросший Иван, вместо того, чтобы быть опорой семьи, стал отбиваться от рук. Связался казак лихой то ли с молдаванами, то ли с цыганами, женился на женщине из их же круга и ушел из дому. Занялись они несправедливым делом: крали у людей коров, овец, лошадей. Кончилось всё это тем, что попался он с ворованным скотом в каком-то селе, и был забит сельчанами до смерти.

Приходит беда — отворяй ворота, говорят в народе. Не достигший 20-ти летнего возраста, купаясь в реке, утонул второй сын, Яков. Ушел в город искать счастья Пётр. А вскоре, надорвавшись непосильной работой, горем и свалившимися на неё нечеловеческими заботами в голодном 1921 году, умерла и сама Марфа. Несовершеннолетние Григорий, Матрёна и Сергей, ещё при живой матери учились добывать себе хлеб насущный работой у кого-нибудь из сельчан. А после её смерти тем более жили только батраческим трудом.

В советское время жизнь каждого из них сложилась по-разному. Ушедший ранее из семьи Пётр так и не возобновил связи с родными, и дальнейшая судьба его неизвестна.

Позже Григорий тоже отправился в город. Рабочие руки тогда были очень нужны на активно развивающихся угольных шахтах в молодых городах — Копейске и Коркино. Проработав какое-то время на шахтах, и оженившись, он перебрался в областной центр и окончательно осел с семьёй в Челябинске. У него родились две дочери: Нина — в 1931 г., Маша — в 1936 г. и сын Владимир — в 1939 году. Когда началась Отечественная война Григорий Фёдорович, несмотря на «белый военный билет», добровольцем ушел на фронт. И в нём сказалась казачья кровь. Погиб, защищая Ленинград, в 1942 году.

К настоящему времени из его детей фамилию Баландина носит только его дочь Мария Григорьевна. Она одна из троих получила высшее образование, до пенсии проработала по основной специальности врача-терапевта, а сейчас находится на заслуженном отдыхе. Нины и Владимира, к сожалению, нет уже в живых. У первой остались две дочери: Наташа и Люба. У Володи — два сына, Александр и Сергей, продолжатели фамилии своего отца. Все живут своими семьями в Челябинске.

Подводя итог жизнедеятельности Григория Фёдоровича, можно твёрдо сказать, что за ту короткую жизнь, что ему была отведена, он сполна выполнил свой долг на земле. Создал семью, построил дом, дал жизнь своим детям и, как потомственный воин, в лихую годину встал на защиту родной земли от злейшего врага. В святом возрасте Христа он пал смертью храбрых на поле брани, один из пяти братьев обеспечив продолжение своей знаменитой фамилии, доставшейся ему от дедов и прадедов. Вечная ему память.

Матрёна Фёдоровна после совершеннолетия вышла замуж за Николая Казакова и уехала с ним под Карабаш на золотые прииски. Прожили они всю жизнь в собственном домике в поселке Тьелга. Детей не имели.

Сергей Фёдорович, десятилетним мальчуганом, подрабатывая у разных людей в качестве пастушка, няньки или на других работах, всё-таки сумел окончить Клюквенскую начальную школу (советская власть жестко отслеживала обязательный всеобщий детей, особенно сирот) и получил четырёх классовое образование. Для того времени это было совсем неплохо и реально помогло ему в жизни.

Рос он крепким, боевым и общительным пареньком. К тому же прекрасно пел, научился играть на гармонии, а потому пользовался особым авторитетом у молодых девушек и женщин. На жизнь зарабатывал поначалу батрачеством.

Вот как он ответил на вопрос анкеты «род занятий с начала трудовой деятельности» при вступлении в члены КПСС в 1955 году: «С октября 1928 г. по декабрь 1928 г. — село Клюквенное Каракульского района Челябинской области — батрак у гр. Мурашова. С декабря 1928 г. по март 1929 г. с. Бурханкуль... — батрак у гр. Карасёва».

Позже он поступил разнорабочим в Песчанский совхоз и стал учиться на счетовода. Затем, работая в этой должности, одновременно освоил квалификацию бухгалтера. И с декабря 1935 года уже перешёл на работу бухгалтером в расположенную в соседнем селе Каракульскую МТС. Но главное место в его трудовой биографии заняла бухгалтерская деятельность в потребительской кооперации.

Начиная с ноября 1938 по октябрь 1949 года с перерывом на участие в боевых действиях Великой отечественной войны в 1941 г., откуда он пришел по ранению, Сергей Фёдорович работал бухгалтером в Сысоевском сельпо Каракульского райпотребсоюза. А затем практически до конца своих дней — главным бухгалтером этой потребкооперации. Современная песня «Бухгалтер, милый мой бухгалтер» — это про него! По своему весёлому характеру и отношению к любимой работе он точно соответствует её содержанию.

Судьба свела двух не имеющих крова над головой молодых людей, Сергея и Анастасию, в период их нахождения в совхозе Песчаном. Девятнадцатилетний балагур, весёлый, бесшабашный и озорной гармонист настолько запал в душу замужней к тому времени Анастасии, что она, бросив доставшегося ей от безысходности, тупого, грубого, а потому постылого мужа, сбежала от него к Сергею, как только он её позвал.

Что же нашли они такого друг в друге, что породило их и соединило на всю жизнь?

Став их зятем и наблюдая их в семье, я отметил бы, в первую очередь, удивительное бескорыстие этих людей, широту характеров и душевную красоту. Они просто созданы были друг для друга. Анастасия Гордеевна, будучи чуточку старше и домовитее мужа, являлась опорой семьи, тем стержнем, на котором держался не только дом, но и, пожалуй, сам хозяин дома, которого, нередко, казачья воляница и бесшабашность заносили, как говорят, «не в ту степь».

Они никогда не гнались за богатством, не страдали стремлением к накопительству. Жили так, как большинство русских людей, просто и открыто. У них везде, где бы они ни проживали, было множество друзей, с которыми они постоянно встречались, отмечали вместе праздники, дни рождения, другие знаменательные события.

Мне довелось побывать ни на одной из таких встреч. Все они постоянно восхищали меня необыкновенным гостеприимством, теплотой, обилием шуток, неисчерпаемым количеством прекрасных песен.

Боже мой, а как же красиво они пели! Признаюсь, я, бывая на этих праздниках, обычно с нетерпением ждал того момента, когда заканчивались вступительные тосты, и начиналось песенное торжество.

Чаще всего запевадой был Сергей Фёдорович, особенно его любимых: «Распрягайте, хлопцы, коней», «Скакал казак через долину», «При лужку» и другие. Голос его, густой и сильный, звучал уверенно, красиво, высоко, проникая в самую душу и захватывая тебя целиком.

Прекрасно пела и Анастасия Гордеевна. В песнях её исполнения: «По над лугом эленэньким», «Ой ты, хмэлю, хмэлю» было столько искренности и теплоты, женской не поддельной страсти, что казалось — поёт она о своём, пережитом и выстраданном, поёт не столько голосом, сколько своим измученным сердцем, тонкой, ранимой душой.

Подстать хозяевам были и гости: Алексей Семёнович и Прасковья Худечки, Евмен Карпович и Мария Ивановна Новиковы, Мария и Фёдор Безкоровайных с их дочерью Татьяной, озорной проказницей и певуньей, Максим и Александра Коноваленко, Михаил Васильевич и Матрёна Ковалёвы, Архип и Стюра Гончаренковы. Да всех и не перечислить. Почти все они обладали прекрасными голосами, пели так же самозабвенно и слаженно на два и на четыре голоса. В Каракуле знали цену песне, любили и умели петь.

И до сего дня в селе существует замечательный Каракульский хор казачьей народной песни.

Прожили вместе Сергей Фёдорович и Анастасия Гордеевна более 30 лет, вырастили, как я уже писал, трёх дочерей. К месту сказать, Сергей Фёдорович очень сильно был огорчён тем, что нет у него сына — наследника. И когда мы с Любашей, вспоминая, в знак уважения назвали в его честь своего первенца Сергеем, радости и гордости деда не было границ! Да, к слову, и внук до сего времени не скрывает своего удовольствия тем, что носит имя своего родного деда. Но это, к слову.

Что касается дочерей, то старшая, Валентина, родилась у них ещё в совхозе Песчаном. Окончила семилетку, в положенное время в Каракуле вышла замуж за Ивана Яковлевича Буданова, тогда ещё работника райвоенкомата. Вместе с ним вырастили двух сыновей:

Александра и Евгения. Пока был жив Иван Яковлевич, жили в Каракуле, в настоящее время Валентина Сергеевна проживает вместе с старшим сыном Александром в селе Октябрьском. Младший сын, Евгений, живёт своей семьёй в Москве. Оба сына подарили им по внуку, которые также давно уже взрослые.

Младшая дочь, Галина, родилась сразу после окончания войны в селе Сысоево того же Каракульского района, окончила Каракульскую среднюю школу, Шадринский торговый техникум, а затем, как и отец, долгое время работала в том же райпотребсоюзе. Замуж вышла также по любви, как и её сёстры. Избранником Галины стал Николай Фёдорович Выбойщик, шофёр той же торговой организации, где работала и она сама. Родили и вырастили двух детей: дочь Елену и сына Юрия. Как и родители, Елена живёт в селе Октябрьском. Юрий обосновался в Челябинске. У каждого свои семьи, дети.

Люба — средняя дочь. Родилась 29 октября 1936 года в селе Белозеры, где отец тогда работал бухгалтером машино-тракторной станции, или, по-тогдашнему, МТС. Так что в каждом селе, куда приезжали Сергей Фёдорович и Анастасия Гордеевна, появлялись у них по дочке. Очень даже неплохо.

И совсем уж прекрасно, что в Белозерах появилось это белокурое чудо по имени Люба. На фотографии, где она вместе с отцом в трёх-четырёхлетнем возрасте, хорошо видно, какое это было премилое, очаровательное дитя.

В её памяти о тех детских годах остались воспоминания о том, как дома отец довольно часто, придя с работы, играл на гармонике, а она плясала или пела вместе с ним, как он, смеясь, говорил: «Ну, из этой проказницы недолёт-перелёт получился, неизвестно что вырастет».

Выросло, что надо. Она успешно окончила среднюю школу, Челябинское культпросветучилище, а затем и Челябинский педагогический институт. Как и её родители, прекрасно пела, плясала, была, в отца, заводилой и озорницей.

За это я и полюбил мою искрометную казачку, оказавшись в селе Каракульском в 1956 году. О том, как случилось такое, рискну сослаться на моё стихотворное сочинительство того времени, посвящённое ей:

У Любки глаза горячи,
У Любки глаза, как мечи.
Они насмерть парня разят,
Ой-ой, как остёр её взгляд!

Глаза те огнём искрятся,
Недаром их все боятся.
Ах, Алла бисмелла,
Помоги же мне Бог,
Я в них начинаю влюбляться.

Начал 52 года назад, да так и продолжаю любить своё златокудрое счастье. И об этом есть стихотворные строки.

Для встречи с прошлым, прожитом
Семейный в руки взял альбом.
Гляжу с восторгом на портрет,
На нём тебе лишь двадцать лет.
Ты так прелестна, так красива,
Не просто девочка, а диво!

Смотрю, любуясь, снимок тот,
Когда тебе тридцатый год.
И отвести не в силах взгляд
От снимка, где ты в пятьдесят!

С волненьем, двадцать лет спустя,
Держу я за руки тебя.
В глаза любимые гляжу,
Как прежде мысленно твержу,

Судьбу в душе благодаря,
Ты радость, жизнь, любовь моя!

За годы, прожитые вместе, стихов написано о ней и для неё много, удачных и не очень. Одно могу сказать, все они искренни. И Любаша их заслужила. Как заслужила и ту любовь к ней, которую я пронес через всю жизнь.

Что касается работы, то, где бы она ни работала, везде и всё у неё получалось, в каждом деле находила она для себя интересное и полезное, а потому относилась к нему заинтересованно и ответственно, будь то инспектор районного отдела культуры, заведующий общим отделом райкома комсомола или старшей пионервожатой в школе.

Но в полной мере её творческие способности раскрылись при переходе на учительскую работу. В 1961 году её, студентку 4-го курса заочного отделения педагогического института, назначают учителем истории в Октябрьскую среднюю школу, в которой, кстати, директором в то время работал её муж, то есть ваш покорный слуга. Как водится, новому молодому работнику дают «самые веселые» пятые классы и классное руководство в 5 Д классе, где были собраны, за малым исключением, ребята, только что окончившие начальные школы окрестных деревень, винегрет, словом.

Свои первые уроки в этом классе вспоминает Любовь Сергеевна так. «Веду занятие, объясняю новый материал. И вижу: за партами, вдоль стены по направлению к двери ползёт на коленях мальчик, фамилия его, помню, была Деревянко. Ползёт, да так комично, что я не удержалась и, глядя на него, расхохоталась во весь голос. Ещё громче принялись смеяться ребята. Нам даже замечание сделали учителя соседних классов, мол, заниматься мешаешь. Надо было видеть тогда этого героя, его полное смущение и растерянность. Озорничать мальчишка любил и умел. Но в классе посмешищем быть совсем не желал. Это и стало впоследствии тем ключом, которым можно было остановить шалости его и других ребят, подобных ему».

Весёлая, добрая, совсем незлопамятная молодая учительница вскоре нашла общий язык со всеми пятиклашками, где вела уроки. И что особенно важно, нашла желанное взаимопонимание и взаимные симпатии с более чем тридцатью мальчишками и девочками своего 5 Д, и, как оказалось, на долгие, долгие годы. Она, оставаясь их классным руководителем, помогала им пережить трудности их подросткового возраста, готовила к получению аттестата зрелости, давала тем, кто нуждался в этом, добрые советы при вступлении во взрослую жизнь.

Дети, в свою очередь, добром отвечали ей на добро. Она до сих пор при случае с благодарностью вспоминает свой «первый выпускной». И то, как, став завучем по воспитательной работе, обрела в их лице свой самый надёжный актив: Витя Ковальчук возглавил комитет комсомола школы, Вера Кравченко стала ответственной за проведение политинформаций, Таня Швецова — за культмассовую работу, Володя Моспан — за спортивный сектор. И то, что в классе не было надёжнее опоры, чем его староста Боря Азеев, а также такой отчаянной заводилы, чем Лида Бирт. И то, что учились все её ребята по-настоящему, что называется на совесть.

В истории школы это был, пожалуй, единственный класс, в котором при выпуске оказалось сразу четыре медалиста. С золотой медалью окончили десятилетку: Витя Ковальчук и Лида Комлева, с серебряной — Вера Кравченко и Палагнюк Владимир.

Позже работала Любовь Сергеевна классным руководителем и просто преподавателем и в той же Октябрьской средней школе, и в ряде школ Челябинска, и везде у неё с детьми был должный контакт и взаимопонимание. Но вот такой сердечной взаимности, пожалуй, больше не было.

Только ребята из этого класса, в не учебный день, вызвав её под каким-то предлогом в школу, устроили своей «классной» сюрприз: поздравление с тридцатилетием со дня её рождения. Придя в свою классную комнату все до единого при полном параде: мальчишки в форменных брючках и белых рубашках при галстучках, девочки в форменных платьицах и фартучках с белыми ленточками в косичках, построившись как когда-то в пионерский строй, читали ей поздравительные стихи собственного сочинения.

Это только они через 20 лет после окончания школы, собравшись вместе, пригласили на свою встречу и её, любимую учительницу. Это они не забывали все эти годы поздравлять её с праздниками и днём рождения. Ученик этого класса Володя Моспан, служа на кораблях Тихоокеанского флота, писал своей учительнице исповедальные письма. Фотография бравого моряка до сих пор хранится в наших семейных альбомах.

Несколько лет назад Лида Бирт и Лида Вязко нашли свою учительницу в миллионном городе, чтобы поздравить её с семидесятилетием. А вот не так давно уж и сама учительница поздравила своих учениц с шестидесятилетием. Так стремительно летит время. Но до сих пор Любовь Сергеевна считает лучшей педагогической удачей в своей жизни тех далёких сорванцов незабвенного 5Д класса.

С признательностью и душевной теплотой вспоминает она и ещё один свой выпускной, 10 Б класс восьмой школы Центрального района г. Челябинска. И с этими ребятами ей так же славно работалось, и с ними по настоящему сдружилась их классная руководительница. Как забыть такое, когда вчерашние выпускники, узнав о её 50-летнем Юбилее, принесли ей на дом наполненную вазу и в ней 50 прекрасных алых роз!

Две девочки, светлые звёздочки этого класса Наташа Ильиных и Оля, ныне Терехова, по их собственному признанию, благодаря её влиянию выбрали для себя педагогический путь, став преподавателями истории, как, впрочем, и Вера Кравченко с Татьяной Швецовой из далёкого 5 Д. Согласитесь, этот факт тоже не малого стоит.

Довелось Любови Сергеевне в течение трёх лет, начиная с 1973 года, поработать в качестве заместителя директора по воспитательной работе в профессионально-техническом училище Челябинской обувной фабрики. Контингент учащихся ПТУ известный, воспитатели были особо востребованы. Поначалу Любаша сильно переживала из-за того, что многое не получалось у неё с ребятами и мастерами. Приходила она домой расстроенная, недовольная собой. Но только по началу, и совсем недолго. Примерно через месяц я снова видел её бодрой, одухотворённой, с радостью бегущей на работу в своё училище.

Опыт воспитательной работы в школе, природная доброта и любовь к детям сделали своё дело. Девчонки, обучающиеся в училище, видя неподдельное к ним отношение, уважение и искренность в обращении с ними со стороны заместителя директора, вскоре стали отвечать ей тем же. Привлекала учащихся и та программа, что предлагалась для занятий в свободное время: тематические вечера отдыха, различного рода конкурсы, кружки художественной самодеятельности, пение в хоре и занятия музыкой на отдельных инструментах и в струнном оркестре под руководством настоящих профессионалов, спортивные тренировки, серьёзные и шуточные состязания и многое другое.

Установились рабочие отношения и с мастерами, кураторами учебных групп. Они вскоре увидели в лице нового начальника порядочного человека, опытного педагога и своего доброго помощника, всегда готового помочь делом или разумным советом, что и сняло все недоразумения.

И совсем немаловажно, сложились рабочие, доверительные отношения в руководстве училища между директрисой Евгенией Ивановной Новиковой, её заместителями, по воспитательной работе Любовью Сергеевной и по учебной работе Валентиной Николаевной Харитоновой, а также председателем профсоюзного комитета Лидией Николаевной Нестеровой.

Опорой в работе и надёжными подругами Любы стали такие преподаватели, как Ольга Ивановна Рыбина (эстетика), Елена Владимировна Швец (черчение). С ними у неё сохранились приятельские отношения и до настоящего времени.

Ровно семь лет проработала Любовь Сергеевна в областной организации общества «Знание», куда была принята вначале референтом, а спустя полгода утверждена заведующей методическим кабинетом. Эти годы вспоминает она также с особой теплотой и благодарностью.

С благодарностью, потому, что здесь ей довелось общаться с умнейшими и талантливейшими людьми, которых объединяла эта благородная организация: деятелями науки и культуры, искусства, партийными, советскими, профсоюзными работниками, руководителями других общественных организаций. Это общение обогащало её, расширяло кругозор, благотворно влияло на её интеллектуальный рост.

В значительной степени тому же содействовали и многочисленные союзные, а также республиканские семинары и научно-практические конференции, на которых ей пришлось побывать в городах: Ленинграде (дважды), Киеве, Ташкенте, Риге, Иркутске, Томске, Харькове.

С теплотой, потому, что ей посчастливилось работать с такими замечательными руководителями, как председатель областной организации общества «Знание» Оскар Александрович Бахши, его заместитель Валентин Васильевич Бартенев, ответственный секретарь Павел Николаевич Коробов, с референтами правления: В. И. Вороновой, М. Ф. Лобыриной,

А. И. Ваниной, Э. М. Подкорытовым. Вот уже почти 30 лет она поддерживает дружеские отношения с работниками общества Г. Н. Тельмановой, Т. Д. Москвиной, Н. А. Новиковой, В. С. Сапрыкиной.

У Любви Сергеевны сохранились тёплые воспоминания тех лет и о таком, казалось бы, простом человеке, как технический секретарь правления областной организации Антонине Петровне Цивилёвой. Никто не помнил, когда она пришла на эту работу. Менялось руководство, референты, а Петровна, как её попросту все называли, казалось, была всегда. Женщина редкой доброты, необычайно внимательная и доброжелательная, она своим присутствием создавала в Правлении атмосферу домашнего уюта и тепла, которого с лихвой хватало на всех: и на работников Правления, и на гостей, и на простых посетителей. Такой она и осталась в памяти всех, кто работал в то время.

Семейные обстоятельства вынудили Любу в 1984 году вновь вернуться на работу в школу, где учительствовала она до 1995 года. Но это была уже работа по необходимости, а не по душе. Время так называемой перестройки, было не самым лучшим для преподавания истории. Особенно тяготила её та вакханалия, которая началась в 90-е годы с искажения и переписывания отечественной истории, то открытое очернительство и фальсификация советского периода, проводимого перевёртышами с явного поощрения новых властей. Надо было перестать уважать себя, чтобы нести, эти, с позволения сказать, «знания» детям. А потому без всякого сожаления она вскоре ушла на пенсию.

Теперь со свойственной ей энергией и самоотдачей Любаша с головой ушла в домашние дела. Свекровь, Анна Петровна, которой исполнилось к тому времени 85 лет, стала совсем слабой помощницей. Я продолжал работать и, по обыкновению, мало занимался домом. Так что все дела по дому она окончательно взвалила на себя. Вести семейный бюджет, оплату коммунальных услуг, приобретать продукты питания, плюс кухня, уборка, стирка, и бог знает, что ещё приходилось ей справлять каждодневно и без всякого просвета. Да ещё, случалось, по выходным Серёжа с Наташей пятилетнюю Машеньку подбрасывали. У них, артистов театра «Манекен», воскресные дни были рабочими.

В том же 1995 году родился Андрейка у Алеши с Зиной. И забота о внуке в значительной степени опять же легла на её плечи. Чтобы не потерять работу, снохе пришлось буквально через два месяца прервать положенный ей отпуск и занять своё прежнее рабочее место, а сына оставить на руках бабушки. И каждое утро рабочего дня Люба, встав в 6—7 часов, чтобы к восьми успеть на трамвае к внуку, отправлялась с Набережной улицы на Курчатовскую, как на работу. И так больше года, пока внука не устроили в детский сад.

Но и позже, по разным причинам ей постоянно приходилось быть в роли няни.

Отношения со снохами, в этой связи, сколько я помню, были у Любы всегда корректными и ровными. Она никогда не позволяла себе в случае их оплошности повысить голос на них, и уж тем более обругать. Благосклонность и уважение были определяющими в её отношении к избранницам сыновей. Снохи ей платили тем же. Называли её всегда на «вы», и по имени и отчеству, проявляя должное уважение к старшей по дому, хотя и жили отдельно от нас.

С наступлением лета, когда устанавливались стабильно тёплая погода, мы перебирались в наш домик в саду, а с нами вместе отправлялись и наши внуки, Маша и Андрей. Пока не подросли. Садовый участок — это место постоянной и, порой, изнуряющей работы, и внуки это быстро усваивают. А потому, повзрослев, стараются быть в нём с бабушками и дедушками наездами, особенно не задерживаясь.

Как и я, Любовь Сергеевна до самозабвения любит садовые работы. Мы оба родом из деревни, и это понятно. Но любовь наша, как это ни странно, во многом различается. Она предпочитает огородную работу с землей: копка земли, её рыхление, удобрение, посадка и выращивание овощей, особенно помидоров и ягод представляют для неё истинное наслаждение!

Для меня же главный интерес в уходе за садовыми посадками: формирование кроны деревьев и кустарников, борьба с их вредителями, соблюдение графика полива, подкормок и другие, необходимые на земле работы.

Особое место в нашем саду занимает виноград. С ним столько времени приходится проводить, что, порой, на что-либо другое его просто не хватает. На этой почве у нас с ней, нередко, возникают микро конфликты. Но, вместе с тем, виноград — это наша общая гордость.

И мы оба одинаково радуемся и буйству нашей первой лозы «Изабеллы», и дружному цветению «Алёшенькина», и крупным, оливкового цвета гроздьям «Муската» и «Памяти Дом-

ковской», и слабенькому, но цепкому росту только что приобретенного саженца «Памяти Шатилина».

Также как нашей общей любовью являются для нас её любимые розы, и вместе с ними ещё и астры, и хризантемы, и заморские красавицы — лилии. Кроме того, у нас растёт ещё добрый десяток других цветов, названий которых я просто не помню.

Крохотный клочок земли в четыре сотки, деревянный домик на них, мини — баня под баком на два куба воды, разнообразные растения полезного и приятного взору свойства и есть теперь наше главное богатство и наша самая большая радость.

Приобрели мы свою «радость», спустя восемь лет после того, как перебрались в Челябинск, хотя уже в начале семидесятых садоводство в Челябинске стало прочно входить в моду. Однако, как ни странно, все мы, включая маму, и думать об этом не хотели, настолько сильно «уходили» нас октябрьские огороды. В то время нас вполне устраивали три сотки под посадку картофеля.

Но зато мы теперь с Любашей, кроме работы, имели счастливую возможность повышать свой интеллектуальный уровень. Регулярно ходили в театры и на концерты, посещали музеи и выставки. Много читали, занимаясь самообразованием, выписывали невероятное количество газет, журналов и книг. Её и моя работа настоятельно диктовали нам эту необходимость. И, вместе с тем, занимались с детьми, организуя по выходным велосипедные, лыжные или пешие, в зависимости от времени года, семейные прогулки. В праздники встречались с друзьями, которыми в короткий срок обзавелись здесь, в Челябинске. Это наши дорогие Белкины, Горожанины, Масловы, с которыми мы не прерываем дружбу и поныне. А также Харитоновы, Воробьёвы, Киселёвы, из которых, к нашему горькому сожалению, давно уже нет на этом свете Гриши и Вани, обоих Юрия и Таисии Воробьёвых.

Удивительно насыщенным и созидательным было это время. Я имею в виду наши до пенсионные годы. Именно в эти годы, мне кажется, во всей полноте раскрылся и семейный талант Любаши. Народная поговорка: «муж — голова, а жена — шея, куда шея повернёт, туда и голова смотрит», это про нас с ней.

Я тоже преданный семьянин и старался и стараюсь делать всё, что нужно для семьи. Но вот что в данный момент надо сделать из десятка, как обычно, первостепенных семейных дел, это уж, извиняюсь, мне даётся труднее. Пока я обдумываю, у неё уже план на все десять дел готов, успевай только поворачиваться. При том не только мне, но и сыну старшему, и сыну младшему, и всем нам вместе. Сергей до сего дня командиром её, в шутку, величает, и это справедливо.

За это я любил и люблю её. За её беззаветную преданность семье, родному дому, нашим друзьям и близким, будь то родные с её или моей стороны, за её оптимизм и бескорыстие, безболезненное отношение к своему убранству и нарядам.

Нет, она вовсе не была равнодушна к тому, как и во что она одета. Как всякая молодая и симпатичная женщина, а она была даже очень не дурна собой и хорошо это знала, Любаша любила и умела красиво и модно одеваться. Я, бывая довольно часто в Москве, или в заграничных командировках, всегда старался на свои не ахти какие излишки от расходов привести ей что-либо особенное: модные туфельки или платье, а чаще отрез из какого-либо импортного материала, модные духи или губную помаду. И они в то время были у нас в дефиците.

Мне, бывало, доставляло огромное удовольствие видеть то, как она горячо и искренне, прямо-таки по детски, радуется подаркам. Она всегда умела радоваться даже малому. А большего, к сожалению, я чаще всего не мог себе позволить. Моя заработная плата заместителя заведующего отделом обкома партии была по тем временам не столь высокая, а если сравнить её с доходами современных чиновников моего тогдашнего ранга, так до неприличия низкая.

Семья из пяти человек, где трое иждивенцев, обязывала нас «по одежке протягивать ножки». И к чести Любаши, она это прекрасно понимала. Её и меня не тяготили зависть к тем, кто жил богаче, не угнетала бедность, потому что раньше мы жили ещё хуже. А главное, все живущие вокруг нас, имели такой же жизненный уровень, что и мы.

Более того, надо отметить, что на 70—80-е годы пришёлся наиболее заметный рост нашего семейного благосостояния. Именно за эти десятилетия мы всё-таки на выделенной нам бесплатно государством земле посадили свой сад, провели его обустройство, построили в нём, в основном собственными руками, домик, приобрели личную машину, нашего незабвенного «запорожца», соорудили гараж под него, обставили с великим трудом квартиру более-менее приличной мебелью. Наконец, получили для нашей быстро взрослеющей

семьи (сыны росли как на дрожжах), соответствующую по метражу трёхкомнатную квартиру на улице им. Пушкина. Что позволило нам позже, когда сыны поженились, разменять её на три малогабаритных квартиры и обеспечить, таким образом, их семьи отдельным жильём.

Неумолимо быстро летит время. Пенсионный возраст позволяет это чувствовать особенно остро. Причиной такого его свойства является, прежде всего, состояние нашего здоровья. А вот здоровье у моей Любаши с каждым годом становилось всё хуже. Как человек особо эмоциональный, она слишком близко к сердцу принимала всё происходящее на работе и дома, а в оканные 90-е и всё то, что творилось в стране. Это-то и надорвало её крепкое и жалостливое сердечко.

Она всё чаще и чаще стала жаловаться на боли в сердце. И в 2007 году вынуждена была согласиться на его операцию. К сожалению, заметного улучшения эта операция не принесла. Резкое сокращение передвижения, объёмов работы по дому и в саду, чувство собственной беспомощности и бессилия угнетают её деятельную и энергичную натуру, ещё больше усугубляют общее состояние. Неимоверно тяжело видеть её в таком состоянии и всем нам, кто её знает и любит. Уж как-то слишком быстро произошли эти коварные перемены. Но что делать, будем жить.

Закончить это повествование отважусь стихами, которыми поздравил я Любашу с её семидесятипятилетием:

Тебе семьдесят пять — юбилейная дата.
А я мыслями вспять отправляюсь куда-то.
На тот берег крутой, в то большое село,
Где судьбою одной наши жизни свело.

Снова ты предо мной комсомолочка,
Молодая, озорная, в кудрях чёлочка.
Не приснилась по весне, не привиделась.
Наяву явилась мне, сердцем сблизилась.

Про счастливые дни нежно пел баян.
От большой любви был я словно пьян.
С той поры с тобой неразлучны мы,
Ни какой иной не хотим судьбы.

Ты живи, здоровей, моё Солнышко,
Радость жизни испей всю до доньшка.
Хорошо нам вместе, любо нам вдвоём.
Мы сплясать не спляшем, но ещё споём!

г. Челябинск

Павел Хрипко

От Увельки до Сунжи. Казачьи песни в «горячей» точке

Путевой очерк

В путь

Вызов в очередную дальнюю поездку для Троицкого народного казачьего хора, как всегда, пришел неожиданно. Так было перед вояжем в Италию. На этот раз нас приглашали дать концерт в Чечне, в Харкале, что рядом с городом Грозным, на главной базе внутренних войск Северного Кавказа, в одной из точек, которые по сию пору зовутся «горячими», где стреляют не холостыми патронами.

Сложности навалились уже в день отъезда. Три ведущих участника хора, к сожалению, поехать не смогли. Невольно возникал мучительный вопрос, справимся ли мы с ответственной задачей столь малыми силами. Ведь там была не обычная воинская часть, а отборные боевые формирования. Но казачьему хору пошел уже двадцать пятый год, он

недаром носил звание заслуженного и многоопытный его руководитель Анатолий Ткачев, досконально знавший возможности каждого певца, в успехе был уверен.

Итак, нас было восемь человек, при двух баянах. В начале первого часа ночи наша «Газелька», загруженная концертным реквизитом, артистами и сухим пайком, мчалась к Челябинску, где нас уже поджидал поезд, идущий в Кисловодск, с прицепленным воинским эшелоном. У вагона мы встретились со строгим вооруженным дневальным в камуфляже, он помог разместиться и вскоре наш состав покатил в сторону Европы.

Родная область долго не выпускала из цепких объятий. От Миасса дорога петляла, как заблудившаяся овца: то обходила неприступные перевалы, то шла по краю пропасти, то разворачивалась в обратную сторону. Порошистый летящий снег укрывал все уменьшающееся азиатское пространство. После Златоуста уже Европа, хотя та же Россия. Когда рассвело, мы подкатили только к Юрюзани. Мимо мелькали суровые уральские пейзажи: хмурые ели под нахлобученными шапками снега, выветренные остовы скал, похожие на средневековые крепости, выщербленные временем и людьми, гранитные стены с надписями на труднодоступной верхотуре: «Таня! Я люблю тебя!». Видимо, романтические чудачки еще не вывелись в России.

Ритмичный, убаюкивающий перестук колес нашего состава горным эхом отдавался от крутого берега еще незамерзшей речки Юрюзани. Синеокая, величавая красавица долго бежала рядом и все не хотела отставать, словно знала, что солдатики едут на опасную, полную тревог, военную службу, с которой можно и не вернуться.

Наконец промелькнула Аша, самый западный город Южноуралья, за ним скорбный памятник — две согбенные фигуры серого мрамора, склонившие головы навстречу другу другу в печальном порыве — память о взрыве двух поездов от газового натека.

А заботливый ноябрь с усердием набивал урманы, пади, расщелины скал, свежим пахучим снегом, готовил приход настоящей уральской зимы, которой на Кавказе не бывает. Озябшие березки не отставали от нас до самой Уфы.

Первые знакомства

Как известно, дальняя дорога сближает, а ехать до Ханкалы предстояло четверо суток.

Поначалу штатская одежда нашей концертной бригады вызывала у служивых недоумение, но вскоре к нам заглянул самый главный военачальник эшелона, командир 23-го Уральского отряда специального назначения (ОСН) полковник Валерий Викторович К. Возраст его около сорока или чуть больше, высоченный, под метр девяносто, накачанный мышцами, богатырь, с умным волевым лицом, в солдатском пятнистом камуфляже, приветливый и доступный.

Каждому артисту пожал руку, познакомился, ответил на вопросы, а про положение в Чеченской республике сказал, слегка помедлив: «Обстановке стабильно-напряженная, но управляемая». Нечто подобное говорят обычно врач о больном, находящемся в реанимации. Дал понять, что едем не на экскурсию, а в зону повышенной опасности, но все меры предосторожности приняты и в городе Моздоке нас ожидает бронепоезд. Шс сопровождает вооруженная ротг спецназовцев, которые едут в Ханкалу на три месяца, чтобы сменить свою сослуживцев. Надеется, что связь Троицкого казачьего хора с 23-м Уральским отрядом одной поездкой не ограничится.

После от соседа по купе водителя ефрейтора Юры, мы узнали, что полковник командует отрядом уже более пяти лет, имеет три ордена Мужества с мечами и другие награды. У него несколько ранений, прошел огни и воды, настоящий боевой офицер, бывал там, где действительно горячо. И самое главное, заботится о солдатах, потерь в его отряде не было.

По новой, осторожной, военной моде теперь знаки отличия особо не выпячивают, и порой трудно было отличить офицера от сержанта, но у каждого спецназовца на рукаве был особый шеврон уральского региона — серебряная ящерка, символ, навеянный, видимо сказами уральского писателя Павла Бажова.

У некоторых были даже краповые береты, знак особого отличия владения боевыми приемами — суперэлита спецназа. Все они служили по контракту. Базовая зарплата довольно скромная — около 17 тысяч рублей за возможность подорваться на mine или получить разрывную пулю снайпера.

Лежачие места в вагонах, как известно, рассчитаны на среднерослых людей, а большинство наших служивых соседей имели гренадерскую статью, что доставляло им досадное

неудобство. Их ступни упирались в боковые сиденья и, чтобы пройти, надо было высоко поднимать ноги.

Но среди великанов замечались и коренастые ребята. Каждой специальности, видимо, требовалась своя комплекция. А тут были и разведчики, и связисты, и гранатометчики, и минёры, и снайперы, и водители, и вожатые собак.

Здесь неожиданно возникла одна щекотливая ситуация, о которой умолчать нельзя.

Женскую группу нашего подразделения поселили в соседнем вагоне. А неподалеку от них разместились не улыбочивые, нервные кинологи со своими четвероногими питомцами. И одна из казачек нашего хора — Наташа, сердобольная защитница животных, усмотрела халатную нерасторопность и невнимательность собаководов к своим подопечным. Обвинила их в том, что они не на всех остановках выводят собачек на прогулку и бедные животные страдают в душном вагоне.

Тут же взяла инициативу в свои руки. В каком-то дальнем вагоне, невзирая на посты и несговорчивых дневальных пробилась в дальний вагон, разыскала расписание остановок, длительность, тщательно переписала и стала настойчиво требовать выгула собачек. И теперь на каждой даже 20-минутной остановке четвероногие солдаты с наслаждением дышали свежим воздухом.

Настырная казачка своего добилась.

А овчарок было три. Кайзер — крупный, черной масти, важный, начальственный, как генерал, снисходительно посматривающий на подчиненных. Рекс — лохматый, среднего роста, недоверчивый, необщительный, как все подозревающий инспектор дорожной полиции.

Зато красавица Забава покоряла всех. Светло-рыжая овчарка с умными, почти человеческими глазами. Она, казалось, понимала всё, что ей говорили, только не могла ответить. Во всём ее облике просматривалась какая-то осмотрительная стеснительность, как у девушки, впервые попавшей в скопление особей иного пола. На стоянках она с особенной грацией купалась в снегу, выбирая, где почище и подальше от своих собачьих кавалеров.

Все они прошли особое обучение, тщательный отбор, имели, можно сказать, высшее собачье образование и тоже ехали на войну, которую люди почему-то называли «скрытной».

Наш поезд не был скорым, а российские просторы можно по-настоящему познать только в неспешном странствовании. Не лоскутная же Европа, а великая пространством Россия.

На склоне второго дня пути прибыли в Уфу, современную, опрятную и многоэтажную, с Салаватом Юлаевым на вздыбленном коне, главным теперешним ее символом. А поболее четырехсот лет назад первый камень в основание крепости Уфа заложил славный воевода Ивана Грозного, подвижник царя, Иван Нагой.

Стоянка долгая, больше часа. Срывался снежок, пасмурнело. Здесь мы впервые при дневном свете увидели почти все спецназовское воинство. Они вышли на перрон размяться, вдохнуть морозного духа. Рослые уверенные улыбочивые уральские парни. Некоторые были в одних шортах, без маек, в шлепанцах, многие с бритыми головами. Курящих почти не было. Они растирали падающий снег на своих бутристых торсах, кидались, как дети снежками, балагурили, а в мыслях еще домашние проводы, еще уральская Россия, еще наслаждались безмятежным покоем. По сугробам бегала улыбочивая Забава, радуясь белизне снега, вольному воздуху и доброму настроению окружающих людей.

Прокатались по Оренбуржью, последнему отрезку Урала и началось протяженное, в тысячу верст, волжское понизовье.

По-над Волгой

В Самару прибыли ночью. Многие не спали, ожидая переезда через Волгу, да и путейцы согнали сон, обстукивая с тормозных колодок намерзший уральский лед. И вот она, матушка, главная река России. Как только ее не называли: в древности Ра — щедрая, в средние века — Итиль — река рек, теперь Волга — священная и широкая. Одна наша казачка, не впервые видевшая Волгу, вдруг начала креститься, убоялась, что мост немыслимой длины может и не выдержать огромного поезда.

Утром, после занятий спецназовцев мы провели распевку. Надо признать, что с начала поездки отношение к нам со стороны солдат почти не изменилось и было довольно приятное.

Едут какие-то штатские, куда, зачем, непонятно, может по благу кто-то устроил.

Но стоило нашим музыкантам развернуть звонкие тульские баяны и подать голос песенному ансамблю, как в одночасье установился дружеский контакт. Они сразу же включили свои телефоны, магнитофоны, какие-то другие записывающие устройства. Весь вагон пришел в движение. Служивые столпились у нашего купе и слушали с нескрываемым интересом.

Для распева мы брали и современные песни, но казачьи им особенно нравились. Непонятно же в них пелось о самом главном, что нужно человеку в экстремальной ситуации: о женской верности, о преданности друзей, о беспощадных недругах и о родной земле. Мы поняли, что своими песнями мы попали в самую точку, что нужны, что у нас все получится, воспрянули духом, да и голос нашего переболевшего жестокой простудой атамана, приобрел свою былую силу и звучание.

После Саратова наблюдали интересное зрелище. Параллельно нашему поезду вдруг покотился очень длинный контейнеровоз из Германии. На желтых его ящиках чернели одноглавые орлы с длинными крыльями, свастику убрали, но орел-то немецкий остался. И то ли в шутку, то ли всерьез машинисты решили посостязаться. Вперед выходил то наш, то германец. Мы вместе с солдатами прилипли к окнам и азартно спорили, чья возьмет. Наконец, наш локомотив, дав продолжительный гудок, обогнал немца, больше его не видели. «Наша взяла!» — ликовали мы.

Наступило время обеда. Распечатали «сухпай». Размочили кипятком китайский «доширак», сушеное пюре, гречневую кашу с запахом тушенки. Сало оставили на обратную дорогу, на всякий случай. Впереди еще было восемь суток езды.

Предкавказье

Постепенно наша концертная команда растворялась в среде спецназовцев. Дышали одним воздухом, питались одинаковым сухпайком, почти все были уральцы, жили одним распорядком и бодро вскакивали, когда чуть свет в конце вагона раздавался зычный, все пронезывающий голос: «Рота, подъем!». Правда, задачи у нас были разные.

Нам было интересно пообщаться с соседями, все ж это были необычные, отборные люди, молодые, можно сказать, цвет нации. Но особенным откровением они не отличались. О месте назначения отзывались сдержанно. О Чечне говорили скудно. По их мнению, она тяготеет ко все большей автономизации. Военные грузовики через Грозный не пропускают, чтобы проехать в Северную Осетию, надо давать приличный крюк. Сам Грозный утопает в роскоши, небоскребы растут, как грибы, много фонтанов, просторных площадей, шикарных парков — это все останется на годы. Но зачем местным футболистам зазывать на матч супердорогую команду Бразилии или приглашать звезд мировой эстрады на день рождения? Это ж деньги на ветер. Наши деньги.

Поезд замедлил ход, и показалась, видная отовсюду, колоссальная фигура Ники с мечом, богини Победы. Перед нами был легендарный Волгоград — Сталинград — Царицын, восставший из пепла, современный город — герой, вытянувшийся на сотню верст вдоль Волги. Красивые набережные, стройные высотки, скоростные трамваи, ныряющие в центре под землю — не верилось, что в 42-м здесь были страшные руины и тысячи погибших.

* * *

Чем ближе подъезжали к Северному Кавказу, тем строже становилось отношение командиров к своим подчиненным. У всех спецназовцев на поясе появилось холодное оружие.

В Минеральные Воды прибыли поздним утром. Солнце непривычно для нашего глаза было почти в зените. На Урале в это время дня оно висит почти над горизонтом.

По суперевропейскому перрону гулял промозглый сырой ветрогон, нахально заворачивая полы курток немалочисленной охраны. Отправление на Моздок ожидалось только поздним вечером.

Впервые за четверо суток можно было целый день походить по земле, размять ноги. Ознакомились с городом. Важный железнодорожный узел еще с 1894 года, можно сказать, прихожая Кавказа. Чуть меньше нашего Троицка и по сравнению с ним, весьма не прибран, не ухожен. Обилен опавшей листвой, надоедливыми торговцами и людьми в камуфляжу. На привокзальном, тесном, забитом товарами рынке, казалось, можно было купить все, кроме китайских товаров.

Да и местные жители имели непривычное для нас обличье: горбоносые, цепкоглазые, чернявые и весьма приветливые, если что-нибудь у них покупаешь. Но то было еще Ставрополье, Предкавказье, Северный Кавказ был еще впереди. А поздним вечером, уже перед самым отъездом произошла удивительная встреча.

* * *

Солист нашего хора, Илья, неожиданно в одном из постовых ОСН, дежуривших у вагона, узнал своего земляка, троичанина из Лебедевки, учившегося в классе его матери, в Клястицкой средней школе. Это был командир отделения спецназа, старший сержант Владимир Г. Он тоже направлялся в Ханкалу, на службу, только в другом вагоне. Казалось бы, ну что тут необычного? Наверное, не один бы земляк нашелся во всем эшелоне. Но заковыка была в том, что Володя с пятого класса дружил и учился за одной партой вместе с Андреем Голоцаном, героически погибшим в Чечне одиннадцать лет назад.

(Наш писатель Анатолий Столяров в своем пронзительном очерке, бьющем в самое сердце, писал о подвиге юного клястицкого героя Андрея Голоцана еще в 1998 году. Затем этот очерк «Глаза у Андрюшеньки были голубые» вошел в книгу троичанина «Через сердце прошедшие».)

Владимир нам рассказал, что они с Андреем успешно закончили десятилетку, были призваны в армию, вместе прошли «учебку» в Сибири. Но дальнейшая служба раскидала их по разным специальностям. Володя стал связистом, Андрей — мотострелком. В самом начале 1995 года два друга ненадолго встретились уже на Северном Кавказе, в страшном пекле первой Чеченской войны. Их срочников-первогодков послали на бессмысленный штурм города Грозного. В одном из боев Владимир был ранен осколком мины в ногу, долго лежал в госпитале, по оздоровлению вернулся на службу. Теперь он уже контрактник со стажем, надежный, проверенный спецназовец, на таких и держится российская армия. У него двое детей. Сыну уже 14 лет. Успешно занимается в Троицкой спортшколе, завоевывает призы. Владимир надеется, что сын его также изберет военную профессию. Что может быть священнее, чем защита Отечества.

Сам он едет опять в «горячую» точку, не забывает отчие места, родную Лебедевку, где живет его мать, родные, близкие люди, где прошли его детство и юность.

О трагической судьбе своего верного друга, о мытарствах его матери, Людмилы Вилисовны и отца Сергея Андреевича в поиске и опознании тела сына, Володя узнал не сразу.

Долго не мог поверить. Но строчки печального извещения беспощадны своей страшной правдой: «...Гвардии рядовой... выполнявший боевое задание, проявивший стойкость и мужество, погиб 7 января 1995 года».

В бронепоезде

Новый день для нас начался в пять утра. Где-то в конце вагона, как всегда, прозвучала уже привычная команда. Наш поезд приближался к Моздоку. А это уже республика Северная Осетия — Алания, Северный Кавказ.

Состав остановился в каком-то закутке вдали от вокзала. Приказано было всем выгружаться и буквально через несколько минут почти в полной темноте у цепочки вагонов выросли ряды рюкзаков, сумок, ящиков с сухпаем, с оружием, весь отряд получил автоматы. Рослый спецназовец в краповом берете бережно держал свернутое бархатное знамя батальона. Построились повзводно, прозвучали команды, и все мы длинной колонной, под обволаживающее пение голосистых осетинских петухов направились к черневшему вдалеке длинному сооружению на колесах, тому, что военные называли бронепоездом.

Конечно, там не было грозного ряда стальных башен с мощными орудиями и бронбойными щитами времен гражданской войны, но имеющегося вооружения было достаточно, чтобы отбить любую атаку.

Меж вагонами на площадках стояли счетверенные установки крупнокалиберных пулеметов, в центре броневagon с бойницами, а в самом хвосте поезда на платформе маячил силуэт танка. Впереди локомотива были прицеплены две пустые длинные площадки для подстраховки от минирования пути.

Мы как-то сразу попали в особую обстановку. Поначалу показалось, что ничего тревожного вроде бы и нет, но когда мы увидели у пулеметов сосредоточенных стрелков в бронезилетах, шлемах, с расчехленными автоматами, с напряженными часовыми, зорко

посматривающими по сторонам и меняющимися каждые полчаса. Когда увидели на всех пересечениях дорог с «железкой», приземистые, белесые, под цвет местности, бэтээры, со стволами, направленными в сторону гор и тяжелые «Уралы», стоящие поперек движения, и автоматчиков в матово поблескивающих касках, сидящих в окопчиках у шоссейки, то сразу вспомнили и про смертников, обвязанных взрывчаткой, и про минированные автомобили, прорывающиеся к скоплению людей, и снайперов, прячущихся в укромных местах. Стало жутковато.

Опасность была вполне реальная. Везли свежую смену, отборное, элитное подразделение для борьбы с террористами, коварным, дерзким и беспощадным врагом. Осторожность была обязательна, да и передвигались здесь только в светлое время суток.

* * *

Алания осталась далеко позади. Потянулись чеченские станции: Рубежное, Наурская, Надтеречная. В каждом названии звук «р», как символ беспокойства, полохливости.

Нам показалось, что осетинские поселки менее благоустроены, хотя и здесь на левобережье Терека, вдали от центра, заметны полузаброшенные строения с треснувшими стенами, быть может, немые свидетели последних чеченских войн. С юга по окоёму, нас сопровождала цепь невысоких горюшек, а за ними, в дымке, уже теснились, как тяжелые грозовые тучи, закрывающие полнеба, гряды Большого Кавказского хребта.

Терские казаки

Терек все ближе подходил к железной дороге и у старинной казачьей станицы Червленной подошел вплотную. Уже от самого Моздока мы двигались по земле героических гребенских и терских казаков, истари охранявших южное порубежье России. Старинные предания гласят о живших у Гребенных гор вольных казаках, которые еще в 1380 году преподнесли икону Гребневской богородицы князю Дмитрию Донскому, разбившему хана Мамаю на Куликовом поле. По закону тех времен, терским казаком мог стать любой кавказец, а гребенским — только православный. До сих пор в гимне Терского казачьего войска сохранились слова:

Пыль клубится по дороге
Темной длинной полосой,
Там в Червленной по тревоге
Скачет полк наш Гребенской.
Славься Терек наш могучий,
Славься Родина — Кавказ.
Мы поля твои поили
Кровью жаркою не раз.

За станцией Червленной мы впервые пересекли Терек, главную водную преграду Северного Кавказа, вобравшую в себя все реки, текущие с гор. Знаменитая, вроде, река, а всего-то на 160 км длиннее нашего Уя. Здесь он размашист и полноводен. А у самого Гудермеса перескочили и реку Сунжу, неширокую и мутную, на которой и стоит столица Чечни.

Многие местные селения удивляют своей закрытостью и, как нам показалось, нелюдимостью. Новенькие, краснокирпичные просторные дома для большой семьи на улице окон не имеют, только во двор. Улица кажется слепой, как в гаражном кооперативе. Видно, постоянная опасность приучила местных жителей к чрезмерной осторожности. Там по-настоящему силен закон: мой дом — моя крепость. Подобное довелось наблюдать и в Узбекистане.

Зато роскошь Гудермеса видно издали. Новенькие мечети с остроконечными минаретами сверкают золотом. Целый ряд двадцатипятиэтажек с затененными балконами и прозрачными куполами крыш невольно вызывают удивление. Близ дороги раскинулся шикарный, европейского образца аквапарк с водяными горками, украшенными бассейнами, со всеми немислимыми для россиянина удобствами, но по законам шариата для мужчин и женщин отдельно. Далее еще один парк с богатой очутуненной оградой, нечто вроде музеев президентов Чечни. У входа их портреты: слева отец, почтенный аксакал, справа — сын, со звездой героя России.

За Гудермесом дорога повернула на юго-запад, к столице Чечни. Впереди показался Аргун, городок, поменьше предыдущего, но и там выстроена целая улица новеньких коттеджей на одно лицо, кавказского типа с окнами во двор. То ли образцово-показательные, то ли избыточные средства, остатки пятидесяти миллиардной дотации. Тех саклей, с плоскими земляными крышами и широкими трубами, о которых писал Л. Н. Толстой в своих повестях «Казачьи» и «Хаджи-Мурат», нет и в помине.

Ханкала

Уже за бурной речкой Аргун о к железной дороге придвинулись и горы. Пониже, у обрывистых предгорий, к обочине дороги подползли, будто подкрались} труднопроходимые густые кривулины тонколесья, настолько плотного, что даже и теперь, в пору безлиственного ноября, в такой уреме можно было легко затаиться и остаться незамеченным.

Наконец, вдали, на фоне темнеющего заоблачного нагорья показались белые высоты, то был Грозный — двести лет назад небольшая русская крепость, теперь полумиллионный город на реке Сунже.

Наш бронепоезд остановился от него верстах в трех. Пересадка в машины — и вот мы в Ханкале, в настоящем военном городке со строгими порядками, обязательной субординацией, армейской дисциплиной, частыми часовыми, спиралями «кошечки», танками, бронетранспортерами, «Уралами», вертолетами и всем необходимым для жизнеобеспечения военной базы.

Женский состав нашего музподразделения разместили в клубе, вместе с поварами, связистками, другим женским персоналом, а мужчин — в офицерскую палатку, матерчатую, просторную, похожую на чум, с двумя чугунными печками-«буржуйками» на железных лапах и длиннющими трубами, выходящими в вершину конуса.

Нам предоставили железные кровати с панцирными сетками, матрасы, отглаженные простыни, одеял не полагалось. Прибывшие с нами офицеры имели свои спальники. Вскоре и нам выдали эти мешки на молниях. Мне достался с прорехой от головы до низу. Как я ни укладывался потом, дыра всегда была сверху, но если укрыться курткой, то терпимо.

Офицеры нас сразу же предупредили: все съестное, даже пластиковые бутылки, в сумках не оставлять, ночью пожалуют хвостатые «террористы», от них спасает только железо. Сразу же позвали отобедать в офицерской столовой, что через стенку с солдатской.

Помещение довольно скромное, но с потолком и полами. В переднем углу трапезной, киот с тремя иконами, два ряда длинных полевых столов с ножками крест-накрест, чистые клеенки, длинные лавки, ближе к раздаче, стол покороче, видимо, для старших офицеров.

После надоевшего «Доширака», щи и каша с кусочком курицы, показались заморским кушаньем. Правда ни фруктов, ни салатами из свежих овощей нас так ни разу и не попотчевали, хотя, казалось бы, на юге этого добра в избытке.

После обеда собрались в женской палатке на генеральную репетицию. Пели вполсилы, чтобы не беспокоить бойцов, слышимость-то была на весь лагерь. До главного концерта оставалось меньше суток. Тщательно прогнали всю программу завтрашнего концерта, настроились, убедились, что все на высшем уровне и отправились в баню.

После долгой дороги в скученном душном вагоне — это было царской наградой. Баня была офицерской, на четыре человека, с настоящей парилкой, каменной из местных голышей. Устроено все просто, по-русски, по-крестьянски, без излишеств.

У солдат были такие же сооружения, только больших размеров. Из всех здешних удобств, походных, сделанных на скорую руку, якобы временных, баня была здесь, наверное, самым желанным благотворительным учреждением. В любое время дня там поддерживалась температура и была горячая вода. Правда, веничков в парилке не было. Березы в Чечне, видимо, не приживаются, а с Урала везти накладно.

Перед сном посмотрели чеченские теленовости. Показывали главу республики, его пребывание в Абу-Даби, в Объединенных Арабских Эмиратах. Подобострастные шейхи в роскошных белых одеждах, устроили ему пышную встречу на уровне высшего лица государства. А он в скромной черной курточке, брюках, чуть ли не джинсах, сдержанно выслушивал их речи и степенно кивал головой. Потом его показали уже в мечети, тоже в белых одеждах, молящимся.

Цель поездки толком не объяснили, но, видимо, что-то очень важное. Грозненская реклама, как и везде, весьма назойлива, но поразила частым напоминанием: «Позвони

по номеру, положи пять рублей и узнаешь время намаза». Адрес редакции, проспект Путина, 2.

* * *

Заложили в печь очередную порцию дров и стали укладываться спать. Условия жизни здесь были, если не спартанские, то близкие к ним. Наши лежа находились в полутора метрах от главного входа в палатку, по-местному, в кубрик. Дверями служили два расходящихся полотнища с завертками. Каждые пять минут эти почти-портьеры распахивались, впуская входящих и выходящих офицеров. Наш кубрик был проходным, далее размещался штаб, куда постоянно стекались все сведения по текущей обстановке, принимались решения, давались распоряжения. Текла обычная круглосуточная армейская служба отряда специального назначения, а ночь в этих местах более опасна, чем днем. Боевики светла не любят, а ноябрьские ночи до снега темны.

Хоть и южная, но зима, пока без снега, ночью до минус десяти, а днем подтаивало.

Халабуда наша матерчатая обогревалась двумя «буржуйками». Ближе к офицерам — газовая, у наших кроватей печка топилась только дровами. Еще до ужина, опекающий нас офицер, сказал: «Я поставлю задачу, и к ночи дров вам принесут». И теперь возле нашей топки громоздилось целое обилие напиленных по одному размеру горбылей и реек. Печка гудела от жаркого пламени, основание трубы в темноте даже светилось. Но буржуйка дает тепло, пока горят дрова. Часам к трем я проснулся от ледящего холода. Дежурный офицер натолкал полную печурку обрезков, но угли уже прогорели. Искать спички в полной темноте было бесполезно, пришлось срочно одеваться во все, что греет.

23-й Уральский ОСН

Предрасветным утром нас разбудили звуки мощного динамика на плацу — исполнялся государственный гимн России.

Концерт в Доме культуры намечался в шестнадцать часов, и мы могли обстоятельно осмотреться и ознакомиться с расположением родного нам теперь 23-го Уральского отряда особого назначения.

Главное управление базы внутренних войск со всеми своими службами, загородками, охраной, казармами, церковью, Домом культуры, магазинчиком находилось чуть ближе к Грозному, а здесь располагался уральский ОСН, хотя могли быть и другие, но мы свой нос в чужие дела не совали.

По сторонам прямоугольной площадки ровные, по-военному аккуратные, ряды палаток, каждая со своим двориком, спортивным инвентарем, дорожками из досок, чтобы не месить грязь, а кое-где даже и с верандочками, затянутыми маскировочной сеткой.

По-над тропинками четкие шеренги подстриженных плодовых деревьев, обложенных квадратами беленых окатышей. В правом, парадном углу плаца металлический штوك с флагом России, рядом мемориальный комплекс.

Обрамленная из нержавеющей стали столбиков и цепей наклоненная плита из черного мрамора с выбитыми словами: «Вечная память воинам-спецназовцам, погибшим при исполнении служебного долга в Чеченской республике».

Выше, вырубленный из камня краповый берет и портрет храброго воина, высеченный на сером мраморе. Справа бронзовое распятие, ниже, виденное издали, полыхающее пламя Вечного Огня, а ближе, у самых цепей, на камне фигурка серебряной ящерицы — символ 23-го Уральского спецназа.

Все наши казачки и казаки без головных уборов подошли к мемориалу, помолчали и наклонились безвестным героям.

Увидели мы и герб своих земляков-уральцев и девиз, который у нас вызвал уважение: «Надежность и решительность!»

А история существования отрядов спецназа крепко переплетена с трагическими событиями нашего Отечества. Здесь и Чернобыль — 1986 году и Карабах — 1988 год, и землетрясение в Армении, и события в Абхазии — 1989 год, и Владикавказ — 1991 год, и Чечня II — 1994—96 годы и Дагестан — Чечня III — 1999 год. Сколько пролито солдатской крови и принято страданий знают только они сами, их близкие, да командиры тех, кто там побывал.

Теперь существует около десятка региональных команд. У каждой свой символ — отличие, шеврон на правом предплечье. У северо-западной — сфинкс, у северокавказской —

конь, у приволжской — олень, у восточной — тигр, у сибирской — медведь, а уральцы носят ящерку.

А сформирован 23-й ОСН 17 июля 2002 года на базе специального моторизованного полка внутренних войск. Первым командиром был полковник В. А. Фомченко. За свою почти десятилетнюю службу отряд прошел ряд ответственных испытаний. Здесь и выполнение боевых задач в Гудермесском районе в 2006 году, и участие в международных антитеррористических учениях в Чебаркуле 2007 года, и проведение спецмероприятий в Дагестане — 2008 год, одиннадцать месяцев в состоянии крайнего напряжения.

Поначалу отряд назывался «Мечел» — «Меч Челябинска», но когда это слово позаимствовали комбинаты, банки, хоккейные команды, от этого названия отказались. Пока он зовется — 23-й ОСН.

Узнали мы и о спецназовцах внутренних войск, которым было присвоено звание Героев России посмертно.

Среди них: лейтенант Алексей Палатида, который в Дагестане, в бешеном бою отвлек огонь на себя, спас многих, но получил смертельное ранение. Старший прапорщик Василий Юрьев — в бою с бандой Галаева в Чечне руководил группой БМП, чтобы вывезти с поля боя погибших братишек, следуя железному закону спецназа. Обнаружил раненого солдата, попытался вынести его из машины, но был подорван.

Сержант Ирина Янина — бросилась в самое пекло, не щадя своей жизни, спасала раненых. Была изрешечена автоматными очередями.

Младший сержант Иван Кропочев — имел медали «За отвагу» в боях за Карамахи, Чабанмахи, Шали. В районе Гудермеса прикрывал отход ребят в бою с намного превосходящей бандой террористов, был ранен. Подорвал себя и набежавших врагов.

Ефрейтор Дмитрий Рынков — пробрался в расположение банды Галаева и четырьмя выстрелами уничтожил весь минометный расчет головорезов. Был ранен осколками вражеской гранаты. Товарищи уносили его с поля боя на руках, пытаясь спасти, но пуля снайпера из развалин догнала его.

Эта скрытная война, к сожалению, продолжается. И этого «северокавказского шила» в мешке не утаишь, несмотря на замалчивание прессы, на секретные предписания военных, вопреки миллиардным потокам дотации.

Там, за кавказским «бугром», кому-то выгодно будоражить размеренную жизнь горцев. Оттуда текут «зеленые», засылаются наемники, убийцы, вербуются пособники, делается попытка расколоть сознание горцев, оторвать от России. Но это внешние причины, а есть и внутренние.

Совсем недавно, в ноябре, в Москве убит чеченский поэт, профессор Руслан Атаханов, узнаем мы из «Делового вторника» № 40, поэта похоронили в родном селе Знаменское Надтеречного района. Проститься с ним пришли тысячи земляков-чеченцев. Можно сказать, мол, это их разборки, пусть сами и разбираются. Но убийство произошло сразу же после встречи поэта с Генрихом Боровиком, отцом героического журналиста Артема Боровика, расследовавшего безнаказанное казнокрадство на Северном Кавказе и погибшего при невыясненных обстоятельствах. И вот погибли два замечательных человека, связанные дружбой и одним очень опасным делом.

Национальная горделивость некоторых деятелей, свободно жонглирующих легко доставшимися миллиардами, перерастает в кичливость, чванство, а там и до высокомерного беспредела недалеко.

А началом продвижения России на Кавказ признано считать основание Иваном Грозным, в 1567 году крепости Терский городок, при слиянии Терека и Сунжи, севернее Гудермеса. В последующие годы, в непрерывных войнах с Персией и Турцией была создана система оборонительных станиц из терских казаков и местных горцев, которым приходилось бок о бок сражаться с врагами России.

Концертный час

Но вот наступил и наш концертный час. Идем в центральную часть базы, особо охраняемую, огороженную, более комфортную. Здесь уже не всепогодные, продуваемые ветрами временем палатки, а стационарные крепкие строения.

Чистенькие асфальтированные улочки, величественный, сверкающий золотым куполом храм Дмитрия Донского. Справа от входа в церковь, мраморная доска с надписью, что сей храм, освящен владыкой Владикавказским и Ставропольским Феофаном.

Мы с удовлетворением отметили, что этот неутомимый храмостроитель теперь является нашим владыкой Златоустовским и Челябинским и на Святую Троицу побывал и в нашем городе. То для нас было доброе предзнаменование, все же какими бы опытными певунами мы не считались, а волновались изрядно. И хотя у нас уже бывали встречи с военными, год назад весьма успешно выступали перед гвардейцами-ракетчиками под Оренбургом, все ж это были особые парни, находящиеся, можно сказать, на передовой линии фронта, у них обостренные чувства и любая «лажа» там будет преступлением.

В Доме культуры нас уже ждали. Просторный актовый зал, сцена, пианино, занавес. От микрофонов мы отказались. Силы голосов нашего, хоть и укороченного, хора было достаточно, чтобы до предела заполнить зал звуком.

Опекающие нас офицеры посетовали, что недавно здесь выступал ансамбль из Петербурга с микрофонами, мощными динамиками такой силы, что хоть на улице беги.

Перед концертом командующий группировкой внутренних войск России на Северном Кавказе генерал-лейтенант М. дал очень высокую оценку личному составу челябинского 23-го отряда специального назначения за их профессионализм и успешное выполнение служебно-боевых задач в период командировки. Несколько десятков особо отличившихся солдат и офицеров были награждены орденами, почетными знаками, медалями участника контртеррористической операции на Кавказе и ценными подарками.

А потом был концерт. Еще при отборе репертуара мы удивлялись, что почти каждая наша казачья песня подходила для этих ребят. Ведь казаки те же воины, с обостренным чувством долга и братства, лихой отвагой и дерзостью.

Первая же песня со словами «будем привыкать мы к азиатской стороне», вызвала большой интерес у впереди сидящих офицеров. Лица солдат поначалу были застывшие, угрюмоватые. Все же замкнутая, тревожная, закрытая для общения, насыщенная суровыми условиями жизнь, сказывалась, делая их на время жесткими и насупистыми.

Но все же тщательно подобранные мелодии, захватывающее душевное исполнение, яркие, красивые голоса, родные звуки баянов и притягательные лучистые очи казачек сумели растопить молодые сердца служивых.

Уже к середине концерта лица их отмякли, спала повседневная напряженность, недоверчивость, подозрительность, они ожили, заулыбались, стали бурно реагировать и проводжали долгими аплодисментами каждый номер. А когда выступила наша юная солистка Екатерина, рукоплесканиям не было конца. Ну и отдача певцов была запредельной. Высокий накал исполнения даром не давался. У многих пересохло во рту, в душном воздухе трудно было дышать, а гимнастерка на спине нашего руководителя так взмокла, что с нее капало.

Последний блок программы принимался с особым восторгом. Одна из коронных песен атамана «Не для меня», особенно задела сердца слушателей. «Молодцы!» — звучали восхищенные голоса. А сопровождающий нас полковник П. из администрации губернатора победно оглядывал рукоплещущих спецназовцев и улыбался: «Знай наших!»

При исполнении финальной легендарной песни «Прощание славянки» весь зал встал, слушали не шелохнувшись. Потом на «бис» была еще песня и еще...

Но у военных время расписано по минутам. В заключение концерта представитель командования внутренних войск дал высочайшую оценку нашему выступлению, а командир спецназа, полковник К. вручил нашему руководителю почетный вымпел 23-го Уральского ОСН и ценные подарки.

Затем было общее фото со всем отрядом на память о встрече. Но самой главной наградой для нас были многочисленные рукопожатия спецназовцев, объятия и их благодарные доверчивые глаза.

Солдатские будни

Итак, мы свою задачу выполнили, оставалась одна ночь. Новый наш опекун, строгий майор, приказал, чтобы завтра в пять тридцать мы были готовы вместе с ротой спецназа, едушей на отдых, выдвинуться к бронепоезду.

Ночью была какая-то для нас неясная тревога. Срочно вызвали командира, снаружи палатки его ждали несколько офицеров. Нам было слышно, как принимались какие-то решения, срочные приказы, исправления нештатной ситуации.

Ближе к рассвету по линолеумному полу зашуршали хвостатые пособники террористов в поисках съестного.

Всегдашние спутники человека, они следуют за ними даже в самые пустынные края. Им не страшен ни едкий дым, ни мороз, ни вода. У них особо развиты слух, обоняние, ум и хитрость в добывании пищи.

Из библейских рассказов можно узнать, как египетские крысы за одну ночь обезоружили громадную армию Сеннахерима, обглодав все тетивы на луках, сделанные из жил и все кожаные ремни на щитах.

Перед их зубами ничего устоять не может. Они прогрызают толстые стены и пластмассовые бутылки, зажав их в угол. Яды, даже сильные, положение не спасают. Тысячи отравленных тварей устилают подполья, дорожки, места обитания и начинают разлагаться. Приходится отказываться от такого средства. Пусть уж лучше живые бегают.

В полевых условиях спасением от нашествия всепожирающей орды является только прадедовский метод — кошки. Феноменальный слух, умение видеть в темноте, бесшумная поступь, молниеносная реакция, острые зубы и беспощадные когти, делают кошачье сословие самым грозным врагом мерзких животных. За одну ночь кошка может уничтожить до двадцати грызунов.

Мы несколько раз наблюдали, как рано утром около одного из часовых, стоящего под грибочком у входа в палатку, на подстилочке сидел глазастый черный котяра и старательно умывался, доставая лапкой за ушами. У него был свой фронт, свои задачи в борьбе с вундертунным врагом.

* * *

Обычно название места, города, реки имеют некое и мистическое значение, и мы попытались разобрать слово Ханкала. И вот что получилось. В нашем доморощенном переводе. Если хан — это владетель, правитель, а кала, по-тюркски, город, как Нарткала, Каргала, то Ханкала — город хана. По другим источникам кал-кол — это овраг, расселина с водой, лощина, непригодное для жилья место. Оно и в самом деле, за пределами базы окрестности довольно скудные. Белесые безжизненные предгорья, ни дерева, ни кустарника.

А один из старожилов спецназа назвал Ханкалу гиблым местом. — «Пауки, тарантулы, а то и змеи. Летом в палатке дышать нечем +45°, откроешь окошко — комары, мошкара. Зимой, если мороз больше десяти, печки не спасают — холодно, а если дождит, то у нас прокапывает, палатки-то ветхие. Если оставишь что-нибудь съестное в РД (рюкзак десантника), то эта мерзкая тварь прогрызет его насквозь, вход и выход сделает. А РД две тысячи стоит, все ж за свой счет у контрактника.

Ну, здесь еще терпимо, а есть группы в горах, там ни газа, ни света, грязь по колено, дрова сырые. Иногда в Грозный на экскурсии возят. Там теперь райское место, жируют».

* * *

Кто-то скажет, это же спецназ. Они должны уметь выживать в любых, самых невыносимых условиях. В лютом холоде, голоде, сырости, постоянной опасности. Но любой выносливости есть предел, а если ко всему примешивается еще и унижение, то жизнь теряет смысл. В дедовщине — главное — лишение достоинства, унижение личности. У наших земляков мы этой заразы не обнаружили. Дай бог, чтоб у них ее и не было.

Как мы поняли, отряд СН — это не просто элита внутренних войск, это не те, кто охраняет генеральские и прочие штабы, технику, склады и живут более-менее в приличных условиях, а те, кого в предрассветных сумерках уносят вертолеты, в дальние, особо опасные точки, в горы, леса, уремы и порой не на один день. Те, кто выдвигается в нужный момент на бэтэрах, танках, «Уралах», чтобы найти, обезвредить, не допустить большую беду.

Бандиты — люди беспощадные, если их можно назвать людьми, живыми не сдаются. У них свои, грязные дела, своя тактика. Мины на растяжках теперь не в моде. Появилась новая гнусная выдумка — не до конца задвинутый шприц прячут на тропе, под листьями, наступишь — взрыв.

Вести поиск банд в горах зимой легче, чем летом. Деревья голые и с вертолета хорошо просматриваются тропы, следы, зимовки, а летом все скрыто под сплошной листвой.

Почти все спецназовцы, с кем мы общались, еще холостые парни, а сколько им пришлось повидать и пережить.

Однажды наши романтичные казачки попытались сфотографироваться с одним бравым офицером. Тот сдержанно улыбнулся и отошел в сторону: «Мне нельзя, да и вас не хочу подводить. За мою голову боевики назначили приличную сумму».

Мы так и не узнали, чем он так насолил головорезам, но все спецназовцы относились к нему с особым уважением.

* * *

Мужская половина нашего музыкального подразделения признавала воинскую дисциплину и никогда не нарушала субординацию. Своевольные же наши казачки, пользуясь правом слабого пола, легко могли одернуть любого служивого за некорректное слово, могли, невзирая на высокое звание, задать щекотливый вопрос офицеру и о скудности питания, и о неустроенности быта. А почему в столовой ни фруктов, ни салатов? И в ответ на наши укороты: «Да вы хоть знаете, с кем сейчас разговаривали?» Они невинно отвечали: «А мы в званиях не разбираемся. Что солдат, что генерал нам без разницы».

Прощай, Ханкала

Ранним утром, едва заалели макушки гор, на плацу уже стояли параллельно друг другу два отряда. Одни налегке, только с ножами на поясе, слегка грустноватые, наши знакомые, те, кто оставался и те, кого провожали — с тяжелыми РД, громоздкими сумками, с зачехленными автоматами за спиной, со знаменем, сдержанно радостные, взволнованные. После напутственных теплых слов отцов-командиров был исполнен обряд прощания: короткая общая боевая песня, несколько человек исполнили ритуальный особый спецназовский танец, прощальные братские объятия. Затем последовала команда: «По машинам!» Пересадка в бронепоезд и на Моздок.

Обратный путь уже не казался таким тревожным. И хотя у пулеметов на платформах все также дежурили стрелки и часовые с автоматами наизготовку, а БТРы по-прежнему маячили на перекрестках, но белый бронированный «УАЗик» с отверстиями для стрельбы уже не носился взад-вперед по пути следования бронепоезда.

Проехали станцию Джалка. На виду новенькая мечеть. Удивляет, где они столько кирпича берут. Недержанный, звонкий, только из печки.

Идет слух, что где-то в укромных дагестанских угорьях его производят русские. Рабы. Украденные или обманутые. Местная полиция наезживает, проверяет. Все в порядке. Документы у хозяина. Раб житухой «доволен». Работает «по найму», а вякни правду — пришьют. Все же заплачено.

На выезде еще одна молельня. Рядом остроконечный, как гвоздь, симпатичный минарет с золотистым конусом крыши. Под ней, на круговом балкончике, несколько динамиков с квадратными зевом. Это новшество переняли, видно, у европейцев. Теперь муэдзин мог спокойно, в комфортной обстановке, не вылезая на сквозняковую верхотуру, призывать правоверных на молитву по микрофону.

Такое удобство давно практикуется в католических храмах. Пономарь там сидит в теплом закутке и только нажимает на педали, а вверху брякает колокол. Правда и звон у них заклеистый, как палкой по чугунной доске.

И только православный звонарь, не убоясь жестокой простуды, в торжественном просторе, открытый всем ветрам, благовестит миру с верхнего яруса звонницы.

За Аргуном наши рельсы побежали почти рядом с великолепным четырехполосным автобаном. Он, на удивление, был пустынен, но вдруг, обгоняя нас, на бешеной скорости пронеслась целая кавалькада машин. Черный «джип», огромный, как боярский сундук. Следом три «дэпээски» с включенными мигалками, микроавтобус «мерседес» с черными стеклами и в хвосте опять машина полиции.

Перемещалась, вероятно, какая-то очень важная местная персона, воспользовавшись нашим охраняемым коридором. Передвижение по своей земле для них, видно, тоже небезопасно.

После станции Ищерской, еще чеченской, но уже не такой ухоженной, как на востоке — некрашенные газовые трубы вдоль дороги, ржавели прямо на земле — напряжение у наших сопровождающих спало. Они разрешили даже сфотографироваться у своего поношенного, слегка подкопченного пороховым дымом, пулемета. Наш атаман сразу же занял место у прицела.

Расстояние до Моздока, в двести верст, мы тащились почти весь день. Видно осторожность здесь не помешает.

В мирную Аланию прибыли уже на заходе солнца. Заслуженный наш командир, полковник К., выйдя из вагона бронепоезда, вздохнул облегченно и сказал в рифму: «Все!

В Моздок я больше не ездук!». Его ожидало повышение по службе и другое поле деятельности.

Как это обычно «принято» у военных, отъехали километра полтора от ожидающего нас поезда и оттуда с тяжелыми сумками, рюкзаками, оружием, баянами, по грязи, через пути и шпалы «выдвинулись» к своему составу и загрузились. Вскоре, несмотря на сумрачье, к нам подскочили местные торговцы: почтенный мужчина в барашковой кубанке на изъезженной «копейке» с кавказскими деликатесами и «подпольной» чачей и бедовая терская казачка на чисто вымытой «шестерке» со своими рукодельями. Мигом соорудила прилавок и скоро разложила вязаные свитера, кофточки, платья, красиво отороченные жилеты, носки, варежки. — «Изделия свои, прошу недорого», весело «гекала» она обступившим ее спецназовцам. И в самом деле, товар ее был не в пример китайскому, добротный и сравнительно дешевый.

Утром проснулись уже в Минеральных Водах, вдали от вокзала, среди вереницы отстаивающихся поездов, впереди был целый день гостеванья в курортном городе. Многие побежали закупать кавказские сувениры, подарки. Озябшие улицы враз стали зелеными от спецназовского камуфляжа и только три интеллигентного вида, уже другие овчарки чувствовали себя беззаботно. Они обнюхивали новую для себя почву, играли в свои спецназовские собачьи игры, натягивая длинные поводки, то припадая к земле, то делая внезапные прыжки, то становясь на задние лапы, обхватывали друг друга, как борцы и улыбались совсем по-человечески.

Судьбы контрактников

Обратная дорога уже не казалась такой неожиданной и долгой, но погода резко изменилась. В малолюдных сальских степях теперь царила настоящая зима. Обильный снег укрывал землю, лихой конницей гуляла поземка.

А служивые ехали домой. Не считая прапорщиков и некоторых офицеров, то были парни до двадцати пяти лет, многие неженаты. Кто-то отсыпался, впервые за много тревожных суток, кто, подпевая, слушал наши песни. Некоторым надо было высказаться, чтобы сбросить тяжкий груз запертой суровой жизни.

Так мы узнали судьбу нашего нового соседа сержанта А. из Башкирии. Контракт его истек, он ехал домой. Разговорились. Угостили его виноградом, и он рассказал о себе.

— В Башкирии, а особенно в селе, родственные связи очень крепкие. Помнят родичей до седьмого колена, ну а молодых, тем более. У меня в Афганистане и Чечне за последние тридцать лет погибло четыре двоюродных брата.

А в семье у нас семь сыновей, отец табунщиком работает, коней пасет. Жили всегда небогато, и я решил стать генералом. Учился хорошо, здоровье крепкое, да и за погибших братьев хотелось расквитаться. Первый раз поступал в военное училище после одиннадцатого класса, но обломилось, одного балла не добрал. После службы в армии снова подавал документы уже в Рязанское высшее воздушно-десантное, но там конкурс — сто человек на место. Пошел на контрактную службу в спецназ. Теперь командир отделения, на хорошем счету и после службы в горячей точке мне теперь легче поступить в училище, но какой смысл? Годы потеряны. После училища, я к концу службы, в лучшем случае до майора дослужусь, а я хотел быть только генералом.

— Ну, а дальше куда? — спрашиваем.

— Там видно будет. Я теперь ничего не боюсь.

Остановились у станции Котельниково, рядом Цимлянское «море», поэтому здесь огромная ярмарка рыбы: сушеная, вяленая, копченая — на любой вкус и размер. Тут же и вязанье со своим орнаментом, помпончиками, свое, не заморское.

Наши негромкие распевы незаметно растапливали солдатские сердца и они доверяли нам свои откровения.

Носитель крапового берета, кавалер нескольких медалей, гибкий как змея, с холерическим темпераментом, старший сержант Н., после нескольких прямых вопросов разоткровенничался сам.

— Служу уже не первый срок и дальше буду наниматься, втянулся, да и выгодно. После женитьбы несколько лет по квартирам с семьей мотался, надоело хуже горькой редьки, а теперь взял отличную трехкомнатную, с лоджией, а ипотеку со всеми процентами за меня государство платит, пока в спецназе служу. А так бы я за нее и до сорока лет не рассчитался.

На службе, правда, всякое бывает. Сидишь с автоматом где-нибудь на горушке, наблюдаешь. Кругом все цветет, запах такой, что в носу щекочет. Чинары шелестят, пичуги всякие чирикают, мураши ползают, овечки внизу пасутся. Никакой вроде войны и нет, слышно как комар зудит. Вдруг, ба-бах! Рядом взрыв. Стоны, крики, кровь. Кому-то ноги оторвало, кому-то голову пробило...

Я, когда домой приезжаю, уснуть не могу. Слышу где-то машина тормозами взвизгнет, и опять тишина. Лежишь как в гробу. Отвык от мирной житухи. Отпуск кое-как перекантуюсь и опять туда. Опасность, она как наркотик, притягивает. А нервы уже ни к черту. Платят не ахти, но кормить семью-то надо.

За разговорами и песнями подъехали к Самаре. Пока мы ездили, Волга встала. Уже в Саратове было морозно, а в Волгограде сухогрузы еще на юг откочевали. Здесь же настоящая зима. Собачки спецназовские в снегу купаются, ванны холодные принимают. На перроне проворные тетки и дядьки шоколадом фирменным торгуют, но цены кусаются.

А на пути уже был Бугуруслан, предполье Южного Урала.

Спецназ и поэзия

Насколько велика и неохватна Россия по-настоящему может понять только пеший или конный. Быстрая езда скрадывает величие пространства, лишает неоценимого удовольствия вращаться в его многоверстные дали, опьяняется настоящей волей, понять людей России, а они сплошь необычные, думающие и талантливые. В этом я лишний раз убедился, когда к нам в купе зашел спецназовец, подталкиваемый нашей вездесущей казачкой Верой.

Познакомились. Сержант Миша К. из Коркино. Худощавый, голубоглазый, на вид года тридцать два. В тоненькой потрепанной тетради стихи. Его стихи. Конечно, еще несовершеннолетние, лохматенькие, но острые, живые и, главное, написаны не по чужим рассказам, а по своим наблюдениям и переживаниям:

Вот уже три часа хлещет бой,
Раскалились стволы автоматов.
Вот упал мой земляк, вот — другой...
Всё уральские наши ребята.

Михаил опытный, закаленный спецназовец, имеет ранения, награды. Участвовал в штурме Грозного еще в 2000-м году. Там 16 августа, в Заводском районе погиб его друг и командир старший сержант Дмитрий Вертлюгин. С той поры у него появляются стихи и песни под гитару:

На mine взорван наш «Урал»,
Без командира мы остались...

Страшной метой на всю жизнь жизнь остались те дни в его сознании.

Полегла комендантская рота,
Стал могилой район Заводской —
Били гады из старого дота,
Пацанам обеспечив покой...

Пока неизвестно, продолжит ли свои поэтические опыты этот испытанный адом войны, мужественный человек, но сердце его не ожесточилось, не обуглилось. Он едет на побывку к жене, детям, родителям, к золотым своим березам, что выросли вместе с ним у родного дома. Он едет на родимый Урал.

Я по России заскучал,
Отчизне многоликой...

Видно, и в суровой жизни спецназа без целебного духа Поэзии не обойтись.

И подумалось, чего же не хватает нашему народу, человеку великой России, чтобы успокоить мятущееся сердце? Быть может, ему не хватает Великих дел?

«Встречный марш»

Последняя ночь нашей уникальной командировки была самой короткой.

В половине третьего сдали постели. Аккуратной стопочкой, в линейчку, по требованию придирчивых сержантов, сложили матрасы, одеяла, и ровно в 4 часа 30 минут наш поезд прибыл на первый путь. Раскрылись двери, наш баянист Миша первым вышагнул на челябинскую землю и вдруг в полусумраче, неожиданно, на полную мощь грянул «Встречный марш» многотрубного военного оркестра.

Прибывший из служебной командировки в Чеченскую республику 23-1 отряд специального назначения по борьбе с терроризмом и Троицкий народный казачий хор встречали торжественно, как встречают воинов, прибывших из далекого и опасного похода.

* * *

Еще в Чечне, на военной базе все наши казаки и казачки договорились меж собой: если кому-то из нас доведется побывать в Ханкале, то надо обязательно привезти нашим уральским спецназовцам саженцы троицких берез. С ними служить будет легче...

г. Троицк

Опыты

Кристина Янишкевич Смущенные стоят деревья

* * *

Вальсируя, летят снежинки —
Запорошили лесные тропинки,
Закрыли крыши домов...
И даже березки, осинки
Накрыли теперь серебринки —
Так наступил Покров.

* * *

Смущенные стоят деревья,
Ведь оголились вдруг они.
Согласно древнему поверью
Теперь зимы наступят дни.

И будет царство льда и снега,
И будет все бело кругом,
Готовить будем мы телегу,
А санкам дело мы найдем.

Не будем рады дням холодным,
Но с нетерпением будем ждать
Веселый праздник новогодний,
Чтобы подарки получать.

Родное село

Люблю, друзья, свое село,
Родное с детства мне оно.
Красиво и уютно в нем,
И для меня оно как дом.

Реки Зингейки здесь начало,
Течет тихонько до Урала,
А дальше, с Волгою не споря,
В Каспийское впадает море.

Натasha Андреева

Знакомые места

И вот я снова вижу знакомые места,
Где жизнь моя проходит, спокойна и про-
ста,
Где можно бегать по дорожкам,
Пригревшись в солнечных лучах,
На травке полежать немножко
И посмотреть на облака.
Где утром можно босиком
Да с нежным бодрим ветерком
По мокрой травке пробежаться
Его дыханьем наслаждаться.
Но если что случится, то Родину свою
Никогда я не отдам ни за что и никому!

Ирина Затева

Небо

Каким интересным небо бывает:
То веселит нас, то угрожает,
То облака на нем, словно овечки,
Кудрявые, пушистые колечки.
То будто волны девятого вала,
То сказочных сцен мы увидим немало.
Кто смотрит в небо, тот много мечтает —
Потом все мечты свои в жизнь воплощает!

Виктория Кошкина

Миф о том, как образовались Карталы

Давным — давно на месте Карталов была долина, вся-вся покрытая льдом.

Она была настолько холодная, что люди, которые по случайности на нее попадали, покрывались льдом. Поэтому там никто и не мог жить: ни животные, ни люди, ни растения. Со временем все забыли о ее существовании.

Однажды собрался один человек на охоту в лес, да заблудился. Не мог он пути домой найти. Шел он по лесу, блуждал долго-предолго. Вдруг на пути его предстала та самая долина. А дело было ночью. Ступил он на нее и резко покрывлся льдом.

Через несколько лет на Земле началось всемирное потепление, и солнышко так жарко стало припекать, что лед на долине начал таять с огромной скоростью. Растаяла долина — растаял и тот человек. И увидел он вокруг себя домики, дороги, растения. Вот только людей там не было. «Люди, наверное, хотели здесь обосноваться, но ушли из-за наступившего холода», — подумал человек. Решил он позвать своих односельчан. Пришел в свою деревню, рассказал все, что увидел и привел их в Тот город. Так в городе появились первые люди. Стали жители думать, как назвать свой городок. Но не долго им пришлось ломать головы, так как нашли они сохранившиеся записи, в которых было сказано, что место это называлось Карталами.

С тех пор Карталы никогда не покрываются льдом, потому что жители этого города имеют горячие и добрые сердца.

Мария Ларина

Два стихотворения

***

Проезжаю по пыльной дороге.
Вслед бегут мне леса и поля.
Необъятные степи я вижу —
Вот какая Отчизна моя!

Лес колышет верхушкой уныло.
Призадумался старый Урал.
И с какой-то неведомой силой
Край родимый к себе вдруг позвал.

Где бы я ни была, ни ходила,
Я всегда возвращаюсь домой.

Ты мой дом, дорогая Россия,
Ты хранящий в пути ангел мой!

Мой край родной

В поле пахнет сеном, пеночки поют.
Источники хрустальные родниками бьют.
Ромашка распускает венчик кружевной...
Это мой поселок, это край родной.

В изумрудных травах яркие цветы,
А в лесах прохладных — ягоды, грибы.
На лесной опушке рыжик под сосной...
Край ты мой любимый, край ты мой родной!

Чистенькие улочки, дачные домишки,
Во дворах играют девчонки и мальчишки.
На пригорке тихо дремлет домик мой.
Это мой поселок, это край родной.

Олег Полянич

И как народ уральский Бажову

Великий сказочник уральский
Уважал людей труда,
Писал о них сказанья, сказы,
Уральцев восхвалял всегда.

Любил Урал он всей душою,
Его богатства прославлял,
Его природой вдохновлялся
И смысл жизни познавал.

Данила-мастер, Кокованя,
Иванко и дед Слышко —
Их имена встречаем мы
В Бажова добрых книжках.

В них мы находим для себя
Свой жизненный проект,
Изумляет нас всегда
Уральский диалект.

Возвращаемся к корням —
Гордимся, что уральцы,
Не сломят дух наш никогда
Крутые иностранцы.

Бажова сказы нам нужны,
Как истины познание —
Они откроют нам, друзья,
Все тайны мирозданья!

Уральские самоцветы

Цветные минералы —
Уральский самоцвет,
Красивее оттенков
В природе просто нет.

Рубины, малахиты,
Агаты, изумруд,
Авантюрины, яшма,
И оникс, и корунд.

Халцедоны, хризолиты,
Родониты и орлец,
И хрусталь, и мрамор разный
Найти может удалец.

И эти самоцветы
Обработать сможем.
И как народ уральский
Друг другу мы поможем.

Каменный цветок

Сироткой рос мальчишечка —
Голубенькие глазки,
Голова кудрявая,
Цветок искал, как в сказке.

У мастера Прокопича
Он делу обучался.
Цветок из камня яркого
Никак не получался.

Попал Данила-мастер
В недра горы медной,
Мечту из камня вырезал —
Свой цветок заветный.

Той горы хозяйка
За труд благодарила:
Открыла тайну камня,
Свободу подарила.

Невестой Катериной
Была восхищена
И щедро наградила
Своих гостей она.

Елизавета Попович

Весна пришла

Всегда Россия хороша,
В любое время года,
Но раскрывается душа,
Когда цветет природа.

Весна пришла, все ждут тепла,
Как дети ждут подарков.
И забрала с собой зима
Морозы, лыжи, санки.

Как будто стало все добрей,
И груз плохих эмоций
Бежит от солнечных лучей,
Как грязный снег — от солнца!

А птичье пенье по утрам
Поможет просыпаться,
Напомнит пусть, что нужно нам
Почаще улыбаться!

Таня Симонова

Весна

Придет весна и расцветет,
Украсит зеленью деревья,
Тепло и радость принесет
И соловьев веселых пенье.
Цветы воскреснут на кустах,
Проталины согреют землю,
Капель на солнечных лучах
Ручьями напоет нам песню!

Елизавета Товтина

Неплюевская весна

По-весеннему солнышко светит,
Забираясь все выше и выше.
И сосульки длиннее указки
Появились на школьной крыше.

И мальчишки смотрят лукаво,
Стесняясь сказать открыто,
Что последняя дискотека
До конца дней не будет забыта.

И старательно лужи обходит,
Глядя под ноги, мой одноклассник.
И пусть знает, что он хороший,
Самый лучший, любимый мальчик!

Кристина Уржумцева А ещё любовью к людям Нет лучше края моего

Есть место на земле,
Где легко и мирно мне.
Я не скрою: это мой
Карталинский край родной.

И Джабык — селенье наше —
С каждым днем все чище, краше,
Потому что здесь живет
Замечательный народ.

Мне легко и просто тут,
И друзья на зов придут.
Новым людям здесь все рады,
За добро не ждут награды.

Здесь и солнце золотое,
Небо чисто-голубое,
Травы — яркий изумруд,
Глаз мой радуя, растут.

Где еще такое чудо?
Степи и леса повсюду,
Обойди хоть всю планету,
Лучше края больше нету.

* * *

Если спросят, чем живу я,
То отвечу, не тая:
Только верой и надеждой
В счастье завтрашнего дня.
А еще — любовью к людям,
Верностью своих друзей,
Красотой родного края,
Широтой родных полей.

Анастасия Янгельская

* * *

Люблю тебя, мой край родной,
Твои широкие просторы.
Здесь неба синь, хлеб золотой,
И степь, и реки, и озёра...

Люблю тебя, мой край родной,
Люблю за всё твоё богатство:
За газ, за нефть, за хлеб ржаной,
За дружбу, за стальное братство.

Люблю тебя, мой край родной,
Уральский край, Джабык мой милый,
И твой пейзаж, и твой покой,
И поезда гудок красивый!!

г. Карталы

Александр Сухин

Высший интеллект образованного общества — прорыв в XXI век

Здесь желательно обладать видением по трем большим вопросам:
Представлять полную обществоведческую науку.
Обладать полным научным мировоззрением.
Знать высшие принципы партийности философии и науки.

I. Что включает в себя полная обществоведческая наука?

Мало образованному человеку иметь среднее и высшее образование; мало в совершенстве знать отдельные науки: математику, физику, химию, теорию полёта, теорию двигателя, электротехнику, астрономию, географию и т. д.; мало хорошо владеть своей специальностью: учителя, врача, инженера, животновода, полевода, агронома, товароведа, строителя, руководителя, учёного, технолога, бухгалтера, экономиста, железнодорожника, машиностроителя, станочника, шофера, повара, атомщика и т. д. Чтобы быть образованным, сознательным и дисциплинированным членом общества, надо ещё в совершенстве владеть знаниями полной обществоведческой науки.

Полная обществоведческая наука включает в себя пять основных обществоведческих предметов: философию, социологию, политэкономия, социализм, историю, плюс формальную логику, эстетику, этику и интимно-нравственные основы общества.

Философию надо изучать не просто с позиции материализма и идеализма, а с позиции первенства законов философского материализма, иначе с позиции законов космоса и природы, которые представляют объективный материализм. А объективный материализм обеспечивает правильный метод понимания всех явлений природы и общества.

Социологию надо изучать не просто с позиции социальных, социалистических вопросов жизни общества, не с вопросов первенства размещения средств производства по земной поверхности, а с позиции первенства размещения трудящихся масс.

Социология — это наука об обществе, которая изучает методы размещения трудящихся масс. В абстрактных или в конкретных условиях.

Социализм надо изучать не просто с позиции общественно-экономической формации, а за всю историю развития человечества с позиции равноправного обществоведческого предмета, которым одинаково пользуются все как трудящиеся, так и правительства.

Социализм — это наука об обществе, которая изучает существенное содержание трудовых коллективов, способы их выживаемости и методы управления обществом.

Знания о социализме надо довести до полного научного мировоззрения.

Политэкономия надо изучать не просто с позиции рынка, который всегда был, есть и будет, но он не решает проблем гуманизма общества, а с позиции теории ненаучного и Научного Способа производства материальных благ, что и решает все проблемы.

Политэкономия — это наука об организации производства, о Научной организации труда людей, о научном планировании и о способах распределения материальных благ.

Историю надо изучать не просто с позиции исторических фактов, а с позиции высших принципов партийности философии и науки. Её легче изучать с наличием трёх Социальных систем в истории развития человечества.

Для чего надо составить новые учебники и начать воспитывать население

II. Что значит обладать полным научным мировоззрением?

Здесь надо в совершенстве знать Всеобщий социологический закон развития человечества. Что было до нас? Что есть при нас? Что будет после нас? Это есть «Великий Проект», над которым работали мыслители всех времен и всех народов. Вне этого Великого Проекта мыслей нет и не может быть.

Всеобщий социологический закон развития человечества содержит в себе: восемь общественно-экономических Формаций, три Социальные системы, две Суперсистемы и обозначение политической надстройки и экономического базиса. Переходные периоды между всеми социальными системами.

Политическая надстройка и экономический базис должны объединиться. В этом заключается весь смысл развития человечества и высший интеллект образованного общества. На смену капиталистической общественно-экономической формации приходит бюрократическая общественно-экономическая формация. Это есть государственный капитализм. Что правильно описывалось и описывается многими и многими мыслителями. Но марксисты ошибочно и поспешно назвали её социализмом и коммунизмом. Тем самым в обществе образовалась абракадабра.

Социализм — это полные знания об обществе, доведенные до полного научного мировоззрения.

Коммунизм — это светлое будущее всего человечества, когда в условиях бесгосударственных производственных отношениях будет существовать полное народовластие, процветающее общество, прочный мир и покой на земле.

А журналисты всё пишут и пишут, что рухнет социализм и коммунизм, а «рынок» оправдывают. Какие дилетанты. Чего не должно быть.

Таким образом, чтобы обладать Высшим интеллектом образованного общества, надо в совершенстве знать Всеобщий социологический закон развития человечества, плюс быть осведомленным в законах конкретных наук: математике, сопромате, Физике, химии, электротехнике, астрономии, в законах космоса и природы, диалектике, историческом материализме и т. д.

Вот это и есть полное научное мировоззрение.

Не обладая полным научным мировоззрением, марксисты совершили массу ошибок, привели общество в тупик, к абсурду. С ошибками невозможно осваивать космос. Так и общество с ошибками не может дальше правильно развиваться.

III. Определяем высшие принципы партийности философии и науки

1. Обществу необходимо признать объективный материализм.

Наукой наук является философия. Но как сказал Л. Толстой: «Надо строго различать, что надо изучать и что не надо изучать». В философии возникли некоторые неточные и ненужные категории.

Например, нет смысла делить людей на материалистов и идеалистов. Любая мысль материальна. Так уже все и признают. Значит идеализм — это тоже материализм. Практика показывает, что надо признать законы космоса и природы. И теперь делить идеи на две категории. Что отвечает законам космоса и природы — это есть объективный материализм. Что не отвечает — это есть субъективный материализм.

Например, Птолемей сказал, что Земля плоская и держится на трех китах. Это есть субъективный материализм. Коперник сказал и доказал, что Земля круглая и вращается вокруг Солнца, это есть объективный материализм.

Это всё что касается космоса. Что касается общества, то тоже самое.

2. Каждого человека обслуживают два гектара земли.

Общество просто обязано признать все законы развития природы, человеческого общества и мышления. Всем этим законам следовать. Если общественные установления отвечают им, то это тоже есть объективный материализм. Если не отвечают — это есть субъективизм и волюнтаризм.

Где тут мерило? А очень просто.

Если животный мир использует готовые плоды природы и за счёт этого обеспечивает себе выживаемость. То человек растительный мир, животных и плоды природы перерабатывает, и этот результат труда обеспечивает ему выживаемость.

Для выживаемости одного человека определенное количество растительного мира и плодов его, животного мира и кормов для него — всё произрастает на земле. Значит здесь необходимо определённое количество земли. Отбросим многочисленные подсчеты, а прямо скажем: выживаемость человеку обеспечивают два гектара земли. Это проверено, подсчитано многими людьми и может каждый проверить.

Через растительный мир, который произрастает на двух гектарах земли, законы космоса и природы обеспечивают человеку выживаемость.

Значит люди должны жить за счёт своей земли и растительного мира. Это и есть объективный материализм в обществе.

Вот это мерило, так нам никто и нигде не написал.

Там где есть конкретное данное соответствие между землёй и людьми — это есть объективное явление, значит это есть объективный материализм. В обществе здесь есть мир и покой. А там где нет этого конкретного соответствия, сотни миллионов людей даже не знают где их два гектара земли, а вынуждены жить незаконно за счёт денег, это и есть субъективизм и волюнтаризм в обществе. Тут есть войны и социальные конфликты. А из-за этого и все отношения в обществе представляют сплошной субъективизм и волюнтаризм.

3. Обществу необходимы конкретные Универсальные предприятия.

Человек в одиночестве на своих двух гектарах земли выжить не сможет. Нужно ещё одно условие — коллективизм. Здесь необходима объективная списочная численность трудового коллектива.

Она исходит из саморазвивающегося, самоуправляемого, саморегулируемого, жизнедеятельного трудового коллектива, способного обслужить комплекс промыслов, услуг, цехов и средств производства, иначе обслужить высокомодернизированное коллективное хозяйство, который находится на полном хозрасчёте. Иначе нет жизнедеятельного социального объекта.

Сюда входит создание собственной продовольственной программы, специализации и кооперации с соседями и один крупный цех базового производства. Данный трудовой коллектив, исходя из законов социологии, как организм человека, должен представлять полную анатомию, а исходя из наличия средств производства, сумму мира всего. Здесь произойдет соединение земледелия с промышленностью, а быта людей с производством.

Данный трудовой коллектив, где все будут участвовать как в физическом, так и в умственном труде и исходя из полной коллективной жизни, будет называться Коммуной нового поколения, а его участники равноправными коммунарами. А исходя из наличия крупных средств производства — Универсальным предприятием.

Так вот, чтобы данный трудовой коллектив смог составить полную анатомию, смог обслужить сумму мира всего, он должен быть крупномасштабным, но не очень. Исходя из всех подсчетов, вместе с детьми и престарелыми, он определяется в размерах где-то в пределах 2—3 тысяч человек. А для размещения всех средств производства, животных, промыслов и жилья, в качестве дворца-термоса, наделяется коллективным поместьем в размере 60 кв. км земли.

Вот это тоже, так никто и нигде не сказал.

Теперь здесь через общее собрание возникает народовластие.

Кроме того, это необходимо для Формирования условий целостного восприятия человеком окружающего его мира и адекватного проектирования среды обитания, в качестве санатория-сада, и условий устойчивого развития качества жизни, в качестве народного гумуса, в гармонии, общества с природой. Чтобы всё соответствовало: человек — человеку, человек — Обществу, Общество — Природе, Природа — Обществу, Человечество — Ноосфере. В её полном проявлении. Это есть объективный материализм.

Общество пока создаёт свои материальные блага через узкоспециализированные предприятия, а управляется государством — это есть сплошной субъективизм и волюнтаризм.

Но когда будет создавать свои материальные блага через универсальные предприятия, а управляться через народовластие, то всё это будет отвечать объективному материализму.

4. Людям необходим прочный, безопасный и удобный Дворец-термос.

Ф. Энгельс в своё время отметил: «Цивилизация оставила нам, конечно, в лице крупных городов наследие, избавиться от которого будет, стоить много времени и усилий. Но они должны быть устранены — и будут устранены, хотя бы это был очень продолжительный процесс».

Хорошо и правильно сказал Ф. Энгельс ещё 120 лет тому назад. Всё это время города продолжали строиться. Какой произвол и убыток. Почему?

Ф. Энгельс не сказал нам, что надо строить вместо городов.

Согласно всем социально-экономическим требованиям, выживаемости, безопасности, удобствам жизни людей, социальной формуле: одинаково для всех, гармонии общества с природой и в полном проявлении Ноосферы человечеству необходимы повсеместные Универсальные предприятия с коллективными поместьями и со своими дворцами-термосами.

Прочный, просторный, безопасный дворец-термос обеспечивает людям все 100 % удобств в жизни, социальную справедливость, экономию материальных благ, но самое

главное Физическую защиту личности от всех стихийных бедствии природы, в том числе от землетрясений, жары и холода. А вместе со всеми социально-экономическими удобствами коллективные поместья обеспечивают всем лицам социальную защиту, здоровый, зажиточный, культурный образ жизни и долголетие до 200 лет и больше.

Города — это сплошной субъективизм и волюнтаризм истории и руководства, не отвечают никаким удобствам жизни людей, гармонии общества с природой и полным проявлениям Ноосферы. Поэтому их надо немедленно прекратить строить.

Дворец-термос — это, в коллективной жизни людей, проявление законов космоса и природы. Они отвечают объективному материализму и должны строиться повсеместно, но только в условиях коллективных поместий.

Так возникнет новый облик земли.

5. Обществу необходимо народовластие.

Производственные отношения общества могут быть государственными и негосударственными. Ничего тут особенного нет.

Здесь опять хорошо высказался Ф. Энгельс: «Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит вето государственную машину туда, где ей будет настоящее место: в музей древности, рядом с прялкой и с бронзовым топором».

Тоже только толком не сказано нам, при каких условиях отмирает государство.

А выход один, человечеству необходимы универсальные предприятия с коллективными поместьями, со своими дворцами-термосами, с народовластием, твердым хозрасчётом и народным гумусом.

Раз пока нет Универсальных предприятий, то все лица вынуждены исполнять свои обязанности через должность, титул, звание и оклад. Это есть государственные производственные отношения полные субъективизма и волюнтаризма. Здесь нет народовластия.

Государственные производственные отношения полны противоречий, они негативны и не поддаются гуманитарной реформе, они стареют. Но их всё пытаются латать. Абсурдно перестраивать мир, обреченный на отмирание.

При Универсальных предприятиях все лица будут осуществлять свою трудовую деятельность через Научную организацию труда. Независимо от умственной и физической деятельности и возраста всем необходимым все будут обеспечиваться через общественную систему личного удовлетворения, т. е. через услуги дворца-термоса, промыслы, столовые, буфеты, офисы, спортзалы и т. д. — всё за счёт доходов своего коллективного поместья. Ни должности, ни звания, ни оклады, ни деньги здесь не нужны. Пенсионеров и бюджетников не будет, так как все будут числиться при Универсальных предприятиях, тут будут жить, трудиться и снабжаться.

Следовательно, государство не отменяется, оно естественным образом отмирает.

Но централизация в обществе не отменяется, только за место централизованных органов государства, через Универсальные предприятия, возникают централизованные органы полной пирамиды теории Научного Способа производства материальных благ, которые будут исполнять свои обязанности на общественных началах, жить и обеспечиваться будут в своих коммунах.

При универсальных предприятиях местного масштаба и при Научном Способе производства материальных благ мирового масштаба возникает полное народовластие.

Народовластие отвечает всем законам развития природы, человеческого общества и мышления, следовательно, и объективному материализму.

Народовластие — это есть добровольное, самоуправляемое, саморегулируемое безгосударственное существование общества.

6. Обществу необходим переходный период.

Всем ходом общественного развития все придут к выводу, что государственные производственные отношения негативны, а негосударственные — позитивны. Следовательно, одни надо заменить на другие, и ещё вывод, что этот процесс должно осуществить само государство под руководством президента.

В. И. Вернадский писал правильно: «Сознательно, как проявление естественного процесса, создание Ноосферы в её полном проявлении будет осуществлено: рано ли поздно ли, оно станет целью государственной политики и социального строя».

Правда, он думал о Ноосфере. Думал правильно, только ещё не мог догадаться, что Ноосферу в полном проявлении обеспечат безгосударственные производственные отношения, полного народовластия.

Теперь мы знаем, что узкоспециализированные предприятия необходимо преобразовать в конкретные проекты Универсальных предприятий с коллективными поместьями и со дворцами-термосами. Плюс с придатком сельскохозяйственного или промышленного базового производства.

В этом процессе должен участвовать весь народ. Само государство и президент первоначально, через диалог, должны организовать воспитание населения. Затем обеспечить процесс Законодательной власти большинства народа и Коллективов неординарных достоинств, в качестве первой стадии народовластия.

Всё, процесс пойдёт по принципу саморегулирования и саморазвития.

Так государство отомрет, а полное народовластие возникнет.

7. Без объяснения перечисляю, что ещё относится к высшим принципам партийности Философии и науки.

Конкретная социальная система будущего общества или Вторая эпоха.

Научный Способ производства материальных благ.

Научная организация труда в масштабе Универсального предприятия.

Научное планирование в условиях полного народовластия.

Институт общенародной собственности на землю.

Институт общественной собственности на крупные средства производства

Институт коллективной собственности на землю, малые цеха, мелкие средства производства и результат труда.

Институт всеобщего планирования и экономического стимулирования по крупным географическим регионам.

Институт интимно-нравственных отношений общества.

Муниципальные округа по совместному сотрудничеству 3-х форм собственности: частной, государственной и общественной.

Общественная система удовлетворения личных потребностей.

Законодательная власть большинства народа.

Коллективы неординарных достоинств.

Централизованные органы общества по принципу формирования снизу — вверх.

Создание Всемирного демократического Правительства.

Образование Всемирного Верховного Совета Народов Мира.

Формирование единой миротворческой армии мира.

Над всеми этими вопросами я очень долго работал, написал ряд книг, брошюр и сотни статей, где всё подробно и объясняю. В 1999 году у меня Госархив Челябинской области принял на постоянное хранение 15 папок теории.

Необходимо всем понимать значение науки. Наука — итог, совокупность знаний о природе, обществе, накопленных в ходе общественно-исторической жизни. Но самое главное, кроме общеизвестной науки, высший интеллект образованного общества должен представлять полную обществоведческую науку и полное научное мировоззрение.

Наука открывает людям видение перспективы, обеспечивает озарение, правильное понимание вопросов действия и даёт азарт к большой активности. Без полной обществоведческой науки ещё не было правильного общественного мнения, не было правильного видения будущего.

Теперь оно есть. Теперь у нас всё получится.

Победа будет за светом, за наукой, порядком в мире и за народовластием.

Желаю всем успеха.

г. Челябинск

Владимир Черноземцев и уже с ним Корабли вышли из берегов,

или извлечения из архивов идейного отца репунсизма и его сподвижников

фрагмент

Розница

продолжение

175

Графоман № 2(10)-2012

Растет мой край.

Урал стал выпускать автомобили и другие потребности.

Это он, учитель, слышит, как бьются все сорок сердец в груди малыша.

Все люди нашей страны имеют почетные грамоты.

Люди в дальних странах умирали от засухи, но врачи раскрывали трупы и делали все на мертвых. А в настоящее время они делают на сердце.

Солдаты были оборваны до лохмотьев.

Только общий паралич создает великих людей. Я непоколебим духом, как камень.

У лиц, работающих на мелких производствах, возникает близорукость.

Человек наказан страданиями за то, что империалисты, как звери, ввергают человечество в кровавые катастрофы.

Просмотрев выставку, можно сделать вывод, что таланты юных художников расширились.

Этот класс такой деятельный, что ему некогда даже любить.

Современным писателям приходится реставрировать Ленина.

Кандидат явился на избирательный участок с лицом, доверенным ему людьми на собрании.

Под бомбежками в Ленинграде умирали женщины, дети и другие памятники архитектуры.

Люди нашего поколения увлекаются искусством, поэзией и другими мероприятиями.

Это была начинающая любовь.

Чтоб всегда была удача, не люби сразу двоих.

К нам из деревни долетали разные слухи: то пел петух, то мычали коровы.

Девушкам приходилось выходить замуж насильно.

И сейчас мы встречаем людей, похожих на реалистов и на людей реакционного содержания.

Отчетно-выборное собрание — это значительный этап в жизни каждого человека.

Изваяние было вылеплено искусственной рукой художника,

Несмотря на слепоту, он каждый день продолжал жить.

Сидя у себя дома, у него возникла мысль.

Вместе с народом Ленин не пил и не ел.

Освободительное движение 60-х гг. переметнулось на семью.

— Зачем тебя вызывали к доске?

— Получать.

Положение было пошатывающимся.

Какие виды крахмала ты знаешь? Кисель...

Шахтеры все умные люди, потому что их показывают по телевизору (из разговора в трамвае).

Красноармейцы были все разные люди, некоторые могли, например, убить свою любимую.

Интеллигенция — это хорошо одетые люди.

В это время начал жениться барин.

Хозрасчет — это самоокупация.

Мне больше всего нравится в революционере то, что он часто меняет фамилии.

Учитель начинает ходить по партам и проверять ошибки.

Для усиления экономики нужно стремиться к тому, чтобы было меньше браков.

Я хочу работать с живыми сердцами детей, хочу полюбить их и никогда не оставлять.

Чтобы бороться с вредителями сельского хозяйства, надо голову мыть с мылом и ДДТ.

Чтобы избежать гидролиза жиров, надо опустить их в пищевод.

Через образы героев автор выражает свое мужество и храбрость.

У каждого человека по-своему начинается Родина.

Учительница раскрыла перед моим изумительным взором мир.

Подобно тому, как строитель кирпич к кирпичу складывает дом, учитель из кирпичиков создает человека.

Молодое поколение пойдет на белые, неизведанные пятна карты.

Из телепередачи: «Жители выходят из этой группы домов и общаются».

Я, Дубровин, больше не буду бить стекла, вырывать из дневника листы, не буду помогать ворами и не буду пропускать уроков.

«Ты всеильна! Ты, может, одна-единственная, ради которой хочется жить, дробить камни, вздымать тяжести».

«А я совсем не та! — подумала Галина, — и причиной этому дочь. Своим рождением она как бы вздернула меня под узды, приподняла, задала свежий импульс».

Показатель развития: число врачебных учреждений, оказывающих актуально-политическую помощь населению.

Матерное молоко.

Колбасные останки.

Смерть в нашем возрасте имеет огромное значение.

Рядом с такой антенной (высокой девушкой) ни одни брюки не решатся проявить в себе мужчину.

Она втолкнулась прямо в середину мужчины.

Мышцы управляли телом, а потому считались главной его частью.

Он кивнул ему бровью.

Имея медицинское образование, она идет от кроватки к кроватке, неся добрую улыбку, а то и просто материнские жесты.

Иной раз может подняться гам, который сродни только школьной перемене.

Я открываю тетрадку, написанную разными почерками, чернилами и датами.

Грех не купить собаку, когда дадут медаль.

Ко мне навстречу вышла девушка с золотыми руками.

Жизнь этой женщины пошла под уклон, начавшись с чистой смены места работы, злоупотребления спиртными напитками, неоднократной потери годовалого ребенка на улице в пьяном состоянии.

По улице шли автомобили, груженные металлом, лозунгами и плакатами.

Большую привлекательность человеку придает общая культура — общительность, мечтательность и аккуратность.

Тут можно наблюдать и отталкивание напирających сзади и огрызание соседа.

Они встретились у двери. Одна — с ножом, другая — с любовью.

Срок метелей и прочих аварий.

У главного инженера было совещание с моим докладом.

Я оделся потеплее, только остались ноги.

У меня наступило «И все!»

Я начал двигаться левой стороной.

Еще будет.

г. Челябинск

Новые книги

Виктор РУЖИН. Тропа в никуда. Книга рассказов. Челябинск : Изд-во группы ОЛК «Светунец», 2012.

Третий сборник рассказов копейского прозаика, члена областного литературного клуба «Светунец». В этой книге, как и в предыдущих, со всех страниц кричит боль автора за родного для него Человека растерзанного бездушной бюрократической машиной.

Борис МИРОНОВ. Война была ещё вчера. Челябинск : Цицеро, 2012.

Автобиографическая книга — путешествие в теперь уже далёкое прошлое города Мисса.

Николай ГРИГОРЬЕВ. Живём не тужим. Роман. Челябинский Дом печати, 2012.

Писатель задаётся актуальными русскими вопросами: почему мы так живём? Почему были репрессии? Почему люди голодали? И т. д. Н. Григорьев пытается найти ответ на примере судьбы одного колхоза, у героев которого есть реальные прототипы.

Павел ХРИПКО. Своими глазами. Рассказы, очерки, стихи. Еманжелинский Дом печати, 2012.

В сборнике автор пытается привлечь внимание читателей к самому сокровенному: любви к Отечеству, своим близким, своей земле...

Николай РЫБАК. Гороваха. Воспоминания. Челябинск, 2012.

Книга воспоминаний о прожитых годах белорусского мальчика, о драматических моментах истории Советского Союза.

Олег ПАВЛОВ. Дом в Оболонске или Поэма о чёрной смородине. Поэтическое повествование. Челябинск, 2012.

Герой повествования — столичный поэт, волею судьбы вдруг оказавшийся в провинциальном городе.

Галина ФЁДОРОВА-КОСАРЕВА. Долгое эхо. Рассказы. Челябинск, 2012.

Рассказы писательницы созданы в разные годы её жизни. В текстах книги заключён опыт автора, вместе со всей страной мучительно преодолевающего трудный период смены общественного строя и духовных ценностей.

Вячеслав ТЮНЬКИН. Поле чудес. Книга стихов. Челябинск : Цицеро, 2012.

В книге представлены стихи известного поэта из г. Коркино.

Татьяна АВЕРКИНА. Акварели. Стихи. Челябинск, 2012.

Новый поэтический сборник участницы литературного объединения «Элегия» при районной газете «Новая жизнь» г. Еманжелинска.

Алексей МЕШИН. Основы туристской деятельности. Челябинск, 2012.

Александр СУХИН. Доклад человечеству. Челябинск : Полиграф-Мастер, 2012.

Графоман № 2(10)/2012
Литературный альманах
Редактор *Н. И. Година*

Корректор *Е. С. Меньшенина*
Верстка *В. Б. Феркель*

Подписано в печать 25.05.12 г. Гарнитура «Палатино Линотайп». Бумага «Гознак».
Печать офсетная. Формат 70×100/16. Объем 14,3 усл. печ. л.

Заказ № 65.

Тираж 135 экз.

Цена договорная.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Издательско-полиграфическое предприятие
«Фотохудожник»»
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155-1.